

СТИВЕН

ТЕМНАЯ
ПОЛОВИНА

СТИВЕН
КИНГ

**СТИВЕН
КИНГ**

**ТЕМНАЯ
ПОЛОВИНА**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44
К41

Stephen King
THE DARK HALF

Перевод с английского Т.Ю. Покидаевой

Фото автора на обложке: Shane Leonard.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Темная половина : [роман] / Стивен Кинг ; [пер.
с англ. Т. Ю. Покидаевой]. — Москва : Издательство АСТ,
2019. — 544 с.

ISBN 978-5-113951-3 (С.: Король на все времена)
Художник В. Лебедева

ISBN 978-5-17-085530-8 (С.: Темная башня)
Компьютерный дизайн А.И. Смирнова

Известный писатель Тэд Бомонт выпустил несколько книг под псевдонимом Джордж Старк. А затем — «похоронил» свой псевдоним: на местном кладбище даже появилась могила Старка. Но случилось так, что Старк воскрес, и жизнь Тэда Бомонта превратилась в нескончаемый кошмар...

Читайте мистический роман Стивена Кинга «Темная половина»!

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Stephen King, 1989
© Перевод. Т. Ю. Покидаева, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

*Эта книга посвящается
Шерли Зондерегер,
которая помогает мне
заниматься моим делом,
а также ее мужу Питеру.*

Примечание автора

Я очень признателен покойному Ричарду Бахману за помощь и вдохновение. Без него я бы не написал этот роман.

С. К.

ПРОЛОГ

— Режь его, — сказал Машина. — Режь, а я посмотрю. Хочу увидеть, как льется кровь. Не заставляй меня повторять дважды.

Джордж Старк. Путь Машины

Жизнь человека — его настоящая жизнь, а не просто физическое существование — начинается в разное время. Настоящая жизнь Тэда Бомонта, мальчишки, который родился и вырос в Риджуэйской части Бергенфилда, штат Нью-Джерси, началась в 1960-м. В том году с Тэдом произошли два события. Первое определило всю его жизнь; второе едва ее не оборвало. Тогда Тэду Бомонту было одиннадцать лет.

В январе он написал короткий рассказ и отправил его на конкурс начинающих писателей, организованный при поддержке журнала «Американский тинейджер». В июне пришло письмо от редакции журнала. В нем говорилось, что за участие в конкурсе Тэд получает поощрительную грамоту в номинации «Художественная проза». Также там было сказано, что жюри присудило бы ему полноценное второе место, если бы в сопроводительной записке к рассказу он не указал свой возраст — до настоящего «американского тинейджера» ему не хватало еще двух лет. Тем не менее, писали редакторы, его рассказ «У дома Марти» оказался на удивление зрелой работой, с чем его и поздравляли.

Сама грамота пришла через две недели. Ее прислали заказным письмом. Имя Тэда было вписано в грамоту столь витиеватыми готическими буквами, что он едва смог их разобрать. Внизу стояла золотая тисненная печать с логотипом «Американского тинейджера»: силуэ-

ты двух танцующих подростков — мальчика с короткой стрижкой и девочки с длинным хвостом.

Мама крепко обняла Тэда — тихого, серьезного мальчика, который всегда был чуть-чуть не от мира сего и часто путался в собственных ногах, — и осыпала его поцелуями.

Отец совершенно не впечатлился.

— Если он так хорош, чего ж ему не дали денег? — пробурчал он из глубины своего мягкого кресла.

— Глен...

— Ладно, проехали. Может, наш Эрнест Хемингуэй сгоняет отцу за пивом, когда ты прекратишь его тискать?

Мать ничего не сказала... но сходила в багетную мастерскую, заказала рамки для письма и для грамоты, заплатив за них из своих денег «на булавки», повесила их над кроватью в комнате Тэда и показывала всем и каждому, кто приходил к ним в гости. Тэд когда-нибудь станет великим писателем, говорила она. Она всегда знала, что Тэд рожден для великих дел, и вот оно — первое доказательство. Тэда все это смущало, но он очень любил свою маму и поэтому ничего ей не говорил.

Но смущение смущением, а в одном мама все-таки была права. Тэд не знал, сможет ли он стать *великим* писателем, но *каким-то* писателем он обязательно станет. Кровь из носу, но станет. Почему бы и нет? У него хорошо получается. И самое главное, ему это нравится. Когда приходят нужные слова, это действительно кайф. И они не смогут вечно отказывать ему в деньгах. Ему же не всегда будет одиннадцать.

Второе важное событие, произошедшее с ним в 1960-м, началось в августе. Именно в августе его стали мучить головные боли. Сперва они были не слишком сильными, но к началу учебного года слабое, ноющее ощущение в висках и в середине лба превратилось в чудовищные марафоны агонии, во время которых Тэд мог толь-

ко лежать в комнате с зашторенными окнами и ждать смерти. К концу сентября он уже думал о том, что *хочет* умереть. А к середине октября боль дошла до той точки, когда ты всерьез начинаешь бояться, что не умрешь.

Приступы этой кошмарной головной боли обычно сопровождались фантомными звуками, которые слышал лишь он один. Звуки напоминали отдаленное чириканье тысячи маленьких птичек. Иногда ему казалось, что он почти видит их, этих птиц — скорее всего воробьев, — целую стаю, рассевающуюся на телефонных проводах и крышах, как это бывает весной и осенью.

Мать повела его к доктору Стюарту.

Доктор Стюарт внимательно изучил его глаза через офтальмоскоп и покачал головой. Потом плотнее задернул шторы, выключил верхний свет и велел Тэду зафиксировать взгляд на белом участке стены. Пока мальчик смотрел, доктор светил на стену карманным фонариком, быстро шелкая кнопкой, так что яркий круг света то вспыхивал, то гас.

— Есть какие-нибудь неприятные ощущения, сынок?
Тэд покачал головой.

— Не чувствуешь слабости? Как будто сейчас поте-
ряешь сознание?

Тэд опять покачал головой.

— Не чувствуешь никаких запахов? Как от гнилых
фруктов или жженого тряпья?

— Нет.

— А как насчет твоих птиц? Ты их не слышал, когда
смотрел на мигающий свет?

— Нет, — ответил обескураженный Тэд.

— Это все нервы, — сказал отец, когда Тэда выдво-
рили из кабинета в приемную. — Этот ребенок, черт по-
бери, просто живой комок нервов.

— Думаю, это мигрень, — вмешался доктор Стю-
арт. — В таком возрасте случай достаточно редкий, но

не сказать, чтобы совсем небывалый. И мальчик, похоже, весьма... впечатлительный.

— Да, он такой, — подтвердила Шейла Бомонт не без некоторого одобрения.

— Возможно, со временем мы назначим ему курс лечения. А пока что, боюсь, ему надо просто перетерпеть.

— Да, и нам вместе с ним, — сказал Глен Бомонт.

Но это были не нервы, это была не мигрень, и это был далеко не конец.

За четыре дня до Хэллоуина Шейла Бомонт услышала, как один из ребят, вместе с которыми Тэд по утрам дожидался школьного автобуса, завопил во весь голос. Она выглянула в окно кухни и увидела сына, бьющегося в конвульсиях на земле. Рядом лежала коробка для завтраков, из которой вывалились сандвичи и фрукты. Шейла выбежала из дома, разогнала испуганных детишек и беспомощно застыла над сыном, боясь к нему прикоснуться.

Если бы большой желтый автобус с мистером Ридом за рулем подъехал чуть позже, Тэд мог бы умереть прямо там, на подъездной дорожке к собственному дому. Но мистер Рид служил в Корее медбратом. Ему удалось откинуть голову мальчика назад и освободить дыхательные пути, прежде чем Тэд задохнулся, подавившись собственным языком. На «Скорой» его отвезли в Бергенфилдскую окружную больницу, где по счастливой случайности в тот день дежурил доктор Хью Притчард, который сидел в приемном отделении, пил кофе и болтал с приятелем, хвастаясь своими мифическими достижениями в гольфе. А доктор Хью Притчард был лучшим неврологом во всем Нью-Джерси.

Он сразу отправил мальчика на рентген и тщательно изучил снимок. Показал его Бомонтам, обратив особое внимание на расплывчатое затемнение, которое обвел желтым восковым карандашом.

— Вот, — сказал он. — Это что?

— А мы, можно подумать, знаем, — проворчал Глен Бомонт. — Это вы у нас доктор, черт возьми.

— Верно, — сухо отозвался Притчард.

— Жена говорит, у него вроде как был припадок, — добавил Глен.

— Если, — начал доктор Притчард, — вы имеете в виду судорожный припадок, то да. Если же *эпилептический* припадок, то я уверен, что нет. Такой серьезный припадок, как у вашего сына, означал бы, вне всяких сомнений, крайне тяжелый случай эпилепсии, а Тэд не проявил никакой реакции на световой тест Литтона. На самом деле, если бы Тэд страдал эпилепсией в тяжелой форме, вы бы знали об этом и без врачей. Он бы бился в конвульсиях всякий раз, когда в телевизоре подрагивает картинка.

— Тогда что это? — робко спросила Шейла.

Притчард повернулся обратно к снимку на негатоскопе.

— Что *это*? — проговорил он с нажимом и вновь постучал пальцем по области, обведенной желтым кружком. — Внезапные приступы головных болей вкупе с ранее не наблюдавшимися судорожными припадками дают основание предположить, что у вашего сына опухоль мозга. Вероятно, еще небольшая и, будем надеяться, доброкачественная.

Глен Бомонт уставился на врача с каменным лицом, а его жена заплакала в носовой платок. Она плакала без единого звука. За годы супружества она в совершенстве овладела искусством беззвучного плача. Кулаки Глена били стремительно, очень больно и почти никогда не оставляли следов, так что после двенадцати лет молчаливых страданий она, наверное, и не смогла бы разрыдаться в голос, даже если бы захотела.

— Так вы, значит, будете резать ему мозги? — спросил Глен с присущими ему тактом и деликатностью.

— Я бы не стал называть это так, мистер Бомонт, но да, я считаю, что в данном случае требуется диагностическая операция, — ответил Притчард и подумал: *Если Бог все-таки существует, и если Он в самом деле создал нас по Своему образу и подобию, то мне даже не хочется думать о том, почему, черт возьми, в мире так много уродов вроде вот этого Бомонта и почему от этих уродов зависят судьбы столько людей.*

Глен молчал несколько секунд, глядя в пол и задумчиво хмурясь. Наконец он поднял голову и задал вопрос, который беспокоил его больше всего:

— Скажите, док, только честно... во сколько оно обойдется?

Медсестра увидела это первой.

Ее пронзительный вопль разорвал тишину операционной, где последние пятнадцать минут звучали лишь тихие распоряжения доктора Притчарда, глухое шипение аппаратуры жизнеобеспечения и, время от времени, резкий визг хирургической пилы.

Медсестра отшатнулась, налетела на каталку, где были аккуратно разложены все инструменты, и перевернула ее. Каталка рухнула на кафельный пол с гулким грохотом, за которым последовал звон падающих инструментов.

— Хилари! — крикнула старшая сестра. Она так возмутилась, что, забыв обо всем, сделала шаг в сторону убегавшей медсестры в развевавшемся зеленом халате.

Доктор Альбертсон, ассистировавший на операции, легонько пнул старшую сестру по ноге.

— Не забывайте, пожалуйста, где вы находитесь.

— Да, доктор. — Она опять повернулась к столу и даже не взглянула на дверь операционной, когда та с грохотом распахнулась, и Хилари вылетела в коридор, продолжая вопить, словно пожарная сирена.

— Инструменты — в стерилизатор, — сказал доктор Альбертсон. — Быстро.

— Да, доктор.

Она принялась собирать инструменты, тяжело дыша, явно в смятении, но держа себя в руках.

Доктор Притчард, похоже, вообще ничего не заметил. Он сосредоточенно всматривался в окошко, вырезанное в черепе Тэда Бомонта.

— Невероятно, — пробормотал он. — Просто невероятно. О таком только в книгах писать. Если бы я не видел своими глазами...

Шипение стерилизатора вернуло его к действительности. Он как будто очнулся и повернулся к доктору Альбертсону.

— Надо откачать кровь, — резко проговорил он и взглянул на сестру. — Ну и что вы там застряли? Кроссворд, что ли, решаете? Давайте сюда инструменты!

Она подошла, неся инструменты в новой кювете.

— Начинайте откачивать, Лестер, — приказал Притчард Альбертсону. — Прямо сейчас. А потом я покажу вам такое, чего вы нигде не увидите. Разве только на ярмарочном шоу уродов.

Альбертсон подкатил к столу откачивающий насос, едва не задев старшую сестру, которая отскочила назад, но инструменты все-таки удержала.

Притчард повернулся к анестезиологу:

— Следим за давлением, дружище. Ваша задача — держать давление.

— У него сто пять на шестьдесят восемь, доктор. Как у космонавта.

— Хорошо. Его мать говорит, что у нас тут лежит второй Уильям Шекспир, так что держите давление, как сейчас. Приступайте, Лестер... только нормально качайте. Не надо его щекотать этой штукой!

Альбертсон включил насос и принялся откачивать кровь под успокаивающий ровный гул контрольной ап-

паратуры. А потом ему вдруг стало нечем дышать. Как будто кто-то ударил его под дых.

— О Господи. Господи Боже. Иисус милосердный. — Он на мгновение отшатнулся... а потом наклонился поближе. Над хирургической маской его глаза за толстыми стеклами очков широко раскрылись и вспыхнули любопытством. — Что это?

— Думаю, вы сами видите, что это, — сказал Притчард. — Просто к этому надо привыкнуть. Я о таком только читал. И даже не думал, что когда-нибудь увижу своими глазами.

По цвету мозг Тэда Бомонда напоминал внешнюю кромку раковины рапана: серый с едва различимым розовым оттенком.

Из гладкой поверхности твердой мозговой оболочки торчал слепой, недоразвитый человеческий глаз. Мозг слабо пульсировал. Глаз пульсировал вместе с ним. Словно пытался им всем подмигнуть. Именно это — как бы подмигивающий глаз — и напугало операционную сестру.

— Господи Боже, что это? — повторил Альбертсон.

— Уже ничего, — ответил Притчард. — Когда-то оно, вероятно, было живым человеческим существом. А теперь это ничто. Разве что некоторое затруднение. Но с этой трудностью мы сможем справиться.

Доктор Лоринг, анестезиолог, спросил:

— Можно взглянуть, доктор Притчард?

— Давление в норме?

— Да.

— Смотрите. Будет о чем рассказать внукам. Но только быстро.

Пока Лоринг смотрел, Притчард повернулся к Альбертсону.

— Мне понадобится пила, — сказа он. — Надо немного расширить отверстие. А потом прозондируем. Не

знаю, смогу ли я вычистить все, что там есть, но что смогу, я вычищу.

Лестер Альбертсон, который теперь замешал старшую операционную сестру, подал Притчарду свежепростерилизованный зонд, когда тот потребовал инструмент. Мурлыкая себе под нос песню из сериала «Бонанца», Притчард обрабатывал рану быстро, почти играючи, лишь изредка бросая взгляд в зеркальце на конце зонда. Он действовал в основном на ощупь. Позже Альбертсон говорил, что никогда в жизни не видел столь потрясающего проявления хирургического наития.

Вдобавок к глазу они нашли часть ноздри, три ногтя и два зуба. В одном из зубов была маленькая кариозная полость. Глаз продолжал пульсировать и пытаться подмигивать вплоть до той самой секунды, когда Притчард сперва проколол его тонким скальпелем, а потом удалил. Вся операция, от предварительного зондирования до окончательного удаления, заняла всего-навсего двадцать семь минут. Пять комков плоти с влажным хлопьями упали в стальную кювету, стоявшую на столике рядом с выбранной головой Тэда.

— Думаю, там уже чисто, — наконец объявил Притчард. — Похоже, вся чужеродная ткань соединилась рудиментарным нервным узлом. Если там и остались другие куски, мы скорее всего их убили.

— Но... как такое возможно? Ребенок же до сих пор жив. Я имею в виду, это же части *его самого*, разве нет? — спросил озадаченный Лоринг.

Притчард указал на кювету.

— Мы нашли глаз, пару зубов и ногтей у него в голове, и вы полагаете, что это части его самого? У него что, не хватает ногтей? Давайте проверим?

— Но даже рак — это всего лишь часть организма...

— Это был не рак, — терпеливо проговорил Притчард. Пока он объяснял, в чем тут дело, его руки продолжали

свою работу. — Когда мать рождает единственного ребенка, это не значит, что он был один изначально. Вполне возможно, друг мой, что этот ребенок начинал свое существование как близнец. И такое бывает достаточно часто, примерно в двух случаях из десяти. Что происходит с другим плодом? Сильный поглощает слабого.

— Поглощает? Вы хотите сказать, он его *пожирает*? — Лоринг слегка позеленел. — То есть мы сейчас говорим о внутриутробном каннибализме?

— Называйте как вам угодно; такое случается довольно часто. Если когда-нибудь у нас появится этот ультразвуковой аппарат, о котором пока только болтают на медконференциях, тогда мы, наверное, сможем точно узнать, *как* часто. Но как бы часто или нечасто это ни происходило, то, что мы видели с вами сегодня, вообще редкий случай. Часть близнеца этого мальчика осталась непоглощенной и оказалась в конечном итоге в его префронтальной коре. А могла бы попасть и в кишечник, и в селезенку, и в позвоночник, куда угодно. Среди врачей что-то подобное наблюдают, как правило, только патологоанатомы — обнаруживают при вскрытии. Но я ни разу не слышал, чтобы чужеродная ткань стала причиной смерти.

— А с чем имеем дело мы? — спросил Альбертсон.

— Что-то пробудило к жизни эту остаточную ткань, которая еще год назад, вероятно, была ультрамикроскопической. Механизмы роста поглощенного близнеца, которые должны были остановиться навсегда как минимум за месяц до того, как миссис Бомонт родила, каким-то образом вновь запустились... и эта проклятая штука начала расти. В том, что случилось, нет ничего удивительного; одного только внутричерепного давления было достаточно, чтобы вызвать головные боли и судорожные припадки.

— Да, — тихо проговорил Лоринг, — но *почему* это произошло?

Притчард покачал головой.

— Если лет через тридцать у меня еще будет какая-то практика, кроме махания клюшкой для гольфа, тогда и задайте мне этот вопрос. Может быть, я смогу вам ответить. А пока что я знаю только одно: я обнаружил и удалил очень редкую и специфическую опухоль. *Доброкачественную* опухоль. И во избежание лишних сложностей ничего больше его родителям знать не надо. Папа у мальчика тот еще неандерталец. Хотя по сравнению с ним даже неандерталец показался бы светочем интеллекта. Я совершенно не представляю, как ему объяснить, что я только что сделал аборт его одиннадцатилетнему сыну. Лестер, давайте его закрывать. — И любезно добавил, обращаясь к старшей сестре: — Я хочу, чтобы эта тупая овца, которая выбежала отсюда, была уволена. Проследите, пожалуйста.

— Да, доктор.

Тэда Бомонта выписали из больницы на десятый день после операции. Еще примерно полгода он испытывал гнетущую слабость во всей левой половине тела, а иногда, когда очень уставал, у него перед глазами начинали мигать странные и не совсем хаотичные вспышки света.

Мама купила ему пишущую машинку, старенький «Ремингтон-32», в подарок к выздоровлению, и чаще всего эти вспышки случались, когда Тэд склонялся над ней перед сном, пытаясь найти верный способ выразить ту или иную мысль или стараясь понять, что должно произойти дальше в рассказе, который он писал. Со временем это тоже прошло.

А то жутковатое призрачное чириканье — звук несметной эскадрильи летящих воробьев — после операции больше не повторялось.

Он продолжал писать, набираясь уверенности и шлифуя уже вырисовывающийся собственный стиль, и продал первый рассказ — журналу «Американский тинейд-

жер» — через шесть лет после начала своей настоящей жизни. После этого он уже не оглядывался на прошлое.

Насколько было известно и родителям Тэда, и ему самому, небольшую доброкачественную опухоль успешно удалили из префронтальной коры его мозга осенью того года, когда ему исполнилось одиннадцать. Вспоминая об этом (что с годами случалось все реже), он размышлял только о том, как невероятно ему повезло, что он остался в живых.

Многим пациентам, перенесшим операцию на мозге в те далекие годы, повезло значительно меньше.

Часть первая

ФАРШ ИЗ ДУРАКОВ

Машина медленно разогнул скрепку и аккуратно распрямил ее длинными сильными пальцами.

Холстед понял, что сейчас будет, и принялся истошно кричать, когда Джек Ренджли сжал его голову огромными ладонями. Крики разнеслись по заброшенному складу долгим, раскатистым эхом. Огромное пустое пространство сработало в качестве естественного усилителя. Вопли Холстеда напоминали распевку оперного певца, который готовится к выступлению.

— Я вернулся, — сказал Машина. Холстед крепко зажмурился, но ему это не помогло. Тонкий стальной прутик легко прошел сквозь левое веко и с тихим хлопком проткнул глазное яблоко. Липкая, студенистая жидкость просочилась наружу. — Я восстал из мертвых, а ты, кажется, вовсе не рад меня видеть, неблагодарный ты сукин сын.

Джордж Старк. Дорога в Вавилон

Глава 1

ЧТО ПОДУМАЮТ ЛЮДИ

1

Майский номер журнала «Пипл» был вполне заурядным.

На обложке красовалась фотография только что умершей знаменитости, рок-звезды, которая повесилась в тюрьме, где сидела по обвинению в хранении кокаина и прочих сопутствующих препаратов. Внутри все было как всегда. Обычная сборная солянка: девять нераскрытых убийств на сексуальной почве в какой-то

заштатной провинции в западной части Небраски; гуру здоровой пищи, взятый с поличным на детском порно; домохозяйка из Мэриленда, вырастившая тыкву, немного похожую на бюст Иисуса Христа — если смотреть на него прищурившись и в полутьме; девушка с параличом нижних конечностей, тренирующаяся для участия в веломарафоне Большого Яблока; голливудский развод; свадьба в нью-йоркском высшем свете; борец, идущий на поправку после сердечного приступа; комик, открещивающийся от алиментов сожительнице.

Была там и статья об одном предпринимателе из Юты, занимавшемся продажами новой, совершенно чумовой куклы «Ой, мама!», которая по идее представляла «всеми любимую (?) свекровь». В куклу был встроен магнитофон, выдававший отдельные фразы типа: «В доме, где вырос твой муж, обед всегда подавали горячим, милочка» или «Твой *брат* никогда не ведет себя так, словно я человек третьего сорта, когда я приезжаю к нему погостить на недельку-другую». Но главная фишка заключалась в том, что для того чтобы «Ой, мама!» заговорила, нужно было не дергать за ниточку на спине, а *пинать* эту тварь со всей силы. «Мягкие материалы, из которых сделана кукла, гарантированно защищают от повреждений. Также мы гарантируем, что наша продукция не причинит никакого вреда стенам и мебели в вашей квартире», — с гордостью заявил изобретатель игрушки мистер Гаспар Уилмот (которому, как сообщалось вскользь, однажды было предъявлено обвинение в уклонении от уплаты налогов — обвинение снято).

И на тридцать третьей странице этого увлекательного и информативного выпуска самого увлекательного и информативного журнала Америки помещался раздел с типичным для «Пипл» подзаголовком: «Метко, емко и остро». Это был раздел «Биографии».

— «Пипл», — сказал Тэд Бомонт жене Лиз, которая сидела рядом за кухонным столом и вместе с ним пере-

читывала статью по второму разу, — заботится о своих читателях. «Биографии». Не хочешь читать «Биографии», открывай «Люди в беде» и читай о девицах, разделанных сексуальным маньяком в самом сердце Небраски.

— И совсем не смешно, если подумать об этом серьезно, — заметила Лиз Бомонт, но испортила впечатление, приснув в кулак.

— Не «ха-ха», но довольно смешно, — ответил Тэд и принялся вновь перелистывать статью, рассеянно потирая пальцем маленький белый шрам на лбу.

Как и в большинстве выпусков «Пипл», «Биографии» оказались единственным разделом, где слов было больше, чем фотографий.

— Не жалеешь о том, что сделал? — спросила Лиз. Она постоянно прислушивалась к близнецам, но пока что они были чудо-детьми. Спали как ангелы.

— Ну во-первых, — сказал Тэд, — это сделал не я. Это сделали *мы*. Один за двоих, двое за одного, не забывай! — Он постучал пальцем по фотографии на второй странице статьи. На снимке жена протягивала Тэду блюдо с шоколадными кексами, а сам Тэд сидел за своей пишущей машинкой с заправленным в нее листом бумаги. Разобрать, что напечатано на листе — если там вообще было что-нибудь напечатано, — не представлялось возможным. Наверное, это и к лучшему. Если он что и напечатал, то откровенную тарабарщину. Писательский труд всегда был для Тэда именно *трудом*, тяжелой работой, и уж явно не чем-то таким, чем он мог бы заниматься на публике — тем более если среди этой публики совершенно случайно присутствует фотограф из журнала «Пипл». Джорджу все это давалось гораздо легче, а Тэду Бомонту — чертовски тяжело. Лиз даже близко к нему не подходит, когда он (и иногда — успешно) пытается работать. Она не приносит ему *телеграммы*, не говоря уже о шоколадных кексах.

— Да, но...

— А во-вторых...

Тэд еще раз взглянул на снимок, где Лиз протягивала ему кексы, а он смотрел на нее снизу вверх. Они с Лиз широко улыбались друг другу. На лицах людей, пусть и приятных, но все же весьма осторожных в проявлении чувств, эти ухмылки смотрелись как минимум странно. Он вспомнил то давнее время, когда работал проводником в Аппалачах в Мэне, Нью-Хэмпшире и Вермонте. Тогда у него был ручной енот по имени Джон Уэзли Хардинг. Не то чтобы Тэд специально пытался приручить Джона; тот сам к нему привязался. Холодными зимними вечерами Тэд любил пропустить стаканчик, и старина Д.У. тоже не прочь был выпить, и когда ему перепадало больше одного глоточка, он лыбился точно так же.

— Что во-вторых?

Во-вторых, это действительно очень смешно, когда однократный номинант на Национальную книжную премию и его жена улыбаются друг другу, как парочка пьяных енотов, подумал он и уже не сумел сдержать рвущийся наружу смех.

— Тэд, ты разбудишь детей!

Он попытался, хотя и не очень успешно, смеяться потише.

— Во-вторых, мы тут выглядим парочкой идиотов, но меня это мало волнует. — Тэд крепко обнял жену и поцеловал в ямочку между ключицами.

В соседней комнате расплакался Уильям, его поддерживала Уэнди.

Лиз попыталась посмотреть на мужа с упреком, но у нее ничего не вышло. Слышать, как он смеется, — это так хорошо. Быть может, потому, что смеялся он редко. Для нее в его смехе таилось какое-то странное, чужеродное очарование. Тэд Бомонд никогда не был весельчаком.

— Виноват, — сказал он. — Пойду к ним.

Тэд встал, ударился о стол и едва его не опрокинул. Он был мягким, приветливым человеком, но поразительно неуклюжим; это осталось в нем от того мальчишки, которым он был когда-то.

Лиз все же успела перехватить кувшин с цветами, стоявший в центре стола. Буквально за миг до падения.

— Ты опять, Тэд! — воскликнула она, но потом тоже расхохоталась.

Он сел на место и не то чтобы взял жену за руку, а принялся легонько поглаживать ее руку двумя ладонями.

— Послушай, солнце, а *тебя* это волнует?

— Нет, — ответила она и хотела добавить: *Но мне все равно как-то не по себе. Не потому, что мы выглядим по-идиотски, а потому... даже не знаю. Мне просто немного тревожно, вот и все.*

Она об этом подумала, но вслух не сказала. Просто ей было так хорошо, когда муж смеялся. Она поймала его руку и легонько ее пожала.

— Нет, — повторила она. — Меня это ни капельки не волнует. По-моему, это забавно. И если огласка поможет тебе закончить «Золотого пса», когда ты наконец решишь взяться за него всерьез, то я только «за».

Она поднялась, а когда он тоже хотел подняться, усадила его на место, положив руки ему на плечи.

— Пойдешь к ним в следующий раз. А сейчас я хочу, чтобы ты сидел здесь. До тех пор, пока у тебя окончательно не пройдет подсознательное побуждение уничтожить мой кувшин.

— Хорошо, — согласился он и добавил: — Я люблю тебя, Лиз.

— Я тоже тебя люблю.

Она пошла к близнецам, а Тэд Бомонт принялся вновь перелистывать «Биографии».

В отличие от большинства статей в «Пипл» биография Тэда Бомонта начиналась не с полностраничной портрет-

ной фотографии, а с небольшого, на четверть страницы, снимка. Но он все равно цеплял взгляд, потому что автор макета — человек, явно имеющий вкус ко всему необычному, — поместил «кладбищенский» снимок Тэда и Лиз в толстую черную рамку. Строчки текста под рамкой создавали жесткий, почти режущий взгляд контраст.

На снимке Тэд держал лопату, а Лиз — кирку. Рядом стояла тачка с другим кладбищенским инвентарем. На самой могиле были разложены букеты цветов, но так, чтобы не закрывать надпись на надгробной плите:

ДЖОРДЖ СТАРК

1975—1988

Не самый приятный тип

В почти кошунственном противоречии с местом действия и самим действием (только что завершившимся погребением того, кто, судя по датам, был мальчиком, едва достигшим подросткового возраста), эти два лежмогильщика пожимали друг другу руки над свежим холмиком — и радостно улыбались.

Разумеется, это был постановочный снимок. Все фотографии, сопровождавшие статью: похороны, шоколадные кексы, Тэд на пустынной тропинке в лесах Ладлоу, где он якобы часто прогуливается в одиночестве в ожидании «творческого озарения», — были инсценировкой. Это было забавно. Лиз покупала «Пипл» в супермаркете уже примерно лет пять, и они оба над ним потешались, но все же каждый просматривал очередной номер журнала — за ужином, а иногда и в туалете, если поблизости не оказывалось хорошей книжки. Время от времени Тэд задумывался о странной популярности журнала, пытаясь понять, в чем причина его успеха: то ли в содержании, посвященном по большей части рассказам о знаменитостях, то ли просто в выигрышном оформлении, со всеми этими большими черно-белыми фотографиями и текстом, набранным жирным шрифтом и состоящим,

как правило, из коротких простых предложений. Но ему никогда не приходило в голову, что фотографии могут быть постановочными.

Фотограф Филлис Майерз сразу же сообщила Тэду и Лиз, что она сделала серию снимков плюшевых медвежат в маленьких гробиках и что все медвежата были одеты в детские костюмчики. Она надеялась продать снимки как целую книжку одному крупному нью-йоркскому издательству. И лишь на второй день фотосессии и интервью Тэд наконец сообразил, что фотограф пытается прозондировать почву, не согласится ли он написать текст для ее будущей книжки.

— «Смерть и плюшевые медведи», — сказала она, — станет последним, уже окончательным толкованием американского образа смерти, вам так не кажется, Тэд?

Он подумал, что в свете таких макабрических интересов вовсе не удивительно, что эта Майерз подготовила для Джорджа Старка надгробный камень и привезла его с собой из Нью-Йорка. Как настоящий, только из папье-маше.

— Вы ведь пожмете друг другу руки на его фоне? — спросила она с улыбкой, одновременно и льстивой, и самодовольной. — Это будет *потрясающий* кадр.

Лиз с легким испугом взглянула на Тэда. Потом они оба уставились на фальшивое надгробие, прибывшее из Нью-Йорка (постоянной резиденции редакции журнала «Пипл») в Касл-Рок, штат Мэн (летнюю резиденцию Тэда и Лиз Бомонт), со смешанным чувством недоумения и изумления. Последняя строчка буквально притягивала к себе взгляд Тэда:

Не самый приятный тип

Если коротко и по существу, то история, которую «Пипл» готовил для затаивших дыхание почитателей знаменитостей, была очень простой. Тэд Бомонт был

довольно известным писателем, чей первый роман «Стремительные танцоры» выдвигался на Национальную книжную премию в 1972 году. Это действительно кое-что значило в литературно-критических кругах, но затаившим дыхание почитателям знаменитостей было глубоко плевать на Тэда Бомонта, который с тех пор опубликовал под собственным именем лишь один новый роман. Того, кто был интересен широкой публике, на самом деле не существовало. Тэд написал свой убойный бестселлер и три очень успешных его продолжения под псевдонимом. Разумеется, под псевдонимом Джордж Старк.

Первым историю Джорджа Старка обнародовал Джерри Харкви, представлявший в своем лице весь штат уотервиллского отделения Ассошиэйтед Пресс. Это произошло после того, как агент Тэда Рик Каули передал ее Луизе Букер из «Паблишерс уикли». Передал, ясное дело, с согласия Тэда. Ни Харкви, ни Букер не знали всю историю целиком — Тэд категорически не желал, чтобы этот пронырливый мелкий гаденыш Фредерик Клоусон удостоился пусть даже краткого упоминания, — но все равно было бы очень неплохо распространить информацию шире, чем это могли обеспечить Ассошиэйтед Пресс и узкоспециальный книгоиздательский журнал. Рику и Лиз Тэд сказал, что в этой истории Клоусон — никто. Просто засранец, который вынудил их предать историю огласке.

В ходе того, самого первого интервью Джерри спросил Тэда, каким человеком был Джордж Старк.

— Джордж, — ответил Тэд, — был не самым приятным типом.

Эта фраза, которую Джерри поставил в подзаголовок своей статьи, и вдохновила Филлис Майерз заказать фальшивый надгробный камень с этой самой надписью. Поистине мир — странное место. Очень странное, очень.

Внезапно Тэд снова расхохотался.

2

Внизу на траурной рамке вокруг фотографии Тэда и Лиз на одном из красивейших кладбищ Касл-Рока шла надпись в две строчки, набранные белым шрифтом.

Первая строчка: ПОКОЙНЫЙ БЫЛ ОЧЕНЬ БЛИЗОК ЭТИМ ДВУМ ЛЮДЯМ.

Вторая: ТАК ПОЧЕМУ ЖЕ ОНИ СМЕЮТСЯ?

— Потому что мир — *очень странное* место, — произнес Тэд Бомонт и фыркнул в кулак.

Не только Лиз Бомонт испытывала смутное беспокойство из-за этой публикации. Ему самому тоже было как-то беспокойно. Но его все равно душил смех. Тэд на пару секунд умолкал, а потом его взгляд снова падал на эту строчку: *Не самый приятный тип*, — и его тут же одолевал новый приступ смеха. Сдерживать этот смех было так же бессмысленно, как затыкать дыры в плохо построенной земляной плотине: как только закроешь течь в одном месте, сразу же прорывает в другом.

Тэд подозревал, что в этом безудержном смехе было что-то не очень здоровое. Похоже, это уже истерика. Он знал, что подобные приступы смеха редко когда происходят от настоящего, искреннего веселья. На самом деле причина всегда заключается в чем-то прямо противоположном.

В чем-то, чего, может быть, надо бояться.

Ты что же, боишься какой-то дурацкой статьи в журнале? Ты об этом сейчас подумал? Что за бред. Ты боишься, что над тобой будут смеяться? Что твои коллеги на факультете увидят эти фотографии и решат, что ты окончательно съехал с катушек?

Нет. Ему нечего было бояться своих коллег, даже тех, кто сидел на кафедре со времен динозавров. Он нарабатывал положенный стаж, так что уволить его не могут, и у него хватит денег, чтобы — тут вступают фанфары! — вообще не работать, а только писать, если ему так захочется (хотя ему вряд ли захочется; Тэда совершенно

не интересовали бюрократическая и административная стороны университетской жизни, но преподавать ему нравилось). Тем более его уже давно перестало заботить, что подумают о нем коллеги. Да, ему небезразлично, что подумают о нем друзья, и в ряде случаев его друзья, друзья Лиз и их общие друзья оказывались заодно и коллегами, но он был уверен, что эти люди уж точно поймут, в чем тут хохма.

Если чего-то и надо бояться, так это...

Прекрати, приказал его разум тем сухим, строгим тоном, от которого сразу бледнели и умолкали даже самые буйные из студентов-старшекурсников. *Прекрати эту дурь. Сейчас же.*

Как бы не так. Может быть, на студентов этот тон действовал безотказно, но над самим Тэдом он был не властен.

Тэд опять взглянул на фотографию, но на этот раз он смотрел не на лица жены и самого себя, изображавшие наигранные нахальные улыбочки — словно у пары подростков, затевающих какую-то мерзопакость, — чтобы показать, что им все нипочем.

ДЖОРДЖ СТАРК

1975—1988

Не самый приятный тип

Вот от чего ему было не по себе.

От этого надгробного камня. От этого имени. От этих дат. Но больше всего — от этой язвительной эпитафии, которая вызывала у него приступы неудержимого смеха, но при этом была ни капельки не смешной.

Это имя.

Эта эпитафия.

— Уже не важно, — пробормотал Тэд. — Ублюдок мертв.

Но беспокойство не проходило.

Когда Лиз вернулась, неся в каждой руке по свежесмытому и переодетому близнецу, Тэд сидел, снова уткнувшись в статью.

— Я его убил?

Тадеус Бомонт, когда-то считавшийся самым многообещающим романистом Америки, чей первый роман «Стремительные танцоры» выдвигался на Национальную книжную премию в 1972 году, задумчиво повторяет вопрос. Кажется, он немного смущен.

— Убил, — тихо повторяет он, словно само это слово никогда не приходило ему на ум... хотя его «темная половина», как сам Бомонт называет Джорджа Старка, только об убийствах и думал.

Из стеклянной банки с широким горлом, стоящей рядом со старомодной пишущей машинкой «Ремингтон-32», он достает бероловский карандаш «Черный красавец» (по словам Бомонта, Старк не признавал никаких других письменных принадлежностей) и принимается его грызть. Судя по виду всех остальных «ЧК» в банке, грызть карандаши — давняя привычка.

— Нет, — говорит он, возвращая карандаш на место. — Я его не убивал. — Он поднимает взгляд и улыбается. Бомонту тридцать девять, но когда он улыбается так искренне и открыто, его запросто можно принять за одного из его студентов. — Джордж умер естественной смертью.

Бомонт говорит, что Джорджа Старка придумала его жена. Элизабет Стивенс Бомонт, спокойная очаровательная блондинка, не желает приписывать все заслуги только себе.

— Я всего лишь предложила ему написать роман под другим именем и посмотреть, что из этого выйдет, — объясняет она. — Тэд тогда пребывал в затяжном творческом кризисе, и его надо было как-то подтолкнуть. И если по правде, — она смеется, — Джордж Старк был всегда. Я замечала, как он проглядывал в некоторых незаконченных ро-

манах, за которые Тэд время от времени брался. Он всегда был где-то рядом, оставалось лишь вытащить его из тени.

По мнению многих собратьев по цеху, проблемы Бомонта не ограничивались только творческим кризисом. Как минимум двое известных писателей (просивших не называть их имена) говорят, что они беспокоились за состояние рассудка Бомонта в тот критический период между его первой и второй книгами. Один из них предполагает, что Бомонт, возможно, пытался покончить с собой после выхода в свет «Стремительных танцоров», книги, снискавшей хвалебные отзывы критиков, но так и не ставшей бестселлером.

На вопрос, не собирался ли он свести счеты с жизнью, Бомонт лишь качает головой:

— Мысль совершенно дурацкая. Проблема была не в признании публики. Это был творческий кризис. А у мертвых писателей это уже не лечится.

А тем временем Лиз Бомонт продолжала «лоббировать» — как это назвал сам Бомонт — мысль насчет псевдонима.

— Она сказала, что хотя бы раз в жизни можно дать себе волю и оторваться. Написать то, что хочется. Любой бред. И не думать о том, что, пока я пишу, у меня над душой стоит всемогущий «Книжный обзор «Нью-Йорк таймс»». Она сказала, что можно было бы написать вестерн, или мистику, или научную фантастику. Или криминальный роман.

Тэд Бомонт улыбается.

— Думаю, она неспроста о нем упомянула. Она знала, что я давно носился с мыслью написать криминальный роман, но не знал, как к нему подступиться. Мысль о псевдониме была очень заманчивой. Она была как удобный предлог. Как *путь к свободе*... этаким потайной спасательный люк, если вы понимаете, что я имею в виду. Но тут было еще кое-что. Что-то такое, что очень трудно объяснить.

Бомонт тянется к банке с остро заточенными карандашами, но потом убирает руку. Смотрит в огромное, во всю стену, окно, за которым зеленеют деревья.

— Писать под псевдонимом — это как будто стать невидимкой, — говорит он нерешительно. — Чем больше я об этом думал, тем сильнее мне казалось, что это будет... как бы лучше сказать... словно я выдумаю себя заново.

Его рука снова тянется к банке, и на этот раз ей удастся схватить один из карандашей, пока мысли Бомонта заняты чем-то другим.

Тэд перевернул страницу, но оторвался от чтения и взглянул на близнецов, сидевших на двойном детском стульчике. Разнополые близнецы всегда дизиготны. Однако Уэнди и Уильям действительно были почти идентичны — насколько могут быть идентичными два разных человека.

Уильям улыбнулся Тэду из-за своей бутылочки.

Уэнди тоже улыбнулась из-за *своей*, щеголя одной принадлежностью, которой пока еще не было у ее брата, — единственным передним зубиком, который прорезался совершенно без боли, просто вынырнул из десны так же тихо, как перископ подводной лодки поднимается над поверхностью моря.

Уэнди оторвала одну пухлую ручку от пластиковой бутылочки. Разжала ее, показав чистенькую розовую ладошку. Сжала. Разжала. Уэнди машет ручкой.

Не глядя на сестренку, Уильям оторвал ручку от *своей* бутылочки. Разжал ее, сжал и снова разжал. Уильям машет ручкой.

Тэд торжественно поднял руку, разжал ее, сжал и разжал.

Близнецы заулыбались за своими бутылочками.

Тэд взглянул на журнал. *Эх, «Пипл», подумал он, где бы мы были, что бы мы делали без тебя? Это, ребята, звездное время Америки.*

Автор статьи вытащил наружу все грязное белье, которое только можно было вытащить, — и прежде всего, разумеется, тот кошмарный четырехлетний период после

того, как «Стремительные танцоры» так и не получили Национальную книжную премию. Но этого и следовало ожидать, и Тэд вдруг поймал себя на мысли, что его совершенно не беспокоит эта выставка грязного белья. Впервые, белье было не таким уж и грязным, а во-вторых, он всегда чувствовал, что с правдой жить легче, чем с ложью. По крайней мере в долгосрочной перспективе.

Что, разумеется, вызывало вопрос: а есть ли что-нибудь общее у долгосрочной перспективы и журнала «Пипл»?

Впрочем, ладно. Теперь уже поздно.

Парня, который написал статью, звали Майк — имя Тэд помнил, а фамилия напрочь вылетела из головы. Если ты не какой-нибудь граф, сплетничающий о королевской семье, и не кинозвезда, сплетничающая о других кинозвездах, когда пишешь для «Пипл», твое имя ставят в конце материала. Тэду пришлось перелистать четыре страницы (две из которых занимала полностраничная реклама), чтобы добраться до имени автора. Майк Дональдсон. Они с Майком засиделись допоздна, просто болтая о том о сем, и когда Тэд спросил, неужели кто-то и вправду волнуется, что он написал несколько книг под другим именем, Майк ответил ему так, что Тэд долго смеялся.

— По данным опросов, у большинства читателей «Пипл» крайне узкие носы. Ковыряться в таких носах неудобно, так что им волей-неволей приходится ковыряться в чужих. Они захотят узнать все о твоём друге Джордже.

— Он мне не друг, — возразил Тэд, все еще смеясь.

Сейчас он спросил Лиз, стоявшую у плиты:

— Ты тамправляешься, солнце? Тебе помочь?

— Нет, я сама. Просто варю близнецам кашу. А ты все никак от себя не оторвешься?

— Все никак, да, — нисколько не смущаясь, согласился Тэд и вернулся к статье.

— Труднее всего было выдумать имя, — продолжает Бомонт, легонько покусывая карандаш. — Но это было действительно важно. Я знал, что это поможет... Поможет мне справиться с творческим кризисом... если у меня будет новая личность. Настоящая личность, совершенно отдельная от меня самого.

И как был выбран Джордж Старк?

— Знаете, есть такой писатель — Дональд Уэстлейк, — объясняет Бомонт. — Под своим настоящим именем Уэстлейк пишет криминальные романы, очень смешные, в жанре социальной комедии. О жизни и нравах американцев. Но с начала шестидесятых и где-то до середины семидесятых он написал серию романов под псевдонимом Ричард Старк, и эти книги были совсем другими. В них говорится о человеке по имени Паркер. Он профессиональный грабитель. У него нет прошлого, нет будущего и, в лучших книгах, нет никаких интересов, кроме собственно грабежа. Как бы там ни было, по причинам, о которых вам лучше спросить самого Уэстлейка, он перестал писать книги о Паркере. Но я никогда не забуду, что сказал Уэстлейк, когда псевдоним был раскрыт. Он сказал, что писал свои книги в ясные, солнечные деньки, а Старк забирал себе все дождливые дни. Мне это понравилось, потому что в период с 1973-го до начала 1975-го у меня все дни были дождливыми. Так вот, в самых лучших из этих книг Паркер — скорее робот-убийца, а не живой человек. Постоянная тема этих романов — ограбленные грабители. И Паркер разбирается с плохими парнями — с другими плохими парнями, я имею в виду — точно как робот, запрограммированный на одну-единственную задачу. «Отдавай мои деньги», — говорит он, и, собственно, только это он и говорит. Ну почти. «Отдавай мои деньги, отдавай мои деньги». Вам это никого не напоминает?

Наш корреспондент кивает. Бомонт описывает Алексиаса Машину, главного героя первого и последнего романов Джорджа Старка.

— Если бы «Путь Машины» завершился так же, как начинался, я бы, конечно, не стал его публиковать, — продолжает Бомонт. — Это был бы плагиат. Но где-то после первой четверти роман обрел собственный ритм, и все встало на свои места.

Корреспондент уточняет, имеет ли Бомонт в виду, что во время работы над книгой в какой-то момент Джордж Старк проснулся и заговорил от себя.

— Да, — говорит Бомонт. — Примерно так все и было.

Тэд оторвался от статьи и снова чуть не рассмеялся. Близнецы увидели, как он улыбается, и тоже заулыбались над ложечками горохового пюре, которым их кормила Лиз. На самом деле, тогда Тэд сказал совершенно другое. А именно: «*Господи*, ну зачем так театрально? Вас послушать, так это прямо «Франкенштейн». Та его часть, где молния ударяет в шпиль замковой башни и оживляет чудовище!»

— Я не смогу их накормить, если ты не прекратишь это, — сказала Лиз. На самом кончике ее носа зеленела крошечная точка горохового пюре, и Тэду вдруг захотелось слизнуть ее поцелуем.

— Не прекращу что?

— Ты улыбаешься — *они* улыбаются. Как прикажешь кормить *улыбающихся* младенцев?

— Прости, — смиренно произнес он и подмигнул близнецам. Они снова заулыбались в ответ — одинаковыми улыбками, зелеными от пюре.

Он опустил взгляд и продолжил читать.

— Я начал «Путь Машины» в 1975-м, в тот же вечер, когда придумал псевдоним. Но было *еще кое-что*. Я сел за стол,правил лист в пишущую машинку... и тут же вытащил. Все свои книги я печатал на машинке, но Джордж Старк явно не одобрял пишущие машинки.

Бомонт вновь усмехается.

— Может быть, потому, что в местах не столь отдаленных, где он периодически обретался, не было курсов машинописи.

Бомонт имеет в виду биографию Джорджа Старка, придуманную для обложек. В биографии говорится, что Старку тридцать девять лет, что он трижды сидел в трех разных тюрьмах по обвинениям в поджоге, в нападении с применением смертоносного оружия и в нападении с целью убийства. Но биография для обложек — это лишь часть истории. Бомонт показывает нашему корреспонденту автобиографический лист для «Дарвин пресс», в котором история его *alter-ego* расписана так подробно и живо, как это мог сделать лишь настоящий писатель. От рождения Джорджа Старка в Манчестере, штат Нью-Хэмпшир, до последнего места жительства в Оксфорде, штат Миссисипи, — там есть все, кроме его погребения на городском кладбище Касл-Рока, штат Мэн.

— Я нашел в столе старый блокнот и вот это. — Он указывает на банку с карандашами и с удивлением замечает, что держит в руке карандаш, вынутый из этой самой банки. — Я начал писать и очнулся только тогда, когда Лиз заглянула ко мне и спросила, не собираюсь ли я идти спать, потому что уже полночь.

У Лиз Бомонт есть свои собственные воспоминания о том вечере. Она говорит:

— Я проснулась без четверти двенадцать, увидела, что его нет в постели, и подумала: «Ну, наверное, работает». Но я не услышала стука пишущей машинки и слегка испугалась.

Судя по ее выражению, она тогда испугалась совсем не слегка.

— Когда я спустилась вниз и увидела, как он строчит в этом блокноте, я чуть не рухнула от изумления. — Она смеется. — Он чуть ли не носом водил по бумаге.

Корреспондент спрашивает, испытала ли она облегчение.

Тихим и сдержанным голосом Лиз отвечает:

— *Огромное облегчение.*

— Я перелистал блокнот и увидел, что исписал шестнадцать страниц без единого исправления, — говорит Бомонт. — И извел три четверти нового карандаша на стружку в точилке. — Он смотрит на банку с карандашами с выражением, которое можно принять то ли за тихую грусть, то ли за скрытый юмор. — Наверное, теперь, когда Джордж уже мертв, мне надо выкинуть эти карандаши. Сам я ими не пользуюсь. Я пытался. Ничего не выходит. Не могу работать без машинки. Руки устают и не слушаются.

— А Джорджа слушались.

Он поднимает голову и таинственно подмигивает.

— Солнце? — Он посмотрел на жену, которая сосредоточенно запихивала в Уильяма остатки горохового пюре. Похоже, большая часть обеда осталась на слюнявчике малыша.

— Что?

— Обернись на секундочку.

Она обернулась к нему.

Тэд подмигнул.

— Это было таинственно?

— Нет, дорогой.

— Я так и думал.

Все остальное — уже следующая ироническая глава в длинной истории того, что, по словам Тэда Бомонта, «больные люди называют романом».

«Путь Машины» был опубликован в июне 1976-го в маленьком издательстве «Дарвин пресс» (книги «настоящего» Бомонта печатались в «Даттоне») и стал главным книжным сюрпризом года, заняв первое место в списках бестселлеров по всей стране. Фильм, снятый по книге, также стал хитом сезона.

— Долгое время я ждал, что кто-нибудь обнаружит, что я — это Джордж, а Джордж — это я, — говорит Бомонт. — Авторское право было зарегистрировано на имя Джорджа Старка, но правду знал мой агент, правду знала его жена — теперь уже бывшая жена, но по-прежнему полноправный деловой партнер, — и, конечно же, руководство и главный бухгалтер из «Дарвин пресс» были в курсе. Бухгалтер, понятное дело, не мог не знать. Хотя Джордж и писал свои книги от руки, у него были некоторые проблемы с подписью на чеках. И конечно, в налоговой службе тоже должны были знать. Так что около полутора лет мы с Лиз ждали, когда нас раскроют. Но этого не случилось. Думаю, это простое везение. И это доказывает одно: когда ты уверен, что кто-то точно начнет болтать, все держат язык за зубами.

И все держали язык за зубами еще десять лет, за которые неуловимый мистер Старк — намного более плодовитый писатель, чем его другая половина, — опубликовал еще три романа. Ни один из них не повторил убойного успеха «Пути Машины», но все они привлекали внимание и поднимались на верхние строчки в списках бестселлеров.

После долгой, задумчивой паузы Бомонт начинает рассказывать о причинах, по которым все же решил раскрыть свой столь прибыльный секрет:

— Следует помнить, что Джордж Старк был человеком лишь на бумаге. Долгое время мне нравилось с ним работать... и, черт возьми, парень умел делать деньги. Я называл их своими деньгами «пошли все на...». Одно только знание того, что я могу бросить преподавание, если мне так захочется, и при этом не думать о том, на что жить, давало мне невероятное ощущение свободы.

— Но я хотел снова писать *свои* книги, да и Старк уже стал выдыхаться. Все очень просто. Я это знал, Лиз это знала, мой агент тоже знал... думаю, даже редактор Джорджа в «Дарвин пресс» это знал. Но если бы я сохранил свой секрет, то в конечном итоге не устоял бы перед искушением написать еще одну книгу Джорджа Старка. Так же, как

все, я подвластен заманчивой песне сирен — звону монет. Так что надо было решиться и забить кол ему в сердце раз и навсегда. Иными словами, предать все огласке. Что я и сделал. Что я, собственно, делаю прямо сейчас.

Тэд оторвался от статьи и усмехнулся. Недавнее изумление насчет постановочных фотографий в «Пипл» вдруг показалось ему наигранным и лицемерным. Потому что в журналах не только фотографии представляют все так, как того ждут читатели. В той или иной степени так же поступают и те, у кого берут интервью. И наверное, у него самого это выходит чуточку лучше, чем у некоторых. В конце концов, он писатель... а писателям платят за выдумки. И чем лучше выдумка, тем больше платят.

Старк уже стал выдыхаться. Все очень просто. Как недвусмысленно.

Как победно.

Какое дерьмо.

— Солнце?

— Ммм?

Лиз пыталась вытереть личико Уэнди. Уэнди была не в восторге. Она вертелась и отворачивалась, возмущенно бормоча, а Лиз «ловила» ее салфеткой. Тэд подумал, что в конечном итоге жена сделает что собиралась, хотя не исключен и такой вариант, что ей надоест раньше. Похоже, Уэнди тоже этого не исключала.

— Может, мы зря соврали о роли Клоусона во всем этом?

— Мы не соврали, Тэд. Мы просто не упоминали о нем.

— Вот гаденыш, да?

— Нет, дорогой.

— Нет?

— Нет, — невозмутимо проговорила Лиз. Теперь она начала вытирать личико Уильяма. — Он мелкий мерзкий Выползень.

Тэд фыркнул.

— Выползень?

— Выползень, да.

— В первый раз слышу такое слово.

— Я видела это название на кассете в видеопрокате, когда заходила туда на прошлой неделе. Фильм ужасов. «Нашествие выползней». Я еще подумала: «Класс! Кто-то снял фильм о Фредерике Клоусоне и его семействе. Надо будет сказать Тэду». Но потом я забыла и вспомнила только сейчас.

— То есть ты считаешь, что это правильно.

— Еще как правильно. — Рукой, держащей салфетку, она указала сначала на Тэда, потом на раскрытый журнал на столе. — Тэд, ты получил с этого свою выгоду. «Пипл» получил свою. А Фредерик Клоусон получил хрена лысого... чего он и заслуживает.

— Спасибо, — сказал он.

Она пожала плечами:

— Не за что. Иной раз ты бываешь таким чувствительным, Тэд.

— А это плохо?

— Да... это плохо... Уильям, ну сколько можно! Тэд, если бы ты мне помог хоть чуть-чуть...

Тэд закрыл журнал, подхватил Уилла и понес в детскую следом за Лиз, которая несла Уэнди. Упитанный пухлый малыш был теплым и приятно тяжелым. Обвив ручонками шею Тэда, он разглядывал все вокруг, как всегда, с неслабеющим интересом. Лиз положила Уэнди на один пеленальный столик; Тэд положил Уилла на другой. Они поменяли промокшие подгузники на сухие. Лиз управилась чуть быстрее.

— Ладно, — произнес Тэд, — о нас написали в «Пипл», и на этом все завершилось. Да?

— Да, — ответила она и улыбнулась. Что-то в этой улыбке показалось Тэду не совсем искренним, но он вспомнил свой собственный приступ неудержимого смеха и решил оставить все как есть. Иногда он испытывал странную неуверенность — своего рода психический

аналог физической неуклюжести — и тогда принимался терзать Лиз. Она редко огрызалась в ответ, но иногда он замечал в ее взгляде усталость, если это затягивалось надолго. Как она сказала? *Иной раз ты бываешь таким чувствительным, Тэд.*

Тэд пытался закрепить подгузник, придерживая локтем животик радостно извивавшегося сына, чтобы тот не свалился со столика и не убился, чего Уилл, кажется, и добивался.

— Бугура! — закричал Уилл.

— Ага, — согласился Тэд.

— Дивит! — добавила Уэнди.

— И это тоже, — кивнул Тэд.

— Хорошо, что он мертв, — вдруг произнесла Лиз.

Тэд поднял голову. На мгновение задумался и кивнул. Не было нужды спрашивать, о *ком* речь. Они оба знали.

— Да.

— Мне он не нравился.

Приятно услышать такое от собственной жены, едва не ответил он, но сдержался. В этом не было ничего странного, ведь она говорила не о нем. Манера письма Джорджа Старка была не единственным важным различием между ними.

— Мне тоже, — согласился он. — Что у нас на ужин?

Глава 2

ИСПОГАНЕННЫЙ ДОМ

1

В ту ночь Тэду приснился кошмар. Он проснулся чуть ли не в слезах и дрожал, словно щенок, застигнутый грозой. Во сне с ним был Джордж Старк, только Джордж был не писателем, а агентом по продаже недвижимости и все время стоял за спиной Тэда, то есть присутствовал как голос и тень.

2

В автобиографическом листе для «Дарвин пресс» (Тэд сочинил его как раз перед тем, как засесть за «Оксфордский блюз», второе произведение Джорджа Старка) было сказано, что Старк водит пикап «Джи-Эм-Си» 1967 года выпуска, который «держится на честном слове и добротной грунтовке». Однако во сне они ехали на черном «торонадо», и Тэд понял, что с пикапом он оплошал. *Вот на чем ездил Старк. На этом реактивном катафалке.*

Этот «торонадо» с приподнятым задом был совсем не похож на машину агента по продаже недвижимости. Подобная тачка подходила скорее какому-нибудь бандиту средней руки. Тэд оглянулся на нее через плечо, когда они шли к дому, который Старк почему-то собирался ему показать. Он подумал, что сейчас увидит Старка, и сердце кольнула игла ледящего страха. Но Старк вдруг оказался у него за спиной, за другим плечом (хотя непонятно, как ему удалось переместиться так быстро и так беззвучно), и Тэд увидел только машину, стального паука, сверкающего на солнце. С наклейкой на задранном кверху заднем бампере: «ПСИХОВАННЫЙ СУКИН СЫН». Слева и справа от надписи располагались черепа со скрещенными костями.

Дом, куда привез его Старк, был *его собственным* домом — не зимним в Ладлоу, неподалеку от университета, а летним в Касл-Роке. Задний двор дома выходил прямо на северную бухту озера Касл, и Тэд слышал слабый плеск волн, набегавших на берег. На небольшой лужайке за подъездной дорожкой стояла табличка: «ПРОДАЕТСЯ».

Хороший дом, да? — почти прошептал Старк у него за плечом. Голос был грубым, шероховатым, но ласковым, словно прикосновение кошачьего языка.

Это мой дом, сказал Тэд.

Ошибочка вышла. Хозяин этого дома мертв. Убил жену и детей, а потом и себя порешил. Так вот разом со всем

разобрался. Шандарахнул, дернулся — и привет. Имел он к этому склонность. Что, кстати, сразу бросалось в глаза, даже присматриваться не надо. Можно сказать, это было на поверхности.

По-твоему, это смешно? — хотел спросить Тэд. Было очень важно показать Старку, что он его не боится. Это было важно *потому*, что Тэд был смертельно напуган. Но прежде чем он успел облечь мысль в слова, огромная рука без единой линии на ладони (хотя было сложно сказать наверняка — тень от согнутых пальцев легла на кожу сложным узором) протянулась над его плечом и покачала ключами прямо у него перед носом.

Нет — не покачала. Если бы все было так, Тэд, наверное, смог бы заговорить, смог бы отмахнуться от ключей, чтобы показать, что он совсем не боится этого страшного человека, который упорно стоит у него за спиной. Но рука, державшая ключи, *едва не ударила* его в лицо. Тэду пришлось схватить их, чтобы они не расквасили ему нос.

Он вставил один из ключей в замок на входной двери — гладкой дубовой панели с ручкой и молотком в виде маленькой птички. Ключ повернулся легко, что было странно. Ключ был не от дверного замка, а от пишущей машинки. Он крепился к длинному стальному стержню. Все остальные ключи в связке оказались отмычками вроде тех, которыми пользуются грабители.

Он взялся за ручку и повернул ее. В ту же секунду обитая железом дубовая дверь вся усохла и сжалась, издав серию громких хлопков наподобие взрывов петард. Свет просочился наружу сквозь образовавшиеся трещины — вместе с облачком пыли. Раздался сухой шелчок, одна из декоративных железяк, украшавших дверь, отвалилась и упала на крыльцо прямо под ноги Тэду.

Он шагнул внутрь.

Он не хотел заходить в дом; он хотел постоять на крыльце и поспорить со Старком. И не просто по-

спорить, а *возмутиться!* Спросить у него, ну зачем, ради всего святого, он это делает. Потому что заходить в дом было еще страшнее, чем иметь дело с самим Старком. Но это был сон, плохой сон, и похоже, что сущность любого плохого сна — отсутствие контроля. Как будто мчишься на «американских горках», и твой вагончик в любую секунду может сорваться с рельсов и впечатать тебя в кирпичную стену, где ты умрешь так же грязно и неприглядно, как насекомое под ударом мухобойки.

Знакомая прихожая представлялась совсем незнакомой, чуть ли не враждебной. В основном из-за отсутствия старой, потертой ковровой дорожки, которую Лиз давно грозилась выкинуть на помойку... и хотя во сне это казалось пустячной мелочью, позже он часто думал об этом. Может быть, потому, что это было действительно страшно — страшно и за пределами сна. Можно ли говорить о какой-то стабильности в жизни, если изъятие такой малости, как старая ковровая дорожка в прихожей, вызывает столь сильные чувства несоответствия, растерянности, печали и страха?

Ему не понравилось эхо собственных шагов по голому деревянному полу, и не только потому, что из-за этого эха дом звучал так, словно злодей, стоявший у него за спиной, сказал правду — что здесь не живут, что здесь царит боль пустоты и безмолвия. Ему не нравился этот звук, потому что его шаги звучали потерянно и убийственно грустно.

Он хотел развернуться и уйти, но не мог этого сделать. Потому что у него за спиной стоял Старк, и Тэд откуда-то знал, что Старк держит в руке опасную бритву Алексиса Машины — ту самую бритву с перламутровой ручкой, которой одна из его любовниц исполосовала мерзавцу лицо в конце «Пути Машины».

Если он сейчас обернется, Джордж Старк повторит то же самое с его лицом.

Может, дом и был безлюден, но кроме ковров (оранжево-розовый, от стены до стены, ковер в гостиной тоже исчез), вся обстановка осталась на месте. Ваза с цветами стояла на маленьком столике в конце коридора, откуда можно было либо пройти прямо в гостиную с ее высоким потолком и окном во всю стену, выходящим на озеро, либо свернуть направо, в кухню. Тэд прикоснулся к вазе, и она взорвалась осколками и едким облаком керамической пыли. Вылилась застоявшаяся вода, и полдюжины свежих садовых роз почернели и ссохлись еще до того, как упали в зловонную лужицу на столе. Тэд прикоснулся к столу. Дерево отозвалось сухим треском, и столик раскололся надвое, его половинки осели на голый пол.

Что ты сделал с моим домом? — крикнул он человеку, стоявшему сзади... но не обернулся. Ему *и не надо было* оборачиваться, чтобы убедиться в присутствии опасной бритвы, которой (еще до того, как Нонни Гриффитс украсила ею Машину так, что его щеки свисали лоскутами мяса, а один глаз почти вывалился из глазницы) сам Машина взрезал носы своих «деловых конкурентов».

Ничего, ответил Старк, и Тэду не нужно было оглядываться, чтобы убедиться, что тот усмехается. Эта усмешка явственно слышалась в голосе. *Это сделал ты, дружище.*

Потом они оказались в кухне.

Тэд прикоснулся к плите, и она раскололась надвое с глухим звуком, похожим на звон большого колокола, заросшего грязью. Нагревательные спирали криво торчали вверх и раскачивались, как на ветру. Из темной дыры посредине духовки потянуло зловонием, и, заглянув внутрь, Тэд увидел индейку. Сгнившую и вонючую. Из нее вытекала какая-то черная жижа со сгустками полуразложившегося мяса.

Здесь у нас это называется фаршем из дураков, сказал Старк у него за спиной. *Дураки только на фарш и годятся.*

Ты о чем? — спросил Тэд. Где здесь?

В Эндсвиле, Тэд, спокойно проговорил Старк. В месте, где заканчиваются все рельсы.

Он добавил что-то еще, но Тэд не расслышал. На полу валялась сумочка Лиз, и Тэд о нее споткнулся. Чтобы не упасть, он схватился за стол, и тот осыпался на линолеум горой опилок и щепок. Блестящий гвоздь покатился в угол с тихим металлическим стуком.

Прекрати! Сейчас же! — закричал Тэд. Хочу проснуться! Ненавижу ломать вещи!

Уж кто всегда был неуклюжим, так это ты. Старк произнес это так, словно у Тэда была целая куча братьев, и все грациозные, как газели.

Вовсе не обязательно, встревоженный голос Тэда звенел, едва не срываясь на всхлип. Мне вовсе не обязательно быть неуклюжим. И не обязательно все ломать. Когда я осторожен, то все нормально.

Да... плохо только, что ты забыл об осторожности, сказал Старк, улыбаясь, все тем же голосом из разряда «я просто сообщаю, как обстоят дела». И они оказались в прихожей у задней двери.

Там была Лиз. Она сидела, раскинув ноги, в углу у двери в дровяной сарай. Один тапочек был на ноге, второй исчез. У нее на коленях лежалдохлый воробей. Лиз была в нейлоновых чулках, и Тэд увидел «дорожку» на одном из них. Она сидела, свесив голову; слегла жестковатые золотистые волосы закрывали лицо. Он не хотел видеть ее лицо. Точно так же, как ему не надо было смотреть на Старка, чтобы убедиться, что тот держит бритву, а его губы растянулись в острой как бритва ухмылке, ему не надо было смотреть на лицо Лиз, чтобы понять, что она не спит и не в обмороке. Она мертва.

Включи свет, будет лучше видно, сказал Старк с улыбкой все тем же голосом из разряда «да вот просто решил провести с тобой день, дружище». Его рука протянулась над плечом Тэда и указала на люстру, которую Тэд сле-

лал сам. Она, конечно, была электрической, но выглядела старинной: два фонаря «летучая мышь», закрепленных на деревянном штыре. Выключатель располагался на стене.

Я не хочу это видеть!

Он пытался сказать это твердо и с уверенностью в себе, но его уже начало пронимать. Он услышал, как подрагивает его голос, а это значило, что он готов разрыдаться. Да и то, что он говорил, уже не имело значения, потому что он потянулся к круглому выключателю на стене. Когда он прикоснулся к нему, между его пальцами проскочила синяя электрическая искра, не причинившая боли и скорее напоминавшая желе, чем свет. Круглая, цвета слоновой кости кнопка выключателя почернела, сорвалась со своего места и просвистела через всю комнату, словно крошечная летающая тарелка. Она пробила маленькое окошко в противоположной стене и исчезла, растворившись в дневном свете, который теперь приобрел жутко-зеленый оттенок окислившейся меди.

Лампы-фонари вспыхнули неестественно ярко, а деревянный штыр начал вращаться, закручивая цепь, на которой висела вся конструкция. Тени плясали на стенах, словно в какой-то сумасшедшей карусели. Один за другим лопнули оба плафона, обрушив на Тэда дождь стеклянных осколков.

Не раздумывая, он рванулся вперед и схватил свою бездыханную жену, чтобы вытащить ее из-под люстры, пока цепь не оборвалась и тяжелая деревяшка не грохнулась прямо на Лиз. Этот порыв был настолько силен, что заглушил все остальное, включая и его уверенность в том, что это уже ни к чему, потому что она мертва. Старк мог бы выкорчевать и обрушить на нее Эмпайрстейт-билдинг, и это было бы уже не важно. Во всяком случае, для нее. Теперь уже нет.

Когда он просунул руки ей под мышки и сцепил пальцы в замок над ее лопатками, ее тело подалось вперед, а голова откинулась назад. Кожа у нее на лице пошла трещинами, как на поверхности старинной китайской вазы. Ее пустые, остекленевшие глаза вдруг взорвались. Омерзительное, тошнотворно теплое зеленое желе брызнуло ему прямо в лицо. Ее рот открылся, зубы вылетели белым градом. Он почувствовал, как эти маленькие, гладкие, твердые градины бьют его по щекам и по лбу. Сквозь изрытые ямками десны наружу рвались сгустки крови. Язык вывалился изо рта и упал ей на колени, как окровавленный кусок змеи.

Тэд закричал — слава Богу, во сне, а не наяву, иначе он перепугал бы Лиз до полусмерти.

Я еще не закончил с тобой, тихо проговорил Джордж Старк у него за спиной. Он уже больше не улыбался. Голос его был холодным, как озеро Касл в ноябре. И хо-рошенько запомни. Даже не думай тягаться со мной. Потому что против меня...

3

Тэд резко дернулся и проснулся; лицо было мокрым, подушка, которую он судорожно прижимал к лицу, — тоже. Это мог быть просто пот, но могли быть и слезы.

— ...против меня ты слабак, — прошептал он в подушку, завершив фразу из сна. Потом подтянул колени к груди и еще долго лежал, содрогаясь.

— Тэд? — еле ворочая языком, пробормотала Лиз откуда-то из глубин своих собственных сновидений. — Близнецы спят?

— Спят, — выдавил он. — Я... нет, ничего. Спи.

— Да, все... — Она сказала что-то еще, но Тэд не расслышал; как не расслышал слова Старка, которые тот произнес после того, как сказал, что его дом в Касл-

Роке — это Эндсвиль... место, где заканчиваются все рельсы.

Тэд лежал на влажной от пота простыне, все так же судорожно сжимая подушку. Но постепенно его руки расслабились. Он отпустил подушку, растер лицо ладонью и стал ждать, когда сон отступит и уймется дрожь. Очень медленно, но он все-таки успокоился. Хорошо еще, что удалось не разбудить Лиз.

Он бездумно смотрел в темноту, не пытаясь понять смысл сна, а лишь желая, чтобы сон *ушел*, и по прошествии долгого — бесконечного — времени в соседней комнате проснулась Уэнди и начала громко плакать, чтобы ей сменили подгузник. Уильям, конечно, заплакал секундой позже, решив, что ему тоже нужно переодеться (хотя когда Тэд снял с него подгузник, тот оказался вполне сухим).

Лиз мгновенно проснулась и в полусне побрела в детскую. Тэд пошел с ней, не такой сонный и в кои-то веки благодарный за то, что близнецы потребовали внимания посреди ночи. Посреди *этой* ночи по крайней мере. Он переодевал Уильяма, а Лиз — Уэнди. Они почти не разговаривали, а когда снова легли в постель, Тэд с радостью ощутил, как его клонит в сон. Он думал, что этой ночью уже не заснет. А когда он проснулся и у него перед глазами еще живо стояла картина, как Лиз разывает на части, он испугался, что уже *никогда* не заснет.

Утром все забудется, как всегда забываются сны.

Это была его последняя мысль, перед тем как заснуть, но когда Тэд проснулся наутро, он помнил сон во всех подробностях (хотя из всех деталей только потерянное, одинокое эхо его шагов по голому полу полностью сохранило свою эмоциональную окраску), и даже со временем сон не растаял, как это обычно бывает со снами.

Это был один из тех редких снов, которые запоминаются, как будто все происходящее было наяву. Ключ, бывший ключом от пишущей машинки, ладонь без ли-

ний, сухой, почти механический голос Джорджа Старка, говоривший из-за плеча, что Старк с ним еще не закончил и ему даже думать не стоит о том, чтобы тягаться с этим психованным сукиным сыном, против которого Тэд слабак.

Глава 3

КЛАДБИЩЕНСКИЙ БЛЮЗ

1

Главным в городской бригаде озеленителей был Стивен Хольт, и, конечно же, все в Касл-Роке называли его Могильщиком. Так называли любого общественного садовника и землекопа в тысячах маленьких городков Новой Англии. Как и большинство из них, Хольт отвечал за немалую долю работ, особенно если принять во внимание численность его бригады. В городе было два бейсбольных стадиона Малой лиги, которые требовали ухода, один — у железнодорожной эстакады между Касл-Роком и Харлоу, второй — в Касл-Вью; был огромный общественный луг, который весной надлежало засеивать, летом — косить, а осенью — очищать от опавших листьев (не говоря уж о деревьях, которые надо было подрезать, а иногда и срубить, равно как и об обслуживании летней эстрады и скамеек вокруг нее); имелось и два городских парка, один — на берегу Касл-Стрим неподалеку от старой лесопилки, второй — у Касл-Фоллз, где с давних времен было зачато столько «плодов любви», что им давно потеряли счет.

Будь у него только эта работа, он бы жил в свое удовольствие и оставался бы стариной Стивеном Хольтом до конца своих дней. Но в Касл-Роке было еще три кладбища, за содержание и обслуживание которых тоже отвечала его бригада. Причем дело не ограничивалось погребением клиентов. Бригада Хольта сажала

растения, ровняла землю, меняла дерн. Убирала мусор. После каждого праздника надо было избавляться от засохших цветов и поблекших флажков — больше всего мусора оставалось после Дня поминовения, но и День независимости, День матери и День отца тоже были достаточно хлопотными. А еще периодически приходилось счищать непочтительные надписи, которыми малолетние хулиганы украшали надгробия.

Конечно, для города это вообще ничего не значило. Парни вроде Хольта получают подобные прозвища именно из-за своих похоронных обязанностей. Мать назвала его Стивенном, но для всех он был Могильщиком Хольтом — с тех самых пор, как взялся за это дело в 1964 году, — и останется Могильщиком Хольтом до конца своих дней, даже если вдруг сменит работу, на что он уже вряд ли решится в шестьдесят один год.

В семь утра в среду, в погожий и ясный первый день лета, Могильщик подъехал к железным воротам Старого городского кладбища. На воротах висел замок, но его использовали по назначению лишь дважды в году — в ночь школьного выпускного и на Хэллоуин. Могильщик вышел открыть ворота, потом сел обратно в пикап, въехал на территорию кладбища и медленно покатил по главной аллее.

На это утро была назначена предварительная инспекция. В машине лежал планшет с чистым листом. На нем Могильщик собирался отметить те кладбищенские участки, которые надо будет привести в порядок до Дня отца. Закончив на Старом городском, он поедет на кладбище Благодати Господней на другом конце города, а оттуда — на Стэкпоулский погост на пересечении Стэкпоул-роуд и городского шоссе номер 3. А после обеда они с ребятами примутся за дело — там, где в этом есть необходимость. Работы будет не много; все основное они уже сделали в конце апреля, во время «большой весенней уборки», как называл это Могильщик.

В те две недели они с Дейвом Филлипсом и Дейком Бредфордом, начальником Управления общественных работ, вкалывали как проклятые по десять часов в день, как это бывало каждую весну: вычищали засоренные дренажные трубы, заново клали дерн в тех местах, где вешние воды размывли почву, выравнивали надгробные плиты и памятники, покосившиеся из-за сдвигов грунта. Весной всегда образуется куча дел, больших и помельче, и Могильщик приходил домой смертельно уставшим. Сил хватало только на то, чтобы приготовить себе нехитрый ужин и выпить баночку пива перед тем, как рухнуть в постель. Большая весенняя уборка всегда заканчивалась в один и тот же день: когда Могильщик решал, что постоянная боль в спине все же сведет его с ума.

Июньская чистка была не такой напряженной, но не менее важной. В конце июня в город толпами хлынут отдыхающие, а вместе с ними и прежние жители (и их дети), которые уехали в места более теплые или хлебные, но сохранили недвижимость в городе. Вот от них-то, по скромному мнению Могильщика, и происходил весь геморрой. Кто еще будет биться в истерике, если на водяном колесе на старой лесопилльне вдруг отвалится одна лопасть или обрушится могильный камень дядюшки Реджинальда?

Ладно, подумал он. *Скоро зима*. Этой мыслью он утешал себя в любое время года, включая и самое начало лета, когда зима казалась далекой, как сон.

Старое кладбище — самое большое и самое красивое в городе. Его центральную аллею, почти такую же широкую, как обычная улица, пересекали четыре аллеи поуже. Между ними раскинулись аккуратно подстриженные лужайки. Могильщик проехал мимо первой боковой дорожки, мимо второй, добрался до третьей... и ударил по тормозам.

— Вот дерьмо на лопате! — воскликнул он, заглушая мотор и выбираясь наружу. Прошел по дорожке к разво-

роченной яме в траве, примерно в пятидесяти футах от перекрестка. Бурые комья земли валялись вокруг ямы, как шрапнель вокруг воронки от взрыва. — Опять эти чертовы дети!

Он встал над ямой, уперев большие мозолистые руки в бедра под вылинявшими зелеными рабочими штанами. Раскурочено было изрядно. Чаще всего ему с товарищами приходилось убирать за детишками, которым вдруг взбрело в голову ночью разрыть могилу на кладбище — то ли от балды, то ли спьяну. Обычно это была демонстрация смелости, вроде как посвящение, или обычная дурь подростков, ошалевших от лунного света и решивших немножечко порезвиться. Насколько Могильщику Хольту было известно, никто из них ни разу не выкопал гроб или, упаси Боже, кого-то из платных клиентов — как бы ни нажирались эти мелкие засранцы, их обычно хватало на яму глубиной фута два-три, после чего им надоедала эта игра, и они убирались восвояси. И хотя рытье ям на любом из местных костескладов категорически не приветствовалось (если, конечно, ты не был кем-то вроде Могильщика, а именно человеком, уполномоченным предавать клиентов земле и получавшим за это деньги), порчи от этого было немного. Обычно.

Но этот случай обычным не был.

У ямы не наблюдалось привычных очертаний; просто яма и все. И уж никак не *могила*. Могила должна быть аккуратной, с четкими прямыми углами. Яма была глубже тех, на какие обычно хватало пьянчуг и подростков, и глубина казалась неравномерной; ее стенки сходились в подобие конуса, и когда Могильщик понял, *на что* это похоже, у него по спине пробежал холодок.

Как будто кого-то похоронили здесь заживо, а потом этот кто-то пришел в себя и выкопался из земли голыми руками.

— Ты это брось, — пробормотал он. — Хреновы шуточки. *Детишки*, мать их.

Ну а кто же еще? В яме не было гроба, и свороченной надгробной плиты рядом не наблюдалось. Что совершенно логично, потому что здесь не было захоронено ничье *тело*. Ему не требовалось идти в контору, где на стене висела подробная карта кладбища, чтобы в этом убедиться. Этот шестиместный участок принадлежал главе городского управления Дэнфорту Китону по прозвищу Бастер. И заняты здесь были всего два места, где лежали отец и дядя Бастера. Вот они, справа. Надгробия стоят прямо, никто их не трогал.

Была и другая причина, по которой Могильщик так хорошо помнил этот участок. Именно здесь те нью-йоркцы установили фальшивое надгробие, когда делали свой репортаж о Тэде Бомонте. Бомонту с женой в городе принадлежал летний дом. На озере Касл. За домом следил Дейв Филлипс, а сам Могильщик помогал Дейву загудронировать подъездную дорожку — прошлой осенью, когда еще не начался листопад, и дел было немного. А потом, этой весной, Бомонт, явно смущаясь, спросил у него, можно ли будет поставить на кладбище фальшивое надгробие, чтобы какой-то фотограф смог сделать «трюковой кадр», как он это назвал.

— Если нельзя, вы так и скажите, — совсем уже засмущавшись, проговорил Бомонт. — Ничего страшного на самом деле.

— Да ставьте, раз надо, — благодушно ответил Могильщик. — Журнал «Пипл», вы говорите?

Тэд кивнул.

— Вот это да! Здорово, правда? О ком-то из нашего города напишут в «Пипл»! Надо будет потом раздобыть номер!

— А я вот не знаю, надо оно или нет, — сказал Бомонт. — Спасибо, мистер Холт.

Могильщику нравился Бомонт, хоть тот и был писателем. Сам Могильщик с трудом одолел восемь клас-

сов — причем восьмой со второй попытки, — и далеко не все в городе называли его «мистером».

— Да уж, эти журналюги... Дай им волю, они бы, наверное, сняли вас голышом да еще с причиндалом, заправленным в задницу датского дога, верно?

Бомонт рассмеялся, что с ним случалось нечасто.

— Да, им бы такое понравилось, — сказал он и хлопнул Могильщика по плечу.

Фотографом оказалась девица из тех, кого Могильщик называл «отборнейшими городскими сучками». Городом в данном случае был, конечно, Нью-Йорк. Ходила она так, как будто ей в интересное место вогнали веретено, и еще одно — в задницу, причем оба непрерывно вертелись. Она взяла микроавтобус в прокате в портлендском аэропорту и набила его под завязку всевозможным фотооборудованием, так что было вообще непонятно, как там еще помещаются она сама и ее ассистент. Если бы в микроавтобусе вдруг не хватило места и надо было бы выбирать, от чего избавляться — от ассистента или от части аппаратуры, — Могильщик даже не сомневался, что одному сладкому педикю из Большого Яблока пришлось бы ловить попутку от аэропорта.

У Бомонтов, приехавших следом за микроавтобусом на своей машине, был такой вид, словно все происходящее их смущает, но в то же время и веселит. А поскольку они находились в обществе отборнейшей городской сучки вроде бы по доброй воле, Могильщик решил, что веселье все-таки перевешивает смущение. Но чтобы уж точно в этом убедиться, он подошел к Бомонту и спросил, не обращая внимания на презрительный взгляд городской сучки:

— Все в порядке, мистер Би?

— Господи, нет. Но мы как-нибудь справимся, — сказал тот и подмигнул Могильщику. Могильщик подмигнул в ответ.

Убедившись, что Бомонты твердо намерены довести начатое до конца, Могильщик отошел в сторонку и стал наблюдать — как любой человек, он никогда не отказывался от бесплатного цирка. Фотограф притащила с собой еще и фальшивый надгробный камень, старомодный, с закругленным верхом. Он был больше похож на рисунки из комиксов Чарлза Аддамса, чем на настоящие надгробные камни, которые сам Могильщик устанавливал здесь недавно. Фотограф суежилась вокруг него, заставляя своего ассистента переставлять камень с места на место. Один раз Могильщик подошел и спросил, не надо ли подсобить, но девица лишь рывкнула: «Нет, спасибо», — в своей чванливой нью-йоркской манере, так что Могильщик отошел и больше уже не совался.

Наконец она добилась, чего хотела, и велела ассистенту заняться светом. На установку прожекторов ушло еще около получаса. Все это время мистер Бомонт просто стоял и смотрел, периодически поднося руку к лицу и потирая маленький белый шрам на лбу. Его глаза завораживали Могильщика.

А ведь он делает свои собственные фотографии, подумал Могильщик. И его снимки наверняка будут получше, чем у нее. И уж явно останутся на подольше, загрузятся в память. Он отложит ее про запас, а потом пропишет в какой-нибудь книге, а она даже ни сном ни духом.

Наконец фотограф объявила, что можно снимать. Она заставляла Бомонтов вновь и вновь пожимать друг другу руки над этим камнем, как будто нельзя было щелкнуть их с первого раза, тем более что в тот день было чертовски промозгло. Она орала на них точно так же, как на своего писклявого кривляку-ассистента — таким пронзительным нью-йоркским голосом, — и заставляла позировать снова и снова, потому что или свет не тот, или их лица не те, или в ее чертовой заднице что-то не то. А Могильщик все ждал, когда же мистер Бомонт — судя по слухам, не самый долготерпеливый товарищ на

свете — взорвется и скажет ей пару ласковых. Но мистер Бомонт — и его жена тоже — скорее забавлялись, чем злились, и оба безропотно выполняли все приказы отборнейшей городской сучки, хотя погода в тот день была пакостной. Сам Могильщик на его месте взбесился бы очень скоро. Секунд этак через пятнадцать.

И эта чертова яма была прямо здесь, на том месте, где они установили тот фальшивый надгробный камень. Да что уж там, если нужны дополнительные доказательства, вот они — круглые ямки в земле, оставленные высокими каблуками отборнейшей городской сучки. Да, она точно была из Нью-Йорка; только нью-йоркская дамочка напялит туфли на шпильках, когда еще не подсохла весенняя грязь, и станет разгуливать в них по кладбищу, делая снимки. Если только это не...

Мысли резко оборвались, и по спине Могильщика вновь пробежал неприятный холодок. Когда он разглядывал исчезающие следы от шпилек, его взгляд наткнулся на *другие* следы, посвежее.

2

Следы? Это следы?

Да нет, откуда здесь взяться следам? Просто придурок, который выкопал эту яму, разбросал часть земли чуть подальше. Вот и все.

Но это было не все, и Могильщик Холт *знал*, что не все. Еще до того, как он подошел к первому комку грунта на зеленой траве, он увидел глубокий отпечаток ботинка в куче земли, ближайшей к яме.

Да, следы. Ну и что? А ты думал, что тот, кто тут рылся, парил в воздухе с лопатой в руках, как Каспер — доброе привидение?

На свете есть много людей, у которых хорошо получается врать себе, но Могильщик Холт был не из их числа. И этот нервный, насмешливый голос у него в

голове не отменял того, что видели его глаза. Он был заядлым охотником, а прочесть эти следы не составляло труда. Как бы ему самому ни хотелось обратного.

Здесь, на ближайшей к яме куче земли, был не только след от ботинка, но и круглое углубление размером почти с обеденную тарелку, чуть левее отпечатка подошвы. А с обеих сторон от следа и углубления, но ближе к краю, виднелись бороздки в земле — явные следы пальцев. Пальцев, которые слегка соскользнули, прежде чем ухватиться как следует.

Чуть дальше от первого следа виднелся второй. А за вторым, на траве — фрагмент третьего, который образовался, когда земля отвалилась целым куском от ступившего туда ботинка. Хотя она и отвалилась, но была еще достаточно влажной, чтобы сохранить отпечаток... как и те три-четыре куска земли, которые Могильщик заметил с самого начала. Если бы он не приехал сюда так рано, когда трава была еще влажной, солнце успело бы высушить землю, и эти вывороченные комья рассыпались бы на мелкие, ничего не значащие кусочки.

Он очень жалел, что не пришел *позже*, что не поехал сначала на кладбище Благодати Господней, как, собственно, и собирался, когда выходил из дома.

Но он приехал сюда, и что уж теперь говорить.

Фрагменты следов сходили на нет футах в десяти от (могилы)

ямы в земле. Холт подозревал, что следы наверняка сохранились и дальше в сырой траве, и, наверное, нужно будет сходить проверить, хотя проверять не хотелось. Но пока что он перевел взгляд на самые четкие отпечатки — на небольшой кучке земли рядом с ямой.

Бороздки, оставленные соскользнувшими пальцами; круглое углубление чуть впереди; след башмака рядом с ним. О чем это говорит?

Ответ пришел в голову сразу, как секретное слово на старом шоу Граучо Маркса «Ставка — ваша жизнь». Он

увидел все ясно и живо, как будто сам при этом присутствовал, и именно поэтому ему так отчаянно не хотелось ввязываться в это дело. Дело-то было скверное.

Потому что смотрите: в свежевырытой яме стоит мужик.

Да, но как он там оказался?

Да, но кто выкопал эту яму: он сам или кто-то другой?

Да, но почему эти маленькие корешки все перекручены, измочалены и разорваны, как будто землю разгребали голыми руками, а не рассекали лопатой, чисто и аккуратно?

Ладно, не берем в голову все эти «но». Возможно, лучше о них забыть. Даже думать забыть. Вернемся к нашему мужику. Он стоит в яме, слишком глубокой, чтобы просто оттуда выпрыгнуть. И что он делает? Кладет руки на край и *подтягивается* наверх. Ничего сложного. То есть если ты взрослый мужик, а не мальчишка. Могильщик взглянул на ближайшие к нему следы и подумал: *Если это мальчишка, то нога у него будь здоров. Размер двенадцатый, если не больше.*

Руки на край. Подтягиваешься вверх. Руки скользят по влажной земле, и ты вцепляешься пальцами, оставляя вот эти короткие бороздки. Выбравшись наполовину, опираешься для равновесия на одно колено — вот она, круглая ямка. Ставишь другую ногу рядом с коленом, переносишь вес на нее, встаешь и уходишь. Плевое дело.

То есть какой-то мужик выкопался из могилы и усвистел по своим делам, так получается? Может, он там внизу малость проголодался и решил заглянуть в «Завтрак у Нэн», взять себе чизбургер и пиво?

— Какая, к чертям собачьим, могила? Обычная, на хрен, яма в земле! — сказал он вслух и испуганно вздрогнул, когда рядом сердито чирикнул воробей.

Да, просто яма в земле — он сам так сказал. Но тогда почему он не видит никаких следов от лопаты? Да и

вообще никаких отметин, которые обязательно должны быть при любых земляных работах. Почему здесь только одна цепочка следов, уходящая прочь от ямы? Почему нет следов вокруг ямы, ведь если мужик здесь копал, он должен был время от времени наступать на вынутую из ямы землю, как это всегда и бывает, когда человек роет яму?

Ему вдруг пришло в голову, что надо бы поразмыслить, как теперь поступить. Провалиться ему, если он знал. По идее здесь вроде как совершено преступление, но можно ли предъявлять обвинения в ограблении могилы, если на разрытом участке не было никакого тела? В худшем случае это можно назвать вандализмом, а если тут было что-то еще, Могильщик Холт не стремился это выяснять.

Может быть, лучше всего завалить эту яму вырытой из нее же землей, принести новой, если не хватит, и благополучно о ней забыть?

В конце концов, сказал он себе в третий раз, здесь никто и не был похоронен.

Перед его мысленным взором тут же возник тот дождливый весенний день. Ох ты, черт! Тот фальшивый надгробный камень выглядел в точности как настоящий! Когда ты своими глазами видишь, как этот хлипкий педикватый ассистент таскает его на себе, тебе, конечно, понятно, что камень поддельный. Но когда они установили его, положили эти искусственные цветы и все прочее, можно было подумать, что он настоящий, и под ним кто-то и вправду..

Волоски у него на руках встали дыбом.

— Ты давай прекращай это дело, — приказал он себе, а когда рядом снова сердито чирикнул воробей, Могильщик искренне обрадовался этому пусть и не очень приятному для слуха, но донельзя обычному и настоящему звуку. — Давай, мать, голоси, — сказал он и подошел к последнему фрагменту следа.

За ним, как он и подозревал, виднелись и другие следы на примятой траве. На большом расстоянии друг от друга. Глядя на них, Могильщик мог бы сказать, что мужик не бежал, но и времени не терял. Шагов через сорок он увидел еще одну метку, оставленную на пути того парня: перевернутую корзину с цветами, валявшуюся чуть поодаль цепочки следов. Похоже, раньше она стояла на дороге того мужика, и он запросто мог бы ее обойти, но вместо этого отшвырнул пинком и продолжил свой путь.

По мнению Могильщика Хольта, с людьми, которые так поступают, лучше не связываться, если только на это нет чертовски веских причин.

Мужик шел через кладбище по диагонали, видимо, направляясь к низкой стене, отделявшей кладбищенскую территорию от шоссе. Шел как человек, которому есть куда пойти и чем заняться.

Хотя воображение у него было развито не сильнее, чем способность к самообману (эти два свойства обычно идут рука об руку), на миг Могильщику показалось, что он прямо *видит* этого человека: здоровенный, крепкий мужик с великанским размером ноги шагает сквозь это тихое предместье мертвых в кромешной тьме, ступает уверенно и твердо, пинает корзину с цветами, подвернувшуюся под ноги, не остановившись даже на полсекунды. Он не боялся — уж *он*-то точно. Если здесь по ночам и бродили ожившие мертвецы, как утверждали некоторые горожане, то это *они* боялись *его*. И храни Боже любого, кто перешел бы ему дорогу.

Птица снова чирикнула.

Могильщик вздрогнул.

— Забудь об этом, дружище, — еще раз сказал он себе. — Закопай эту треклятую яму и забудь о ней думать.

Яму-то он закопал и честно пытался о ней забыть, но уже ближе к вечеру, когда Могильщик осматривал Стэкпоулское кладбище, его разыскал Дейк Бредфорд и

сообщил ему новость о Гомере Гамише, которого утром нашли меньше чем в миле от Старого городского кладбища, на шоссе номер 35. Весь город полнился домыслами и слухами.

И тогда, пусть и с большой неохотой, Могильщик Хольт пошел поговорить с шерифом Пэнгборном. Он не знал, связаны ли следы и яма с убийством Гомера Гамиша, но подумал, что лучше все рассказать, а дальше пусть разбираются те, кому платят за это деньги.

Глава 4

СМЕРТЬ В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДКЕ

1

Касл-Рок был невезучим городом — по крайней мере в последние годы.

Словно чтобы доказать, что старая поговорка о молнии, не бьющей дважды в одно и то же место, не всегда права, за последние восемь-десять лет в Касл-Роке случилось немало скверных событий — настолько скверных, что о них сообщали даже в общенациональных новостях. В то время городским шерифом был Джордж Баннерман, но Большому Джорджу, как его с уважением называли, не пришлось разбираться с делом Гомера Гамиша, потому что Большого Джорджа уже не было в живых. Он пережил первую беду, серию изнасилований с удушением, совершенных одним из его собственных подчиненных, но два года спустя его убила бешеная собака на городском шоссе номер 3. Причем не просто убила, а в прямом смысле слова разорвала в клочья. Оба случая были в высшей мере странными, но мир сам по себе — странное место. И жестокое. И иногда — невезучее.

Новый шериф (Алан Пэнгборн занимал этот пост восемь лет, но уже стало понятно, что он так и останется «новым шерифом» года этак до 2000-го — при условии,

как он всегда говорил жене, что не умрет раньше и что его будут переизбирать так долго) был не из местных: до 1980-го он возглавлял отдел дорожной полиции в маленьком, но активно растущем городке в северной части штата Нью-Йорк неподалеку от Сиракуз.

И вот теперь, глядя на избитое в кровавое месиво тело Гомера Гамиша, лежащее в придорожной канаве у шоссе номер 35, он очень жалел, что не остался работать на прежнем месте. Похоже, не все невезение Касл-Рока отошло в лучший мир вместе с Большим Джорджем Баннерманом.

Ой, да ладно... ни о чем ты не жалеешь. И не говори, что жалеешь, а то и вправду накликаешь неудачу. Это, черт возьми, самое лучшее место для Энни и мальчиков. И для тебя, кстати, тоже. Так что давай-ка не будем страдать этим самым.

Хороший совет. Пэнгборн давно понял, что голова всегда дает нервам дельный совет, которому они не могут последовать. Они отвечают: «Да, сэр. Вы все так хорошо объяснили. Очень правильно вы говорите». И все равно продолжают дрожать и звенеть.

И все-таки это его работа. Он еще и не такое видал, разве нет? За свою бытность шерифом он соскоблил с асфальта останки почти сорока человек, разогнал бесчисленное количество драк, разобрал сотню случаев издевательства над супругами и детьми — и это лишь те, о которых заявляли в полицию. Но все в мире стремится к равновесию: для города, где не так давно орудовал свой собственный маньяк, с убийствами в Касл-Роке обстояло на удивление тихо. Всего четыре, и только один из преступников сбежал — Джо Родуэй, который прикончил жену, вышибив ей мозги. Будучи немного знакомым с дамой, Пэнгборн почти огорчился, когда получил телекс из полицейского управления в Кингстоне, Род-Айленд, с сообщением, что Родуэй сидит у них в камере.

Еще одно из четырех — даже и не убийство, а гибель в автоаварии, а два оставшихся — банальные бытовые убийства, одно с применением ножа, другое — голыми руками. Причем второе можно было квалифицировать как насилие в семье, зашедшее слишком далеко, но с одной необычной деталью, отличавшей его от множества ему подобных: жена забила мужа до смерти, пока он валялся пьяный. Одно-единственное апокалипсическое выступление в отместку за почти два десятка лет издевательств. Последний набор синяков на теле женщины еще отливал яркой, здоровой желтизной, когда ей зачитывали приговор. Пэнгборн нисколько не огорчился, когда судья отпустил ее с миром после шестимесячного пребывания в женской исправительной тюрьме, а оставшиеся шесть лет дал условно. Возможно, судья Пендер поступил так лишь потому, что было бы неуместно выдать подсудимой то, что она действительно заслужила, а именно — медаль.

Пэнгборн давно убедился, что реальные убийства в маленьких городках обычно совсем не похожи на убийства в маленьких городках из романов Агаты Кристи, когда семеро человек по очереди пыряют ножом старого ловеласа полковника Сторпинга-Желвака в его загородном доме в Запруде-на-Ряске во время свирепой зимней бури. В реальной жизни, когда прибываешь на место, почти всегда застаешь там преступника; который тупо таращится на лужи крови и пытается сообразить, какого хрена он тут натворил и как могло получиться, что все так стремительно вышло из-под контроля. Даже если преступник сбегал, обычно он не уходил далеко, и всегда находилась пара-тройка свидетелей, которые могли точно сказать, что именно произошло, кто это сделал и куда он ушел. Ответ на последний вопрос в большинстве случаев — в ближайший бар. В реальной жизни убийства в маленьком городке, как правило, очень простые, жестокие и идиотские.

Как правило.

Но правила для того и существуют, чтобы их нарушать. Иногда молния все-таки *ударяет* дважды в одно и то же место, и время от времени в маленьких городках случаются убийства, которые не раскроешь прямо на месте. Убийства вроде такого.

Только этого Пэнгборну и не хватало.

2

Констебль Норрис Риджуик вышел из патрульной машины, припаркованной сразу за машиной Пэнгборна. Сигналы вызовов двух полицейских раций раздавались в теплом весеннем воздухе.

— Рэй уже едет? — спросил Пэнгборн. Рэй был Рэем Ван Алленом, окружным судмедэкспертом и коронером.

— Ага.

— А что супруга Гомера? Ей уже сообщили?

Пэнгборн говорил, отгоняя мух от лица Гомера. Собственно, от лица-то осталось не много. Только острый, торчащий вверх нос. Если бы не протез вместо левой руки и не золотые зубы — когда-то они красовались во рту Гомера, а теперь их обломки усыпали его морщинистую шею и рубашку на груди, — Гомера, наверное, не узнала бы даже родная мать.

Норрис Риджуик, чем-то похожий на Барни Файфа, помощника шерифа из старого сериала «Шоу Энди Гриффита», переминался с ноги на ногу и разглядывал свои ботинки, словно вдруг вспылал к ним интересом.

— Ну.. Джон сейчас на дежурстве, а Энди Клаттербак — в Оберне, в окружном суде...

Пэнгборн вздохнул и поднялся на ноги. Гамишу исполнилось — и теперь уже навсегда — шестьдесят семь. Они с женой жили в маленьком чистом домике рядом со старым железнодорожным депо меньше чем в двух милях отсюда. Их дети выросли и разъехались кто куда.

Это миссис Гамиш позвонила сегодня утром в контору шерифа и, чуть не плача, сказала, что проснулась в семь и обнаружила, что Гомер — который иногда спал в одной из старых детских, потому что она, миссис Гамиш, храпит — вообще не ночевал дома. Вечером, в семь часов, он, как обычно, уехал играть в боулинг и должен был вернуться к полуночи, самое позднее — к половине первого, но все постели оказались пустыми, а его пикапа нет ни в палисаднике, ни в гараже.

Шейла Бригем, диспетчер дневной смены, сообщила о поступившем звонке шерифу Пэнгборну, и тот перезвонил миссис Гамиш из телефона-автомата на автозаправке «Сонни Джэкеттс Суноко», где в тот момент заправлялся.

Она рассказала все, что ему надо было знать о машине — «шевроле»-пикап, 1971 года выпуска, белый, с пятнами темно-бордовой грунтовки в проржавевших местах, с ружейной стойкой в кабине, номерной знак штата Мэн 96529Q. Пэнгборн передал информацию по радиации всем патрульным (только троим, потому что Клат выступал свидетелем на суде в Оберне) и сказал миссис Гамиш, что перезвонит сразу, как только появятся какие-то новости. Он не особенно волновался. Гамиш любил накатить пивка, особенно по вечерам, когда играл с приятелями в боулинг, но идиотом он не был. Если старик выпил больше, чем того требует безопасность за рулем, он скорее всего заночевал на диване в гостиной у кого-то из своих партнеров по боулингу.

Но оставался один вопрос. Если Гомер решил заночевать у кого-то из своих товарищей, почему он не позвонил жене и не предупредил? Он же знал, что она будет переживать. Хотя было поздно, возможно, он думал, что она уже спит, и не хотел ее беспокоить. Это один вариант. А вот второй, еще лучше: Гамиш *звонил* жене, но та крепко спала и, возможно, храпела, как трактор. А дверь в комнату с телефоном была плотно закрыта.

Пэнгборн попрощался с расстроенной миссис Гамиш, повесил трубку и подумал, что ее муженек объявится самое позднее к одиннадцати утра, поджав хвост и страдая похмельем. Эллен, конечно, скажет ему пару ласковых. А Пэнгборн мысленно похвалит Гомера за то, что старику хватило ума не садиться за руль и не ехать тридцать миль между Саут-Пэрисом и Касл-Роком в пьяном виде.

По прошествии часа после звонка Эллен Гамиш ему вдруг пришло в голову, что, анализируя ситуацию, он упустил нечто важное. Если Гамиш остался на ночь у кого-нибудь из приятелей, такое явно случилось впервые. Иначе его жена сама бы об этом подумала и уж точно бы подождала какое-то время, прежде чем звонить шерифу. А потом Алана осенило, что Гомер Гамиш несколько староват, чтобы менять привычки. Если он заночевал у приятеля вчера ночью, он *должен был* делать так раньше. Но если судить по звонку жены, такого за ним не водилось. А если он раньше спокойно садился за руль пьяным и ехал домой, то что мешало ему поступить так и вчера... Однако что-то же помешало.

Значит, старый пес все-таки выучился новому трюку, подумал Пэнгборн. Такое случается. Или он просто напился сильнее обычного. Черт, он мог выпить не больше, чем всегда, а развезло его хлеще. Говорят, так бывает.

Он попытался забыть о Гомере Гамише хотя бы на время. Ему надо было разобрать кучу бумаг, а он сидел, катая по столу карандаш и размышляя о старом хрыче, который сейчас обретается черт знает где на своем пикапе, об этом старом грибе с ежиком редких седых волос и протезом вместо руки, которую он потерял в местечке под названием Пусан в необъявленной войне, случившейся в те времена, когда большинство нынешних ветеранов Вьетнама еще пачкали свои пеленки... все эти

мысли уж никак не помогали разбираться с бумагами. И уж точно не помогали искать Гамиша.

Но когда он уже направлялся в коморку Шейлы Бригем, чтобы попросить ее вызвать Норриса Риджуика и узнать, не выяснил ли что-нибудь *Норрис*, тот позвонил сам. То, что доложил Норрис, превратило крошечный ручеек беспокойства в мощный холодный поток, который обрушился на Алана и заставил оцепенеть.

Он всегда потешался над теми, кто звонит на радио в прямом эфире и рассуждает о телепатии и предвидении. Потешался, как человек, для которого интуиция и предчувствия давно стали частью работы — настолько, что он даже и не замечает, когда ими пользуется. Но если бы *в эту минуту* Алана спросили, какие у него есть мысли насчет Гомера Гамиша, он ответил бы так: *Когда позвонил Норрис... ну, вот тогда у меня появилась уверенность, что старик либо серьезно травмирован, либо мертв. Причем скорее второе.*

3

Норрис по случаю остановился у фермы Арсено на шоссе номер 35, примерно в миле к югу от Старого городского кладбища. Он даже не думал о Гомере Гамише, хотя от фермы Арсено до дома Гамишей было меньше трех миль, и если Гомер вчера возвращался домой из Саут-Пэриса наиболее разумным маршрутом, он должен был проезжать мимо фермы. Норрис даже не сомневался, что никто из Арсено не видел Гомера вчерашним вечером, потому что если бы они его видели, то уже минут через десять он бы вернулся домой целым и невредимым.

Норрис остановился у фермы Арсено лишь потому, что они держали лучший на все три городка придорожный продуктовый лоток. Норрис был из тех холостяков, которые любят готовить, и имел неодолимое пристра-

стие к свежему сахарному гороху. Вот он и остановился, чтобы узнать, когда тот появится в продаже. И уже потом, исключительно для проформы, решил спросить Долли Арсено, не видела ли она случайно пикап мистера Гамиша прошлой ночью.

— А знаете, — сказала миссис Арсено, — это забавно, что вы о нем упомянули, потому что я его *видела*. Поздно ночью... нет, если подумать, наверное, все-таки рано утром. Шоу Джонни Карсона еще шло, но уже близилось к завершению. Я как раз собиралась взять еще порцию мороженого, посмотреть шоу Дэвида Леттермана, ну, хотя бы начало, и лечь спать. В последнее время я плохо сплю, а тот человек на другой стороне дороги действовал мне на нервы.

— Какой человек, миссис Арсено? — тут же насторожился Норрис.

— Не знаю... просто какой-то человек. Но мне не понравился его вид. Было темно, я его и не видела толком, а мне все равно не понравился его вид, как вам такое? Звучит глупо, я знаю, но эта психиатрическая лечебница... Джунипер-Хилл... она совсем рядом, а когда видишь одинокого мужчину на загородном шоссе почти в час ночи, тут поневоле занервничаешь, даже если он в *костюме*.

— В каком костюме... — начал Норрис, но это было бесполезно. Миссис Арсено, истинная деревенская сплетница, раз открыв рот, уже не могла остановиться и обрушила на Норриса Риджуика нескончаемый поток слов. Он решил переждать это бедствие, а все ценное выудить по ходу дела. Он достал из кармана блокнот.

— В каком-то смысле, — продолжала она, — из-за этого костюма я *еще больше* разнервничалась. Это как-то *неправильно*, чтобы человек был в костюме в такое время, если вы понимаете, что я имею в виду. Наверное, не понимаете. Возможно, вы думаете, что я просто глупая старуха, и, наверное, *так и есть*, я и вправду глупая ста-

руха, но за пару минут до того, как подъехал Гомер, мне показалось, что тот человек собирается подойти к дому, я даже встала проверить, заперта ли дверь. Он смотрел в эту сторону, понимаете, я видела, как он смотрел. Наверное, потому, что свет в окне еще горел, хотя было поздно. Может быть, он и *меня* тоже видел, занавески-то прямо прозрачные. Я не разглядела его лицо... луны ночью не было, и я давно *не верю*, что нам здесь поставят фонари, не говоря уж о кабельном телевидении, как у них в городе... но я видела, как он повернул голову. А потом начал переходить дорогу... то есть мне так *показалось*, что он переходит дорогу или думает перейти, если вы понимаете, что я имею в виду... и я подумала, он сейчас подойдет, постучит в дверь и скажет, что у него машина сломалась, и спросит, можно ли от нас позвонить, и я думала, что мне делать, если он *постучится*, и стоит ли вообще отвечать. Да, наверное, я глупая старуха, потому что мне сразу вспомнилась та серия из «Альфред Хичкок представляет», где был один псих, который умел зачаровывать птичек, чтобы те слетались к нему с деревьев, и рубил людей топором, а куски складывал в багажник своей машины, а поймали его лишь потому, что у него не работал задний подфарник или что-то такое... но с другой стороны...

— Миссис Арсено, можно задать вам вопрос...

— ...мне не хотелось быть кем-то вроде того филистимлянина, или сарацина, или гоморрца, или кто там прошел мимо и не помог человеку, — продолжала миссис Арсено. — Ну, вы помните, в этой притче о добром самаритянине. Так что я малость растерялась. Но сказала себе...

К тому времени Норрис уже забыл о горошке. Ему наконец удалось прервать миссис Арсено, сказав ей, что человек, которого она видела ночью, возможно, имеет какое-то отношение к «ведущемуся расследованию», как он это назвал. Он заставил ее вернуться к началу и рас-

сказать еще раз — очень подробно, — что она видела, по возможности, если не трудно, опустив «Альфред Хичкок представляет» и притчу о добром самаритянине.

Если вкратце, как Норрис изложил это по рации шерифу Алану Пэнгборну, все происходило так: миссис Арсено смотрела «Шоу Джонни Карсона» в одиночестве, муж и сыновья уже спали. Ее кресло стояло у окна, выходящего на шоссе номер 35. Штора была поднята. Примерно в ноль тридцать или ноль сорок миссис Арсено выглянула в окно и увидела мужчину, стоявшего на другой стороне дороги... а именно, на стороне Старого городского кладбища.

Человек шел оттуда или откуда-то еще?

Миссис Арсено не могла сказать наверняка. Ей показалось, что, *возможно*, он шел от кладбища — иными словами, прочь из города, — но она не могла объяснить, почему у нее создалось такое впечатление. Потому что, когда она в первый раз выглянула в окно, там было только пустое шоссе, а перед тем как подняться, чтобы взять мороженое, она снова выглянула в окно, и мужчина уже был там. Он просто стоял и смотрел на освещенное окно — возможно, прямо на *нее*. Она подумала, что он собирается перейти через дорогу или уже начал переходить (*скорее всего он просто стоял*, подумал Алан, *а все остальное — фантазии нервной женщины*), когда на гребне холма показались огни. Увидев приближавшуюся машину, человек вытянул руку с поднятым большим пальцем, как делают все голосующие на дороге.

— Это была машина Гомера, да. И сам Гомер был за рулем, — сказала миссис Арсено Норрису Риджуику. — Сначала я подумала, что он просто проедет мимо, как сделал бы всякий нормальный человек, если кто-то голосует на пустом шоссе посреди ночи, но он все-таки остановился, и тот человек подбежал к пассажирской двери и сел в машину.

Миссис Арсено, которой было сорок шесть, а с виду — лет на двадцать больше, покачала седой головой.

— Гомер, наверно, был сильно пьян, если решил-ся взять пассажира в такой поздний час, — заключила она. — Тут надо быть или изрядно надравшись, или законченным дураком. А я знаю Гомера почти тридцать пять лет. Он не дурак. — Она секунду помедлила. — Ну... *не совсем*.

Норрис попытался узнать больше подробностей о костюме того мужчины, но безуспешно. Действительно жалко, подумал он, что уличные фонари заканчиваются как раз у ограды городского кладбища, но в маленьких городках типа Касл-Рока всегда туго с деньгами.

Миссис Арсено была уверена: это был именно костюм, а не куртка и не пиджак. И точно не черный — что оставляло широкий диапазон выбора из других цветов. Миссис Арсено могла добавить, что костюм не был белым, но если давать показания под присягой, она готова поклясться, что он был не черным.

— Я не прошу вас давать показания *под присягой*, миссис Арсено, — заверил Норрис.

— Когда беседуешь с представителем закона при исполнении служебных обязанностей, — ответила миссис Арсено, чопорно запустив руки в рукава свитера, — это одно и то же.

Все, что она знала, можно было резюмировать так: она видела, как Гомер Гамиш подобрал пассажира примерно без четверти час ночи. Вы скажете, не тот случай, чтобы звонить в ФБР. Но все выходит гораздо серьезнее, если добавить, что Гомер подобрал пассажира милях в трех от своего дома... но до дома так и не доехал.

Кстати, насчет костюма миссис Арсено была права. Человек, голосующий на шоссе в нескольких милях от города почти в час ночи, — это само по себе уже странно. В такое время всякий обычный бродяга дав-

но дрыхнет в пустом хлеву или в сарае на чьей-нибудь ферме. Но если добавить еще и то, что человек был в костюме и галстуке («Каком-то темном, — сказала миссис Арсено, — только не заставляйте меня говорить под присягой, какого именно цвета, потому что я все равно не смогла бы сказать»), то выходит совсем уж невесело.

— Что мне теперь делать? — спросил Норрис, закончив доклад по рации.

— Оставайся на месте, — ответил Алан. — Поболтай с миссис Арсено о сериях «Альфред Хичкок представляет». Я тоже люблю эту программу.

Но не успел он проехать и полмили, как место встречи с Норрисом пришлось перенести примерно на милю к западу от фермы Арсено. Парнишка по имени Фрэнк Гавино возвращался с рыбалки на речке Стриммер-Брук и увидел чьи-то ноги, торчавшие из зарослей сорняков на южной стороне шоссе номер 35. Он помчался домой и рассказал матери. Она позвонила в контору шерифа. Шейла Бригем передала сообщение Алану Пэнгборну и Норрису Риджуику. Шейла следовала инструкции и не называла по рации никаких имен — слишком много вокруг развелось юных радиолюбителей, пытающихся прослушать полицейские частоты, — но по ее расстроенному голосу Алан догадался, что даже она понимает, чьи это ноги.

Единственное, что случилось хорошего за все утро, так это то, что Норрис успел проблеваться еще до приезда Алана, и ему хватило ума отбежать на северную сторону дороги, подальше от тела и тех улик, которые там могли быть.

— Что теперь? — спросил Норрис, прерывая ход мыслей шерифа.

Алан тяжело вздохнул и прекратил отгонять мух от останков Гомера. Все равно это было без толку.

— Теперь мне придется поехать к Эллен Гамиш и сообщить, что сегодня утром она стала вдовой. Ты останешься здесь. Попытайся отгонять от трупа мух.

— Э-э... шериф, а зачем? Тут их вон сколько. А он уже...

— Мертв. Да, я вижу. Не знаю зачем. Потому что так будет правильно, я считаю. Мы не можем вернуть ему руку, но мы можем хотя бы не давать мухам срать на то, что осталось от его носа.

— Понял, — смиренно проговорил Норрис. — Я понял, шериф.

— Норрис, как думаешь, у тебя получится называть меня просто Аланом, если ты хорошо постараться? Если потренируешься?

— Да, шериф. Думаю, да.

Алан хмыкнул и обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на участок канавы, который, по всей вероятности, будет огорожен желтыми полицейскими лентами с надписью «ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН», когда он сюда вернется. Окружной коронер уже будет здесь. И Генри Пейтон из Оксфордской полиции штата. Фотографа и ребят из отдела расследований особо тяжких преступлений при Генеральной прокуратуре, возможно, еще не будет — если только кто-то из них не окажется где-то поблизости на расследовании другого дела, — но и они скоро приедут. К часу дня сюда прибудет и передвижная лаборатория полиции штата при полном комплекте рвущихся в бой криминалистов и судмедэкспертов, вкúпе с парнем, чье дело намешивать гипс и снимать отпечатки протекторов, которые Норрису хватило ума или везения не переехать колесами его патрульной машины. (Алан скрепя сердце выбрал везение.)

И все ради чего? Чтобы подтвердить, что подвыпивший старик остановился и по доброте душевной подвез незнакомца (*Давай забирайся, приятель, Алан*

буквально слышал его голос, *мне тут ехать всего пару миль, но хоть немножко тебя подброшу*), а незнакомец ответил тем, что забил старика до смерти и угнал его машину.

Алан предполагал, что мужчина в костюме попросил Гомера остановиться — скорее всего под предлогом, что ему надо отлить, — и как только они остановились, он схватил старика, вытащил из машины и...

И вот тут все стало плохо. Хуже некуда, черт возьми.

Алан в последний раз заглянул в канаву, где Норрис Риджуик сидел на корточках рядом с окровавленным куском мяса, который еще недавно был человеком, и, махая папкой-планшетом, терпеливо отгонял мух от того, что еще недавно было лицом Гомера. Его опять чуть не вывернуло наизнанку.

Это был просто старик, ты, мерзавец... старик, который и так-то одной ногой стоял в могиле, однорукий старик... старик, у которого в жизни осталась всего одна радость, поиграть в боулинг с друзьями. Так чего ж ты не вытащил его из машины за здоровую руку и не оставил его на дороге? Ночь была теплой, но даже если бы стало прохладней, с ним вряд ли бы что-то случилось. Могу поспорить на что угодно, в его крови мы найдем добрую порцию антифриза. Номер машины известен, ее уже объявили в розыск. И зачем было так делать? Надеюсь, у меня будет возможность спросить тебя лично.

Но так ли важны причины? Для Гомера Гамиша — уж точно нет. Уже нет. Для Гомера уже ничего не важно. Потому что, ударив его в первый раз, пассажир вытащил его из машины и поволок по земле в канаву, вероятно, держа под мышки. Алану не нужно было дожидаться ребят из отдела особо тяжких, чтобы распознать следы, оставленные каблуками ботинок Гамиша. По ходу дела пассажир обнаружил увечье Гомера. И уже на дне канавы он вырвал протез, бывший у Гамиша вместо руки, и до смерти забил им старика.

Глава 5

96529Q

— Не торопись! — Патрульный полиции штата Коннектикут Уоррен Гамильтон произнес это вслух, хотя находился в машине один. Дело было вечером 2 июня, примерно через тридцать пять часов после того, как изуродованное тело Гомера Гамиша обнаружили в крошечном городке штата Мэн — в городке, о котором патрульный Гамильтон никогда и не слышал.

Он находился на стоянке возле «Макдоналдса» по адресу Уэстпорт I-95 (южное направление). Он давно взял в привычку заезжать на стоянки у автозаправочных станций и закусочных, когда патрулировал федеральную автостраду; если ночью подкрасться к последнему ряду стоянки и встать, погасив фары, иной раз можно срубить неплохой улов. Да что — неплохой! Даже очень хороший. Когда Гамильтон чуял, что назревает такая возможность, он частенько разговаривал сам с собой. Обычно эти монологи начинались с фразы «Не торопись!» и продвигались к чему-то вроде «Давай-ка разъясим этого дятла» или «Спросим у мамочки, верит она или нет». Патрульный Гамильтон всегда спрашивал мамочку, верит она или нет, когда намечалось что-то интересненькое.

— И что у нас тут? — пробормотал он и дал задний ход. Мимо «камаро». Мимо «тойоты», в медно-красноватом свете натриевых ламп похожей на медленно дряхлеющую клячу. И... оп-ля! Старый пикап «Джи-Эм-Си», который при таком освещении казался оранжевым, а значит, на самом деле был белым или светло-серым.

Гамильтон включил фары и осветил номерной знак. Номера, по скромному мнению патрульного Гамильтона, становились все лучше и лучше. Один за другим штаты начали оснащать номерные знаки маленькими картинками. Благодаря этим изображениям различать

номера стало значительно легче, и особенно в темное время суток, когда из-за переменных условий освещения реальные цвета превращались черт знает во что. И самым поганым из всех — в смысле, для распознавания — был этот треклятый оранжевый свет ламп повышенной яркости. Гамильтон не знал, выполняли ли эти лампы свое назначение, а именно — предотвращать изнасилования и ограбления, но он ни капельки не сомневался, что из-за этого света у простых копов вроде него самого только добавилось геморроя с поиском угнанных автомобилей и уродов, скрывавшихся от правосудия на машинах без номеров.

Картинки на номерах изрядно облегчали задачу. Статуя Свободы, она и есть статуя Свободы — и в ярком солнечном свете, и в свечении этих оранжевых дур. И каким бы там ни был цвет номера, леди Свобода всегда означала Нью-Йорк.

Точно так же, как этот ублюдочный рак, которого он сейчас высветил фарами, означал штат Мэн. Теперь не нужно напрягать глаза, выискивая «СТРАНУ КАНИКУЛ», и не нужно гадать, а не белый ли на самом деле знак, который кажется розовым, или оранжевым, или цвета электрик. Достаточно просто взглянуть на этого ублюдочного рака. Гамильтон знал, конечно, что это лобстер, однако рак и есть рак, как его ни называй, и он скорее сожрал бы кусок пороссячьего дерьма, чем взял бы в рот хоть кусочек клешнистой гадости, но все-таки был доволен, что их теперь лепят на номера.

Особенно если ты ищешь номер именно с раком, и ищешь именно сегодня.

— Спросим у мамочки, верит она или нет, — пробормотал Гамильтон и зарулил на стоянку. Он отцепил свой планшет от магнита в центре приборной панели, перевернул верхний лист — пустой бланк штрафной квитанции, под которым все копы прячут розыскной список, поскольку широкой общественности вовсе не-

зачем паяться на номера, к которым полиция проявляет особенный интерес, пока сам владелец этого списка по-быстрому выскочил за гамбургером или заседает в сортире на подвернувшейся по дороге заправочной станции, — и провел большим пальцем по первой колонке.

И да, вот он, родимый. 96529Q, штат Мэн, дом родной для ублюдочных раков.

Проезжая мимо пикапа еще в первый раз, патрульный Гамильтон заметил, что в кабине никого нет. Там была ружейная стойка, но пустая. Возможно — маловероятно, но возможно, — кто-то прятался в грузовом отсеке. Также возможно, что этот кто-то прятался там с винтовкой, снятой со стойки. Но скорее всего водитель либо уже давно сделал ноги, либо пошел взять себе перекусить. И все же...

— Есть копы *старые*, есть *дурные*, но *старых* дурней среди них нет, — сказал патрульный Гамильтон, понизив голос.

Он выключил фары и медленно поехал вдоль ряда машин. Пару раз он притормаживал и включал фары, но даже не смотрел на освещаемые машины. Нельзя исключать, что мистер 96529Q, возвращаясь из рестораника и/или сортира, заметил, как Гамильтон рассматривал украденный пикап. И если он увидит, что патрульная машина проехала дальше и проверяет другие автомобили, может, он куда и не смоеется.

— Лучше перебдеть, чем недобдеть, чтоб потом все не пробздеть, — со смаком проговорил Гамильтон. Это было одно из любимых его высказываний. Не настолько, как «спросим у мамочки», но близко к тому.

Он зарулил на свободное место, откуда было сподручно наблюдать за пикапом, и связался с участком, располагавшимся в четырех милях отсюда. Доложил, что обнаружил пикап «Джи-Эм-Си» из Мэна, объявленный в розыск по делу об убийстве. Он запросил подкрепле-

ние, и ему было сказано, что подкрепление прибудет в ближайшее время.

Убедившись, что к пикапу никто не подходит, патрульный Гамильтон решил, что можно попробовать подойти самому, соблюдая, понятное дело, все меры предосторожности. И потом, за кого его примут ребята из подкрепления, если все это время, пока они едут, он будет сидеть как дурак в темноте, за целый ряд до пикапа.

Он выбрался из патрульной машины, расстегнул кобуру, но вытаскивать пушку не стал. За все время службы в полиции Гамильтон вынимал револьвер только дважды и ни разу из него не стрелял. И сейчас ему очень хотелось, чтобы не пришлось делать ни то ни другое. Он приближался к пикапу под таким углом, чтобы видеть и автомобиль — *особенно* грузовой отсек, — и проход от «Макдоналдса». Остановился, когда из рестораника вышли мужчина и женщина и направились к своему «форду» в трех рядах ближе к зданию. Когда они сели в машину и поехали к выезду со стоянки, Гамильтон двинулся дальше.

Держа правую руку на рукояти служебного револьвера, левой потянулся к бедру. Пояса полицейского обмундирования, по скромному мнению Гамильтона, *тоже* становились все лучше и лучше. С самого детства и по сей день он был страстным фанатом Бэтмена, или Крестоносца в плаще. Гамильтон даже подозревал, что стал полицейским отчасти из-за Бэтмена (хотя в своем резюме он опустил эту маленькую подробность). Его любимым бэтменовским приспособлением был не шест, не метательные мыши-бэттанги и даже не бэтмобиль, а пояс с инструментами. Это была совершенно волшебная штука, прямо переносной магазин подарков. Там было всего понемножку на все случаи жизни, будь то веревка, очки ночного видения или пара капсул с нервно-паралитическим газом. Собственный пояс патрульного Га-

милльтона был, конечно, далеко не так крут, но на левой его стороне имелось три отделения с тремя очень полезными штуками. Первая — работавший на батарейках цилиндр, рекламируемый на рынке под названием «Псина, лежать!». Если нажать красную кнопку, «Псина, лежать!» издавал ультразвуковой свист, от которого даже беснующийся питбуль превращался в разваренную макаронину. Вторая — баллончик с «мейсом» (коннектикутская полицейская версия бэтменовского нервно-паралитического газа), и третья — мощный электрический фонарик.

Гамильтон снял с пояса фонарик, включил его и частично прикрыл луч левой рукой. Он проделал все это, ни на миг не убирая правую руку с рукояти револьвера. Есть копы *старые*, есть *смелые*, но *старых смельчаков* среди них нет.

Он провел лучом по кузовному отсеку пикапа. Там валялся кусок брезента, ничего больше. В кузове было пусто, как и в кабине.

Все это время Гамильтон держался на благоразумном расстоянии от «Джи-Эм-Си» с раком на номере. Привычка настолько укоренилась в его голове, что он делал так не задумываясь. Он наклонился и посветил *под* пикап, последнее место, где, возможно, прятался кто-то, способный причинить ему вред. Вряд ли, конечно, но ему не хотелось, чтобы, когда он откинет копыта, священник начал надгробную речь словами: «Дорогие друзья, сегодня мы провожаем в последний путь патрульного Уоррена Гамильтона, героически погибшего при исполнении служебных обязанностей». Это будет совсем уж паршиво.

Он быстро провел лучом под пикапом слева направо, но не увидел ничего, кроме ржавого глушителя, который грозил отвалиться в самом ближайшем будущем — впрочем, если судить по тому, сколько в нем было дырок, водитель вряд ли заметит разницу.

— Думаю, крошка, мы здесь одни, — сказал патрульный Гамильтон. Он огляделся по сторонам, обращая особое внимание на проход от ресторана. Поскольку поблизости не наблюдалось никого, кто наблюдал бы за ним, Гамильтон подошел к окну с пассажирской стороны кабины и посветил фонариком внутрь.

— Ох, ни хрена себе, — пробормотал он. — Спросим у мамочки, верит она или нет. — Он вдруг безумно обрадовался оранжевым фонарям, освещавшим стоянку и внутренности кабины, потому что в их свете то, что должно было быть темно-бордовым, казалось почти черным. Как будто это не кровь, а чернила. — И он *вот так* ехал? Господи Боже, всю дорогу от Мэна он в этом *ехал*? Спросим у мамочки...

Он наклонил фонарик вниз. Сиденье и пол напоминали свинарник. Он увидел банки из-под пива и безалкогольных напитков, пустые или почти пустые пакеты из-под чипсов и хрустящих шкварок, коробки из-под бигмаков и вопперов. Комок чего-то похожего на старую жвачку был расплюснен на приборной доске над тем местом, где когда-то стояло радио. Пепельницу переполняли окурки сигарет без фильтра.

Но больше всего было крови.

Потеки и пятна крови на сиденьях. Кровь, втертая в руль. Корка засохшей крови на кнопке сигнала, почти полностью скрывшая вытесненный на ней фирменный знак «Шевроле». Кровь на дверной ручке с водительской стороны, пятно крови на зеркале заднего вида — это пятно было круглым, даже, скорее, овальным. Гамильтон подумал, что мистер 96529Q, похоже, оставил почти идеальный отпечаток пальца кровью собственной жертвы, когда подправлял зеркало. На одной из коробок из-под бигмака тоже запеклась кровь. И вроде бы к ней прилипли волосы.

— И что он сказал девочке на въезде? — пробормотал Гамильтон. — Слегка порезался, когда брился?

За спиной что-то шаркнуло. Гамильтон развернулся, уже понимая, что не успеет, что, несмотря на все обычные предосторожности, он все-таки оказался из тех смельчаков, которые не доживают до старости, потому что здесь был не обычный случай, нет, *сэр*. Парень подобрался к нему со спины, и уже очень скоро — вот прямо сейчас — в кабине пикапа «шевроле» будет еще больше крови, *его собственной* крови, потому что парень, который проехал на передвижной скотобойне от Мэна почти до границы штата Нью-Йорк, явно законченный психопат, которому прикончить патрульного полицейского — плюнуть и растереть.

Гамильтон вытащил револьвер, в третий раз за все время службы, взвел курок и чуть было не выстрелил (дважды, трижды) в пустоту и темноту; он был взвинчен до предела. Но там не было никого.

Он медленно опустил револьвер. Кровь стучала в висках.

Легкий ветерок всколыхнул ночь. Снова раздался тот шаркающий звук. Гамильтон увидел, что это пустая коробка от филе-о-фиш — из этого самого «Макдоналдса», никаких сомнений, потрясающе, Холмс, элементарно, Ватсон, — шуршит по асфальту, подгоняемая ветерком. Она проехала пять-шесть футов и остановилась.

Гамильтон с шумом выдохнул и осторожно опустил курок.

— Чуть было не облажались, Холмс, — сказал он дрожащим голосом. — Еще чуть-чуть, и пришлось бы отчитываться в применении оружия.

Он уже собирался убрать револьвер в кобуру — теперь, когда стало ясно, что стрелять не в кого, разве что в пустую коробку от рыбного сэндвича, — но решил все-таки поддержать его до прибытия подкрепления. С револьвером в руке как-то спокойнее. Потому что дело не только в кровище и не в том, что мужик, которого копы из Мэна объявили в розыск по делу об убийстве,

совершенно спокойно проехал четыреста миль посреди этого «мяса». Вокруг пикапа изрядно воняло. Примерно так, как воняет в том месте на сельской дороге, где машина сбила и переехала скунса. Гамильтон не знал, почувствуют ли этот запах ребята из подкрепления или он предназначался лишь для него одного. Не знал и знать не хотел. Это был скверный запах. Не крови, не протухшей еды, не немытого тела. Это был запах чего-то *плохого*. Очень и очень плохого. Настолько плохого, что Гамильтон не хотел убирать пистолет в кобуру, пусть даже был почти уверен, что обладатель этого запаха давно сделал ноги, может быть, несколько часов назад — он не слышал никакого потрескивания, характерного для еще теплого двигателя. Но это было не важно. Это никак не меняло того, что он знал: на короткое время этот пикап стал берлогой какого-то страшного зверя, и Гамильтон не хотел рисковать. Если зверь вдруг вернется, патрульный Уоррен Гамильтон будет к этому готов. Мамочка может не сомневаться. Он так и стоял с револьвером в руке и с волосами, шевелящимися на затылке, и прошла, как ему показалось, целая вечность, пока наконец не подъехало подкрепление.

Глава 6

СМЕРТЬ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

Доуди Эберхарт была злая как черт, а когда Доуди Эберхарт злилась, это означало, что в столице появилась одна бабенка, с которой никто не захочет связываться. Она поднималась по лестнице многоквартирного дома на Эл-стрит с невозмутимостью (и примерно такой же массой) носорога, бредущего по травянистой равнине. При каждом вдохе ее синее платье растягивалось на груди, слишком большой, чтобы назвать ее просто пышной. Мясистые руки раскачивались, как маятники.

Давным-давно, много лет назад, эта женщина была одной из самых шикарных во всем Вашингтоне девочка по вызову. В те времена ее рост — шесть футов три дюйма, — равно как и эффектная внешность делали ее не простой шлюхой; на нее был такой спрос, что ночь с ней считалась почти такой же почетной, как трофей на охоте, и если внимательно рассмотреть фотографии вашингтонских элитных тусовок и официальных приемов времен второй администрации Джонсона и первой администрации Никсона, на многих из них можно заметить Доуди Эберхарт, обычно под руку с человеком, чье имя часто упоминалось в серьезных политических статьях и эссе. Ее было трудно не заметить, хотя бы из-за роста.

Доуди была шлюхой с сердцем банковского кассира и душонкой жадного таракана. Двое из ее регулярных клиентов, один — сенатор от демократов, второй — республиканец, член палаты представителей и далеко не последний из них, обеспечили ей безбедное существование, так что она смогла отойти от дел. Они сделали это не совсем добровольно. Доуди понимала, что риск подцепить какую-нибудь заразу отнюдь не снижался (высокопоставленные правительственные чиновники точно так же подвержены СПИДу и прочим не столь серьезным, но все равно неприятным венерическим «радостям», как и простые граждане). Годы тоже не убывали. И ей не очень-то верилось в клятвенные заверения обоих джентльменов, что они непременно оставят ей что-нибудь по завещанию. Прошу прощения, сказала она им обоим, но я больше не верю в Зубную фею и Санта-Клауса. Малышке Доуди надо крутиться самой.

На вырученные деньги малышка Доуди приобрела три многоквартирных дома. Шли годы. Сто семьдесят фунтов роскошного тела, при виде которого сильные мужики падали на колени (обычно прямо перед ней, когда она раздевалась догола), теперь превратились во

все двести восемьдесят. Вложения, вполне окупавшиеся в середине семидесятых, накрылись тем самым местом в восьмидесятые, когда богатели все те, кто вложил деньги в рынок ценных бумаг. В шорт-листе ее клиентов значились два первоклассных брокера — вплоть до конца активной фазы ее карьеры; и Доуди частенько жалела о том, что не держалась за них, когда «вышла на пенсию».

Один дом она потеряла в 1984-м; второй — в 1986-м, после налоговой проверки, обернувшейся катастрофой. За этот дом на Эл-стрит она держалась с решимостью человека, который отчаянно проигрывает в «Монополию», но верит, что ему еще выпадет шанс отыграться. Но шанс так и не выпал и вряд ли выпадет в ближайшие пару лет... или позже. Когда это случится, Доуди быстро соберет чемоданы и улетит на Арубу. Ну а пока что домовладелице, в прошлом — самой востребованной из столичных проституток, следует стойко держаться.

Чем она и занималась всю жизнь.

И намерена заниматься впредь.

И храни Боже любого, кто ей помешает.

Например, Фредерика Клоусона, или просто Прыща.

Она поднялась на площадку второго этажа. В квартире Шульманов гремела музыка. «Ганз энд Роузез».

— НУ-КА БЫСТРО ВЫКЛЮЧИЛИ МУЗОН! — заорала она во весь голос... а когда Доуди Эберхарт врубала голос на полную мощность, от ее децибелов трескались оконные стекла, у детей лопались барабанные перепонки, а собаки падали замертво.

Музыку приглушили мгновенно. Доуди прямо чувствовала, как Шульманы испуганно жмутся друг к другу, словно пара дрожащих в грозу щенков, и молятся, чтобы эта Злая Ведьма с Эл-стрит пришла не к ним. Они боялись ее. И правильно делали. Шульман работал юрисконсультантом в очень солидной фирме, но ему

предстояло нажать себе еще пару язв, прежде чем его влияние укрепится настолько, что он сможет без всяких последствий огрызаться на Доуди. Если он что-то вякнет сейчас, на данном этапе своей молодой жизни, она сожрет его с потрохами, и он это знал, что не могло не радовать.

Когда твой счет в банке стремительно тает, а портфель инвестиций худеет, приходится радоваться хоть чему-то.

Не сбавляя шаг, Доуди повернула за угол и начала подниматься на третий этаж, где в одиноком роскошестве жил Фредерик Клоусон, он же Прыщ. Она шла все с той же неотвратимой неспешностью носорога, бредущего по травянистой равнине: подбородок приподнят, дыхание нисколько не сбилось, несмотря на столь мощный вес. Прочная лестница мелко подрагивала.

Доуди уже предвкушала, что сейчас будет.

Клоусон даже не стоял у подножия корпоративно-юридической пирамиды. Он к этой пирамиде вообще еще не приблизился. Как у всех студентов-юристов, которых знала Доуди (исключительно как жильцов; она никогда не трахалась с кем-то из студентов в своей «другой жизни», как она это теперь называла), у него были слишком большие запросы при слишком малой платежеспособности. Все эти студенты-юристы считали себя шибко умными и пытались компостировать ей мозг. С ней этот номер обычно не проходил. Потому что давать им отсрочку по платежам — это почти то же самое, что давать даром. Один раз уступишь, и тебя будут иметь во все дыры.

Образно выражаясь, конечно.

Однако Прыщу Клоусону удалось частично прорвать ее оборону. Четыре раза подряд он задерживал оплату, и Доуди это терпела, потому что он убедил ее в том, что в его случае старая скучная сказочка — это не сказка, а быль (или может стать былью): у него *будут* деньги.

Вряд ли бы у него что-то вышло, если бы он принялся утверждать, что Сидни Шелдон — это на самом деле Роберт Ладлэм, а Виктория Холт — это Розмари Роджерс, потому что Доуди было наплевать на всех этих писателей и на миллиарды их двойников. Она предпочитала криминальные романы, и чем больше в них «мяса», тем лучше. Она вполне допускала, что многим нравится романтическая размазня и шпионская хрень, если список бестселлеров в «Пост» может служить показателем, но сама Доуди читала Элмора Леонарда за много лет до того, как он сам попал в списки бестселлеров, и всерьез увлеклась Джимом Томпсоном, Дэвидом Гудисом, Хорасом Маккоем, Чарлзом Уиллфордом и прочими в том же духе. Если коротко и по сути, Доуди Эберхарт обожала романы, в которых мужики грабили банки, стреляли друг в друга и проявляли любовь к своим женщинам, избивая их до полусмерти.

Джордж Старк был — то есть теперь уже точно *был* — самым лучшим. Она была его преданной и убежденной поклонницей от «Пути Машины» и «Оксфордского блюза» вплоть до «Дороги в Вавилон», похоже, последней из его книг.

Прыщ, проживавший в квартире на третьем, сидел, обложившись конспектами и книгами Старка, когда Доуди пришла к нему в первый раз — напомнить, что надо бы заплатить за квартиру (в тот раз он задержал плату всего на три дня, но им только дай палец — откусят всю руку). Разобравшись со своим вопросом — Клоусон пообещал передать ей чек завтра еще до полудня, — она поинтересовалась, для чего будущему юристу изучать произведения Джорджа Старка? Это теперь обязательно для успешной карьеры в юриспруденции?

— Нет, — ответил Клоусон с лучезарной улыбкой, радостной и откровенно хищной. — Но может поддержать такую карьеру *финансово*.

Именно эта улыбка ее и зацепила, заставила дать ему послабление в сроках оплаты, хотя в любом другом случае она бы сразу взяла должника за горло. Такую улыбку она не раз видела прежде — глядя на себя в зеркало. Тогда она была твердо уверена, что такую улыбку подделать нельзя, и, между прочим, считала так до сих пор. Клоусон *и вправду* нарыл компромат на Тадеуса Бомонта; его ошибка была только в несокрушимой уверенности, что Бомонт поведется на его удочку. Тут Фредерик Клоусон, он же Прыщ, здорово просчитался. И она про считалась тоже.

Она прочитала один из двух романов Бомонта — «Пурпурный туман» — после того как Клоусон ей рассказал о своем открытии, и решила, что это на редкость дурацкая книга. Несмотря на все письма и ксерокопии, которые показал Клоусон, ей все равно было трудно, практически невозможно поверить, что два этих автора — один и тот же человек. Разве что... примерно на третьей четверти книги, когда Доуди уже собиралась зашвырнуть эту дерьмовую тягомотину через всю комнату и благополучно о ней забыть, она дочитала до места, где фермер пристреливал лошадь. Коняга сломала две ноги, и ее надо было пристрелить, но весь смак в том, что старому фермеру Джону это *вставляло*. Приставив ствол ружья к голове лошади, он принялся гонять лысого и выстрелил точно в момент оргазма.

Впечатление было такое, что, добравшись до этой сцены, Бомонт отошел выпить чашечку кофе... а весь кусок написал Джордж Старк, этаким литературный Румпельштильхен. Ну да. Это была единственная иголка в стоге сена.

Но теперь это уже не важно. Каждый в жизни хоть раз, да проколется. Прыщ Клоусон все-таки заморочил ей голову, и хорошо, что *ненадолго*. А теперь все закончилось.

Доуди Эберхарт добралась до площадки третьего этажа. Она заранее сжала руку в кулак, потому что сейчас был тот случай, когда надо не вежливо стучаться, а колотить в дверь со всей силы. Но тут обнаружилось, что колотить не придется. Дверь в квартиру Прыща была приоткрыта.

— Ну что такое! — пробормотала Доуди, кривя губы. У них, конечно, приличный район, не наркоманский, но если есть шанс забраться в квартиру к какому-нибудь идиоту, наркоманы охотно это сделают. Парень оказался еще глупей, чем она думала.

Она легонько постучала в дверь костяшками пальцев, и дверь распахнулась.

— Клоусон! — позвала она голосом, обещавшим погибель и вечные муки.

Ответа не последовало. Из коридора Доуди было видно, что в гостиной задернуты шторы и горит верхний свет. Негромко играло радио.

— Клоусон, нам надо поговорить!

Она пошла по короткому коридору... и остановилась.

Одна из диванных подушек валялась на полу.

Вот и все. Ничто не указывало на то, что здесь побывали какие-нибудь невменяемые наркоманы, но ее интуиция, все еще острая, сработала сразу. Она что-то почуяла. Запах был очень слабый, но *был*. Немного похоже на запах еды, которая уже испортилась, но еще не протухла. На самом деле тут было что-то другое, просто Доуди не знала, как еще это определить. Доводилось ли ей чують что-то такое раньше? Кажется, да.

И был еще один запах, хотя она сомневалась, что чуюла его носом. Этот запах она распознала сразу. Будь здесь патрульный Гамильтон из Коннектикута, он бы тоже мгновенно его узнал: запах чего-то плохого. Запах беды.

Она стояла на пороге гостиной, глядя на сброшенную подушку и слушая радио. То, чего не смог сделать подь-

ем на три лестничных пролета, сделала обыкновенная подушка — сердце учащенно забилося под необъятной левой грудью, дыхание вырывалось изо рта мелкими судорожными порциями. Что-то здесь было не так. Очень сильно не так. Вопрос только в том, коснется это ее или нет, если она здесь застрянет.

Здравый смысл подсказывал, что надо бежать. Бежать, пока еще есть возможность. И здравый смысл был силен. Но любопытство велело остаться и посмотреть... и оно оказалось сильнее.

Она осторожно просунула голову в комнату и сначала посмотрела направо, где был фальшивый камин, два окна с видом на Эл-стрит и, в общем-то, ничего интересного. Она посмотрела налево и вдруг застыла. Ее как будто замкнуло в таком положении. Глаза широко раскрылись.

Она стояла так не больше трех секунд, но ей показалось, что больше, гораздо больше. За эти секунды она разглядела все вплоть до мельчайших деталей; ее разум зафиксировал увиденное так же четко и ясно, как чуть позже это заснимет фотограф из оперативно-следственной группы.

Она увидела две бутылки пива «Амстель» на журнальном столике, одну пустую, другую — полупустую, все еще с пеной в горлышке. Она увидела пепельницу с надписью «БОЛЬШОЙ ЧИКАГО» на ободке. Она увидела два окурка сигарет без фильтра, вдавленные в девственно-белую чашу пепельницы, хотя Прыщ не курил — во всяком случае, не табак. Она увидела маленькую пластмассовую коробочку из-под канцелярских кнопок, лежавшую на боку между пепельницей и бутылками. Кнопки, которыми Прыщ прищипливал записи и бумажки к пробковой доске, были рассыпаны по стеклянной поверхности журнального столика. Она увидела, что несколько кнопок упало на журнал «Пипл»,

раскрытый на той самой статье о Тэде Бомонте/Джордже Старке. Она увидела снимок, на котором мистер и миссис Бомонт пожимали друг другу руки над могилой Старка, правда, он лежал вверх ногами. Фредерик Клоусон уверял, что эту историю никто никогда не напечатает, но его самого она сделает человеком вполне богатым. Однако в этом он сильно ошибся. Похоже, он сильно ошибся во всем.

Она увидела Фредерика Клоусона, сидевшего на стуле, к которому был привязан. И теперь у него даже прыща не осталось. Он сидел голышом, его скомканная одежда валялась под журнальным столиком. В паху Клоусона зияла кровавая дыра. Яйца были на месте, а член ему запихали в рот. Он прекрасно туда поместился, потому что убийца вырезал у Клоусона язык. Сам язык был пришпилен к стене. Кнопку так глубоко вбили в мясо, что был виден лишь полумесяц ярко-желтой головки, похожий на радостную улыбку. Разум Доуди беспощадно зафиксировал и это тоже. Кровь растеклась по обоям дрожащими линиями, и получился рисунок, похожий на веер.

Убийца использовал еще одну кнопку, на этот раз с ярко-зеленой головкой, чтобы приколоть к голой груди экс-прыща вторую страницу статьи из «Пипл». Доуди не видела лица Лиз Бомонт — оно было залито кровью Клоусона, — но зато видела руку, которая протягивала блюдо с шоколадными кексами улыбавшемуся Тэду. Она вспомнила, как Клоусон бесновался по поводу этого снимка. «Это обман! — кричал он. — Она ненавидит готовить. Сама так сказала в интервью после выхода первой книги Бомонта».

Над отрезанным языком на стене было написано пальцем, обмакнутым в кровь:

ВОРОБЬИ СНОВА ЛЕТАЮТ.

Господи боже, мелькнула мысль глубоко в сознании Доуди. Прямо как в книгах Джорджа Старка... как будто здесь побывал Алексис Машина.

У нее за спиной раздался негромкий глухой хлопок.

Доуди Эберхарт закричала и обернулась. Машина шел на нее со своей страшной бритвой, стальной блеск которой теперь был приглушен пленкой крови Фредерика Клоусона. Вместо лица — искривленная маска из сплошных шрамов. Все, что осталось после того, как Нонни Гриффитс искромсала его в финале «Пути Машины», и...

В коридоре никого не было.

Дверь захлопнулась сама по себе. Иногда так бывает.

А ты уверена? — спросил тоненький голос из глубин сознания... только теперь он звучал ближе и громче и звенел от страха. Когда ты сюда поднялась, дверь была приоткрыта. Не распахнута настежь, а просто слегка приоткрыта. Но сразу было件нятно, что она не заперта.

Ее взгляд вернулся к бутылкам на столике. Одна пустая. Вторая полупустая, все еще с пеной в горлышке.

Убийца стоял за дверью, когда Доуди сюда вошла. Если бы она обернулась, она бы точно его увидела... и сейчас тоже была бы мертва.

И пока она тут стояла, зачарованная живописной картиной с останками Фредерика Клоусона, убийца спокойно вышел, закрыв за собой дверь.

Ноги вдруг стали ватными, и она опустилась на колени с каким-то странным изяществом, словно девочка, готовая принять причастие. В голове вертелась как белка в колесе всего одна исступленная мысль: *Зачем я кричала, теперь он вернется; зачем я кричала, теперь он вернется, зачем я кричала...*

А потом она услышала его шаги, ритмичный топот огромных ног по ковру на лестничной площадке. Позже ей пришлось в голову, что придурки Шульманы снова вру-

били музыку на полную катушку, и она приняла грохот басов за шаги, но в ту минуту она была убеждена, что это Алексис Машина... и он возвращается... человек, настолько помешанный на убийстве, что даже смерть его не остановит.

В первый раз в жизни Доуди Эберхарт упала в обморок.

Она пришла в себя меньше чем через три минуты. Ноги по-прежнему не держали, так что до входной двери она доползла. Доуди подумывала о том, чтобы открыть дверь и выглянуть на площадку, но не смогла заставить себя это сделать. Вместо этого она заперла дверь на замок, подняла блокиратор и повернула ручку щеколды. Потом села на пол и привалилась спиной к двери, хватая ртом воздух. Мир вокруг превратился в серую кляксу. Она смутно осознавала, что заперлась наедине с изуродованным трупом, но это было не самое страшное. Это было и вовсе не страшно, если задуматься о других вариантах.

Мало-помалу силы вернулись, и Доуди все же сумела подняться на ноги. Она добралась до конца коридора и прошла в кухню, где был телефон. Она старательно отводила взгляд от того, что осталось от Прыща Клоусона, но толку от этого было мало; чудовищная картина еще долго будет стоять у нее перед глазами как наяву.

Она позвонила в полицию, и когда копы прибыли, никого не впускала до тех пор, пока под дверь не просунули одно из служебных удостоверений.

— Как зовут вашу жену? — спросила она полицейского, на чьей карточке значилось имя Чарлз Ф. Туми-младший. Спросила дрожащим и тонким голосом, совсем не похожим на ее обычный голос. Сейчас его не узнали бы даже близкие друзья (если бы они у нее были).

— Стефани, мэм, — терпеливо ответили из-за двери.

— Я ведь могу позвонить к вам в участок и проверить! — Ее голос едва не сорвался на визг.

— Разумеется, можете, миссис Эберхарт, — отозвались из-за двери, — но вам не кажется, что вы быстрее почувствуете себя в безопасности, если впустите нас сразу?

И поскольку Доуди еще не научилась определять *Голос копа* так же легко, как и *Запах беды*, она отперла дверь ипустила Туми с его напарником. Едва они переступили порог, с Доуди вновь приключилось такое, чего с ней не бывало ни разу в жизни: она впала в истерику.

Глава 7

ПО ДОЛГУ СЛУЖБЫ

1

Когда приехала полиция, Тэд работал наверху, в своем кабинете.

Лиз читала в гостиной, а Уильям и Уэнди возились в огромном манеже. Лиз подошла к двери, но не стала открывать сразу, а сначала выглянула через одно из узких узорчатых окошек, расположенных по обеим сторонам двери. Она завела эту привычку после «дебюта», как Тэд называл это в шутку, в журнале «Пипл». После той публикации к ним стали частенько захаживать гости — в основном шапочные знакомые, но также и любопытствующие горожане, и даже несколько приезжих (видимо, пылких поклонников Старка). Тэд называл это синдромом «поглядеть на живых крокодилов» и говорил, что через недельку-другую ажиотаж стихнет. Лиз очень надеялась, что так и будет. А пока что она беспокоилась, как бы кто-нибудь из посетителей не оказался бесноватым охотником на крокодилов вроде того, кто застрелил Джона Леннона, и прежде чем открывать дверь, всегда выглядывала в окошко. Она не знала, сможет ли распознать психа с первого взгляда, но хотя бы могла сделать

так, чтобы никто не отвлекал Тэда в течение двух часов каждое утро, когда он работал. После этого он встречал посетителей сам, обычно бросая на Лиз взгляд провинившегося мальчишки, и она совершенно не знала, как на него реагировать.

Трое мужчин, стоявших на крыльце в то субботнее утро, явно не относились ни к рьяным поклонникам Бомонта или Старка, ни к сумасшедшим маньякам... если только маньяки не взяли моду разъезжать на полицейских машинах. Лиз открыла дверь, чувствуя смутное беспокойство, которое одолевает даже самых добропорядочных граждан, когда к ним без вызова заявляется полиция. Наверное, если бы у Лиз были дети, достаточно взрослые, чтобы шататься по улицам в это дождливое субботнее утро, сейчас она бы уже начала беспокоиться, все ли с ними в порядке.

— Да?

— Миссис Элизабет Бомонт? — спросил один из полицейских.

— Да, это я. Чем могу вам помочь?

— Ваш супруг дома, миссис Бомонт? — спросил второй полицейский. Эти двое были в одинаковых серых дождевиках и фуражках с эмблемой полиции штата.

Нет, это призрак Эрнеста Хемингуэя стучит по клавишам там наверху, чуть не вырвалось у нее, но, конечно, она сдержалась. Сначала был только испуг, не случилось ли с кем-то беды, потом — фантомное чувство вины, из-за чего сразу возникло желание сказать что-нибудь резкое или язвительное. И не важно, что именно и какими словами, смысл этих слов будет один: Уходите. Вас сюда не звали. Мы ничего не сделали. Лучше идите к тем, кто действительно что-то сделал.

— А зачем он вам, позвольте спросить?

Третьим полицейским был Алан Пэнгборн.

— По долгу службы, миссис Бомонт, — ответил он. — Можно с ним поговорить?

2

Тэд Бомонт не вел регулярных дневниковых записей, но иногда делал заметки о каких-то событиях в жизни, которые его заинтересовали, позабавили или напугали. Для этого у него была специальная тетрадка в переплете, к которой его жена не проявляла особенного интереса. На самом деле от большинства записей в этой тетрадке Лиз пробирала дрожь, хотя она никогда не говорила об этом мужу. Они были пугающе отстраненными, словно это писал не сам Тэд, а его второе я, что держалось поодаль и составляло отчет о его жизни с позиции стороннего и почти безразличного наблюдателя. Однако длинная запись, сделанная после визита полиции утром четвертого июня, несла в себе необычайно мощный эмоциональный заряд.

Теперь я чуть лучше понимаю «Процесс» Кафки и «1984» Оруэлла [писал Тэд]. Нельзя читать эти книги исключительно как политические романы. Это будет большой ошибкой. Я всегда думал, что моя затяжная депрессия, когда я закончил «Танцовров» и вдруг обнаружил, что за ними меня ничего не ждет — ну, кроме выкидыша у Лиз, — была самым болезненным и эмоционально тяжелым переживанием в нашем браке, но то, что случилось сегодня, кажется еще хуже. Я уговариваю себя, что причина лишь в свежести впечатлений, но, сдается мне, дело не только в этом. Я говорю себе: если те, прежние раны — моя черная полоса и потеря первых близнецов — уже затянулись, так что остались лишь шрамы, значит, и эта новая рана затянется... но почему-то не верю, что время залечит ее до конца. От нее тоже останется шрам. Он будет короче, но глубже — как выцветающая отметина от неожиданного удара ножом.

Я уверен, что полицейские действовали строго в рамках закона, согласно присяге (если они еще принимают присягу; хотя, думается, принимают). И все-таки у меня было —

и не прошло до сих пор — ощущение, что мне угрожает опасность быть затянутым в безликую бюрократическую машину, и она, эта машина... не люди, а механизм... будет крутиться без усталости, выполняя свою работу, пока не перемелет меня окончательно. Потому что работа машин — перемалывать людей в фарш. И мои крики никак не ускорят и не замедлят процесс перемола.

Лиз заметно нервничала, когда поднялась ко мне в кабинет и сказала, что пришли полицейские. Они хотят меня видеть, но не говорят зачем. Она сказала, что среди них был Алан Пэнгборн, шериф округа Касл. Кажется, я его пару раз видел, но запомнил его лицо только по фотографиям, время от времени появлявшимся в «Вестнике Касл-Рока».

Мне стало любопытно. Я даже обрадовался, что у меня появился повод оторваться от пишущей машинки, где мои персонажи уже неделю упорно ведут себя совершенно не так, как хочется мне. Если у меня и были какие-то мысли, в чем тут может быть дело, я думал, что это связано с Фредериком Клоусоном или с какими-то нежелательными последствиями той статьи в «Пипл». Так оно и оказалось, хотя не в том смысле, в каком думал я.

Не знаю, удастся ли мне правильно передать настроение этой встречи. Не знаю даже, имеет ли это значение. Просто мне кажется важным попробовать. Они стояли в прихожей, у подножия лестницы, трое крупных мужчин (полицейских не зря называют «быками»), роняющих на ковер капли воды.

— Тадеус Бомонт? — осведомился один из них — это был шериф Пэнгборн, — и вот тогда-то и начало происходить то изменение эмоционального фона, которое я хочу описать (или хотя бы обозначить). Любопытство и радость короткого отдыха от пишущей машинки еще оставались, но теперь к ним прибавилось замешательство. И чуть-чуть беспокойства. Полное имя, но без «мистера».

Как будто судья обращается к обвиняемому, готовясь зачитать приговор.

— Да, верно, — ответил я. — А вы — шериф Пэнгборн. Я знаю, потому что у нас есть дом в Касл-Роке. — Я протянул ему руку для рукопожатия. Жест, доведенный до автоматизма у всякого хорошо воспитанного американца.

Он взглянул на мою руку, и у него сделалось такое лицо... как будто он открыл холодильник и обнаружил, что рыба, купленная на ужин, протухла.

— Я не пожму вам руку, — сказал он, — так что лучше убрать ее сразу и не ставить нас обоих в неловкое положение.

Странно, что он так сказал. Это была откровенная грубость, но меня больше встревожило, как он это сказал. Как будто подумал, что я рехнулся.

И вот тут я испугался. Даже теперь мне трудно поверить, как быстро, как чудовищно быстро мои чувства промчались от обыкновенного любопытства и маленькой радости вырваться из привычной рутины к неприкрытому страху. В то мгновение я понял, что они пришли вовсе не для того, чтобы просто о чем-то со мной побеседовать. Они были уверены, что я что-то сделал, и в тот первый миг страха — «я не пожму вам руку» — я сам в это поверил.

Вот что мне хочется выразить. В то мгновение мертвой тишины, последовавшей за отказом Пэнгборна пожать мне руку, я и вправду поверил, что виновен во всем... и не могу не признать себя виноватым.

3

Тэд медленно опустил руку. Краем глаза он видел Лиз, сцепившую пальцы в замок так крепко, что побелели костяшки, и ему вдруг захотелось разъяриться на этого копа, которого пригласили в дом — и который отказался пожать хозяину руку. На этого копа, чья зарпла-

та — пусть даже малая ее часть — выплачивается из тех налогов, которые Бомонты платят за дом в Касл-Роке. На этого копа, который напугал Лиз. Который напугал и его самого.

— Ну ладно, — проговорил Тэд ровным голосом. — Если вы не хотите пожать мне руку, тогда, может быть, скажете, зачем вы здесь?

В отличие от полицейских штата Алан Пэнгборн был не в плаще, а в короткой непромокаемой куртке. Он запустил руку в задний карман, достал какую-то карточку и принялся читать по ней вслух. Тэд даже не сразу сообразил, что ему зачитывают «предупреждение Миранды».

— Как вы правильно сказали, мистер Бомонт, меня зовут Алан Пэнгборн. Я шериф округа Касл, штат Мэн. Я здесь затем, что мне надлежит допросить вас по делу, связанному с особо тяжким преступлением. Допрос пройдет в отделении полиции штата в Ороно. Вы имеете право хранить молчание...

— Господи Боже, пожалуйста... что происходит? — спросила Лиз, а потом Тэд услышал свой собственный голос, наложившийся поверх голоса шерифа:

— Черт, погодите минутку. Одну минуту. — Он хотел *прореветь* эти слова, но хотя его мозг и дал легким команду врубить голос на полную мощность, всегда убивавшую все разговорчики в аудитории, на деле он выдал лишь слабое возражение, которое Пэнгборн даже и не заметил.

— ...и ваш адвокат может присутствовать при допросе. Если вы не можете оплатить услуги адвоката, он будет предоставлен вам государством.

Он убрал карточку в задний карман.

— Тэд? — Лиз прижалась к нему, как испугавшийся грома ребенок. Она смотрела на Пэнгборна огромными растерянными глазами. Иногда быстро бросала взгляд на патрульных — таких здоровенных, что им бы только играть в защите за профессиональный футбольный

клуб, — но главным образом смотрела именно на Пэнгборна.

— Я никуда не поеду. — Голос Тэда дрожал — то баял, то давал петуха, как у подростка. Он все еще пытался разозлиться. — И вы не сможете меня заставить.

Один из патрульных прочистил горло.

— В таком случае, — сказал он, — мы вернемся с ордером на ваш арест, мистер Бомонт. В нашем распоряжении достаточно информации, чтобы получить его без проволочек.

Патрульный взглянул на Пэнгборна.

— Справедливости ради стоит добавить, что шериф Пэнгборн хотел взять ордер сразу. Очень на этом настаивал и, наверное, добился бы своего, не будь вы... в каком-то смысле заметной фигурой.

Пэнгборн явно был недоволен, возможно, собственным фактом, возможно, тем, что патрульный информирует Тэда о данном факте, а скорее всего — и тем и другим.

Патрульный это заметил, пошаркал мокрыми туфлями, словно смутившись, но все равно продолжал:

— С учетом сложившейся ситуации, от того, что вы это узнали, вреда не будет, я думаю. — Он вопросительно посмотрел на своего напарника, и тот кивнул. Пэнгборн просто стоял с отвращением на лице. С отвращением и яростью. *У него такой вид, подумал Тэд, словно, дай ему волю, он вспорол бы мне брюхо ногтями и намотал бы кишки мне на голову.*

— Звучит очень профессионально. — Тэд с облегчением обнаружил, что ему все-таки удалось хоть немного прийти в себя, и его голос уже не дрожит. Он хотел разозлиться, потому что злость укрощает страх, но злости по-прежнему не было. Было лишь замешательство. Как будто его ударили исподтишка, и этот удар чуть не сбил его с ног. — Но не учитывает тот факт, что я совершенно не представляю, о какой ситуации идет речь.

— Если бы мы допускали такую возможность, нас бы здесь не было, мистер Бомонт, — сказал Пэнгборн. Выражение гадливого отвращения у него на лице наконец дало желаемый результат: Тэд разъярился.

— Мне плевать, что вы там допускали! — взорвался он. — Я сказал, что знаю, кто вы, шериф Пэнгборн. Мы с жёной владеем домом в Касл-Роке с тысяча девятьсот семьдесят третьего года — задолго до того, как вы сами хотя бы слышали о существовании этого места. Я не знаю, что вы делаете здесь, за сто шестьдесят с чем-то миль от своего участка, и почему вы смотрите на меня как на пятно птичьего дерьма на новой машине, но могу вам сказать, что никуда не поеду, пока не узнаю, в чем дело. Вы тут грозитесь мне ордером на арест, ну так давайте, берите ордер. Только хочу сразу вас предупредить, в этом случае вы окажетесь по уши в котле с кипящим дерьмом, а подкладывать дрова под котел буду я. Потому что я ничего не сделал. Это черт знает что! Вопиющее безобразие!

Теперь его голос включился на полную мощность, и оба патрульных слегка стушевались. Пэнгборн — нет. Он продолжал смотреть на Тэда все тем же убийственным взглядом.

В соседней комнате заплакал один из близнецов.

— О Господи, — простонала Лиз. — В чем же дело? Скажите!

— Иди к детям, солнце, — сказал Тэд, по-прежнему глядя в глаза Пэнгборну.

— Но...

— Пожалуйста, — в гостиной плакали уже оба близнеца. — Все будет хорошо.

Она взглянула на него, словно спрашивая: «Ты обещаешь?» — и пошла успокаивать малышей.

— Мы хотим допросить вас в связи с убийством Гомера Гамиша, — произнес второй патрульный.

Тэд оторвал взгляд от Пэнгборна и повернулся к патрульному.

— *Кого?*

— Гомера Гамиша, — повторил Пэнгборн. — Вы хотите сказать, мистер Бомонт, что это имя вам ничего не говорит?

— Как же не говорит? — изумленно пробормотал Тэд. — Когда мы в городе, Гомер отвозит наш мусор на свалку. Делает мелкий ремонт по дому. Он потерял руку в Корее. Ему дали Серебряную звезду..

— Бронзовую, — с каменным выражением поправил Пэнгборн.

— Гомера убили? Кто убил?

Патрульные удивленно переглянулись. Изумление трудно подделать. После горя, из всех проявлений человеческих чувств труднее всего убедительно изобразить именно изумление.

Первый патрульный ответил удивительно мягким голосом:

— У нас есть все основания полагать, что *вы*, мистер Бомонт. Поэтому мы сейчас здесь.

4

Тэд уставился на него совершенно пустым взглядом, а потом рассмеялся.

— Господи. Господи Боже. Это какой-то дурдом.

— Вы не хотите взять плащ, мистер Бомонт? — спросил второй патрульный. — На улице сильный дождь.

— Я никуда не пойду, — рассеянно повторил Тэд. Погруженный в свои мысли, он не заметил, каким раздраженным вдруг стало лицо Пэнгборна.

— Боюсь, что пойдете, — сказал Пэнгборн. — Так или иначе.

— Значит, придется «иначе», — пробормотал Тэд, а потом снова включился в происходящее. — Когда это случилось?

— Мистер Бомонт, — Пэнгборн говорил медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, словно общался с четырехлетним ребенком, причем явно не самыммышленым, — мы здесь не для того, чтобы предоставлять информацию *вам*.

Лиз встала в дверном проеме гостиной, держа на руках близнецов. Она была бледной, словно все краски сошли с ее лица. Белый лоб как будто светился.

— Это же бред, — возмутилась она, переводя взгляд с Пэнгборна на патрульных и обратно на Пэнгборна. — Полный бред. Неужели вы сами *не понимаете*?

— Послушайте, — сказал Тэд, подходя к Лиз и обнимая ее за плечи. — Я не убивал Гомера, шериф Пэнгборн, но теперь я понимаю, почему вы такой злой. Давайте поднимемся ко мне в кабинет. Сядем, спокойно поговорим и попробуем разобраться...

— Я хочу, чтобы вы взяли плащ, — перебил его Пэнгборн. Он взглянул на Лиз. — Прошу прощения за мой французский, но с меня уже хватит дерьма на одно дождливое субботнее утро. Вы крепко влипли.

Тэд обратился к старшему из двух патрульных:

— Вы можете как-то образумить этого человека? Объясните ему, что он избежит многих неловкостей и неприятностей, если просто скажет мне, когда был убит Гомер. — Он на секунду задумался и добавил: — И где. Если это произошло в Касл-Роке, а я даже не представляю, зачем бы Гомер вдруг приехал сюда... в общем, в последние два с половиной месяца я вообще не выбирался из Ладлоу, кроме поездок в университет.

Он взглянул на Лиз, и та кивнула.

Патрульный обдумал услышанное и произнес:

— Прошу прощения, мы на минуточку выйдем.

Все трое пошли к выходу, причем патрульные чуть ли не подталкивали Пэнгборна. Когда они вышли наружу и дверь за ними закрылась, Лиз принялась осыпать Тэда сумбурными, сбивчивыми вопросами. Тэд хорошо знал жену и нисколько не сомневался, что ее страх проявился бы злостью — даже яростью — на полицейских, если бы не сообщение о смерти Гомера. При таком положении дел она была на грани слез.

— Все будет хорошо, — сказал он и поцеловал ее в щеку. Секунду подумав, поцеловал и обоих близнецов, которые начали проявлять явное беспокойство. — Помоему, патрульные штата уже понимают, что я говорю правду. А Пэнгборн... ну, он знал Гомера. И ты его знала. Просто он сейчас злой как черт.

И судя по его виду и по его словам, у него есть улики, которые, как ему кажется, неоспоримо указывают на меня в связи с этим убийством, подумал он, но не сказал вслух.

Он подошел к входной двери и выглянул в узкое боковое окошко, как раньше делала Лиз. В другой ситуации то, что он увидел, показалось бы ему забавным. Все трое стояли на крыльце, почти, но не полностью укрытые от дождя, и пытались о чем-то договориться. Тэд слышал их голоса, но не мог разобрать слов. Он подумал, что они похожи на бейсболистов, совещающихся во время тайм-аута. Полицейские штата уговаривали Пэнгборна, а тот качал головой и отвечал, горячась.

Тэд вернулся в дальний конец коридора.

— Что они делают? — спросила Лиз.

— Не знаю, — ответил Тэд, — но мне кажется, полицейские штата пытаются уговорить Пэнгборна, чтобы он мне сказал, почему так уверен, что это я убил Гомера Гамиша. Ну или хотя бы *что-то* из этого почему.

— Бедный Гомер, — пробормотала она. — Это как дурной сон.

Тэд взял у нее Уильяма и снова сказал, чтобы она не волновалась.

5

Через пару минут полицейские вернулись. Лицо Пэнгборна было мрачнее тучи. Тэд предположил, что двое патрульных все-таки втолковали шерифу то, что он и сам уже знал, но отказывался признать: писатель не дергался и не юлил, то есть не проявлял никаких внешних признаков, обычно ассоциирующихся с виной.

— Хорошо, — сказал Пэнгборн. *Он пытается справиться с неприязнью, подумал Тэд, и у него получается. Не то чтобы совсем хорошо, но неплохо. Очень даже неплохо, если учесть, что перед ним — главный подозреваемый в убийстве однорукого старика.* — Эти джентльмены хотели бы, чтобы я задал вам по крайней мере один вопрос, мистер Бомонт, и я задам этот вопрос. Где вы находились и чем занимались с одиннадцати вечера тридцать первого мая до четырех утра первого июня?

Бомонты переглянулись. Тэд буквально физически ощутил, как у него отлегло от сердца. Не то чтобы совсем отлегло, но камень, давивший на него всем весом, слегка покачнулся. Как будто державшие его канаты разом оборвались. Теперь нужен только хороший толчок.

— Точно в тот день? — пробормотал он, обращаясь к жене. Ему казалось, что да. Но это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Я уверена, да. Тридцать первого, вы говорите? — Лиз повернулась к Пэнгборну, сияя надеждой.

Пэнгборн подозрительно посмотрел на нее.

— Да, мэм. Но, боюсь, одного вашего голословного утверждения будет никак не достаточно...

Лиз не слушала его. Она считала, загибая пальцы, и вдруг просияла.

— Вторник! Тридцать первое — это вторник! — Она обернулась к мужу. — Да, точно! Слава Богу!

Пэнгборн озадаченно нахмурился, и вид у него стал еще подозрительнее. Патрульные переглянулись и опять повернулись к Лиз.

— Может быть, вы и нас просветите, миссис Бомонт? — спросил один из них.

— У нас были гости. Во вторник вечером, тридцать первого! — объявила Лиз, бросив на Пэнгборна торжествующий взгляд, исполненный яростной неприязни. — Тут был *полный дом* гостей! Да, Тэд?

— Да, конечно.

— Хорошее алиби в подобных делах уже само по себе дает повод для подозрений, — произнес Пэнгборн, но было заметно, что он слегка выбит из колеи.

— Какой вы тупой и упертый баран! — воскликнула Лиз. Теперь ее щеки горели ярким румянцем. Страх уходил, уступая место ярости. Она повернулась к патрульным. — Если у моего мужа нет алиби на это убийство, которое, как вы говорите, он совершил, вы заберете его в участок! Если алиби есть, *он* заявляет, что это, возможно, и есть подтверждение его вины! Вы что, боитесь немного пошевелить мозгами? Почему вы пришли *сюда*?

— Тише, Лиз, успокойся, — тихо проговорил Тэд. — Если они пришли, значит, на то есть причины. Если бы шериф Пэнгборн действовал только по подозрению, думаю, он пришел бы один.

Пэнгборн мрачно взглянул на него и вздохнул.

— Расскажите нам об этом вечере, мистер Бомонт.

— Это был вечер в честь Тома Кэрролла, — начал Тэд. — Том проработал в университете, на факультете английского языка, девятнадцать лет, а последние пять был заведующим кафедрой. Он вышел на пенсию двадцать седьмого мая, когда официально закончился учебный год. На факультете его все любили, а мы, старая гвардия, называли его Томом Гонзо из-за его страстного увлечения очерками Хантера Томпсона. Вот мы и решили устроить прощальную вечеринку для него и его жены.

— Во сколько закончилась вечеринка?

Тэд расплылся в улыбке.

— Конечно, раньше четырех утра, но все равно очень поздно. Когда собирается большая компания преподавателей при почти бесконечных запасах спиртного, тут все выходные пролетят — не заметишь. Гости начали собираться к восьми, а последними ушли... кто, солнце?

— Роули Делессепс и эта ужасная женщина с исторического факультета, с которой он крутит амуры еще с допотопных времен, — сказала Лиз. — Которая вечно трубит своим громовым голосом: «Зовите меня просто Билли. Меня все так зовут».

— Да. — Тэд опять улыбнулся. — Злая ведьма из Восточной страны.

Взгляд Пэнгборна говорил красноречивее всяких слов: *Все это враки, и мы все это знаем.*

— И в котором часу ушли ваши друзья?

Тэда аж передернуло.

— Друзья? Роули — да. Эта женщина — категорически нет.

— В два часа ночи, — сказала Лиз.

Тэд кивнул.

— Было как минимум два часа ночи, когда мы их проводили восвояси. Можно сказать, просто *вынесли* на руках. Как вы, наверное, поняли, скорее в аду выпадет снег, чем я вступлю в фан-клуб Вильгельмины Беркс, но я бы уговорил их остаться на ночь, если бы ему надо было проехать больше трех миль или если было бы еще не так поздно. Но в такой час на дорогах во вторник — прошу прощения, уже в среду — нет ни единой живой души. Разве что только олени проводят рейды по окрестным садам. — Тэд резко умолк. От нахлынувшего чувства облегчения он уже начал нести чушь.

Настала секундная тишина. Патрульные смотрели в пол. У Пэнгборна было такое лицо... Тэд не мог разобратъ, что оно выражало, потому что в жизни не видел

ничего подобного. Это была не досада, хотя досада там тоже проглядывала.

Что за хрень здесь происходит?

— Да, весьма убедительно, мистер Бомонт, — наконец проговорил Пэнгборн, — но это еще ничего не доказывает. У нас есть только ваши слова и слова вашей жены о том, когда выходили последние гости. Причем время вы называете лишь приблизительно. Если те двое были в изрядном подпитии, когда уходили, вряд ли *они* в состоянии подтвердить ваши слова. Хотя если этот Делессепс и вправду ваш друг, он может сказать... ну, кто знает.

И все равно было заметно, что Алан Пэнгборн сбавлял обороты. Тэд это видел и думал — нет, не думал, а знал, — что патрульные тоже видят. Однако Пэнгборн еще не собирался сдаваться. Страх, который Тэд испытывал в самом начале, и заместившая его ярость сменялись теперь живым интересом и любопытством. Тэд еще никогда не видел, чтобы на лице человека боролись на равных замешательство и уверенность в своей правоте. Сам факт вечеринки — а шериф не мог не признать за факт то, что очень легко проверить, — подорвал его уверенность... но все-таки не убедил. И патрульных, как понял Тэд, не убедил тоже. С той лишь разницей, что патрульные не кипели от злости. Они не знали Гомера Гамиша, и у них в этом деле не было личного интереса. Алан Пэнгборн знал, и интерес у него был.

Я тоже знал его, подумал Тэд. Так что, может быть, у меня тоже есть свой интерес. В смысле, помимо того, чтобы спасти свою шкуру.

— Послушайте, — сказал он очень спокойно, глядя прямо в глаза Пэнгборну и стараясь не отвечать неприязнью на неприязнь, — давайте вернемся к реальности, как говорят мои студенты. Вы спросили, сможем ли мы убедительно подтвердить, где мы были...

— Где *вы* были, мистер Бомонт, — поправил Пэнгборн.

— Хорошо, где был я. Пять весьма трудных часов. Тех часов, когда большинство людей крепко спят. Благодаря только счастливой случайности мы... я, если угодно... могу дать отчет, по крайней мере за три из этих пяти часов. Может быть, Роули и его ведьмоподобная дама ушли в два часа. Может быть, в половину второго или в два пятнадцать. В любом случае было *поздно*. Это они подтвердят, и даже если бы Роули и мог соврать, чтобы сварганить мне алиби, то уж любезная Беркс — никогда в жизни. Думаю, если бы Билли Беркс увидела, как я тону в реке, она бы вылила мне на голову ведро воды.

Лиз потянулась забрать у него Уильяма, который начал беспокойно вертеться, и при этом улыбнулась Тэду какой-то странной улыбкой, больше похожей на гримасу. Сначала Тэд не понял, что значит эта улыбка, но потом до него дошло. Да, конечно. Это выражение, *сварганить алиби*. Так иногда говорил Алексис Машина, главный злодей из романов Джорджа Старка. Это *действительно* было странно; раньше Тэд никогда не употреблял в речи старкизмы. С другой стороны, его никогда еще не обвиняли в убийстве, а убийства — это как раз территория Джорджа Старка.

— Даже если предположить, что мы ошиблись на час и последние гости ушли в час ночи, — продолжал он, — а *потом еще* предположить, что я прыгнул в машину в ту же минуту — в ту же *секунду*, — как они скрылись за поворотом, и погнал как малахольный в Касл-Рок, я прибыл бы на место не раньше половины четвертого или пятого. У нас тут нет скоростных магистралей на запад.

Один из патрульных заговорил:

— И та женщина, миссис Арсено, сказала, что было примерно без четверти час, когда она увидела...

— Сейчас не будем вдаваться в подробности, — быстро перебил его Пэнгборн.

Лиз издала яростный рык, и Уэнди забавно вытаращилась на нее. Уильям, которого Лиз держала на сгибе

другой руки, прекратил извиваться, вдруг заинтересовавшись своими собственными шевелящимися пальчиками. Лиз повернулась к мужу:

— В час ночи здесь еще было *полно народу*, Тэд.

Потом она развернулась лицом к Пэнгборну — на этот раз действительно развернулась к нему лицом.

— *Что* с вами, шериф? Почему вы так упорно стремитесь повесить это убийство на моего мужа? Вы дурак? Лентяй? Просто *плохой* человек? С виду вроде бы не похоже, а ведете себя так, что тут поневоле задумаешься. Очень крепко задумаешься. Может быть, это была лотерея? И вы просто вытащили бумажку с его именем из шляпы?

Алан даже слегка попятился, явно удивленный — и смущенный — ее остервенением.

— Миссис Бомонт...

— Боюсь, шериф, у меня есть преимущество, — сказал Тэд. — Вы думаете, это я убил Гомера Гамиша...

— Мистер Бомонт, вам никто не предъявлял обвинения в...

— Нет. Но вы же так думаете, правда?

Щеки Пэнгборна медленно заливались краской, густой и плотной. И это было отнюдь не смущение, подумал Тэд, а досада.

— Да, сэр, — согласился он. — Я так *думаю*. Несмотря на все то, что сейчас говорили вы сами и ваша жена.

Этот ответ удивил Тэда. Что же такого случилось, из-за чего этот человек (который, как верно заметила Лиз, совсем не похож на идиота) преисполнился такой уверенности? Такой, черт возьми, *непробиваемой* уверенности.

Тэд почувствовал, как по спине пробежал холодок... а потом произошло что-то странное. На секунду фантомный звук наполнил его сознание — не голову, а именно *сознание*. Звук вызвал болезненное ощущение *déjà vu*, потому что в последний раз Тэд слышал его почти тридцать лет назад. Это был призрачный щебет сотен, а может, и тысяч маленьких птиц.

Он поднес руку ко лбу, прикоснулся к белому шраму, и тут его снова пробила дрожь, на этот раз еще сильнее, словно по телу прошел электрический ток. *Сваргань мне алиби, Джордж*, подумал он. *Я тут малость влетел, так что сваргань мне алиби.*

— Тэд? С тобой все в порядке? — спросила Лиз.

— Ммм? — Он обернулся к ней.

— Ты побледнел.

— Все нормально, — ответил он и сказал правду. Звук исчез. Если он вообще был.

Тэд повернулся к Пэнгборну.

— Как я уже говорил, шериф, в этом деле у меня есть несомненное преимущество. Вы думаете, я убил Гомера. Однако я знаю, что нет. Если я кого-то и убивал, то лишь в своих книгах.

— Мистер Бомонт...

— Я понимаю ваше негодование. Это был милый старик с совершенно кошмарной женой, своеобразным чувством юмора и всего одной рукой. Я тоже в ярости. Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь, но вам придется оставить эти замашки тайной полиции и сказать мне, почему вы пришли сюда — что вообще привело вас ко мне. Я в полной растерянности...

Алан долго смотрел на него, а потом произнес:

— Я нутром чую, что вы говорите правду.

— Слава Богу! — воскликнула Лиз. — Разум к нему вернулся!

— И если окажется, что так и есть, — сказал Алан, глядя только на Тэда, — я лично найду того дятла из БДВС, который накосячил с удостоверением, и спущу с него шкуру.

— Что такое БД... и что там еще? — спросила Лиз.

— База данных вооруженных сил, — пояснил один из патрульных. — В Вашингтоне.

— Раньше у них никогда не случалось таких накладок, — продолжал Алан все тем же тоном. — Говорят,

все когда-то случается в первый раз, но...если они ничего *не напутали* и если ваша вечеринка подтвердится, тогда я сам, черт возьми, буду в полной растерянности.

— Можете вы объяснить, о чем речь? — спросил Тэд.

Алан вздохнул.

— Раз мы зашли так далеко, почему бы и нет? Если начистоту, не так уж и важно, в котором часу уходили последние гости. Если вы были здесь в полночь, и на то есть свидетели, готовые подтвердить под присягой...

— Человек двадцать пять как минимум, — сказала Лиз.

— ...тогда вы соскочили с этого крючка. Сопоставив свидетельские показания той дамы, о которой упомянул патрульный, и результаты вскрытия, мы можем почти с полной уверенностью утверждать, что Гомер был убит между часом и тремя часами ночи первого июня. Его забили до смерти его же собственным протезом.

— Боже правый, — пробормотала Лиз. — И вы думали, Тэд...

— Пикап Гомера был найден два дня назад на стоянке зоны отдыха на Девяносто пятом шоссе в Коннектикуте, недалеко от границы со штатом Нью-Йорк. — Алан помедлил. — В машине обнаружилось множество отпечатков пальцев, мистер Бомонт. В основном отпечатки Гомера, но были и отпечатки преступника. Причем несколько очень четких. Один — чуть ли не слепок. На куске жевательной резинки, которую парень вытащил изо рта и прилепил к приборному щитку большим пальцем. Там она и затвердела вместе с отпечатком. Но самый лучший из отпечатков остался на зеркале заднего вида. Не хуже тех, что снимают в полицейском участке. Только оставлен он был не чернилами, а кровью.

— Но почему *Тэд*? — возмутилась Лиз. — Вечеринка — не вечеринка, как вы могли подумать, что *Тэд*...

Алан посмотрел на нее и сказал:

— Когда ребята из БДВС загрузили эти отпечатки в свой компьютер, тот выдал учетную карточку вашего мужа. Точнее сказать, отпечатки пальцев вашего мужа.

Лиз и Тэд потрясенно уставились друг на друга, на миг лишившись дара речи. Потом Лиз сказала:

— Значит, это была ошибка. Люди, которые все проверяют, наверняка иногда ошибаются.

— Да, но до такой степени — крайне редко. В сфере идентификации по отпечаткам, безусловно, есть белые пятна. Далекие от криминалистики люди, выросшие на сериалах вроде «Коджака» и «Барнаби Джонса», считают дактилоскопию точной наукой, однако это не так. Конечно, сейчас существуют автоматизированные системы для сличения образцов отпечатков, так что белые пятна понемногу заполняются. А в данном случае у нас были почти идеальные отпечатки. Когда я сказал, что это были отпечатки пальцев вашего мужа, миссис Бомонт, я имел в виду именно то, что сказал. Я видел компьютерные изображения и видел сопоставление изображений. Они не просто похожи.

Теперь Алан повернулся обратно к Тэду и пристально посмотрел на него, прищулив голубые глаза.

— Они *полностью* совпадают.

Лиз уставилась на него, открыв рот, а у нее на руках расплакались близнецы, сначала Уильям, потом Уэнди.

Глава 8

ПЭНГБОРН С НЕОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

1

Когда в дверь опять позвонили — в тот же день, в четверть восьмого вечера, — открывать пошла Лиз; потому что она уже подготовила Уильяма ко сну, а Тэд все еще бился с Уэнди. Во всех пособиях по уходу за ново-

рожденными говорится, что родительские умения приобретаются с опытом, независимо от пола родителя, но у Лиз были сомнения на этот счет. Тэд честно выполнял свои обязанности, подходил к этому очень ответственно, но был ужасным *копушей*. Он мог сгонять в магазин и вернуться обратно еще раньше, чем Лиз успевала навести порядок на кухне после воскресного обеда, но когда речь шла о том, чтобы готовить близнецов ко сну...

Уильям, выкупанный, наряженный в чистый подгузник и упакованный в зеленый спальный комбинезон, уже сидел в манеже в гостиной, а Тэд еще возился с подгузником Уэнди (и он не до конца смыл шампунь с ее волос, но поскольку сегодня у мужа был явно не лучший день, Лиз решила ничего ему не говорить; она потом сама исправит эту оплошность).

Лиз подошла к двери и выглянула в боковое окошко. На крыльце стоял шериф Пэнгборн. На этот раз он был один, но Лиз от этого легче не стало.

Она повернулась в сторону лестницы и крикнула, чтобы ее было слышно в ванной (по совместительству — пункте обслуживания малышей):

— Он вернулся! — В ее голосе явственно слышалась тревожная нотка.

После долгой паузы Тэд вышел из ванной в коридор. Он был босиком, в джинсах и белой футболке.

— Кто? — спросил он странным, бесцветным голосом.

— Пэнгборн, — сказала она. — Тэд, с тобой все в порядке?

Уэнди, сидевшая у него на руках и одетая только в подгузник, прикрывала ладошками его лицо... но то, что Лиз смогла увидеть, очень ей не понравилось.

— Со мной все нормально. Впусти его. А я все-таки засуну барышню в комбинезон.

Он исчез прежде, чем Лиз успела открыть рот.

Алан Пэнгборн тем временем терпеливо ждал на крыльце. Он видел, как Лиз выглядывала в окошко, и

не стал звонить снова. Он стоял с таким видом, словно жалел, что не носит шляпу, которую можно было бы держать — а то и немного помять — в руках.

Медленно и без радушной улыбки Лиз сняла с двери цепочку и впустила шерифа в дом.

2

Уэнди совсем разыгралась и вертелась юлой, так что справиться с ней было непросто. Тэд кое-как ухитрился засунуть в комбинезон сначала ее ножки, потом ручки, и наконец у него получилось выудить кисти рук из манжет. Уэнди тут же потянулась к нему и схватила за нос. Он отшатнулся, а не рассмеялся, как делал обычно, и Уэнди удивленно уставилась на него. Тэд потянулся к замочку молнии, шедшей от левой ножки комбинезона до горла, но остановился и вытянул руки перед собой. Они дрожали. Совсем чуть-чуть, но дрожали.

Какого черта? Чего ты боишься? Или опять начинается приступ вины?

Нет, не вины. Тэд почти пожалел, что нет. На самом деле его кое-что напугало. Как будто ему было мало страхов на сегодняшний день.

Сначала пришли полицейские с их непонятными обвинениями и еще более непонятной уверенностью. Потом этот странный призрачный щебет. Тэд так и не понял, что это было, хотя звук показался ему знакомым.

После ужина это случилось опять.

Тэд поднялся к себе в кабинет, чтобы поработать над «Золотым псом», его новой книгой. Но когда склонился над стопкой листов с текстом и начал вносить в записи небольшие исправления, его голова вновь наполнилась тем самым звуком. Тысячи птиц, и все чирикают и щебечут, и на этот раз вместе со звуком пришел образ.

Воробы.

Огромная стая, тысячи и тысячи воробьев, рассевавшихся на проводах и на крышах и дерущихся друг с другом за место, как это бывает ранней весной, когда последний мартовский снег еще лежит на земле грязными, зернистыми кучами.

Сейчас еще голова разболится, подумал он в страхе, и голос, озвучивший эту мысль, голос испуганного мальчишки, переключил смутное ощущение чего-то знакомого на настоящее воспоминание. Ужас встал комом в горле и как будто сдавил виски обжигающе ледяными руками.

Это опухоль? Она снова растет? А если она теперь недоброкачественная?

Фантомный звук — голоса птиц — внезапно сделался громче, стал почти оглушительным. К нему прибавился сумрачный шелест трепещущих крыльев. Теперь Тэд увидел, как воробьи срываются с места, все разом; тысячи птиц, затемняющих белое весеннее небо.

— Обратно на север, дружище, — услышал он собственный голос, низкий, гортанный. Совсем *не его* голос.

А потом звук и картинка внезапно пропали. Год был 1988-й, а не 1960-й, и Тэд сидел у себя в кабинете. Взрослый мужчина с женой и двумя детьми — и с пишущей машинкой «Ремингтон».

Он сделал глубокий вдох. Голова не болела. Ни тогда, ни теперь. Он хорошо себя чувствовал. И только...

Только снова взглянув на стопку листов, он увидел, что кое-что там написал. Поперек линий аккуратного печатного текста, большими печатными буквами.

«ВОРОБЬИ СНОВА ЛЕТАЮТ» — вот что он написал.

И не ручкой «Скрипто», а одним из бероловских карандашей «Черный красавец». Хотя Тэд не помнил, чтобы менял ручку на карандаш. Он вообще больше не пользовался этими карандашами. Карандаши принадлежали другой эпохе... мертвой... темной эпохе. Он быстро вернул карандаш в банку, открыл ящик стола и убрал ее туда. Руки при этом слегка дрожали.

Потом Лиз позвала его укладывать близнецов, и он пошел помогать. Он хотел рассказать ей о том, что случилось, но вдруг обнаружил, что пронзительный ужас — ужас, что детская опухоль снова растет, и на этот раз может быть недоброкачественной, — запечатал ему рот. Наверное, он все равно рассказал бы... но потом позвонили в дверь, Лиз пошла открывать и произнесла совершенно неправильные слова совершенно неправильным тоном.

Он вернулся! — крикнула Лиз с вполне понятным раздражением и страхом, и ужас выстудил все внутри, как порыв ледяного ветра. Ужас и одно слово: *Старк*. На один жуткий миг, пока реальность вновь не вступила в свои права, Тэд поверил, что она говорила о нем. О Джордже Старке. Воробьи снова летают, и Старк вернулся. Он был мертв, его похоронили во всеуслышание, его вообще никогда не существовало по-настоящему, но это было уже не важно. Настоящий или ненастоящий, он все равно вернулся.

Прекрати, сказал он себе. Ты вообще-то не из боязливых, и даже если вокруг происходит что-то ненормальное, это еще не повод паниковать. Звук, который ты слышал — щебетание птиц, — это обычный психологический феномен под названием «инерция памяти». Обычно бывает при стрессе. Так что возьми себя в руки и не психуй.

Но страх все равно не прошел до конца. Щебет птиц вызвал не только *déjà vu* — ощущение, что ты уже переживал это раньше, — но и *presque vu* тоже.

Presque vu: ощущение, будто ты переживаешь что-то такое, что еще не случилось, а случится в будущем. Не предчувствие, не предвидение, а смещенное, неуместное воспоминание.

Неуместное дерьмо, ты хочешь сказать.

Он держал руки перед собой и смотрел на них не отрываясь. Дрожь стала слабее, потом прекратилась совсем. Когда Тэд убедился, что не прижмет молнией розовую после купания кожу Уэнди, он застегнул на

ней комбинезон, отнес ее в гостиную, усадил в манеж к брату и вышел в прихожую, к Лиз и Алану Пэнгборну. Несмотря на то что Пэнгборн пришел один, сегодняшнее утро вполне могло повториться опять.

Вполне подходящее время и место для очередного déjà vu, подумал он, но это было совсем не смешно. Его все еще не отпустило то, другое ощущение... и чириканье воробьев.

— Чем могу быть полезен, шериф? — спросил он без улыбки.

Ага! А вот и еще одно маленькое отличие. Пэнгборн держал в руке упаковку пива из шести бутылок. Теперь он приподнял ее и сказал:

— Я тут подумал, может, выпьем пивка и все обсудим.

3

Лиз и Пэнгборн пили пиво, а Тэд взял себе из холодильника пепси. За разговором они наблюдали, как близнецы играют друг с другом в манеже в их обычной, на удивление серьезной манере.

— Вообще-то мне не следует тут находиться, — признался Алан. — Сидеть и пить пиво с человеком, которого теперь подозревают уже не в одном, а в двух убийствах.

— В двух! — воскликнула Лиз.

— Я сейчас расскажу. На самом деле я все расскажу. Не вижу смысла скрывать. Я уверен, что у вашего мужа есть железное алиби и на это второе убийство. Полицейские штата тоже в этом уверены. И они в полной растерянности.

— Кто убит? — спросил Тэд.

— Молодой человек по имени Фредерик Клоусон, в Вашингтоне.

Пэнгборн заметил, как Лиз вздрогнула и даже пролила немного пива себе на руку.

— Вижу, вам это имя знакомо, миссис Бомонт, — добавил он, не скрывая иронии.

— Что происходит? — прошептала она.

— Я совершенно не представляю себе, что происходит. У меня ум за разум заходит, когда я пытаюсь во всем разобраться. Я пришел не для того, чтобы вас арестовывать, мистер Бомонт, и не для того, чтобы вас обвинять, хотя будь я проклят, если понимаю, как кто-то еще, кроме вас, мог совершить эти два преступления. Я пришел, чтобы просить вас о помощи.

— Называйте меня просто Тэд.

Алан неловко заерзал в кресле.

— Думаю, «мистер Бомонт» мне пока будет удобнее.

Тэд кивнул:

— Как вам угодно. Стало быть, Клоусон мертв. — Он задумчиво опустил взгляд, потом вновь посмотрел на Алана. — И мои отпечатки пальцев опять были повсюду на месте убийства?

— Да... и не только отпечатки. В журнале «Пипл» недавно опубликовали статью о вас, верно, мистер Бомонт?

— Две недели назад, — подтвердил Тэд.

— Статью нашли в квартире Клоусона. Одна из страниц, по всей видимости, была использована как символ в убийстве, очень похожем на ритуальное.

— Господи, — проговорила Лиз голосом одновременно испуганным и усталым.

— Вы не хотите мне рассказать, кем он вам приходился? — спросил Алан.

Тэд кивнул.

— Не вижу причин, чтобы не рассказать. Вы сами читали статью, шериф?

— Жена приносит журнал домой из супермаркета, но я, честно сказать, только просматриваю картинки. Но теперь я, конечно, прочту статью, как только будет возможность.

— Вы не много потеряли... но эта статья появилась как раз из-за Фредерика Клоусона. Видите ли...

Алан поднял руку.

— До него мы еще дойдем. Для начала давайте вернемся к Гомеру Гамишу. Мы перепроверили данные по БДВС. Отпечатки пальцев в пикапе Гомера — и в квартире Клоусона, хотя таких четких, как на засохшей жвачке и на зеркале заднего вида, там не было, — полностью совпадают с вашими отпечатками. Это значит, что если вы этого не совершали, мы имеем двух разных людей с *одинаковыми* отпечатками пальцев. Есть все шансы попасть в «Книгу рекордов Гиннесса».

Он посмотрел на Уильяма и Уэнди, пытавшихся играть в «ладушки» у себя в манеже. Игра получалась опасной для зрения, но малышам все равно было весело.

— Они идентичные близнецы? — спросил Алан.

— Нет, — ответила Лиз. — Они *очень* похожи, но это брат и сестра, а брат и сестра никогда не бывают идентичными близнецами, таких в народе еще называют двойняшками.

Алан кивнул.

— Но даже у близнецов отпечатки пальцев не совпадают. — Он мгновение помедлил, а потом добавил небрежным тоном, показавшимся Тэду насквозь фальшивым: — А у *вас*, мистер Бомонт, случайно, нет брата-близнеца?

Тэд медленно покачал головой.

— Нет, — ответил он. — У меня нет никаких братьев или сестер. Я был единственным ребенком. Родителей уже нет в живых. Уильям и Уэнди — мои единственные кровные родственники. — Он улыбнулся малышам и повернулся обратно к Пэнгборну. — У Лиз был выкидыш в тысяча девятьсот семьдесят четвертом. Они... эти первые дети... тоже, как я понимаю, были двойняшками, хотя тогда вряд ли было понятно... выкидыш произошел на втором месяце, на таком сроке это определить невоз-

можно. Но даже если бы было возможно, кому и зачем захотелось бы это знать?

Алан пожал плечами, немного смущенный.

— Она была в торговом центре. В Бостоне. Кто-то ее толкнул. Она ехала на эскалаторе, упала вниз и очень сильно порезала руку... хорошо, полицейский из службы охраны быстро наложил жгут, иначе все могло бы закончиться очень плачевно... и она потеряла детей.

— Об этом написано в той статье в «Пипл»? — спросил Алан.

Лиз невесело улыбнулась и покачала головой.

— Мы дали согласие на публикацию лишь при условии, что будем рассказывать только то, что хотим рассказать, шериф Пэнгборн. Это наша жизнь, и мы сами ее редактируем. Майку Дональдсону — человеку, который брал интервью, — мы этого, разумеется, не сказали. Именно так мы и сделали.

— Вас толкнули нарочно?

— Этого никто не знает. — Лиз задумчиво посмотрела на Уильяма с Уэнди. — Но для нечаянного толчка это было как-то уж слишком сильно. Я пролетела пол-эскалатора и грохнулась на ступеньки уже в самом низу. И все-таки я попыталась себя убедить, что это был просто несчастный случай. Так было легче. Сама мысль о том, что кто-то может толкнуть женщину на крутом эскалаторе для того, чтобы посмотреть, что получится... от такой мысли бессонница гарантирована.

Алан кивнул.

— Врачи, к которым мы обращались, говорили, что Лиз, возможно, уже не сможет иметь детей, — сказал Тэд. — Когда она забеременела Уильямом и Уэнди, врачи говорили, что она, вероятно, не сможет их выносить. Но она смогла. И после десятилетнего перерыва я наконец сел за работу над новой книгой под своим собственным именем. Это будет мой третий роман. Так что теперь у нас все хорошо.

— А еще вы писали под именем Джордж Старк.

Тэд кивнул.

— Но теперь с этим покончено. Я начал задумываться над тем, чтоб закончить с этим делом, когда Лиз была на восьмом месяце, в целости и сохранности. Я решил: если собираюсь стать отцом, то пора начинать становиться самим собой.

4

На этом месте в разговоре случился маленький сбой — не совсем пауза, просто секундная заминка. Потом Тэд сказал:

— Сознавайтесь, шериф Пэнгборн.

Алан удивленно приподнял брови.

— Прошу прощения?

Тэд улыбнулся одними уголками губ.

— Не стану утверждать, что у вас был составлен полностью проработанный сценарий, но какая-то версия... в общих чертах... была наверняка. Если бы вдруг оказалось, что у меня есть брат-близнец, можно было бы предположить, что на той вечеринке гостей встречал он. А я бы спокойно поехал в Касл-Рок, убил бы Гомера Гамиша и налепил бы своих отпечатков пальцев по всему его автомобилю. Но и это еще не все. Пока мой брат-близнец спит с моей женой и делает за меня все дела, я так же спокойно еду в машине Гомера до той зоны отдыха в Коннектикуте, там угоняю другую машину, еду в Нью-Йорк, бросаю и эту машину, сажусь на поезд или в самолет до Вашингтона. По прибытии в Вашингтон я по-быстрому грохаю Клоусона, мчусь обратно в Ладлоу, отсылаю братца домой, и мы все живем дальше, каждый своей жизнью. Все трое, если предположить, что Лиз в этом тоже принимала участие.

Лиз изумленно уставилась на него, а потом рассмеялась. Смеялась она недолго, но от души. В ее смехе не было ничего деланого и натужного, но все равно это

был невеселый смех — смех человека, который расхохотался от удивления, а не от радости.

Алан тоже смотрел на Тэда с неподдельным изумлением. Близнецы на мгновение перестали катать большой желтый мяч, рассмеялись над мамой — или, может быть, вместе с ней — и снова вернулись к своему занятию.

— Тэд, это ужасно, — произнесла Лиз, отсмеявшись.

— Может быть, — согласился он. — Прошу прощения, если так.

— Лихо закручено, — сказал Алан. — Со знанием дела.

Тэд улыбнулся ему.

— Как я понимаю, вы не фанат покойного Джорджа Старка?

— Честно признаюсь, нет. Но у нас есть констебль, Норрис Риджуик. Вот он — да. Он мог бы мне объяснить, чем все так восторгаются.

— В общем, Старк знал, на чем строится детективный роман. У него, правда, не доходило до такой откровенной Агаты Кристи, как я сейчас изложил, но это не значит, что я не могу мыслить в том же ключе, если настроюсь. Признайтесь, шериф... вы что-то подобное предполагали или нет? Если нет, тогда я действительно должен извиниться перед женой.

Алан надолго задумался, улыбаясь своим мыслям. Наконец он сказал:

— Может быть, *что-то* и предполагал. Не то чтобы всерьез и не совсем так, но вам не надо извиняться перед супругой. После сегодняшнего утра я готов рассмотреть все возможности, даже самые невероятные.

— С учетом сложившейся ситуации.

— С учетом сложившейся ситуации, да.

Тэд опять улыбнулся.

— Я родился в Бергенфилде, штат Нью-Джерси, шериф. Если не верите мне на слово, можете проверить

регистрационные книги, нет ли у меня брата-близнеца, о котором я напрочь забыл.

Алан покачал головой и отпил еще пива.

— Это была идиотская мысль, и я себя чувствую идиотом. Впрочем, к этому я уже понемногу привыкаю. Я себя чувствую идиотом еще с утра, когда вы сказали про ваших гостей. Кстати, мы их опросили. Они все подтвердили.

— Конечно, они подтвердили. — Голос Лиз прозвучал немного резко.

— И поскольку у вас все равно нет брата-близнеца, эту тему можно закрыть.

— На секунду допустим, — сказал Тэд, — пусть это и полный бред, что все *действительно* было, как я написал. Складная получилась бы выдумка... если бы не одно «но».

— Какое именно? — спросил Алан.

— Отпечатки пальцев. Как-то странно выходит: я тут устроил целое представление, подрядил человека, который выглядит точно как я, чтобы он обеспечил мне алиби *здесь*... а потом сам же все и испоганил, оставив свои отпечатки пальцев повсюду на месте убийства. С чего бы мне так проколоться?

— Готова поспорить, что вы *и вправду* проверите регистрационные книги. Да, шериф? — спросила Лиз.

— Главное правило следственной процедуры гласит, — флегматично проговорил Алан, — бей, пока не добьешься до конца. Но я уже знаю, что найду в этих книгах, если возьмусь проверять. — Он помолчал и добавил: — И дело не только в той вечеринке. Вы производите впечатление человека, который говорит правду, мистер Бомонт. У меня большой опыт, я вижу разницу. Как человек, много лет прослуживший в полиции, могу со всей ответственностью заявить, что на свете очень мало хороших лжецов. Может, они появляются время от времени в тех детективных романах, о которых вы го-

ворили, но в реальной жизни такие люди встречаются крайне редко.

— Так зачем оставлять отпечатки пальцев? — продолжал Тэд. — Вот что меня интересует. Судя по вашим рассказам, там явно работал не дилетант. А вам не приходило в голову, что само *качество* отпечатков уже наводит на подозрения? Вы говорили о белых пятнах в дактилоскопии. Я кое-что знаю об отпечатках пальцев. Узнал, когда собирал материалы для книг Старка. Хотя, честно скажу, в этом смысле я очень ленивый — гораздо проще сидеть за машинкой и выдумывать всякие небывлицы. Но разве не полагается, чтобы имелось определенное количество совпадений в сравнении отпечатков, прежде чем отпечатки можно будет рассматривать как улики?

— В Мэне таких совпадений должно быть шесть, — сказал Алан. — Чтобы отпечатки признали уликой, надо представить шесть совпадений.

— А разве не верно, что в большинстве случаев у полиции есть только пол-отпечатка, или четверть отпечатка, или вообще смазанное пятно с парой дуг и петелек?

— Все верно. В реальной жизни преступников не сажают, исходя только из улик по отпечаткам пальцев.

— Тем не менее отпечаток на зеркале заднего вида был, как вы говорили, таким же четким, как отпечатки, снимаемые в полицейском участке. А отпечаток на жевательной резинке был точно как слепок. Тут поневоле задумаешься... Как будто их там специально оставили, чтобы вы их нашли.

— Мы тоже об этом подумали. Вернее, не просто подумали, а сломали себе всю голову. В этом деле была одна очень большая странность. Убийство Клоусона обставлено в классическом стиле гангстеров, расправляющихся с трепачом: язык вырезан, пенис жертвы во рту, море крови, море боли, однако в доме никто не услышал ни звука. Но если тут поработал профессионал, то как получилось, что по всей квартире остались отпе-

чатки пальцев мистера Бомонта? Может ли что-то, что выглядит как откровенная подстава, *не быть* подставой? Нет, если, конечно, кто-то не придумал уж совсем новую хитрость. А пока что, по мнению Алана Пэнгборна, старое правило еще остается в силе: если кто-то ходит, как утка, крикает, как утка, и плавает, как утка, то это скорее всего и есть утка.

— Можно ли как-то сфабриковать отпечатки пальцев? — спросил Тэд.

— Вы не только пишете книги, но и читаете мысли, мистер Бомонт?

— Пишу книги, читаю мысли, согласен на любую авантюру, кроме голодовки.

Алан как раз отхлебнул пива — и от смеха чуть было не выплюнул его на ковер, но сумел проглотить то, что было во рту, хотя несколько пенных струек все-таки вырвались и потекли у него по шее. Он закашлялся. Лиз поднялась, подошла к нему и пару раз сильно ударила по спине. Наверное, это странно выглядело со стороны, но Лиз не видела ничего странного; жизнь с двумя малышами подготовила ее ко всему. Уильям и Уэнди забыли про мячик и уставились на происходящее. Уильям рассмеялся. Уэнди тут же последовала его примеру.

Из-за этого Алану почему-то стало еще смешнее.

Тэд тоже расхохотался. Рассмеялась и Лиз, все еще колотя Алана по спине.

— Со мной все в порядке, — выдавил Алан, кашляя и смеясь. — Правда.

Лиз стукнула его в последний раз. Из горлышка бутылки, которую Алан держал в руках, вырвался гейзер пены. Пена обрушилась прямо ему на ширинку.

— Ничего, — сказал Тэд. — Подгузников у нас много.

Они снова расхохотались, и в какой-то момент между тем, как Алан Пэнгборн начал кашлять, и тем, как он наконец отсмеялся, все трое стали друзьями, пусть только на время.

5

— Насколько я знаю, сфабриковать отпечатки пальцев нельзя, — возобновил разговор шериф. К тому времени он уже приступил ко второй бутылке, а конфузное пятно на штанах начало подсыхать. Близнецы заснули прямо в манеже, Лиз ушла в ванную. — Конечно, мы все еще проверяем, потому что до сегодняшнего утра у нас не было причин заподозрить, что в данном случае может быть что-то подобное. Я знаю, однажды такое *пытались* сделать; похититель снял отпечатки пальцев у своего пленника перед тем, как его прикончить... *вырезал* по ним штампы и отпечатал на тонкой пластиковой пленке. Потом прилепил эту пленку себе на пальцы и пытался оставить эти отпечатки по всему дачному домику жертвы, чтобы полиция подумала, что похищение было мистификацией и что парень жив и здоров.

— Но у него ничего не вышло?

— У полиции были прекрасные отпечатки, — сказал Алан. — Отпечатки преступника. Из-за кожного жира пленка на пальцах разгладилась вместе с фальшивыми отпечатками, а поскольку пленка была очень тонкой и восприимчивой даже к микроскопическому рельефу, то отпечатки преступник оставил свои.

— Возможно, другой материал...

— Все может быть. Тот случай произошел в середине пятидесятых, и с тех пор, надо думать, были изобретены сотни видов новых полимерных пластмасс. Однако на данный момент мы знаем, что криминалистике не известно ни единого случая успешной подделки отпечатков пальцев. И думаю, в ближайшее время ничего не изменится.

Лиз вернулась в гостиную, села в кресло, подобрав под себя ноги, как кошка, и прикрыла лодыжки подолом юбки. Тэд невольно залюбовался женой. Движение, исполненное невероятной грации, казалось каким-то неподвластным времени.

— Но в этом деле есть и другие факторы, Тэд.

Супруги быстро переглянулись, когда Алан обратился к Тэду по имени. Шериф этого не заметил. Он достал из кармана потертый блокнот и смотрел на одну из страниц.

— Вы курите? — спросил он, поднимая взгляд.

— Нет.

— Он бросил семь лет назад, — уточнила Лиз. — Было трудно, но он справился.

— Кто-то из критиков написал, что мир станет лучше, если я тихо сдохну, вот я и решил жить подольше, — добавил Тэд. — А почему вы спросили?

— Стало быть, вы курили.

— Да.

— «Пэлл-Мэлл»?

Тэд собирался отхлебнуть пепси, но его рука застыла, не донеся банку до рта.

— Откуда вы знаете?

— У вас вторая группа крови, отрицательный резус?

— Кажется, я начинаю понимать, почему вы пришли арестовывать меня сегодня утром, — сказал Тэд. — Если бы у меня не было алиби, я бы сейчас сидел в камере предварительного заключения, да?

— Надо думать.

— Вы могли узнать его группу крови из армейского личного дела, — сказала Лиз. — Как я понимаю, оттуда же поступили и образцы отпечатков пальцев.

— Но не информация о том, что я курил «Пэлл-Мэлл» пятнадцать лет, — заметил Тэд. — Насколько я знаю, подобные сведения в личные дела не заносят.

— Подобные сведения стали известны только сегодня утром, — сказал Алан. — Пепельница в пикапе Гомера была переполнена окурками «Пэлл-Мэлл». Старик курил только трубку, и то от случая к случаю. В пепельнице в квартире Фредерика Клоусона тоже были окурки «Пэлл-Мэлл». По словам домовладелицы, Клоусон вообще не курил, разве что иногда баловался травой. Груп-

пу крови мы определили по слюне на окурках. В отчете серолога было достаточно информации. И поинтереснее, чем отпечатки пальцев.

Тэд больше не улыбался.

— Ничего не понимаю. То есть вообще ничего.

— Но есть одна неувязка, — продолжал Пэнгборн. — Светлые волосы. С полдюжины волосков мы обнаружили в пикапе Гомера и еще один волос — на спинке стула, на котором убийца сидел в гостиной Клоусона. У вас темные волосы. И почему-то мне кажется, что парик вы не носите.

— Нет... Тэд не носит. Но убийца мог и носить, — холодно проговорила Лиз.

— Может быть, — согласился Алан. — Если так, то парик натуральный. Из человеческих волос. Но чего ради менять цвет волос, если ты собираешься оставлять повсюду окурки и отпечатки пальцев? Либо он законченный идиот, либо очень старается вас подставить. И светлые волосы как-то не лепятся ни туда, ни сюда.

— Может, он не хотел, чтобы его узнавали, — предположила Лиз. — Вы не забываете, о Тэде писали в журнале «Пипл» всего две недели назад. А «Пипл» читают по всей стране.

— Да, не исключена и такая возможность. Хотя, если тот парень и внешне похож на вашего мужа, миссис Бомонт...

— Лиз.

— Хорошо, Лиз. Если он и внешне походит на вашего мужа, значит, он выглядит как Тэд Бомонт, только со светлыми волосами, верно?

Лиз внимательно посмотрела на Тэда и вдруг захихикала.

— Что смешного? — спросил Тэд.

— Пытаюсь представить тебя блондином, — сказала Лиз, продолжая хихикать. — Думаю, ты был бы похож на изрядно подпорченного Дэвида Боуи.

— По-вашему, это смешно? — спросил Тэд Алана. — По-моему, совсем не смешно.

— Ну... — протянул Алан, улыбаясь.

— Ладно, не важно. Насколько мы знаем, тот парень мог быть не только в блондинистом парике, но и в темных очках, и даже с антеннами на голове.

— Нет, если убийца — тот самый парень, которого миссис Арсено видела из окна, когда он садился в пикап Гомера примерно без четверти час, в ночь на первое июня, — сказал Алан.

Тэд подался вперед.

— Он был похож на *меня*?

— Она не особенно его разглядела. Видела только, что он был в костюме. На всякий случай сегодня я попросил одного из своих людей, Норриса Риджуика, показать ей вашу фотографию. Она сказала, ей *кажется*, это были не вы, хотя она и не может утверждать с полной уверенностью. Она сказала, ей кажется, что человек, севший в машину Гомера, был крупнее. — Он помолчал и сухо добавил: — Эта дама — весьма осмотрительная особа. Та еще перестраховщица.

— Она различила комплекцию по фотографии? — с сомнением спросила Лиз.

— Она не раз видела Тэда в городе, летом, — ответил Алан. — И она *сказала*, что не может утверждать наверняка.

Лиз кивнула:

— Конечно, она его знает. И меня тоже, кстати. Мы постоянно у них покупаем свежие овощи. Тупая корова. Прошу прощения.

— Вам не за что извиняться. — Алан допил пиво и проверил пятно на ширинке. Высохло. Хорошо. Остался слабый потек, который, возможно, никто даже и не заметит. Кроме его жены. — Как бы там ни было, тут мы подходим к последнему пункту... или параграфу... или как вы это назовете. Я сомневаюсь, что здесь есть

какая-то связь, но проверить не помешает. Какой у вас размер обуви, мистер Бомонт?

Тэд посмотрел на Лиз, и та пожала плечами.

— У меня маловатые лапы для роста шесть футов и дюйм. Обычно я ношу десятый размер, хотя, бывает, и на полразмера больше...

— Следы, о которых нам сообщили, кажется, были намного больше, — сказал Алан. — Впрочем, я думаю, они здесь ни при чем, но даже если бы были при чем, уж следы-то подделать несложно. Напихал газет в туфли на два-три размера больше твоего — и готово.

— Что за следы? — спросил Тэд.

— Думаю, это не слишком важно. — Алан покачал головой. — У нас даже нет фотографий. Думаю, у нас есть почти все, что относится к этому делу, Тэд. Ваши отпечатки пальцев, ваша группа крови, ваша марка сигарет...

— Он не... — начала было Лиз.

Алан умиротворяюще поднял руку.

— *Прежняя* марка сигарет. Я, наверное, рехнулся, что посвящаю вас в эти детали... и где-то в глубине души я понимаю, что да, рехнулся... но раз уж мы зашли так далеко, нет смысла разглядывать пару деревьев, когда можно увидеть весь лес. В Касл-Роке у вас есть собственность, как и в Ладлоу. Налоги вы платите и там, и там. Гомер Гамиш был не просто знакомым; он выполнял... разовые работы, можно так сказать?

— Да, — ответила Лиз. — Он был зрителем на полной ставке, но вышел на пенсию в том же году, когда мы купили дом. Теперь за ним смотрят по очереди Дейв Филлипс и Чарли Фортин. Но Гомер все равно заходил, что-то делал. Говорил, чтобы не терять навыков.

— Если предположить, что Гомера убил тот человек, которого видела миссис Арсено — а мы сейчас прорабатываем эту версию, — то возникает вопрос. Он убил Гомера лишь потому, что тот был первым встречным,

сдуру — или спьяну — посадившим его в машину, или же он убил его потому, что это был Гомер Гамиш, знакомый Тэда Бомонта?

— Но откуда он знал, что Гомер будет там проезжать? — спросила Лиз.

— Потому что в тот вечер Гомер играл в боулинг, а Гомер — человек... был человеком привычки. Как тот старый конь, который всегда возвращается на конюшню одной и той же дорогой.

— И первым делом вы предположили, что Гомер остановился не потому, что был пьян, а потому, что узнал человека, голосовавшего на дороге, — сказал Тэд. — Незнакомец, желавший убить Гомера, не стал бы использовать этот прием с ловлей попутки. Он бы понял, что это не самый надежный, а то и вообще дохлый номер.

— Да.

— Тэд, — произнесла Лиз не совсем твердым голосом. — В полиции подумали, что Гомер остановился, потому что увидел тебя... да?

— Да. — Тэд потянулся к жене и взял ее за руку. — Они подумали, что только кто-то вроде меня — кто-то, кто его знал, — попытается предпринять что-то подобное. Даже костюм здесь подходит. Что наденет элегантный писатель, замышляя убийство за городом в час ночи? Конечно, хороший твидовый костюм... и непременно с коричневыми замшевыми заплатами на локтях пиджака. Все британские детективы ясно дают нам понять, что без этого не обойтись. — Он посмотрел на Алана: — Все это чертовски странно, да? Вся эта история.

Алан кивнул:

— Странно — еще мягко сказано. Миссис Арсено показалось, что тот человек начал переходить дорогу, или по крайней мере уже собирался переходить, когда показался Гомер на своем пикапе. Но тот факт, что вы знаете

и Клоусона из Вашингтона, наводит на мысль, что Гомера убили, потому что он — это он, а вовсе не потому, что старик был достаточно пьян, чтобы подбирать посреди ночи попутчиков. Так что давайте поговорим о Фредерике Клоусоне, Тэд. Расскажите о нем.

Тэд и Лиз переглянулись.

— Думаю, — сказал Тэд, — моя жена справится с этим быстрее и лаконичнее. И будет меньше ругаться.

— Ты уверен, что хочешь, чтобы я рассказала? — спросила Лиз.

Тэд кивнул. Лиз начала говорить, поначалу медленно, но постепенно набирая скорость. Тэд перебил ее пару раз в самом начале, а потом просто сидел и слушал. В следующие полчаса он не произнес ни слова. Алан Пэнгборн достал блокнот и принялся делать пометки, но после нескольких первых вопросов он тоже не прерывал ход рассказа.

Глава 9

ВТОРЖЕНИЕ ВЫПОЛЗНЯ

1

— Я называю его Выползнем, — начала Лиз. — Мне жаль, что он умер... но он все равно был Выползнем. Уж не знаю, откуда они выползают в фильме, сами рождаются, или их сотворили для какого-то эксперимента, но, наверное, это не важно. В жизни эти твари поднимаются из своего слизистого гнезда и ползут вверх по социальной лестнице. А Фредерик Клоусон был Выползнем из Вашингтона. Он там учился на адвоката, в самой большой из всех юридических змеиных ям. Тэд, малыши заворочались... дашь им бутылочки? А мне еще пива, пожалуйста.

Тэд передал ей пиво и пошел в кухню подогревать бутылочки с молоком. Он пошире открыл дверь кухни,

чтобы лучше слышать... и ударился о нее коленом. Он так привык биться обо все углы, что даже этого не заметил.

Воробьи снова летают, подумал он и потер шрам на лбу. Потом налил в кастрюльку теплой воды и поставил ее на плиту. *Знать бы еще, что это значит.*

— Почти всю историю мы в конечном итоге узнали от самого Клоусона, — продолжала Лиз, — правда, его перспектива была слегка искажена. Тэд любит повторять, что все мы — герои в собственных жизнях, и Клоусон видел себя не Выползнем, а этаким Джеймсом Босуэллом... но мы сумели составить более реальную версию, в основном по рассказам сотрудников «Дарвин пресс», где печатались книги Тэда, которые он писал под именем Старка, и по словам Рика Каули.

— Кто такой Рик Каули? — спросил Алан.

— Литературный агент, работавший с книгами Тэда под его обоими именами.

— И чего хотел Клоусон... ваш Выползень?

— Денег, — сухо проговорила Лиз.

В кухне Тэд достал из холодильника две бутылочки (наполненные только наполовину, чтобы отучать малышей от этих обременительных ночных кормлений) и опустил их в кастрюльку с горячей водой. Лиз сказала все верно... и в то же время неверно. Клоусон хотел не только денег. Он хотел большего.

Лиз как будто прочла его мысли.

— И не только денег. Я даже не знаю, чего он хотел больше. Ему хотелось прославиться, как человеку, который раскрыл секрет подлинной личности Джорджа Старка.

— Вроде как сорвал маску с Удивительного Человека-паука?

— Вот именно.

Тэд опустил палец в кастрюльку, чтобы проверить воду, потом прислонился к плите, скрестил руки на гру-

ди и стал слушать дальше. Он вдруг понял, что хочет курить — впервые за многие годы ему опять захотелось курить.

Его пробрал озноб.

2

— Клоусон как-то уж слишком «удачно» оказывался в нужных местах в нужное время, — сказала Лиз. — Он не только учился на юридическом, но и подрабатывал в книжном магазине. И не только работал в книжном, но был ярым поклонником Джорджа Старка. И наверное, единственным на всю страну ярым поклонником Джорджа Старка, который прочел два романа Тэда Бомонта.

В кухне Тэд не без горечи усмехнулся и снова проверил воду в кастрюльке.

— Думаю, ему хотелось создать из своих подозрений что-то вроде великой драмы, — продолжала Лиз. — Но, как оказалось, ему пришлось крепко рвать задницу, чтобы вознестись над толпой. Когда он решил, что Старк — это Бомонт, и наоборот, он позвонил в «Дарвин пресс».

— Издательство, выпускавшее книги Старка.

— Да. Он дозвонился до Элли Голден, которая редактировала книги Старка, и спросил напрямую: «Скажите, пожалуйста, а Джордж Старк — это ведь на самом деле Тэд Бомонт?» Элли ответила, что это чушь. Тогда Клоусон спросил про фотографию автора на обложках книг Старка. Попросил дать ему адрес этого человека. Элли сказала, что они никому не дают адресов своих авторов. А Клоусон сказал: «Я не прошу адрес Старка, я прошу адрес того человека, который на фотографии. *Который изображает* Старка». Элли ответила, что он бредит. Человек на фотографии на обложках — это *и есть* Джордж Старк.

— А издательство разве ни разу не объявляло, что это был псевдоним? — спросил Алан с искренним любопыт-

ством. — Все это время они утверждали, что он — реальный человек?

— Да... Тэд на этом настаивал.

Да, подумал он, вынимая бутылочки из кастрюльки и проверяя внутренней стороной запястья, не слишком ли горячо молоко. Тэд на этом настаивал. Правда, сейчас Тэд уже и не помнит, почему он на этом настаивал, но стоял насмерть, да.

Все-таки исхитрившись избежать столкновения с кухонным столом, он принес бутылочки в гостиную и вручил близнецам. Малыши приняли их торжественно, сонно и тут же принялись сосать. Тэд снова уселся и стал слушать Лиз, убеждая себя в том, что совершенно не думает о сигарете.

— Клоусон продолжал задавать вопросы, — сказала Лиз. — Думаю, их у него было много. Но Элли не стала играть в эти игры. Сказала, чтобы он позвонил Рiku Каули, и бросила трубку. Клоусон позвонил Рiku в офис, и трубку взяла Мириам. Бывшая жена Рика. И совладелица агентства. Да, странноватые отношения. Но они замечательно ладят.

— Клоусон задал ей тот же вопрос о Джордже Старке и Тэде Бомонде — не один ли это человек? По словам Мириам, она ответила «да». А сама она — Долли Мэдисон*. «Я развелась с Джеймсом, — сказала она. — Тэд разводится с Лиз, и весной мы поженимся!» И повесила трубку. Потом сразу бросилась в кабинет Рика и сообщила ему, что какой-то урод из Вашингтона выведывает секрет Тэда. После этого, сколько бы Клоусон ни названивал в литагентство Каули, вместо ответа там сразу бросали трубку.

Лиз сделала большой глоток пива.

* Долли Пэйн Тодд Мэдисон (20 мая 1768 — 12 июля 1849) — супруга 4-го президента США Джеймса Мэдисона, первая леди США с 1809 по 1817 год. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Но он не сдавался. Думаю, настоящие Выползники никогда не сдаются. Он просто решил, что *пожалуйста* ничего не добьешься.

— А Тэду он не звонил? — спросил Алан.

— Нет, ни разу.

— Как я понимаю, вашего номера нет в телефонном справочнике?

Тут Тэд внес свой вклад в разговор.

— Его нет в общедоступном справочнике. Но здешний ладлоуский номер *указан* в университетской телефонной книге. Иначе нельзя. Я преподаватель и должен быть всегда на связи.

— Но парень ни разу с вами не связался, — удивился Алан.

— Связался, но позже... написал письмо, — сказала Лиз. — Однако мы забегаем вперед. Мне продолжать?

— Да, пожалуйста, — попросил Алан. — История сама по себе занимательная.

— В общем, наш Выползень потратил около трех недель и, возможно, меньше пятисот долларов, чтобы выяснить то, в чем он и так был уверен: что Тэд и Джордж Старк — это один и тот же человек. Он начал с «Литературного рынка», справочника имен, адресов и рабочих телефонов практически всех, кто имеет какое-то отношение к литературе: авторов, редакторов, издателей, литагентов. Изучив «Рынок» и колонку «Люди» в «Еженедельном издательском вестнике», он сумел вычислить с полдюжины сотрудников «Дарвин пресс», которые ушли из компании в период между летом тысяча девятьсот восемьдесят шестого и летом тысяча девятьсот восемьдесят седьмого. Среди них нашелся человек, который располагал информацией и был готов ею поделиться. Элли Голден уверена, что это была секретарша главного бухгалтера, проработавшая в издательстве восемь месяцев в тот самый период. Элли называла ее сопливой стелькой из Вассара.

Алан хохотнул.

— Тэд тоже думает, что это она, — продолжала Лиз, — потому что неопровержимой уликой оказались ксерокопии справок об авторских гонорах, выплаченных Джорджу Старку. Они могли появиться только из офиса Роланда Барретса.

— Главного бухгалтера «Дарвин пресс», — пояснил Тэд. Слушая Лиз, он наблюдал за близнецами. Теперь они лежали на спинках, по-дружески прижимаясь друг к другу ножками, бутылочки у них в руках указывали в потолок. Глазки у обоих сонные, взгляды обращены вдаль. Тэд знал, что скоро они заснут... заснут одновременно, вместе. *Они все делают вместе*, подумал он. *Малыши засыпают, а воробьи летают...*

Он опять прикоснулся к шраму.

— На ксерокопиях не было имени Тэда, — сказала Лиз. — Справка о выплаченных гонорах — это не чек, поэтому настоящее имя автора указывать *не обязательно*. Понимаете?

Алан кивнул.

— Но там был адрес, подтвердивший все его догадки. Мистер Джордж Старк, абонентский ящик шестнадцать сорок два, Бруэр, штат Мэн. Далековато от Миссисипи, где якобы живет Старк. Взглянув на карту, наш Выползень увидел, что прямо к югу от Бруэра располагается Ладлоу, где, как он знал, живет довольно известный, пусть и не знаменитый писатель. Тадеус Бомонт. Какое совпадение!

Ни Тэд, ни я сама ни разу не видели Клоусона, но он видел Тэда. Из тех ксерокопий, которые ему передали, он узнал, когда «Дарвин пресс» отправляет по почте ежеквартальные чеки на гонорары. Обычно чеки сначала приходят агенту, а тот выписывает новый чек, вычитая из первоначальной суммы свои комиссионные. Но в случае со Старком бухгалтер отправлял чек напрямую в абонентский ящик в Бруэре.

— А как же комиссионные агента? — спросил Алан.

— Их вычитали из общей суммы в «Дарвин пресс» и отправляли Риду отдельным чеком, — ответила Лиз. — Это могло стать еще одним косвенным подтверждением для Клоусона, что Джордж Старк — вовсе не тот, за кого себя выдает... но к тому времени Клоусону были уже не нужны косвенные подтверждения. Он хотел получить твердое доказательство. И рванул его получать.

Когда подошло время отправки чека, Клоусон приехал сюда. Остановился в гостинице «Холидей» и целыми днями «отслеживал» почтовое отделение в Бруэре. Именно так он потом выразился в письме, которое отправил Тэду. Прямо как в фильмах нуар. Хотя это было убогонькое расследование. Если бы «Старк» не явился за чеком на четвертый день слежки Клоусона, тот бы, наверное, свернул свою лавочку и уполз бы обратно в ночь. Хотя, думается, этим бы все не закончилось. Если истинный Выползень впирается в тебя зубами, он не отпустит, пока не вырвет изрядный кусок.

— Или пока ты не вышибешь ему зубы, — пробурчал Тэд и поморщился, поймав на себе удивленный взгляд Алана. Да, неудачно он выразился. Кто-то именно так и расправился с Выползнем... вернее, даже хуже.

— Все равно это вопрос чисто гипотетический, — сказала Лиз, и Алан повернулся обратно к ней. — Ему не пришлось долго ждать. На четвертый день, когда он сидел на скамейке в парке прямо напротив почтового отделения, к зданию почты подъехал Тэд.

Лиз отпила пива и вытерла пену с губ. Когда она убрала руку, стала видна улыбка.

— Сейчас начинается моя любимая часть. Это *n-n-пре-лестно*, как говорил тот голубой в «Возвращении в Брайдсхед». У Клоусона был фотоаппарат. Миниатюрная камера, которую можно спрятать в ладони. Когда собираешься сделать снимок, надо просто немного раз-

двинуть пальцы, чтобы открыть объектив, а потом — щелк! — и готово.

Она хихикнула и тряхнула головой, представив себе эту картину.

— В письме он сказал, что выписал эту камеру по каталогу шпионского снаряжения: «жучки» в телефон, какая-то мазь, которой мажут конверты, и они минут на пятнадцать становятся прозрачными, самоуничтожающиеся портфели и все в таком духе. Секретный агент Икс-Девять Клоусон прибыл на дежурство. Думаю, он прикупил бы себе и фальшивый зуб с цианистым калием, если бы их разрешали продавать. Он прочно вошел в образ.

Как бы там ни было, он сделал с полдюжины вполне годных снимков. Конечно, не шедевры фотографического искусства, но на них видно, кого снимали и что он делал. Там были снимки, как Тэд подходит к почтовым ящикам, как он открывает ключом ящик шестнадцать сорок два, как вынимает оттуда конверт.

— Он прислал вам копии этих снимков? — спросил Алан. Лиз говорила, что Клоусон хотел денег, и теперь стало ясно, что она знала, о чем говорит. Тут не просто пахло шантажом; тут им все провоняло насквозь.

— О да. А последний даже увеличил. Там можно было прочесть часть обратного адреса — буквы ДАРВ, — а над ними ясно виднелась эмблема издательства «Дарвин пресс».

— Икс-Девять снова наносит удар, — сказал Алан.

— Да. Икс-Девять снова наносит удар. Он дождался, когда проявят и отпечатают фотографии, и улетел обратно в Вашингтон. А через несколько дней мы получили его письмо вместе со снимками. Письмо было просто волшебным. Он держался на грани угроз, но ни разу не переступил черту.

— Он учился на юриста, — вставил Тэд.

— Да, — согласилась Лиз. — Он знал, как далеко можно зайти. Письмо сохранилось, Тэд может его показать, но я вкратце перескажу. Он начал с восхищения двумя половинами «разъединенного сознания» Тэда, как он это назвал. Потом рассказал, *что* он выяснил и *как* именно. А затем перешел к делу. Излагал осторожно, старательно избегая угроз. Но они явно присутствовали. Он сообщил, что и сам начинающий автор, но у него совершенно нет времени на литературские труды — почти все время уходит на изучение права, однако это лишь часть проблемы. Самая главная трудность, по его словам, заключается в том, что ему приходится подрабатывать в книжном магазине, чтобы платить за учебу и все остальное. Он написал, что хотел бы показать Тэду свои работы, и если Тэд увидит, что они не безнадежны, возможно, у него возникнет желание оказать дружеское вспоможение начинающему собрату по перу.

— Дружеское вспоможение, — задумчиво произнес Алан. — Теперь это так называется?

Тэд запрокинул голову и расхохотался.

— Ну, Клоусон назвал так. Думаю, что последний кусок я могу процитировать наизусть. «Я понимаю, что данная просьба может показаться весьма преждевременной при первом чтении, — писал он, — но я уверен, что если вы ознакомитесь с моими работами, вы сразу поймете, насколько выгодным для нас обоих может быть данное соглашение».

— Сначала мы с Тэдом взбесились, потом посмеялись, потом снова взбесились.

— Да, — сказал Тэд, — не уверен насчет «посмеялись», но взбесились изрядно.

— В конце концов мы приступили к спокойному обсуждению. Проговорили почти до полуночи. Мы сразу поняли, что означают письмо Клоусона и фотографии. И как только Тэд перестал злиться...

— Я *до сих пор* не перестал злиться, — перебил ее Тэд, — хотя он уже мертв.

— Хорошо, как только Тэд перестал бушевать, он вздохнул чуть ли не с облегчением. Он давно думал о том, что пора бы завязать со Старком, и уже начал работать над своей собственной книгой. Над которой он, собственно, сейчас и работает. Это будет большой, серьезный роман. Называется «Золотой пес». Я прочла первые двести страниц. Это отличная вещь. Намного лучше, чем последние книги, состряпанные под именем Джорджа Старка. И Тэд решил...

— Мы решили, — поправил Тэд.

— Хорошо, *мы* решили, что Клоусон выступил скрытым благословением, поводом поторопиться с тем, что и так уже назревало. Тэд только боялся, что Рика Каули не обрадует эта идея, потому что прибыль агентства от Джорджа Старка была явно побольше, чем от Тадеуса Бомонта. Но Рик был такой душкой. На самом деле он сказал, что такой ход может сделать хорошую рекламу и подстегнуть спрос на весь бэклист Старка, на бэклист самого Тэда...

— На все две книги, в него входящие, — вставил Тэд, улыбнувшись.

— ...и на новую книгу, когда она наконец выйдет.

— Прошу прощения... а что такое бэклист? — спросил Алан.

Улыбаясь уже во всю ширь, Тэд пояснил:

— Старые книги, которые больше не выставляют на больших ярких стендах у входа в книжные магазины.

— И вы предали все огласке.

— Да, — подтвердила Лиз. — Сначала в «АП» здесь, в Мэне, и в «Еженедельном издательском вестнике», а потом эту историю осветили и в национальных изданиях. Все-таки Старк был известным писателем... автором многочисленных бестселлеров... и тот факт, что его никогда не существовало в реальности, стал неплохим ма-

териалом для заполнения последних страниц. А потом с нами связалась редакция «Пипл».

Мы получили еще одно письмо от Клоусона. Этакий визгливый, рассерженный вопль. Какие мы злобные, мерзкие, неблагодарные твари. Кажется, он вполне искренне полагал, что у нас не было права вот так вот выбрасывать его за борт, ведь он проделал такую немислимую работу, а Тэд всего-навсего написал несколько книжек. После этого он затих.

— А теперь он затих навсегда, — сказал Тэд.

— Нет, — возразил Алан. — Его *кто-то* заткнул... это большая разница.

Разговор на секунду прервался. Пауза была очень короткой... но очень-очень тяжелой.

3

Алан надолго задумался. Тэд и Лиз ему не мешали. Наконец он поднял голову и произнес:

— Хорошо. Но зачем? Зачем из-за этого убивать? Особенно если тайна уже раскрыта?

Тэд покачал головой.

— Если это связано со мной или с книгами, которые я написал как Джордж Старк, я не знаю *зачем*. И *кто* — тоже не знаю.

— Из-за какого-то псевдонима? — задумчиво проговорил Алан. — То есть... я не хотел вас обидеть, Тэд, но ведь это же не информация государственной важности и не военная тайна.

— Я не обиделся, — сказал Тэд. — На самом деле я полностью с вами согласен.

— У Старка было немало поклонников, — заметила Лиз. — Многих взбесило, что Тэд больше не будет писать книги Старка. После статьи в «Пипл» в редакцию стали приходить письма. Тэду тоже приходили письма. Одна дама так разъярилась, что пожелала, чтобы Алек-

сис Машина вернулся и вломил Тэду по полной программе.

— Кто такой Алексис Машина? — Алан снова достал блокнот.

Тэд усмехнулся.

— Тише-тише, любезный инспектор. Машина — вымышленный персонаж, герой двух книг Старка. Первой и последней.

— Вымысел вымысла, — проговорил Алан, убирая блокнот. — Замечательно.

Тэд как будто слегка удивился.

— Вымысел вымысла, — повторил он. — А неплохо звучит. Очень даже неплохо.

— Я тут подумала, — сказала Лиз, — может быть, у Клоусона был друг... ну, если у Выползней *бывают* друзья... ярый фанат Старка. Может быть, он узнал, что история выплыла наружу по вине Клоусона, и так разозлился, что больше не будет книг Старка...

Она вздохнула, уставилась на бутылку пива у себя в руке, потом опять подняла взгляд.

— Как-то глупо выходит, да?

— Боюсь, что да, — мягко проговорил Алан и повернулся к Тэду. — Если вы не сделали этого раньше, то вот сейчас уже точно пора падать на колени и благодарить Бога за алиби. Вы сами должны понимать, что при таком положении дел становитесь прямо-таки лакомым подозреваемым, разве нет?

— Да, наверное, — согласился Тэд. — Тадеус Бомонт написал две книги, которые почти никто и не читал. Последняя, вышедшая одиннадцать лет назад, получила не самые лестные отзывы критиков. Возлагавшиеся на него надежды, пусть даже скромные, не оправдались; при таком положении дел вряд ли он будет издаваться еще. Старк, с другой стороны, гребет деньги лопатой. Ладно, пусть не лопатой, *совочком*, но все равно книги приносят доход в шесть раз больше, чем моя годовая

зарплата университетского преподавателя. И тут появляется этот Клоусон с его тщательно сформулированными угрозами шантажа. Я посылаю его к черту, но теперь мне уже не остается ничего другого, кроме как обнародовать эту историю самому. Вскоре после этого Клоусона убивают. Кажется, что мотив просто великолепный, но на самом деле — нет. Глупо было бы убивать потенциального шантажиста после того, как ты сам раскрыл свою тайну.

— Да... но всегда остается месть.

— Наверное. Но тут надо смотреть на все в целом. Лиз сказала вам чистую правду. Старк уже выдыхался. Возможно, могла быть еще одна книга, но только одна. Кстати, поэтому Рик Каули и был таким душкой, выражаясь словами Лиз. Потому что он это знал. И он оказался прав насчет рекламы. Статья в «Пипл», какой бы дурацкой она ни была, хорошо подстегнула продажи. Рик говорит, «Дорога в Вавилон» уже возвращается в списки бестселлеров, да и другие романы Старка продаются весьма неплохо. В «Даттоне» даже подумывают о переиздании «Стремительных танцоров» и «Пурпурного тумана». Так что с этих позиций Клоусон оказал мне услугу.

— И что мы имеем в итоге? — спросил Алан.

— Если бы я знал, — отозвался Тэд.

В разговоре снова возникла пауза, а потом Лиз тихо проговорила:

— Это охотник на крокодилов. Как раз сегодня утром о них вспоминала. Это охотник на крокодилов, и он законченный псих.

— Охотник на крокодилов? — повернулся к ней Алан.

Лиз объяснила, что означает придуманный Тэдом синдром «поглядеть на живых крокодилов».

— Это *мог быть* какой-нибудь сумасшедший фанат, — сказала она. — И это уже *не так* глупо, если

вспомнить того парня, который застрелил Джона Леннона, и того, кто пытался убить Рональда Рейгана, чтобы произвести впечатление на Джоди Фостер. Они *есть*. И если Клоусон смог «раскрыть» Тэда, то кто-то другой мог «раскрыть» Клоусона.

— Но зачем ему впутывать в это меня, если он так уж любит мои книги? — спросил Тэд.

— Потому что он их *не любит*, — с жаром проговорила Лиз. — Этот охотник на крокодилов, он любит *Старка*. Может быть, он ненавидит тебя так же сильно, как ненавидит... ненавидел... Клоусона. Ты говорил, что не жалеешь о смерти Старка. Это *уже* причина.

— Все равно как-то не верится, — сказал Алан. — Отпечатки пальцев...

— Вы говорите, что отпечатки пальцев нельзя подделать. Но раз они были в обоих местах, значит, должен быть способ. Это единственное объяснение.

Тэд услышал свой собственный голос словно изда-лека:

— Нет, Лиз. Ты ошибаешься. Если и существует такой человек, он не просто любит Старка. — Он посмотрел на свои руки и увидел, что они покрылись гусиной кожей.

— Нет? — спросил Алан.

Тэд поднял голову.

— А вам не приходила мысль, что человек, убивший Гомера Гамиша и Фредерика Клоусона, может думать, что он *и есть* Джордж Старк?

4

Уже на крыльце Алан сказал:

— Буду держать вас в курсе.

В руке он держал ксерокопии двух писем Фредерика Клоусона, сделанные на копире в кабинете Тэда. Тэд подумал, что согласие Алана взять ксерокопии вместо

оригиналов — это более чем явный признак, что шериф отказался если и не от всех подозрений, то от большей их части.

— И вернетесь меня арестовать, если найдете дыру в моем алиби? — спросил Тэд с улыбкой.

— Думаю, этого не случится. Единственное, о чем я попрошу: вы *тоже* держите меня в курсе.

— В смысле, если что-то произойдет?

— Да. Именно в этом смысле.

— Жаль, что мы больше ничем не смогли помочь, — сказала Лиз.

Алан улыбнулся.

— Вы мне здорово помогли. Я никак не мог решить, что делать: остаться здесь еще на день или вернуться в Касл-Рок. После того, что вы мне рассказали, я склоняюсь к тому, чтобы ехать. Прямо сейчас и отправлюсь. Мне надо скорее домой. Моя жена Энни слегка приболела.

— Надеюсь, ничего серьезного? — спросила Лиз.

— Мигрень, — коротко ответил Алан, спустился с крыльца и пошел по дорожке от дома, но вдруг повернул назад. — Есть *еще* кое-что.

Тэд театрально закатил глаза.

— Коронная фраза лейтенанта Коломбо. Сейчас что-то будет!

— Вовсе нет, — заверил Алан. — Просто вашингтонское полицейское управление умалчивает об одном вещественном доказательстве в убийстве Клоусона. Это обычная практика: помогает отсеивать психов, рвущихся сознаваться в преступлениях, которых они не совершали. Кое-что было написано на стене в квартире Клоусона. — Алан секунду помедлил и добавил чуть ли не извиняющимся тоном: — Написано кровью жертвы. Если я вам скажу, вы дадите мне слово, что дальше вас это не пойдет?

Тэд кивнул.

— Там было написано: «Воробьи снова летают». Это вам что-нибудь говорит?

— Нет, — ответила Лиз.

— Нет, — после секундной заминки ответил Тэд.

Алан пристально посмотрел на него:

— Вы уверены?

— Да.

Алан вздохнул.

— Я так и думал, просто на всякий случай спросил. Тут столько других удивительных совпадений, вот я и подумал, а вдруг будет еще одно. Доброй ночи, Тэд, Лиз. И не забудьте связаться со мной, если что-то произойдет.

— Не забудем, — пообещала Лиз.

— Можете не сомневаться, — добавил Тэд.

Секундой позже они ушли в дом, закрыв дверь за Аланом Пэнгборном — отгородившись от темноты, в которой ему предстояла долгая дорога домой.

Глава 10

В ТОТ ЖЕ ВЕЧЕР, ЧУТЬ ПОЗЖЕ

1

Они отнесли спящих близнецов в детскую и начали сами готовиться ко сну. Тэд разделся до трусов и майки — его вариант пижамы — и пошел в ванную. Тошнота подкатила к горлу, когда он чистил зубы. Тэд уронил щетку, выплюнул в раковину белую пену и наклонился над унитазом, совершенно не чувствуя своих ног. Они были как деревянные.

Он попытался срыгнуть — жалобный, сухой звук, — но ничего не получилось. Желудок начал успокаиваться... по крайней мере пытался.

Когда Тэд обернулся, в дверях стояла Лиз в синей нейлоновой ночнушке, на пару дюймов не доходившей до колен, и спокойно смотрела на него.

— Ты что-то скрываешь, Тэд. Это нехорошо. Очень нехорошо.

Он резко вдохнул и выставил руки перед собой, растопырив пальцы. Руки все еще дрожали.

— Давно ты заметила?

— Ты весь вечер какой-то странный. С тех пор как вернулся шериф. А когда он задал тот последний вопрос... насчет надписи на стене у Клоусона... с тем же успехом ты мог бы повесить себе на лоб неоновую вывеску.

— Пэнгборн ничего не заметил.

— Шериф Пэнгборн не знает тебя так, как я... но если ты не заметил, какой он бросил взгляд на тебя в конце, значит, ты вообще не смотрел. Даже он углядел, что здесь что-то не так. Это было понятно по его глазам.

Уголки ее губ слегка опустились. Из-за этого стали виднее морщинки. Впервые Тэд их заметил у Лиз после несчастного случая в Бостоне и выкидыша, а потом они сделались глубже, пока она наблюдала, как он бьется над тем, чтобы зачерпнуть хоть немного воды из колодца, который, казалось, полностью высох.

Примерно тогда он пристрастился к алкоголю. Все это вместе: несчастный случай с Лиз, ее выкидыш, провал «Пурпурного тумана» вслед за бешеным успехом «Пути Машины» под именем Старка, внезапная тяга к спиртному — вогнало его в глубочайшую депрессию. Он понимал, что это был эгоистичный, вывернутый вовнутрь настрой духа, но понимание не помогало. В конце концов он проглотил горсть снотворных таблеток, запив их половиной бутылки «Джека Дэниелса». Это была вяленькая попытка самоубийства... но все же попытка самоубийства. Так продолжалось три года. Но в то время казалось, что дольше. В то время это казалось вечностью.

И конечно же, ничего или почти ничего из этого не попало на страницы «Пипл».

Но теперь Тэд увидел, что Лиз смотрит на него так, как смотрела тогда. Он ненавидел, когда она так смотрела. Беспокойство — это плохо; недоверие — еще хуже. Он подумал, что лучше уж неприкрытое отвращение, чем этот странный, настороженный взгляд.

— Я ненавижу, когда ты мне врешь, — просто сказала она.

— Я не врал, Лиз! Ради Бога!

— Иногда люди врут, когда просто молчат.

— Я все собирался тебе рассказать. Просто пытался придумать, с чего начать.

Но сказал ли он правду? Так ли это на самом деле? Он сам не знал. Да, творится какая-то хрень, странная и сумасшедшая, но причина, что он врал молчанием, заключалась в другом. Он молчал из тех же побуждений, из которых молчит человек, заметивший кровь в своем стуле или обнаруживший плотное вздутие в паху. Молчание в таких случаях неразумно... но страх тоже иррационален.

И было еще кое-что: он писатель, а значит, выдумщик. Тэд еще не встречал ни одного литератора — включая себя самого, — который знал бы, почему делает *что бы то ни было*. Иногда ему казалось, что непреодолимая тяга сочинять вымышленные миры — это не более чем баррикада против растерянности, может быть, даже безумия. Отчаянное возведение порядка людьми, способными найти эту великую драгоценность только в своем рассудке... и никогда в сердце.

Невесть откуда взявшийся голос прошептал у него в голове, впервые в жизни: *Кто ты, когда пишешь, Тэд? Кто ты тогда?*

И Тэд не знал, что ответить.

— Ну и?.. — спросила Лиз голосом резким, на грани ярости.

Он вздрогнул, оторвавшись от собственных мыслей.

— Что?

— Ты придумал, с чего начать?

— Слушай, Лиз, мне не понятно, почему ты так *злишься*?

— Потому что мне *страшно*! — крикнула она с яростью... но теперь он заметил слезы в уголках ее глаз. — Потому что ты что-то скрыл от шерифа, и я не уверена, что ты это не скроешь и от *меня*! Если бы я не видела, какое у тебя было лицо...

— Да? — Теперь он и сам разозлился. — И *какое* же у меня было лицо?

— Виноватое, — чуть ли не рявкнула Лиз. — Точно такое же, как тогда, раньше... когда ты всем говорил, что бросил пить, а на самом деле не бросил. Когда... — Она резко умолкла. Тэд не знал, что она увидела у него на лице сейчас — и, наверное, *не хотел* знать, — но вся ее ярость сошла на нет. — Прости. Это было нечестно, — проговорила она с совершенно убитым видом.

— Почему же нечестно? — мрачно ответил он. — Это правда. Было правдой на тот момент.

Он вернулся в ванную и смыл остатки зубной пасты ополаскивателем для рта. Ополаскиватель не содержал спирта. Как и микстура от кашля. И заменитель ванильной эссенции в кухонном шкафчике. Тэд не брал в рот ни капли с тех пор, как закончил последнюю книгу Старка.

Лиз подошла и легонько прикоснулась к его плечу.

— Тэд, мы оба злимся. Нам обоим от этого плохо, и это никак не поможет делу. Ты говорил, что, может быть, этот убийца... этот психопат... считает себя Джорджем Старком. Он убил двух человек, которых мы знаем. Один из них был отчасти виновен в том, что псевдоним Старка раскрылся. Тебе же наверняка приходило в голову, что в списке врагов этого человека твое имя стоит явно одним из первых. И тем не менее ты что-то скрываешь. Какая там была фраза, про воробьев?

— Воробьи снова летают. — Тэд посмотрел на свое отражение в зеркале под резким светом белой флуоресцентной лампы. Все та же старая добрая физиономия. Может, круги под глазами немного темнее, но все равно это его лицо. Что не может не радовать. Рожа, конечно, не кинозвездная, но зато своя собственная.

— Да. Она для тебя что-то значила. Что?

Он выключил свет в ванной и обнял Лиз за плечи. Они пошли в спальню и легли в кровать.

— Когда мне было одиннадцать лет, — начал он, — мне сделали операцию. Удалили небольшую опухоль из лобной доли... то есть я *думаю*, что из лобной... головного мозга. Об этом ты знала.

— И?.. — Лиз озадаченно смотрела на него.

— Я ведь тебе говорил, что у меня были жуткие головные боли до того, как мне диагностировали эту опухоль?

— Говорил.

Он принялся рассеянно гладить ее бедро. У нее были очень красивые длинные ноги, а ночнушка и вправду была коротенькой.

— А про звуки?

— Какие звуки?

— Кажется, не говорил... просто мне это казалось неважным. Все это было давным-давно. У людей с мозговыми опухолями часто бывают головные боли, иногда судорожные припадки, иногда и то и другое. Часто у этих симптомов есть свои собственные симптомы. Их называют сенсорными предвестниками. Чаще всего это запахи: карандашной стружки, свеженарезанного лука, заплесневелых фруктов. А у меня были предвестники слуховые. Это были птицы.

Он повернулся к Лиз, так что теперь кончики их носов почти соприкасались. Почувствовал, как тонкая прядка ее волос щекает ему лоб.

— Воробьи, если точнее.

Он сел на постели, не желая смотреть на лицо Лиз, выразившее потрясение. Потом взял ее за руку:

— Пойдем.

— Тэд... куда?

— В кабинет, — сказал он. — Я тебе кое-что покажу.

2

Почти весь кабинет занимал огромный дубовый стол. Не фешенебельно антикварный, не фешенебельно современный. Просто очень большой, очень удобный письменный стол. Он стоял, как динозавр, под тремя круглыми подвесными лампами, чей тройной свет, падавший на рабочую поверхность, был ослепительно ярким, но тем не менее не резал глаза. Самой же рабочей поверхности было почти не видно под завалами рукописей, почтовых конвертов, книг, корректур и прочих бумаг. На белой стене за столом красовался плакат с изображением самого любимого сооружения Тэда: небоскреба «Утюг» в Нью-Йорке. Тэд не устал восхищаться его невероятной клинообразной формой.

Рядом с пишущей машинкой лежала рукопись его новой книги, «Золотого пса», а на машинке — работа, сделанная сегодня. Шесть страниц. Его обычная норма... когда он работает за себя самого. За Джорджа Старка он делал по восемь, а иногда и по десять страниц в день.

— Перед тем как пришел Пэнгборн, я возился вот с этим. — Тэд взял с машинки тонкую стопку листов и протянул их Лиз. — Потом появился звук. Чирикание воробьев. Уже второй раз за сегодняшний день, только громче. Посмотри, что написано на первой странице.

Лиз смотрела очень долго. Тэд видел только ее макушку и волосы, свисавшие вниз. Когда она подняла

голову, все краски исчезли с ее лица. Губы были сжаты в тонкую серую линию.

— Та же самая фраза, — прошептала она. — *Та же самая*. Тэд, что происходит? Что...

Она пошатнулась, и Тэд бросился к ней, на миг испугавшись, что она и впрямь потеряет сознание. Он схватил ее за плечи, но зацепился ногой за Х-образную ножку кресла и едва не упал на стол вместе с Лиз.

— С тобой все в порядке?

— Нет, — сказала она слабым голосом. — А с тобой?

— И со мной как-то не очень. Прости. Бомонт, как всегда, неуклюж. Да уж, рыцарь в сияющих доспехах из меня никакой.

— Ты написал это *раньше*, чем пришел Пэнгборн. — Лиз, похоже, никак не могла этого осознать. — *Раньше*.

— Да.

— И что это *значит*? — Ее взгляд был отчаянным и напряженным, зрачки — просто огромными, несмотря на яркий свет.

— Не знаю. Я думал, вдруг у тебя будут какие-то мысли.

Она покачала головой и положила листы обратно на стол. Потом вытерла руку о подол ночнушки, как будто притронулась к чему-то мерзкому. Тэд подумал, что она этого даже не осознает, и не стал ей говорить.

— Теперь ты понимаешь, почему я промолчал? — спросил он.

— Да... наверное.

— Что на это сказал бы Пэнгборн? Наш практичный шериф из самого маленького округа штата Мэн, который верит в компьютерные распечатки БДВС и показания свидетелей? Шериф, который считает более правдоподобным, что я где-то прячу брата-близнеца, чем то, что кто-то придумал способ, как подделать чужие отпечатки пальцев? Что он сказал бы на *это*?

— Я... я не знаю. — Она пыталась взять себя в руки, пыталась справиться с потрясением. Тэд и раньше такое видел, но все равно не переставал восхищаться женой. — Я не знаю, что он сказал бы, Тэд.

— Я тоже не знаю. В худшем случае он бы подумал, что я знал о готовящемся преступлении. Но скорее всего он бы решил, что я написал это после его ухода.

— Но зачем бы ты стал это делать? *Зачем?*

— Первое, что приходит на ум: сумасшествие, — сухо проговорил Тэд. — Думаю, полицейский вроде Пэнгборна скорее поверит в психическую невменяемость, чем в совпадение, которое иначе как сверхъестественным не назовешь. Но если ты думаешь, я не прав, что не хочу ничего говорить, пока мне не представится случай хоть что-то понять самому — а я все же попробую разобраться, — то так и скажи. Мы позвоним в Касл-Рок, в офис шерифа, и оставим ему сообщение.

Она покачала головой:

— Я не знаю. Я слышала — кажется, на каком-то ток-шоу — об экстрасенсорных связях...

— И ты в это веришь?

— *Да я как-то об этом не думала*, — сказала она. — Мне это было без надобности. Но теперь, кажется, надо задуматься. — Она протянула руку и взяла лист с надписью. — Ты написал это одним из карандашей Джорджа.

— Просто он первым попался под руку, — раздраженно проговорил Тэд. На мгновение вспомнил о ручке, но тут же прогнал эту мысль. — И это не карандаши *Джорджа*. И никогда не были карандашами Джорджа. Они мои. И меня как-то задрало, что о нем говорят как о какой-то отдельной личности. Может, когда-то это и было забавно, но теперь уже нет.

— И все-таки сегодня ты употребил одно из его выражений: «Сварганить мне алиби». Раньше я от тебя такого не слышала, разве что читала в книгах. Это обычное совпадение?

Он хотел ответить, что да, *конечно*, но промолчал. *Возможно*, это действительно совпадение, но в свете того, что он написал на этом листе бумаге, можно ли утверждать наверняка?

— Я не знаю.

— Ты был в трансе, Тэд? Когда ты это писал, ты был в трансе?

Пусть медленно и неохотно, но он ответил:

— Да. Кажется, *да*.

— И это все? Или было что-то еще?

— Я не помню. — Он помолчал и добавил еще неохотнее: — Кажется, я еще что-то сказал; но я, честно, не помню.

Она долго смотрела на него, а потом проговорила:

— Пойдем спать.

— Лиз, ты думаешь, мы сможем заснуть?

Она невесело рассмеялась.

3

Однако минут через двадцать Тэд уже почти спал, но голос Лиз вернул его обратно.

— Тебе надо к врачу, — сказала она. — В понедельник.

— Сейчас нет головных болей, — возразил он. — Только птичий щебет. И эта *странный* фраза, которую я написал. — Он помедлил и с надеждой добавил: — А ты не думаешь, что это просто совпадение?

— Я не знаю, что это, — ответила Лиз. — Но скажу тебе честно, Тэд, я не очень-то верю в совпадения.

Почему-то ее слова показались обоим смешными, и они захихикали, но очень тихо, чтобы не разбудить близнецов. Теперь они обнимались, и между ними опять воцарилось согласие — в своем теперешнем состоянии Тэд уже почти ни в чем не был уверен, но в *этом* он был уверен на сто процентов. У них с Лиз все хорошо. Гроза

миновала. Мрачное прошлое вновь похоронено, хотя бы на данный момент.

— Я запишу тебя к доктору, — сказала Лиз, когда они оба перестали смеяться.

— Нет. Я сам.

— И не будешь потом отговариваться забывчивостью в творческом запале?

— Нет. В понедельник прямо с утра запишусь, первым делом. Честное слово.

— Хорошо. — Лиз вздохнула. — Если мне удастся заснуть, это будет настоящее чудо. — Но уже через пять минут она задышала тихо и ровно, а еще через пять минут Тэд тоже заснул.

4

И ему снова приснился сон.

Все тот же сон (или очень похожий), только конец отличался. Но сначала все было так же: Старк привел Тэда в пустой дом, и всегда оставался у него за спиной, и вновь сказал Тэду, что тот ошибается, когда Тэд пытался доказывать совершенно убитым дрожащим голосом, что это его собственный дом. Ошибочка вышла, вновь сказал Старк за его правым плечом (или за левым? и есть ли разница?). Хозяин этого дома мертв. Хозяин этого дома отправился в то легендарное место, где заканчиваются все рельсы, в место, которое здесь (где бы ни было это здесь) называется Эндсвилем. Все было точно так же. Пока они не добрались до прихожей у задней двери, где Лиз была уже не одна. Теперь к ней присоединился Фредерик Клоусон. Он был голым, если не считать совершенно нелепого кожаного плаща. И он тоже был мертв, как Лиз.

Старк за плечом Тэда задумчиво произнес:

— Вот так оно и бывает со всякими стукачами. Их пускают на фарш. О нем уже позаботились. Я обо всех

позабочусь, по очереди. Только смотри, чтобы мне не пришлось позаботиться о тебе. Воробьи снова летают, Тэд, запомни. Воробьи летают.

А потом — не в доме, снаружи — Тэд их *услышал*. Не тысячи, а миллионы, может быть, *миллиарды* воробьев. День обернулся ночью, когда огромная стая сначала затмила солнце, а потом закрыла его совсем.

— *Я ничего не вижу!* — закричал Тэд, и Джордж Старк прошептал у него за спиной:

— Они снова летают, дружище. Не забывай. *И не вздумай встать у меня на пути.*

Он проснулся в холодном поту, сотрясаясь от дрожи, и на этот раз еще долго не мог заснуть снова. Он лежал в темноте и думал, насколько бредовой была эта мысль — мысль, которую оставил после себя сон. Возможно, и в первый раз было так же, но теперь мысль проявилась гораздо отчетливее. Совершенно абсурдная мысль. Да, Тэд всегда представлял себе Старка похожим на Алексиса Машину (и почему нет, ведь, по сути, они появились одновременно, вместе с «Путем Машины»), оба высокие, широкоплечие, крепкие, здоровенные амбалы, словно вырубленные из цельного куска какого-то твердого материала, и оба блондины... и все равно это был полный бред. Псевдонимы не оживают и не убивают людей. Утром, за завтраком, он скажет Лиз, и они оба посмеются... ну, может, и не посмеются при настоящем положении дел, но усмехнутся уж точно.

Назовем это комплексом Вильяма Вильсона, подумал он, засыпая. Но утром давешний сон показался уже не таким важным, чтобы рассказывать о нем жене, — у них было много других забот. Так что Тэд ничего не сказал... но в течение дня вновь и вновь вспоминал этот сон, мысленно возвращался к нему и лелеял, как черный бриллиант.

Глава 11

ЭНДСВИЛЬ

1

В понедельник, рано утром, пока Лиз не начала его пилить, Тэд записался на прием к доктору Юму. В медицинской карте Тэда, разумеется, были данные об удалении опухоли в 1960-м. Он сказал Юму, что недавно у него дважды повторились симптомы с птицами — звуками, которые раньше предвещали головные боли, пока опухоль не диагностировали и не вырезали. Доктор Юм спросил, вернулись ли сами боли. Тэд ответил, что нет.

Он не рассказал ни о трансе, ни о том, что написал, пока пребывал в этом трансе, ни о том, что было написано на стене в квартире жертвы убийства в Вашингтоне. Теперь все это казалось таким же далеким, как вчерашний сон. На самом деле Тэд вдруг поймал себя на том, что пытается обратить все чуть ли не в шутку.

Однако доктор Юм отнесся к этому серьезно. Очень серьезно. Он направил Тэда в Медицинский центр Восточного Мэна, причем велел ехать уже сегодня. Он хотел, чтобы Тэд сделал полную рентгенограмму черепа и компьютерную аксиальную томографию.

Тэд поехал. Сначала ему сделали рентген, а потом велели засунуть голову в аппарат, похожий на промышленную сушильную машину. Аппарат гудел и трещал не меньше четверти часа, а потом Тэда выпустили на свободу... по крайней мере пока. Он позвонил Лиз, сказал, что результаты будут готовы в конце недели и что ему надо ненадолго съездить в университет.

— Ты уже что-то решил насчет звонка шерифу Пэнгборну? — спросила она.

— Давай подождем результатов обследования, — предложил он. — Посмотрим, что у нас там, а потом уж решим.

2

Он был у себя в кабинете, очищал ящики стола и полки от хлама, скопившегося за семестр, когда у него в голове вновь зачирикали птицы. Поначалу — лишь несколько отдельных трелей, но постепенно их становилось все больше и больше, и в конечном итоге они превратились в оглушительный хор.

Белое небо — он видел белое небо, изломанное силуэтами домов и телефонных столбов. И повсюду были воробьи. На каждой крыше, на каждом столбе. Они ждали только команды от группового сознания. И когда эта команда поступит, они разом сорвутся с мест и взвьются в небо со звуком, похожим на хлопанье тысячи простыней на ветру.

Тэд вслепую подобрался к письменному столу, нащупал стул и рухнул на него.

Воробьи.

Воробьи и белое весеннее небо.

Беспорядочная какофония звуков наполнила голову, и Тэд совершенно не соображал, что делает, когда придвинул к себе лист бумаги, схватил ручку и начал писать. Голова откинулась назад; глаза невидящим взглядом уставились в потолок. Ручка летала вперед-назад и вверх-вниз, словно сама по себе.

У него в голове все птицы разом взлетели, поднялись черным облаком, закрывшим белое мартовское небо в Риджуэйской части Бергенфилда, штат Нью-Джерси.

3

Он пришел в себя меньше чем через пять минут после того, как у него в голове раздалась первые отдельные трели. Он был весь мокрый, левое запястье болело, но головной боли не было. Он опустил взгляд, увидел лист бумаги у себя на столе — обратную сторону бланка заказа дополнительной партии учебников по амери-

канской литературе — и тупо уставился на то, что там было написано.

— Это ничего не значит, — прошептал он. Потирая виски кончиками пальцев, он ждал, что сейчас грянет головная боль или слова, нацарапанные на бумаге, вдруг как-то соотнесутся друг с другом и обретут смысл.

Он не хотел ни того ни другого... и ничего не случилось. Слова были просто словами, повторяющимися вновь и вновь. Некоторые из них явно всплыли из его сна о Старке; остальные казались бессвязной белибердой.

СЕСТРЕНКА
СЕСТРЕНКА КОШКИ ДУРАКИ СНОРА НЕТАТ
ТЕЛЕФОН МИРИ ПОРЕК ДУРАКИ
СЕСТРЕНКА ЭНДСВИЛЬ СЕСТРЕНКА
КОШКИ ПРИКОНИТЬ
ПОРЕЗЫ ПРЯМО ЗДЕСЬ ТЕЛЕФОН СЕСТРИМКА
ПОРОБЫ БРИТА СЕСТРЕНКА СЕСТРЕНКА
И ПОРЕК МИРИ
СЕСТРИМКА ОТНЫНЕ И ПОРЕК СЕСТРИМКА БРИТА
МИРИ КОШКИ ФАРШ СЕСТРИМКА ПОРОБЕЙ

А голова не болела совсем.

На этот раз я не стану рассказывать Лиз, подумал он. Не скажу ей ни слова. И вовсе не потому, что мне страшно... хотя мне страшно. Все очень просто: не всякие тайны плохие. Есть хорошие тайны. Есть просто необходимые. И эта как раз из таких.

Он не знал, правда это или нет, но он понял что-то, что стало истинным освобождением: ему было все равно. Он очень устал думать, думать и думать — и все равно ничего не понимать. И еще он устал бояться, как человек, который шутки ради забрел в пещеру, а теперь начал подозревать, что заблудился.

Вот и не надо об этом думать. Очень правильное решение.

Да, решение правильное. Тэд не знал, сможет ли он об этом не думать... но твердо намеревался попробовать. Очень медленно он протянул руку, взял со стола бланк заказа и принялся рвать его на тонкие полоски. Мешанина скрюченных слов, нацарапанных на листе, начала исчезать. Он перевернул полоски, разорвал их поперек и бросил кусочки в мусорную корзину, где они упали, как конфетти, поверх другого мусора. Почти две минуты Тэд сидел, глядя на эти обрывки, и чуть ли не ждал, что сейчас они вылетят из корзины, сложатся вместе и лягут на стол целым листом, словно на отмотанной назад киноплёнке.

Наконец он подхватил корзину и отнес в конец коридора, к стальной панели в стене рядом с лифтом. На табличке под ней было написано «МУСОРΟΣЖИГАТЕЛЬ».

Он открыл дверцу и выкинул мусор в черный желоб.

— Ну вот, — сказал он в летнюю тишину странно пустынного здания факультета. — Как и не было.

Здесь, у нас, это называется фаршем из дураков.

— Здесь, у нас, это называется чушью собачьей, — пробормотал Тэд и пошел обратно к себе в кабинет с пустой корзиной в руках.

Все закончилось. Вниз по желобу — в забвение. И пока не будут готовы результаты обследования — или пока не случится еще один приступ, отключка, транс, лунатизм, или что, черт возьми, это было, — он никому ничего не скажет. Ни единого слова. Скорее всего слова, написанные на бланке, были порождением его собственного сознания, как сон о Старке и пустом доме, и они совершенно не связаны ни с убийством Гомера Гамиша, ни с убийством Фредерика Клоусона.

Здесь, в Эндсвиле, где заканчиваются все рельсы.

— Это вообще ничего не значит, — сказал Тэд ровным, нарочито спокойным голосом, но когда он в тот день уезжал из университета, это было больше похоже на бегство.

Глава 12

СЕСТРЕНКА

Что-то было не так. Она поняла это сразу, как только вставила ключ в замок. Дверь в квартиру открылась прежде, чем ключ повернулся с серией знакомых и обнадеживающих щелчков. Ей ни на миг не пришла мысль о том, что она случайно забыла запереть дверь, когда уходила на работу, да, Мириам, и еще надо было повесить табличку: «ПРИВЕТ, ГРАБИТЕЛИ, ДЕНЬГИ ЛЕЖАТ В КАЗАНЕ НА КУХОННОЙ ПОЛКЕ».

Такая мысль не пришла ей в голову, потому что, когда проживешь в Нью-Йорке полгода или даже четыре месяца, о таких вещах не забываешь. Если живешь где-то в деревне, ты запираешь дом, может быть, только когда едешь в отпуск. Может быть, ты иногда забываешь закрыть дверь на замок, когда бежишь на работу, если живешь в маленьком городке вроде Фарго, штат Северная Дакота, или Эймса, штат Айова, но прожив какое-то время в червивом Большом Яблоке, ты запираешь дверь даже тогда, когда относишь соседке по этажу чашку с сахаром. Забыть закрыть дверь — все равно что забыть, как дышать. Да, Нью-Йорк город культурный, тут полно музеев и галерей, но также полно наркоманов и психов, и лучше не испытывать судьбу. Так поступают только законченные дураки, а Мириам не была душой. Может быть, глупенькой, но не душой.

Поэтому она сразу сообразила, что что-то не так, и хотя воры, которые вломились в квартиру, скорее всего смылись уже не один час назад, забрав с собой все, что потом можно будет загнать (не говоря уже о восьмидесяти-девяноста долларах в казане... а может, и сам казан; в конце концов, это был *очень хороший казан*), все-таки не исключалась возможность, что они еще не ушли. Это было то самое предположение, которое в любом случае *следует* сделать. Как мальчишек, получающих свое пер-

вое в жизни настоящее ружье, первым делом — еще до того, как научат всему остальному, — учат предполагать, что ружье всегда заряжено. Даже когда ты его вынимаешь из фабричной упаковки, оно заряжено.

Она начала отступать от двери. Начала еще прежде, чем дверь, открывавшаяся вовнутрь, успела остановиться, но было уже слишком поздно. Из темноты показалась рука, метнулась со скоростью пули из узкой щели между дверью и косяком и схватила Мириам за запястье. Ключи упали на ковер в коридоре.

Мириам Каули открыла рот, чтобы закричать. Огромный блондин, стоявший прямо за дверью, терпеливо ждал уже больше четырех часов, не выпив ни одной чашки кофе, не выкурив ни одной сигареты. Курить хотелось ужасно, и он непременно закурит, когда все закончится, но не сейчас. Сейчас запах мог ее насторожить — ньюйоркцы похожи на прячущихся по кустам мелких зверюшек, которые постоянно настороже, постоянно высматривают опасность, даже когда им самим представляется, что они расслабились и веселятся.

Он обхватил правой рукой ее правое запястье еще до того, как она успела понять, что происходит. Теперь он уперся ладонью левой руки в дверь, зафиксировав ее на месте, и резко дернул женщину на себя. Дверь выглядела деревянной, но была металлической, как и все двери в приличных домах в старом червивом Большом Яблоке. Мириам со всего маху ударилась лицом о край двери. Два зуба сломались по линии десны и порезали ей рот. Крепко сжатые губы приоткрылись от шока, по нижней губе потекла кровь. Капли крови остались на двери. Скуловая кость хрустнула, как сухая ветка.

Мириам обмякла, впад в полубморочное состояние. Блондин разжал руку. Мириам рухнула на ковер в коридоре. Теперь надо действовать быстро. Согласно ньюйоркскому городскому фольклору, в червивом Большом Яблоке всем наплевать на то, что происходит вокруг,

если это происходит не с *ними*. Скажем, какой-нибудь психопат может раз двадцать, а то и сорок ткнуть женщину ножом посреди бела дня на Седьмой авеню прямо напротив большого окна парикмахерской, и никто не скажет ни слова, кроме разве что «Над ушами можно сделать чуть-чуть покороче» или «Сегодня, Джо, обойдемся без одеколона». Блондин знал, что это не так. Маленькие зверюшки, на которых постоянно охотятся, всегда любопытны. Любопытство — одно из средств выживания. Защищай свою шкуру — да, это самое главное, — но нелюбопытные зверюшки очень скоро становятся мертвыми тушками. Поэтому действовать надо быстро.

Он открыл дверь пошире, схватил Мириам за волосы и затащил внутрь.

Буквально через секунду он услышал лязганье отодвигаемого засова и скрип открывшейся двери. Ему даже не нужно было выглядывать в коридор, чтобы увидеть лицо, высунувшееся из соседней квартиры, — маленькую безволосую кроличью мордочку с почти подергивающимся носом.

— Ты не разбила его, Мириам? — спросил он громким голосом. Потом сменил тембр на более высокий, не то чтобы прямо фальцет, но близко к тому, сложил ладони чашечкой вокруг рта, чтобы создать акустический отражатель, и голос стал женским. — Кажется, нет. Ты мне поможешь его поднять? — Убрал руки и крикнул своим нормальным голосом: — Конечно. Сейчас.

Он закрыл дверь и посмотрел в глазок с круглой линзой, дававшей пусть и искривленный, но широкий обзор коридора. Увидел именно то, что ожидал увидеть: белое личико, высунувшееся в щелку приоткрытой двери в квартире напротив — точно как кролик, выглядывающий из норки.

Лицо исчезло.

Дверь закрылась.

Не захлопнулась, а просто закрылась. Глупенькая Мириам что-то уронила. Мужчина, пришедший с ней — может, любовник, может, бывший муж, — помогает ей это поднять. Беспокоиться не о чем. Все спокойно, крольчата.

Мириам застонала, приходя в себя.

Блондин достал из кармана опасную бритву и открыл ее, тряхнув рукой. Лезвие сверкнуло в тусклом свете единственной лампы, которую он оставил включенной на столе в гостиной.

Мириам открыла глаза. Посмотрела вверх и увидела его перевернутое лицо, склонившееся над ней. Ее рот был испачкан красным, как будто она ела клубнику.

Он показал ей бритву. Ее затуманенные глаза враз прояснились, широко раскрывшись. Влажно-красный рот открылся.

— Только пикни, сестренка, и я тебя порежу, — сказал он, и ее рот закрылся.

Он снова схватил ее за волосы и потащил в гостиную. Ее юбка шуршала по лакированному паркету. Ягодицами она зацепила коврик, и тот смялся под ней. Она застонала от боли.

— Не надо, — сказал он. — Я тебя предупреждал.

Они добрались до гостиной. Комната была маленькой, но симпатичной. Очень уютной. Репродукции французских импрессионистов на стенах. Вставленная в рамку афиша мюзикла «Кошки» с подзаголовком «ОТНЫНЕ И ВОВЕК». Сухие цветы. Небольшой диванчик, обтянутый буклированной материей цвета спелой пшеницы. Книжный шкаф. На одной полке в шкафу он увидел обе книги Бомонта, на другой — все четыре книги Старка. Бомонт стоял выше. Это было неправильно, но он уже понял, что сучка вообще ни во что не въезжала.

Он отпустил ее волосы.

— Садись на диван, сестренка. На тот конец. — Он указал на край дивана, рядом с которым стоял маленький столик с телефоном и автоответчиком.

— Пожалуйста, — прошептала она, даже не пытаясь подняться. Ее рот и щека начали распухать, и слово прозвучало нечетко: *Пасалыста*. — Все, что угодно. Деньги в казане. — *Дейги ф касане*.

— Садись на диван. На тот конец. — На этот раз он поднес бритву к ее лицу.

Она вскарабкалась на диван и вжалась в подушки. Ее темные глаза были широко раскрыты. Она вытерла рот рукой, изумленно уставилась на кровь у себя на ладони, потом опять посмотрела на человека с бритвой.

— Что вам нужно? — *Што вам нушно?* Она говорила как будто с набитым ртом.

— Мне нужно, чтобы ты кое-кому позвонила, сестренка. Вот и все.

Он взял телефон и рукой, державшей бритву, нажал кнопку «ВЫЗОВ» на автоответчике. Потом протянул трубку Мириам. Это был старомодный аппарат, с трубкой, похожей на слегка оплывшую гантель. Очень тяжелой, намного тяжелее трубки аппарата «Принцесса». Он это знал, и по тому, как напряглась Мириам, когда взяла трубку, понял, что и она это знает. Он улыбнулся. Одними уголками губ. В этой улыбке не было тепла.

— Думаешь, что сумеешь проломить мне башку этой штукой, да, сестренка? — спросил он. — Скажу тебе одно: это не самая счастливая мысль. А знаешь, что бывает с людьми, которые теряют счастливые мысли? — Она не ответила, и он продолжил: — Они падают с неба. Это точно. Я видел в мультфильме. Так что положи трубочку на колени и сосредоточься, чтобы вернуть счастливые мысли.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами. По ее подбородку медленно текла кровь. Сорвавшаяся капля упала на платье. *Теперь уже не отстираешь, се-*

стренка, подумал он. Говорят, кровь отстирывается, если сразу промыть пятно холодной водой, но это не так. У них есть технологии. Спектроскопы. Газовые хроматографы. Ультрафиолет. Леди Макбет была права.

— Если эта плохая мысль вдруг вернется, я сразу пойму по твоим глазам, сестренка. У тебя такие большие темные глаза. Ты же не хочешь, чтобы один из них стек по щеке, правда?

Она замотала головой так быстро, что волосы взвились вихрем вокруг лица. И все время, пока она мотала головой, ее красивые темные глаза ни на миг не отрывались от его лица, и блондин почувствовал шевеление в паху. Сэр, у вас в кармане складной метр, или вы просто рады меня видеть?

На этот раз улыбка коснулась не только его губ, но и глаз, и ему показалось, что Мириам немного расслабилась. Совсем чуть-чуть.

— Я хочу, чтобы ты набрала номер Тэда Бомонта.

Она лишь смотрела на него огромными глазами, блестящими от потрясения.

— Бомонта, — терпеливо повторил он. — Писателя. Давай, сестренка. Время мчится вперед, как Меркурий, обутый в крылатые сандалии.

— Моя книжка, — сказала она. Ее рот так распух, что уже не закрывался, и понимать, что она говорит, становилось все сложнее. Слова прозвучали, как *ая кышка*.

— Ая кышка? — нахмурился он. — Какая еще кишка? Не понимаю, о чем ты. Говори толком, сестренка.

Осторожно, мучительно, четко выговаривая каждое слово:

— Моя книжка. *Книжка*. Записная книжка. Я не помню его номер.

Опасная бритва метнулась в воздухе по направлению к лицу Мириам. Казалось, лезвие издало свист, похожий на человеческий шепот. Возможно, это была игра воображения, но они оба услышали этот звук. Мириам еще

глубже вжалась в подушки, ее распухшие губы скривились. Он повернул бритву так, чтобы свет лампы упал на лезвие и пробежал по нему, как вода. Посмотрел на Мириам, словно приглашая ее вместе с ним восхититься такой удивительной вещью.

— Не ездь мне по мозгам, сестренка. — Теперь он заговорил с мягким, тягучим южным акцентом. — Этого делать не нужно, особенно если общаешься с парнем вроде меня. Давай набирай этот хренов номер. — Возможно, она не помнила номер Бомонта, не такое уж это большое дело, но номер *Старка* она должна помнить. Благодаря Старку она изрядно поднялась в книжном бизнесе, и так уж вышло, что номер у этих двоих один и тот же.

У нее из глаз потекли слезы.

— Я не помню, — простонала она. — *А нэ пому.*

Блондин уже было решил ее резануть — не потому, что рассердился на нее, а потому, что если позволить даме солгать один раз, она неизбежно солжет и потом, — но передумал. Вполне возможно, решил он, что у нее на время отшибло память о таких пустяках, как телефонные номера, даже если это номера важных клиентов вроде Бомонта/Старка. Она была в шоке. Если бы он попросил набрать номер ее собственного агентства, она, вероятно, тупила бы точно так же.

Но поскольку речь шла не о Рике Каули, а о Тэде Бомонте, он мог ей помочь.

— Ладно, — сказал он. — Ладно, сестренка. Сейчас ты расстроена. Я понимаю. Не знаю, согласишься ты или нет, но я даже сочувствую. Но тебе повезло, потому что я знаю номер. Можно сказать, знаю его, как свой собственный. И я тут подумал... Я даже не буду тебя заставлять набирать этот номер. Отчасти потому, что не хочу сидеть здесь до утра и ждать, пока ты наберешь его правильно, но еще и потому, что я *правда* тебе сочувствую. Я сейчас дотянусь до телефона и наберу номер сам. Знаешь, что это значит?

Мириам Каули покачала головой. Казалось, будто у нее на лице остались одни глаза.

— Это значит, что я доверюсь тебе. Но только в этом и ни в чем другом, старушка. Ты меня слушаешь? Ты понимаешь?

Мириам бешено закивала, волосы вновь взвились в воздух. Черт, он любил женщин с пышными волосами.

— Хорошо. Это хорошо. А пока я набираю номер, сестренка, ты будешь смотреть прямо на это лезвие. Очень помогает сосредоточиться на счастливых мыслях.

Он протянул руку и принялся набирать номер на старом аппарате с вращающимся диском. Каждое движение диска отзывалось усиленными микрофоном щелчками в динамике автоответчика. Похожие звуки издает ярмарочное «Колесо фортуны», когда замедляет свое вращение. Мириам Каули сидела с телефонной трубкой на коленях и переводила взгляд с лезвия бритвы на плоские, грубые черты лица этого страшного незнакомца.

— Поговори с ним, — приказал блондин. — Если трубку возьмет жена, скажи ей, что это Мириам из Нью-Йорка и что тебе нужно поговорить с ее мужем. Я знаю, что у тебя распух рот, но постарайся, чтобы тот, кто возьмет трубку, понял, что это ты. Постарайся ради меня, сестренка. Если не хочешь, чтобы твое лицо стало похоже на портреты Пикассо, ты постарайся изо всех сил, — последние два слова прозвучали как «сех си».

— Что... что мне сказать?

Блондин улыбнулся. Все-таки привлекательная штучка. Очень даже аппетитная. Эти волосы... В паху снова зашевелилось. Там вообще становилось весьма оживленно.

На том конце линии зазвонил телефон. Звонки было слышно через автоответчик.

— Ты сама сообразишь, сестренка.

Раздался щелчок, на том конце сняли трубку. Блондин дождался, пока не раздалось «алло» голосом Бомон-

та, а потом резко нагнулся — молниеносно, как атакующая змея, — и полоснул бритвой по левой щеке Мириам Каули, срезав большой кусок кожи. Кровь хлынула потоком. Мириам закричала.

— *Алло!* — раздался в трубке голос Бомонта. — Алло, кто это? Черт, это ты?

Да, это я, подумал блондин. Это я, и ты, сукин сын, знаешь, что я.

— Скажи ему, кто ты и что здесь происходит! — рявкнул он Мириам. — Давай! Не заставляй меня повторять дважды!

— *Кто это?! — кричал Бомонт. — Что происходит?! Кто это?!*

Мириам завопила снова. Кровь забрызгала весь диван. На платье была уже не одна капелька крови; весь лиф промок насквозь.

— *Делай, что я говорю, или сейчас я отрежу тебе башку на хрен!*

— *Тэд, тут один человек!* — крикнула она в трубку. От боли и ужаса она снова произносила слова четко и ясно. — *Плохой человек! Тэд, ЗДЕСЬ ПЛОХОЙ ЧЕЛОВЕК, ОН...*

— *НАЗОВИ СВОЕ ИМЯ,* — зарычал на нее блондин и взмахнул бритвой буквально в дюйме от ее глаз. Мириам отшатнулась и завывала в голос.

— *Кто это? Кто...*

— *МИРИАМ!* — закричала она. — *ТЭД, НЕ ДАВАЙ ЕМУ РЕЗАТЬ МЕНЯ ОПЯТЬ, ОН ПЛОХОЙ ЧЕЛОВЕК, НЕ ДАВАЙ ЕМУ РЕЗАТЬ МЕНЯ ОПЯТЬ, НЕ...*

Джордж Старк взмахнул бритвой и перерезал скрученный телефонный провод. Аппарат выдал короткий возмущенный треск и умолк.

Все шло неплохо. А могло бы пойти еще лучше; ему жуть как хотелось ей засадить. Он уже очень давно не хотел женщину, а вот этой бабенке заправил бы только так, но ничего не получится. Слишком много было во-

плей. Кролики скоро опять повысовываются из норок, вынюхивая крупного хищника, который ходит на мягких лапах в темных джунглях, за пределами света от их жалких электрокаминов.

Она все еще кричала.

Было ясно, что она потеряла все свои счастливые мысли.

Поэтому Старк опять схватил сучку за волосы, откинул ей голову назад, так что ее взгляд и вопли устремились в потолок, и перерезал ей горло.

В комнате стало тихо.

— Вот так, сестренка, — ласково сказал он. Сложил бритву и убрал в карман. Потом протянул окровавленную левую руку и закрыл Мириам глаза. Манжет его рубашки мгновенно пропитался теплой кровью из пульсирующей перерезанной яремной вены, но все нужно делать по правилам. Если это женщина, ей закрывают глаза. Будь она хоть последней сукой, шлюхой и наркоманкой, готовой продать своих собственных детей ради дозы, ей закрывают глаза.

И на ней ничего не закончилось. Оставался еще Рик Каули.

И тот человек, написавший статью для журнала.

И та сучка, которая делала снимки, особенно тот, у надгробия. Да, вот уж кто всем сукам сука, но и *ей* он закроет глаза.

А когда он позаботится о них обо всех, настанет время потолковать и с самим Тэдом. Без посредников; *тапо а тапо*. Время вразумить Тэда. После того как он позаботится об остальных, можно не сомневаться, что Тэд будет *готов* вразумиться. А если не будет, есть много способов его заставить.

В конце концов, у него есть жена — очень красивая жена, настоящая царица ветров и тьмы.

И у него есть дети.

Он окунул указательный палец в теплую кровь Мириам и принялся быстро писать на стене. Ему пришлось окунать палец дважды, чтобы написать все, что нужно, но вскоре надпись была готова. На стене, прямо над запрокинутой головой Мириам. Она могла бы прочесть ее вверх ногами, если бы у нее были открыты глаза.

И, понятное дело, если бы она была жива.

Он наклонился и поцеловал Мириам в щеку.

— Спокойной ночи, сестренка, — сказал он и вышел из квартиры.

Человек из квартиры напротив снова выглядывал в коридор.

Увидев высокого, перепачканного в крови блондина, выходящего из квартиры Мириам, он быстро захлопнул дверь и запер ее на замок.

Мудро, подумал Джордж Старк, направляясь к лифту. Очень мудро.

Между тем надо поторопиться. Не стоит зря тратить время.

На сегодняшний вечер у него есть еще и другие дела.

Глава 13

В ПАНИКЕ

1

На несколько секунд — он сам не знал, как долго это продолжалось — паника захватила Тэда настолько, что он не мог даже пошевелиться, в прямом смысле слова. Удивительно, как он еще мог дышать. Уже потом он подумал, что единственный раз испытывал что-то подобное, когда ему было десять и они с друзьями решили пойти искупаться в середине мая. Как минимум на три недели раньше, чем они обычно от-

крывали плавательный сезон, но мысль показалась им очень заманчивой; день выдался ясным и жарким для мая в Нью-Джерси. Они втроем отправились на озеро Дэвис, как они в шутку именовали маленький прудик в миле от дома Тэда в Бергенфилде. Он первым разделся и натянул плавки — и первым же вошел в воду. Нет, не вошел — прыгнул «бомбочкой» с берега и до сих пор был уверен, что в тот день чуть не умер, а насколько *чуть не*, не хотел даже задумываться. *Воздух* в тот день был по-настоящему летним, но *вода* — как в начале зимы, когда уже совсем скоро прудик покроется льдом. Нервную систему мгновенно парализовало. Дыхание оборвалось, сердце остановилось на половине удара, и когда он вынырнул на поверхность, то почувствовал себя машиной со сдохшим аккумулятором, и ему нужно было запустить мотор, запустить его быстро, но он не знал, как это сделать. Он вспомнил, как ярко светило солнце, и десять тысяч золотых искр плясали на темной, иссиня-черной поверхности воды, он вспомнил, как Гарри Блэк и Рэнди Уистер стояли на берегу, Гарри подтягивал полинявшие спортивные трусы на громадной заднице, а Рэнди был голышом, и держал в руках плавки, и кричал Тэду: *Ну, как водичка?* — а Тэд вырвался на поверхность и не мог думать ни о чем другом, кроме: *Я умираю, вот прямо здесь, под ярким солнцем, на глазах у двух моих лучших друзей, после уроков, и домашку сегодня не задали, а по телику вечером будет «Мистер Блэндингз строит дом своей мечты», и мама сказала, что можно будет поесть прямо перед телевизором, но фильм я уже не увижу, потому что сейчас умру.* Еще пару секунд назад дышать было легко и просто, а теперь в горло как будто засунули скомканный спортивный носок, который нельзя было ни проглотить, ни вытолкнуть наружу. Сердце лежало в груди, словно маленький холодный камень. А потом что-то переломи-

лось, Тэд втянул в себя воздух, и чуть не закашлялся, и весь мгновенно покрылся гусиной кожей, и ответил Рэнди с бездумной зловредной веселостью, на которую способны только мальчишки: *Вода отличная! Даже и не холодная! Ныряйте!* И только спустя много лет Тэд осознал, что мог убить кого-то из них или даже обоих, как едва не убился сам.

И сейчас было так же; Тэда как будто замкнуло изнутри и снаружи. У них в армии что-то похожее называлось «полная задница». Да. Хорошее определение. В том, что касается терминологии, в армии умеют найти меткое словцо. Он сидел здесь в самом центре полной, просто огромной задницы. Он сидел на стуле, наклонившись вперед, все еще держа телефонную трубку в руке, вперив пустой взгляд в телевизор. Он осознавал, что в дверях стоит Лиз, спрашивает, кто звонил, а потом — что случилось, и все было так же, как в тот майский день на озере Дэвис, один в один, дыхание застряло в горле скомканным грязным носком, который не протолкнуть ни туда ни сюда, все линии связи между мозгом и сердцем разом оборвались, приносим свои извинения за непредвиденную остановку, предоставление услуг будет возобновлено в максимально кратчайшие сроки, а может быть, и не будет вообще никогда, но в любом случае желаем вам приятно провести время в нашем прекрасном Эндсвиле, в месте, где заканчиваются все рельсы.

А потом что-то переломилось, как это было в тот раз, и Тэд судорожно схватил ртом воздух. Сердце сделало два сбивчивых удара и возобновило свой обычный ритм... хотя оно все равно билось быстрее, чем обычно, гораздо быстрее.

Этот крик. Господи Боже, этот крик.

Теперь Лиз бежала к нему через комнату, и Тэд сообразил, что жена вырвала у него трубку, лишь когда

она принялась кричать «Алло!» и «Кто это?», а потом наконец-то услышала гудки прерванного соединения и положила трубку на аппарат.

— Мириам, — все-таки выдавил он, когда Лиз повернулась к нему. — Это была Мириам, и она кричала.

Если я кого-то и убивал, то лишь в своих книгах.

Воробьи летают.

Здесь, у нас, это называется фаршем из дураков.

Здесь, у нас, это называется Эндсвилем.

Обратно на север, дружище. Ты уж придумай, как сварганить мне алиби, потому что я еду на север. Хочу нарезать себе мяса.

— Мириам? Кричала? Мириам Каули? Тэд, что происходит?

— Это он. Я знал, что он. Наверное, знал почти с самого начала, а сегодня... сегодня днем... у меня снова... опять...

— Что опять? — Лиз схватила за шею и принялась нервно ее растирать. — Опять помутнение? Транс?

— И то и другое. Опять, как с этими воробьями. Когда меня вышибло, я написал кучу всякого бреда на листе бумаги. Я потом выбросил этот листок, но там было ее имя, Лиз. Среди прочего я написал имя *Мириам*, пока был в отключке... и...

Он умолк. Его глаза раскрывались все шире и шире.

— Что? Тэд, что с тобой? — Она схватила его за руку и сильно встряхнула. — *Что с тобой?*

— У нее в гостиной висит афиша. — Тэд слышал свой собственный голос, словно издавека, словно это был чей-то чужой голос. — Афиша бродвейского мюзикла «Кошки». Я заметил ее, когда мы в последний раз были у нее в гостях. «Кошки, ОТНЫНЕ И ВОВЕК». Я написал и это тоже. Написал, потому что он был там, а значит, я тоже был там, какая-то часть меня была там и видела все его глазами...

Он посмотрел на жену, посмотрел широко раскрытыми глазами.

— Это не опухоль Лиз. По крайней мере не та, что *внутри*.

— *Я не понимаю, о чем ты!* — почти выкрикнула Лиз.

— Надо позвонить Рику, — пробормотал он. Часть его сознания как будто отделилась от всего остального и унеслась искрящимся вихрем прочь, беседуя сама с собой на языке образов и не оформившихся до конца символов. Иногда так бывало, когда он писал, но Тэд не помнил, чтобы что-то подобное происходило с ним в реальной жизни. *А разве писательство — не реальная жизнь?* — вдруг спросил он себя. Нет, наверное, нет. Скорее, антракт. Перерыв между актами.

— Тэд, *пожалуйста!*

— Надо предупредить Рика. Возможно, ему угрожает опасность.

— Тэд, ты, кажется, не в себе!

Да, конечно, он не в себе. Но если он сейчас примется объяснять, это прозвучит еще более дико... и пока он будет медлить, поверяя жене свои страхи (причем велика вероятность, что, послушав его, Лиз начнет задаваться вопросом, сколько времени уйдет на то, чтобы оформить документы на помещение невменяемого супруга в психиатрическую клинику), Джордж Старк успеет проехать те девять кварталов в Манхэттене, что отделяли дом Рика от дома его бывшей жены. В такси или за рулем угнанной тачки, черт, да пусть хоть за рулем черного «торонадо» из сна — если уж ты собираешься погрузиться в безумие, то почему бы не послать все на хрен и не опуститься до самого дна? Едет, курит и замышляет убить Рика, как убил Мириам...

Он ее *убил?*

Может быть, лишь напугал и оставил в слезах и в шоке. Может быть, даже поранил — да, если подумать,

вполне вероятно. Что она говорила? *Не давай ему резать меня опять, он плохой человек, не давай ему резать меня опять.* А среди надписей на листе были *порезы*. И... кажется, там еще было *прикончить*?

Да. Было. Но ведь это навеяно сном, правильно? Это наверняка связано с Эндсвилем, с местом, где заканчиваются все рельсы... правда?

Он очень надеялся, что да.

Нужно вызвать ей помощь, по крайней мере попросить это сделать. И нужно предупредить Рика. Но если он позвонит Рику и так вот ни с того ни с сего скажет, чтобы тот был начеку, Рик захочет узнать почему.

Что такое, Тэд? Что случилось?

А если упомянуть имя Мириам, Рик тут же сорвется и бросится к ней, потому что она до сих пор ему небезразлична. Очень даже небезразлична. И тогда он будет первым, кто ее найдет... может быть, разрезанную на куски (Тэд пытался закрыться от этой мысли, от этой *картины*, но все же сознание заставляло его представлять, как будет выглядеть симпатичная Мириам, разделанная на куски, словно туша в лавке мясника).

И может быть, Старк на то и рассчитывает. Дурачок Тэд сам посылает Рика в ловушку. Дурачок Тэд делает все за него.

Но разве я не всегда делал все за него? Псевдоним, собственно, это и предполагает.

Он чувствовал, что разум опять цепенеет, застывает, как будто сведенный судорогой, застревает в пробке, но сейчас нельзя было отключаться, никак нельзя.

— Тэд... *пожалуйста!* Скажи мне, что происходит!

Он сделал глубокий вдох и схватил ее за плечи. Плечи были холодными, его руки — тоже.

— Это тот же самый человек, который убил Гомера Гамиша и Клоусона. Он был у Мириам. Он... он ей угро-

жал. Надеюсь, что дальше угроз не пошло. Но не знаю. Она кричала. Связь оборвалась.

— О Господи! Тэд!

— У нас нет времени на истерики, — сказал он и подумал: *Хотя, видит Бог, лучше бы я сейчас впал в истерику.* — Иди наверх. Возьми свою записную книжку. У меня нет телефона и адреса Мириам. Думаю, у тебя есть.

— А что значит, ты знал почти с самого начала?

— Сейчас нет времени, Лиз. Принеси записную книжку. Быстрее.

Она замялась еще на мгновение.

— Быстрее! А вдруг она ранена?!

Лиз развернулась и выбежала из комнаты. Он услышал ее шаги, убегающие вверх по лестнице, и попытался собраться с мыслями.

Не звони Рику. Если это ловушка, звонить Рику нельзя.

Ладно — с этим мы разобрались. Не так уж много, но первый шаг сделан. Но кому звонить?

В полицейское управление Нью-Йорка? Нет — они начнут долго и нудно расспрашивать, что да как — и для начала, откуда парню из Мэна известно о преступлении в Нью-Йорке. В общем, в полицию лучше не надо. Думаем дальше.

Пэнгборн.

Тэд ухватился за эту мысль. Да, он позвонит Пэнгборну. Только нужно придумать, что говорить, чтобы не сказать лишнего. По крайней мере сейчас. Возможно, потом он расскажет Пэнгборну все остальное — о помутнениях сознания, о щебете воробьев, о *Старке*, — но это пока подождет. Сейчас самое главное — Мириам. Если Мириам ранена, но еще жива, лучше не говорить ничего, что может замедлить действия Пэнгборна. Это он должен звонить в Нью-Йорк, тамошним полицейским. Они возьмутся за дело быстрее и станут задавать

меньше вопросов, если вызов поступит от кого-то из своих, пусть даже из Мэна.

Но сначала — Мириам. Дай Бог, чтобы она подошла к телефону.

Лиз примчалась в гостиную с записной книжкой. Почти такая же бледная, как в тот день, когда ей наконец удалось разрешиться от бремени близнецами.

— Вот, — выпалила она, чуть ли не задыхаясь.

Все будет хорошо, хотел сказать он, но не стал. Он не хотел говорить ничего, что могло запросто обернуться ложью... а судя по крикам Мириам, там все было очень нехорошо. И возможно, уже никогда и не будет хорошо. Во всяком случае, для Мириам.

Тут один человек, плохой человек.

Тэд подумал о Джордже Старке и содрогнулся. Да, он действительно очень плохой человек. Тэд это знал лучше, чем кто бы то ни было. В конце концов, это он создал Джорджа Старка с нуля... разве нет?

— У нас все нормально, — сказал он Лиз. По крайней мере хоть это было правдой. *На данный момент*, настойчиво порывался добавить внутренний голос. — Постарайся взять себя в руки, солнце. Если ты сейчас упадешь в обморок, Мириам это никак не поможет.

Лиз села на стул, очень прямо, и уставилась на Тэда, беспокойно кусая нижнюю губу. Он принялся набирать номер Мириам. Дрожащий палец сорвался на второй цифре и нажал кнопку дважды. *И после этого кто-то будет говорить людям, что им надо взять себя в руки.* Тэд снова сделал глубокий вдох, нажал кнопку разъединения и стал набирать номер снова, заставляя себя не спешить. Нажав последнюю кнопку, он затаил дыхание в ожидании соединения.

Господи, пусть все будет хорошо, а если что-то нехорошо, если Ты не в состоянии сделать так, чтобы с ней

вообще ничего не случилось, то, пожалуйста, я Тебя очень прошу, пусть она хотя бы подойдет к телефону.

Но дозвониться не получилось. В трубке раздались настойчивые короткие гудки. Может быть, у нее и вправду было занято; может, она звонит Рику или в больницу. А может быть, трубка лежит неправильно.

Но существует еще одна вероятность, подумал Тэд, вновь нажимая кнопку разъединения. Может быть, Старк выдернул телефонный провод из розетки. Или, может быть,

*(не давай ему резать меня опять)
просто его перерезал.*

Так же, как он изрезал Мириам.

Бритвой, подумал Тэд, и у него по спине пробежал холодок. Это было еще одно слово из мешанины тех, которые он написал сегодня, когда отключался. Бритва.

2

Следующие полчаса очень напоминали тот зловещий сюрреализм, в который Тэд окунулся, когда Пэнгборн и двое патрульных штата пришли арестовывать его по обвинению в убийстве, о котором он даже не знал. Не было ощущения угрозы личной безопасности — по крайней мере *непосредственной* угрозы, — но было чувство, как будто идешь через темную комнату, и там полно паутины, и ее тонкие нити постоянно касаются твоего лица, сначала это просто щекотно, а потом начинает сводить с ума, причем нити не прилипают к лицу, а с тихим шорохом уносятся прочь буквально за миг до того, как ты успеваешь их схватить.

Он еще раз набрал номер Мириам, но там опять было занято. Тэд не знал, что делать дальше: звонить Пэнгборну или на телефонную станцию в Нью-Йорке, чтобы они проверили номер Мириам. Ведь у них же наверняка есть способы определить, почему номер занят: разгова-

ривают по нему, или трубка снята, или связь оборвалась по какой-то другой причине. Впрочем, это не так уж и важно. Связь с Мириам оборвалась, и теперь до нее не дозвонишься. И все же они могли бы это выяснить — Лиз могла бы выяснить, — если бы у них было две линии, а не одна. Ну почему у них только одна линия? Это же *глупо* — не установить в доме две линии!

Все эти мысли пронеслись у него в голове буквально за две секунды, но ему показалось, что дольше, и он выругал себя за то, что корчит тут Гамлета, пока Мириам Каули, возможно, истекает кровью в своей квартире. Герои книг — по крайней мере книг *Старка* — никогда не тратят зря время и не раздумывают о всякой ерунде типа почему у них дома нет второй телефонной линии на случай, если женщина в другом штате, возможно, истекает кровью. У героев книг никогда не сводит живот от страха, и они никогда не впадают в панику.

Жить стало бы проще, подумал он, если бы все люди были персонажами популярных романов. Персонажи популярных романов умеют не сбиваться с мыслей, плавно перемещаясь из одной главы в другую.

Он набрал номер справочной в Мэне, и когда оператор попросила назвать город, Тэд на мгновение замялся, потому что Касл-Рок — не *город*, это крошечный городок, пусть даже и административный центр округа, но потом сказал себе: *Это паника, Тэд. Надо как-то с ней справиться. Нельзя допустить, чтобы Мириам умерла, потому что ты паникуешь.* Он даже успел задуматься, почему надо справиться с паникой, и ответить на свой вопрос: потому что в реальной жизни единственный персонаж, которого ты можешь хоть как-то контролировать, — это ты сам. И паника совершенно не соответствует образу данного персонажа. По крайней мере как это виделось ему самому.

Здесь, у нас, это называется чушью собачьей, Тэд. Здесь, у нас, это называется фаршем...

— Сэр? — переспросила девушка-оператор. — Назовите, пожалуйста, город.

Ладно. Ты справишься.

Тэд сделал глубокий вдох, взял себя в руки и сказал:

— Нью-Касл. — *Черт.* Он закрыл глаза. И прямо так, с закрытыми глазами, четко и медленно произнес: — Касл-Рок. Мне нужен рабочий номер шерифа.

После короткой задержки механический голос начал диктовать номер. Тэд только сейчас сообразил, что у него нет ручки или карандаша. Механический голос повторил номер еще раз. Тэд постарался его запомнить, но цифры пронеслись в голове и канули в темноту, растворившись в ней без следа.

— Если вам необходима дальнейшая помощь, — проговорил механический голос, — пожалуйста, оставайтесь на линии и дождитесь ответа оператора...

— Лиз? — умоляюще крикнул он. — Дай ручку! Что-нибудь, чем записать!

Из записной книжки торчала шариковая ручка, Лиз достала ее и передала Тэду. Оператор — *человек* — вернулась на линию. Тэд сказал ей, что не успел записать номер. Оператор снова включила робота, и тот повторил цифры своим четким искусственным голосом, отдаленно похожим на женский. Тэд записал номер на обложке подвернувшейся под руку книги, уже собрался повесить трубку, но решил перепроверить и прослушать номер еще раз. При повторном прослушивании оказалось, что в первый раз он перепутал две цифры. В упорной борьбе с паникой явно побеждала паника.

Тэд нажал кнопку разъединения. Он был весь мокрый от пота.

— Не волнуйся так, Тэд!

— Ты не слышала ее голос, — мрачно проговорил он и набрал номер шерифа.

Тэд прождал четыре гудка, прежде чем в трубке раздался голос скупающего янки:

— Офис шерифа округа Касл. Говорит помощник шерифа Риджуик, чем я могу вам помочь?

— Это Тэд Бомонт. Я звоню из Ладлоу.

— Да? — Тэда не узнали. Совсем. Это значит — опять объяснения. Опять паутина, скользкая по лицу. Фамилия Риджуик показалась смутно знакомой. А, да. Конечно... Констебль, который расспрашивал миссис Арсено и нашел тело Гамиша. Господи Боже, как он мог не узнать Тэда, если сам нашел тело старика, которого предположительно Тэд и убил?

— Шериф Пэнгборн приезжал сюда, чтобы... обсудить со мной убийство Гомера Гамиша, помощник шерифа Риджуик. У меня есть информация по этому делу, и мне хотелось бы поговорить с шерифом немедленно. Это важно.

— Шерифа сейчас нет на месте. — Судя по тону Риджуика, его совершенно не впечатлила настойчивость в голосе Тэда.

— Хорошо, а где он?

— Дома.

— Дайте, пожалуйста, его номер.

И конечно, кто бы сомневался:

— Даже не знаю, мистер Балот, есть ли в том необходимость. Шериф — Алан, я имею в виду — в последнее время не часто бывает дома, а жена у него чувствует себя неважно. Мучается головными болями.

— Мне *нужно* с ним поговорить!

— Да, — примирительно проговорил Риджуик, — сразу ясно, что вам так *кажется*. Может, оно *так и есть*. В смысле, *на самом деле*. Знаете что, мистер Балот! Может быть, вы сначала расскажете мне, что там за дело такое, а я уж решу..

— Он приезжал сюда, чтобы *арестовать* меня как убийцу Гомера Гамиша, помощник шерифа. А потом еще кое-что произошло, и если вы не дадите мне номер *прямо сейчас*...

— Твою мать! — воскликнул Риджуик. Тэд услышал глухой стук и очень живо представил себе, как нога Риджуика убирается со стола — скорее всего со стола Пэнгборна — и опускается на пол, а сам Риджуик выпрямляется в кресле. — Бомонт, не Балот!

— Да, и...

— Ох, дьявол! Да чтоб меня! Шериф... Алан... сказал, если вы позвоните, вас надо соединить с ним немедленно!

— Хорошо. А теперь...

— Ох, *дьявол*! Какой же я дятел!

В этом Тэд был полностью с ним согласен.

— Дайте мне его номер, — все же закончил он фразу. При этом ему удалось не сорваться на крик. Тэд сам поразился собственной выдержке.

— Да, конечно. Одну секунду. Э... — Последовала мучительная пауза. Конечно, всего лишь на пару секунд, но Тэду показалось, что за время этой паузы можно было бы построить пирамиды. Построить, разобрать и построить опять. И все это время жизнь Мириам, может быть, вытекала на ковер в ее гостиной в пятистах милях отсюда. *Может быть, я убил ее*, подумал Тэд, *просто тем, что решил позвонить Пэнгборну и нарвался на этого безмозглого идиота вместо того, чтобы сразу звонить в полицейское управление Нью-Йорка. Или в 911. Да, наверное, так и следовало поступить. Позвонить в 911 и вывалить все на них.*

Но беда в том, что такой вариант представлялся ему нереальным, даже теперь. Наверное, все дело в трансе и в словах, которые он написал, пока пребывал в этом трансе.

Тэд не думал, что предвидел нападение на Мириам... однако каким-то непостижимым образом он стал свидетелем *подготовки* Старка к этому нападению. Призрачный щебет тысяч воробьев как будто возложил на Тэда ответственность за все творящееся безумие.

Но если Мириам умрет лишь потому, что он ударился в панику и не сообразил позвонить в службу спасения, как он потом будет смотреть Рику в глаза?

Да хрен бы с ним, с Риком; как он будет смотреть в глаза *своему отражению* в зеркале?

Дятел Риджуик, безмозглый помощник шерифа, наконец-то прорезался в трубке. Он продиктовал Тэду домашний номер Пэнгборна, ясно и четко выговаривая каждую цифру, словно беседовал с умственно отсталым... но Тэд все равно попросил повторить номер еще раз, несмотря на жгучую, острую необходимость поторопиться. Он до сих пор пребывал в легком шоке от того, что в первый раз записал рабочий номер шерифа с ошибкой, а что случилось однажды, может случиться и дважды.

— Ладно, — сказал он. — Спасибо.

— Э... мистер Бомонт? Я был бы вам очень признателен, если бы вы... ну, типа, не стали бы упоминать о том, как я...

Без малейших угрызений совести Тэд повесил трубку и набрал номер, который ему дал Риджуик. Пэнгборн, конечно же, не подойдет к телефону; это было бы слишком прекрасно для Ночи паутины. А тот, кто подойдет, обязательно скажет (после непременных нескольких минут словесных хороводов с притопами), что шериф вышел за хлебом и молоком. Вероятно, в Лаконию, штат Нью-Хэмпшир, хотя Феникс тоже не исключается.

Тэд издал диковатый смешок, и Лиз испуганно уставилась на него:

— Тэд? С тобой все в порядке?

Он уже начал отвечать, но тут на другом конце линии взяли трубку, и он просто махнул рукой, давая понять, что с ним все хорошо. К телефону подошел не Пэнгборн; тут Тэд не ошибся. Трубку взял мальчик, судя по голосу, лет десяти,

— Алло, вы позвонили Пэнгборнам, — важно проговорил он. — Тодд Пэнгборн у телефона.

— Привет, — сказал Тэд. Он вдруг осознал, что слишком сильно сжимает трубку, и попытался ослабить хватку. Пальцы хрустнули, но не разжались. — Это Тэд... — *Пэнгборн*, едва не вырвалось у него. О Господи, вот был бы номер. Да, Тэд, есть над чем поразмыслить. Похоже, ты выбрал не ту профессию. Надо было идти в авиадиспетчеры. — Бомонт, — закончил он после секундной заминки. — Шериф дома?

Нет, ему пришлось ехать в Лоди, штат Каролина, за пивом и сигаретами.

Вместо этого детский голос слегка отдалился от трубки и протрубил: «ПА-А-АПА! ТЕБЯ К ТЕЛЕФОНУ!» Потом последовал громкий удар, от которого у Тэда заболело ухо.

Но уже через секунду, слава Богу и всем святым, в трубке раздался голос Алана Пэнгборна:

— Алло?

При первых же звуках этого голоса Тэд слегка успокоился, его нервная лихорадка чуть-чуть унялась.

— Шериф Пэнгборн, это Тэд Бомонт. Одна женщина в Нью-Йорке, возможно, очень нуждается в помощи, прямо сейчас. Это связано с тем делом, которое мы обсуждали в субботу вечером.

— Подробнее, — твердо проговорил Алан, не добавив больше ни слова. Господи, как хорошо. Тэд себя чувствовал словно фотография, которая возвращается в фокус.

— Это Мириам Каули, бывшая жена моего литагента. — Тэд мельком подумал, что еще минуту назад он бы точно назвал Мириам «литагентом моей бывшей жены». — Она звонила сюда. Она плакала, явно в сильном расстройстве. Поначалу я даже ее не узнал. Потом услышал на заднем плане мужской голос. Он велел ей

назваться и сказать, что там происходит. Она сообщила, что у нее в квартире какой-то мужчина, и он грозит ее поранить... — Тэд тяжело сглотнул. — Порезать. К тому времени я уже узнал ее голос, но мужчина кричал на нее и грозился, что если она не назовет себя, он ей на хрен отрежет башку. Так и сказал: «Делай, что я говорю, или сейчас я отрежу тебе башку на хрен». Тогда она сказала, что это Мириам, и попросила меня... — Он снова сглотнул. У него в горле раздался короткий писк, четкий, как буква «е» в азбуке Морзе. — Попросила меня не давать этому человеку резать ее опять.

С каждой секундой Лиз бледнела все больше и больше. *Только бы она не упала в обморок*, мысленно обратился Тэд то ли к Богу, то ли к каким-то еще высшим силам. *Пожалуйста, пусть она не упадет в обморок.*

— Она кричала. Потом связь оборвалась. Думаю, он перерезал шнур или выдернул его из розетки. — Только это была чушь собачья. Ничего он не думал. Он знал: Шнур перерезали, да. Опасной бритвой. — Я пытался ей перезвонить, но...

— Какой у нее адрес?

Голос Пэнгборна оставался спокойным и твердым. Если бы не звонкая нота командной настойчивости, могло бы показаться, что он просто болтает со старым другом. Я правильно сделал, что ему позвонил, подумал Тэд.

Слава Богу, есть люди, которые знают, что делают, или хотя бы считают, что знают. Слава Богу, есть люди, которые ведут себя, как герои популярных романов. Если бы мне пришлось иметь дело с героем Сола Беллоу, я бы, наверное, сошел с ума.

Тэд посмотрел в записную книжку Лиз, раскрытую на нужной странице.

— Солнце, это три или восемь?

— Восемь, — проговорила Лиз словно издалека.

— Ясно. Ты лучше сядь. Наклонись вперед, положи голову на колени.

— Мистер Бомонт? Тэд?

— Прошу прощения. Моя жена очень расстроена. Вид у нее полубоморочный.

— И неудивительно. Вы оба расстроены. Ситуация тому способствует. Но вы отлично справляетесь. Просто держитесь, Тэд.

— Да. — Он помрачнел, сообразив, что если Лиз потеряет сознание, ему придется оставить ее лежать на полу, пока Пэнгборн не получит всю необходимую информацию для того, чтобы начать действовать. *Пожалуйста, не падай в обморок*, снова подумал он и вернулся к записной книжке. — Ее адрес: сто девять, Западная восемьдесят четвертая улица.

— Телефон?

— Я же говорю... ее номер не...

— Мне все равно нужен номер, Тэд.

— Да. Конечно. — Хотя он совершенно не представлял, зачем это нужно. — Прошу прощения. — Он продиктовал номер.

— Как давно она звонила?

Несколько часов назад, подумал Тэд и взглянул на часы над камином. Сначала ему показалось, что часы встали. *Не могли не встать*.

— Тэд?

— Я здесь, — произнес он спокойным голосом, как будто даже и не своим. — Минут шесть назад. А потом связь оборвалась.

— Ладно, времени мы потеряли не много. Если бы вы позвонили в нью-йоркскую полицию, они бы вас промурыжили в три раза дольше. Я перезвоню сразу, как только смогу, Тэд.

— Рик, — сказал он. — Когда будете связываться с полицией, скажите им, что ее бывший муж может еще

ничего не знать. Если тот парень... ну, если он что-то сделал с Мириам, Рик будет следующим по списку.

— Вы так уверены, что это тот же самый человек, который убил Гомера и Клоусона?

— Да, я уверен. — Следующие слова вырвались у него и полетели по проводам еще прежде, чем он успел сообразить, хочет ли их говорить. — Думаю, я знаю, кто это.

После секундной заминки Пэнгборн сказал:

— Ладно. Оставайтесь у телефона. Когда будет время, мы это обсудим, — после чего сразу повесил трубку.

Взглянув на Лиз, Тэд увидел, что она сидит, завалившись набок. Ее глаза словно остекленели. Он быстро подошел к ней, усадил прямо, легонько похлопал по щекам.

— Кто из них? — спросила она, еле ворочая языком. Она все еще пребывала в сером пространстве полуобморока. — Старк или Алексис Машина? Кто из них, Тэд?

Он надолго задумался.

— По-моему, это без разницы, — наконец сказал он. — Я заварю чай, Лиз.

3

Он был уверен, что они непременно об этом заговорят. А как же иначе? Но они не заговорили. Они просто сидели, глядя друг на друга, и пили чай, и ждали звонка Алана. И чем дольше тянулось молчание, тем яснее Тэд понимал: они правильно делают, что не разговаривают об этом — сначала нужно дождаться, когда Алан позвонит и скажет, жива Мириам или нет.

Допустим, подумал он, наблюдая за Лиз, которая пила чай, поднося кружку ко рту обеими руками, допустим, мы сидели бы с книжками (наблюдая за нами со стороны, можно было бы подумать, что мы читаем, и, наверное, мы

бы и вправду читали, но самое главное, мы наслаждались бы тишиной, смаковали ее, словно самое лучшее вино — так, как умеют ценить тишину только родители очень маленьких детей, потому что ее у них крайне мало), и допустим еще, что пока мы сидели бы с книжками, крышу пробил бы метеорит и приземлился бы на пол в гостиной, дымясь и сияя. И что было бы дальше? Один из нас быстро сбегал бы в кухню, набрал ведро воды и остудил его прежде, чем он успеет поджечь ковер, а потом, не сказав ни единого слова, просто продолжил читать? Нет — мы бы заговорили об этом. Должны были заговорить. Как сейчас мы должны говорить о случившемся.

Возможно, они начнут разговор после звонка Алана. Возможно, даже во время звонка. Лиз будет внимательно слушать, как Алан задает вопросы, а Тэд на них отвечает. Да, наверное, так он и начнется, их разговор. Потому что Тэду казалось, что Алан был катализатором. Тэда не покидало странное ощущение, будто Алан все это и начал, хотя шериф лишь отвечал на ходы Старка.

А пока они сидели и ждали.

Его подмывало позвонить Мириам еще раз, но он боялся, что именно в эту минуту позвонит Алан, а ему ответят короткие гудки. Тэд опять пожалел, что у них нет второй линии. Впрочем, какой смысл жалеть? От сожаления толку не будет.

Здравый смысл говорил, что нет и не может быть никакого Старка, этой раковой опухоли в человеческом обличье, которая убивает людей. Как говорил деревенский дурачок в пьесе Оливера Голдсмита «Ночь ошибок, или Унижение паче гордости», «это совсем уже безвероятно, Диггори».

И все же он есть. Тэд знал, что он есть. И Лиз тоже знала. Интересно, поверит ли в это Алан, если ему рассказать. Скорее всего не поверит; скорее всего посочувствует и вызовет бригаду крепких парней в чистых белых

халатах. Потому что Джорджа Старка не существует, как не существует и Алексиса Машины, это лишь вымысел вымысла. Они реальны не больше, чем Джордж Элиот, Марк Твен, Льюис Кэрролл, Такер Коу или Эдгар Бокс. Псевдоним — это лишь высшая форма вымышленного персонажа.

И все-таки Тэду не верилось, что Алан Пэнгборн *не* поверит, даже если поначалу и не захочет верить. Тэд и сам не хотел в это верить, но ничего другого не оставалось. Это было, простите за выражение, безжалостно правдоподобно.

— Почему он не звонит? — беспокойно спросила Лиз.

— Солнце, прошло всего пять минут.

— Почти десять.

Тэд подавил желание огрызнуться — это не бонусный раунд в телевикторине, и Алану не начислят дополнительные очки и не дадут ценный приз, если он прозвонится до девяти часов.

Нет никакого Старка, продолжал убеждать он себя. Голос разума был вполне здравым, но совершенно бесильным, словно он повторял не то, в чем был действительно убежден, а то, что попросту затвердил наизусть, как попугай, обученный говорить фразы вроде «Попка дурак» или «Полли хочет крекер». И все-таки это чистая правда, а как же иначе? Или он должен поверить, что Старк ВОССТАЛ ИЗ МОГИЛЫ, как монстр в фильме ужасов? Это был бы ловкий трюк, потому что этого человека... или не человека... никогда и не хоронили, его надгробие — фальшивый камень из папье-маше, установленный на свободном участке кладбища, такой же вымысел, как и все остальное...

Как бы там ни было, тут мы подходим к последнему пункту... или параграфу... или как вы это назовете... Какой у вас размер обуви, мистер Бомонт?

Тэд сидел, сгорбившись в кресле, и почти засыпал, несмотря на все случившееся. Он выпрямился так резко, что едва не пролил чай. Следы. Пэнгборн что-то сказал о...

Что за следы?

Думаю, это не слишком важно. У нас даже нет фотографий. Думаю, у нас есть почти все, что относится к этому делу...

— Тэд? Что такое? — спросила Лиз.

Какие следы? Где? В Касл-Роке, конечно, иначе Алан о них бы не знал. Но где именно в Касл-Роке? Возможно, на Старом городском кладбище, где эта невзрачная дамочка, фотограф из «Пипл», сделала снимок, который так позабавил их с Лиз?

— Не самый приятный тип, — пробормотал он.

— Тэд?

А потом зазвонил телефон, и они оба пролили чай.

4

Рука Тэда потянулась к трубке... но на мгновение застыла над аппаратом.

А вдруг это он?

Я еще не закончил с тобой, Тэд. И даже не думай тягаться со мной. Потому что против меня ты слабак.

Он заставил себя опустить руку, взять трубку и поднести ее к уху.

— Алло?

— Тэд? — Это был голос Алана Пэнгборна. Тэд вдруг весь обмяк, словно до этого все его тело было стянуто жесткой проволокой, а сейчас ее сняли.

— Да, — сказал он. Слово вырвалось со свистом, как тяжелый вздох. Тэд помедлил и снова выдохнул: — С Мириам все в порядке?

— Не знаю, — ответил Пэнгборн. — Я дал нью-йоркской полиции ее адрес. Скоро мы все узнаем, хотя должен предупредить, что пятнадцать минут или полчаса вряд ли покажутся вам с женой такими уж скорыми сегодня вечером.

— Да, это точно.

— С ней *все в порядке*? — спросила Лиз, и Тэд, прикрыв микрофон ладонью, сказал ей, что Пэнгборн еще ничего не знает. Лиз кивнула и откинулась на спинку кресла, все еще слишком бледная, но все-таки более собранная и спокойная, чем раньше. По крайней мере кто-то уже что-то делает, и теперь голова болит не у них одних.

— Они также узнали адрес мистера Каули в телефонной компании...

— Эй! Они же не...

— Тэд, они *ничего* не станут предпринимать, пока не выяснят, что там с женщиной. Я им сказал, что у нас есть основания подозревать, что некий психически нездоровый человек, возможно, преследует всех людей, упомянутых в «Пипл», в статье о псевдониме Старка, и объяснил им, как с вами связаны Каули. Надеюсь, я ничего не напутал. О писателях я знаю мало, а об их агентах — и того меньше. Но они поняли, что бывшему мужу той дамы не стоит мчаться туда до их приезда.

— Спасибо, Алан. Спасибо за все.

— Тэд, нью-йоркской полиции сейчас не до того, чтобы требовать объяснений немедленно, но *позже* у них возникнут вопросы. И у меня, кстати, тоже. Кто, по-вашему, этот тип?

— Я не хочу обсуждать это по телефону. Я бы приехал к вам, Алан, но прямо сейчас не хочу оставлять жену и детей одних. Думаю, вы понимаете. Вам придется приехать сюда.

— Я не могу, — терпеливо проговорил Алан. — У меня тут своих дел полно, и...

— У вас заболела жена?

— Сегодня ей уже лучше. Но заболел один из моих заместителей, и мне нужно дежурить за него. Обычное дело в маленьких городках. Я как раз собирался выходить. Это я к тому, что сейчас не лучшее время, чтобы мяться и скрытничать. Скажите мне сразу.

Тэд уже думал об этом. Почему-то он был уверен, что Пэнгборн поверит, когда услышит. Но только не по телефону.

— Вы можете приехать завтра?

— Завтра нам по-любому придется встретиться, — сказал Алан. Его голос был ровным, но одновременно настойчивым. — Но если вам что-то известно, это нужно мне сегодня. Да, в Нью-Йорке потребуют объяснений, но для меня это дело десятое. У меня свой огород. Очень многие в Касл-Роке хотят, чтобы убийцу Гомера Гамиша поймали как можно скорее. Я, кстати, тоже вхожу в их число. Так что не заставляйте меня просить дважды. Время еще не такое позднее, я могу позвонить прокурору округа Пенобскот и попросить его взять вас под стражу как основного свидетеля по делу об убийстве в округе Касл. Полиция штата уже сообщила ему, что вы — главный подозреваемый, не смотря на все алиби.

— Вы это сделаете? — спросил Тэд, совершенно ошеломленный.

— Сделаю, если вы меня вынудите это сделать. Но вряд ли вы так поступите.

В голове Тэда, кажется, начало проясняться; мысли уже не разбредались, а выстраивались в более-менее связанные рассуждения. Ни Пэнгборну, ни полицейским в Нью-Йорке наверняка ведь не важно, был ли тот человек, кого они ищут, психопатом, воображающим се-

бя Старком, или самим Старком... правильно? Он не сомневался, что да. Как не сомневался, что они все равно его не поймут, кем бы он ни был.

— Я уверен, что это какой-то психопат, как говорила моя жена, — сказал он Алану и посмотрел прямо в глаза Лиз, пытаясь передать ей мысленное сообщение. Кажется, у него получилось что-то ей передать, потому что она еле заметно кивнула. — В этом есть смысл, пусть и странный. Помните, вы говорили мне о следах?

— Да.

— Они были на Старом городском кладбище, верно? Тэд увидел, как у Лиз округлились глаза.

— Откуда вы знаете? — В первый раз голос Алана звучал растерянно. — Я вам этого не говорил.

— Вы уже прочитали статью? В «Пипл»?

— Да.

— Именно там эта женщина, фотограф из «Пипл», установила фальшивый надгробный камень. Именно там был похоронен Джордж Старк.

Молчание в трубке. А потом:

— Вот дерьмо.

— Вы понимаете?

— Думаю, да, — сказал Алан. — Если тот парень возомнил себя Старком и если он ненормальный, тогда мысль о том, что он начал с могилы Старка, конечно, имеет смысл. Эта женщина, фотограф, она в Нью-Йорке?

Тэд вздрогнул.

— Да.

— Значит, ей тоже может грозить опасность?

— Да, я... раньше я как-то об этом не думал, но, наверное, да.

— Имя? Адрес?

— У меня нет ее адреса. — Тэд помнил, что она давала ему визитку, возможно, рассчитывая на сотрудничество в написании той книги, о которой она говорила, но он выбросил карточку. Черт! Он мог сообщить Алану только имя. — Филлис Майерз.

— А тот парень, кто написал статью?

— Майк Дональдсон.

— Тоже в Нью-Йорке?

Тэд вдруг понял, что точно не знает, и дал задний ход:

— Ну, я просто предположил, что они оба в Нью-Йорке...

— Вполне логичное предположение. Если редакция журнала находится в Нью-Йорке, значит, сотрудники тоже должны быть там, правильно?

— Может быть, но если кто-то из них или оба не состоят в штате...

— Давайте вернемся к той фотографии. Название кладбища не упоминалось в статье, ни под снимком, ни в тексте. В этом я совершенно уверен. Я-то понял, что это именно Старое городское, но я специально присматривался к деталям на заднем плане.

— Да, — сказал Тэд. — Название не упоминалось.

— Здешний глава городского управления Дэн Китон наверняка настоял, чтобы кладбище не называлось. Он человек осторожный. Тот еще перестраховщик. Даже если он дал разрешение на съемку, то при условии, что название конкретного кладбища упоминаться не будет... на случай возможного вандализма... или паломничества на могилу и все такое.

Тэд кивнул. Это было вполне логично.

— Значит, ваш психопат либо знает вас, либо живет где-то здесь, — продолжал Алан.

Теперь Тэд искренне устыдился своего первоначального предположения, что шериф из крошечного округа в Мэне, где деревьев больше, чем людей, непременно

окажется идиотом. Пэнгборн был далеко не идиотом; и уж явно умнее всемирно известного романиста Тадеуса Бомонта.

— По крайней мере на данный момент нам придется принять это предположение, поскольку вполне очевидно, что у него есть доступ к закрытой информации.

— Значит, эти следы *все-таки* были на Старом городском?

— Да, конечно, — почти рассеянно произнес Пэнгборн. — Что вы скрываете, Тэд?

— Вы о чем? — сразу насторожился Тэд.

— Только не надо юлить и выкручиваться, хорошо? Мне сейчас придется звонить в Нью-Йорк и сообщать им эти два новых имени, а вам нужно включить мозги и подумать, есть ли еще имена, о которых мне следует знать. Издатели... редакторы... кто там еще, я не знаю. Вы утверждаете, что парень, который нам нужен, считает себя Джорджем Старком. В субботу мы говорили об этом, но только в плане предположений... в плане бреда... а сегодня вы заявляете, что это уже установленный факт. В подтверждение этого вы ссылаетесь на следы. Либо вас посетило некое гениальное дедуктивное озарение на основе тех фактов, которые знаем мы оба, либо вы знаете что-то, чего не знаю я. Естественно, мне больше нравится второй вариант. Так что давайте колитесь.

Но о чем он мог рассказать? О провалах в сознании, которым предшествовал щебет многих тысяч воробьев? О словах, которые он мог написать уже *после* того, как Алан Пэнгборн сказал ему, что те же самые слова были написаны кровью на стене в квартире Фредерика Клоусона? О других словах, написанных на бумажке, которую он разорвал в клочки и отправил в университетский мусоросжигатель? О снах, в которых ужасный невидимый человек водит его по дому в Касл-Роке, и все, к чему прикасается Тэд — включая собственную жену, —

рушится у него под рукой? Все, во что верил сам Тэд, он знал сердцем, не разумом, и это не может служить доказательством, верно? Отпечатки пальцев и слюна наводили на странные мысли... очень странные, да... но чтобы *настолько*?

Нет, так не бывает.

— Алан, — медленно проговорил он, — вы будете смеяться. Нет... беру свои слова обратно. Я вас знаю уже достаточно. Вы не будете смеяться... но я сомневаюсь, что вы мне поверите. Скорее всего не поверите.

Ответ последовал тут же. Теперь голос Алана был твердым, настойчивым и не терпящим возражений:

— А вот и проверим.

Тэд замялся, взглянул на Лиз и покачал головой.

— Завтра. При личной встрече. Я все расскажу. А сегодня вам придется поверить мне на слово, что это не важно. Всё, что имеет хотя бы какую-то практическую ценность, я вам уже рассказал.

— Тэд, когда я говорил, что позвоню прокурору, чтобы вас взяли под стражу...

— Если нужно, звоните. Я пойму и не обижусь. Но больше я не скажу ничего, пока не увижу вас лично. Независимо от того, что вы решите.

Молчание в трубке. Потом — тяжкий вздох.

— Ладно.

— Я хочу дать вам примерное описание человека, которого ищет полиция. Я не уверен, что оно точное, но все-таки достаточно близкое. Во всяком случае, чтобы передать его нью-йоркской полиции. Вам есть на чем записать?

— Да. Давайте.

Тэд закрыл глаза, которые Господь поместил у него на лице, и открыл глаз, который Господь дал его разуму, — глаз, который упорно видел даже то, на что сам

Тэд смотреть не хотел. Когда люди, читавшие его книги, впервые встречались с ним лично, они неизменно разочаровывались. Они пытались скрывать от него это разочарование, но у них не получалось. Тэд на них не обижался, потому что понимал их чувства... по крайней мере отчасти. Если им нравились его книги (а некоторые во всеуслышание заявляли, что любят их), они представляли себе их автора чуть ли не двоюродным братом самого Господа Бога. А вместо Господа Бога видели обыкновенного парня ростом шесть футов и дюйм, в очках, с уже намечавшейся лысиной, неуклюжего и натывавшегося на все вокруг. Парня с редющей шевелюрой и двумя дырками в носу, точно как у них самих.

Вот что они видели. Но никто не мог видеть третий глаз у него в голове. Глаз, горящий на темной его половине, на той стороне, что всегда утопала в тени... вот *это* и вправду подобно Богу, и Тэд был рад, что люди его не видят. Если бы они его видели, то многие наверняка попытались бы украсть. Да, попытались бы. Так или иначе. Даже если бы пришлось вырезать его у него из головы тупым ножом.

Глядя в темноту, он сосредоточился на своем собственном образе Джорджа Старка — *настоящего* Джорджа Старка, совсем не похожего на мужчину, снявшего-ся для фотографии на обложку. Тэд искал человека-тень, беззвучно выросшего за годы, нашел его и принялся описывать Алану Пэнгборну.

— Он довольно высокий. Во всяком случае, выше меня. Шесть футов три дюйма, может быть, шесть и четыре, если в обуви. Светлые волосы, аккуратная короткая стрижка. Голубые глаза. Хорошо видит вдаль. Читает и пишет в очках. Заказал их пять лет назад.

Он выделяется не из-за роста, а из-за комплекции. Он не толстый, но очень *крупный*. Широоченные плечи, обхват шеи, наверное, восемнадцать с половиной,

если не все девятнадцать. Он мой ровесник, Алан, но в отличие от меня не поблек и не начал полнеть. Он очень *крепкий*. Выглядит как Шварценеггер сейчас, когда Шварценеггер стал немного сдуваться. Он следит за собой, занимается силовыми упражнениями. Может так напрячь бицепс, что рукав рубашки разойдется по шву. Но на ходячую гору мышц он не похож.

Он родился в Нью-Хэмпшире, но после развода родителей переехал с матерью в Оксфорд, штат Миссисипи, откуда она родом. Там он прожил почти всю жизнь. В юности у него был очень заметный акцент, словно он приехал из какой-то глухой деревни. В колледже многие потешались над его акцентом — за глаза, разумеется, в глаза над такими парнями никто не смеется, — и он потратил немало времени, чтобы от него избавиться. Думаю, что теперь этот акцент если и проявляется, то лишь когда он по-настоящему взбешен, а люди, которые его взбесили, потом уже вряд ли способны давать свидетельские показания. Он вспыльчив. Жесток. Очень опасен. Можно сказать, практикующий психопат.

— Что за... — начал было Пэнгборн, но Тэд его перебил:

— У него очень темный загар, а поскольку блондины обычно так сильно не загорают, это может служить хорошей особой приметой. Большие ноги, большие руки, неохватная шея, широкие плечи. Лицо такое, как будто кто-то талантливый, но в большой спешке вытесал его из камня.

И последнее: возможно, он водит черный «торонадо». Не знаю, какого года выпуска. Но точно из старых, у которых сплошная ржавчина под капотом. Черный. Номера могут быть из Миссисипи, хотя, возможно, он их поменял. — Тэд помолчал и добавил: — Да, на заднем бампере есть наклейка. С надписью: «Психованный сукин сын».

Он открыл глаза.

Лиз смотрела на него, лицо у нее было белым как мел.

На том конце линии царила тишина.

— Алан? Вы еще здесь?

— Секунду. Я записываю. — Еще одна пауза, но уже не такая длинная. — Ладно, — наконец сказал Алан, — я понял. Вы рассказали мне столько подробностей, но кто этот парень, как вы с ним связаны и откуда вы его знаете, сказать не можете?

— Я не знаю, но попытаюсь. Завтра. Все равно его имя сегодня ничем не поможет, потому что он пользуется другим.

— Джордж Старк.

— Ну, разве что он настолько свихнулся, что называет себя Алексисом Машиной, но это вряд ли. Да, наверное, Старк. — Он попытался подмигнуть Лиз. Не то чтобы он всерьез думал, что настроение можно поднять, подмигнув или как-то еще, но все равно попытался. Но сумел только моргнуть сразу двумя глазами, как сонный филин.

— И как бы я ни старался, у меня не получится вас убедить рассказать все сейчас?

— Да. Никак не получится. Извините.

— Ладно. Я свяжусь с вами, как только смогу. — После этого Алан повесил трубку без всяких там «до свидания» или «спасибо». Подумав как следует, Тэд согласился, что он и вправду не заслужил никаких «до свиданий».

Он тоже положил трубку и подошел к жене, которая сидела, словно окаменев, и смотрела на него во все глаза. Он взял ее за руки — очень холодные — и сказал:

— Все будет хорошо, Лиз. Клянусь тебе.

— Ты расскажешь ему о своих трансах, когда будешь с ним говорить завтра? О щебете птиц? Как ты слышал

их в детстве и что это тогда означало? О том, что ты написал, когда отключался?

— Я расскажу обо всем, — сказал Тэд. — А сочтет ли он нужным передать это кому-то еще... — Он пожал плечами. — Пусть сам решает.

— Так много, — проговорила Лиз слабым голосом. Она по-прежнему смотрела на Тэда, словно не в силах оторвать взгляд. — Ты *так много* знаешь о нем. Тэд... *откуда?*

Он мог только встать перед ней на колени и греть в ладонях ее ледяные руки. Откуда он так много знает? Его постоянно об этом спрашивали самые разные люди. Они формулировали это по-разному: «Как ты это придумал? Как ты сумел это выразить? Как ты это запомнил? Где ты мог это видеть?» Но в конечном итоге все сводилось к одному: «Откуда ты это *знаешь?*»

Он не знал, откуда он знает.

Он просто знал.

— Так много, — повторила она голосом спящего человека, которому снится тяжелый сон. Потом они оба молчали. Тэд все ждал, когда близнецы ощутят беспокойство родителей, проснутся и начнут плакать, но тишину нарушало только размеренное тиканье часов. Он поудобнее устроился на полу перед креслом Лиз и продолжал держать в ладонях ее руки, надеясь их согреть. Но они все еще были холодными и через пятнадцать минут, когда зазвонил телефон.

5

Алан Пэнгборн говорил деловито, без всяких эмоций. Рик Каули находится у себя дома, под охраной полиции. Вскоре он поедет к бывшей жене, которая так и останется бывшей уже навсегда; воссоединение, о котором они оба время от времени говорили и к которому явно стремились, не состоится уже никогда. Мириам мертва.

Рик должен присутствовать на формальном опознании тела в районном манхэтгенском морге на Первой авеню. Тэду не следует звонить Рiku сегодня; «до выяснения обстоятельств» Рiku не сообщали о связи Тэда с убийством Мириам Каули. Филлис Майерз уже разыскали и обеспечили ей охрану. Майкл Дональдсон оказался орешком покрепче, но его планируют разыскать и тоже взять под охрану еще до полуночи.

— Как ее убили? — спросил Тэд, хотя знал ответ. Но иногда нужно спрашивать. Бог его знает зачем.

— Перерезали горло, — ответил Алан, как показалось Тэду, намеренно жестко. Выдержав паузу, шериф добавил: — Вы по-прежнему ничего не хотите мне сообщить?

— Завтра утром. При личной встрече.

— Ладно. Просто на всякий случай спросил. Спросить же можно?

— Да, можно.

— Нью-йоркской полицией объявлен в розыск мужчина по имени Джордж Старк. Приметы — согласно вашему описанию.

— Хорошо. — Да, наверное, хорошо. Хотя Тэд знал, что скорее всего это бесполезно. *Его почти наверняка не найдут, если он сам не захочет, чтобы его нашли, а если кто и найдет, то горько о том пожалеет*, подумал Тэд.

— Завтра, в девять утра, — сказал Пэнгборн. — И пожалуйста, будьте дома, Тэд.

— Можете не сомневаться.

6

Лиз приняла успокоительное и сумела заснуть. Тэд ворочался в полудреме, то погружаясь в сон, то просыпаясь, и в четверть четвертого встал с постели, чтобы сходить в туалет. Пока он стоял над унитазом, ему

показалось, что он опять слышит чириканье воробьев. Он напрягся, прислушиваясь. Струя, текущая в унитаз, разом иссякла. Звук не делался громче и не исчезал, и через пару мгновений до Тэда дошло, что это всего лишь сверчки.

Выглянув в окно, он увидел полицейскую машину, припаркованную на противоположной стороне улицы прямо напротив дома, темную и беззвучную. Он бы подумал, что в машине никого нет, если бы не разглядел огонек горячей сигареты. Похоже, ему самому, Лиз и близнецам тоже обеспечили полицейскую защиту.

Или полицейское наблюдение, подумал он, возвращаясь в постель.

Как бы там ни было, все-таки от присутствия полиции стало чуть-чуть спокойнее. Тэд заснул и проснулся в восемь без всяких воспоминаний о ночных кошмарах. Хотя *настоящий* кошмар, разумеется, никуда не исчез. Он был где-то здесь. Где-то рядом.

Глава 14

ФАРШ ИЗ ДУРАКОВ

1

Парень с дебильными кошачьими усиками оказался гораздо проворнее, чем ожидал Старк.

Старк подждал Майка Дональдсона за углом рядом с входной дверью квартиры Дональдсона, в коридоре девятого этажа многоквартирного дома. Все было бы проще, если бы Старк смог проникнуть в квартиру, как получилось с той сучкой, но при первом же беглом осмотре ему стало ясно, что замки в этой двери в отличие от той вставлял не криворукий калека. Но все равно все должно быть нормально. Время позднее, все кролики в норках должны мирно спать и смотреть сны

про клевер. Сам Дональдсон наверняка будет вялым и в изрядном подпитии — когда человек возвращается домой около часа ночи, он явно идет не из публичной библиотеки.

Дональдсон и вправду казался не совсем трезвым, но вялым он не был.

Когда Старк вышел из-за угла и взмахнул бритвой, он рассчитывал по-быстрому ослепить Дональдсона, пока тот возится с ключами. А потом, еще прежде чем Дональдсон поднимет ор, он перережет ему горло — одним взмахом и сонную артерию, и голосовые связки.

Старк не старался двигаться бесшумно. Он хотел, чтобы Дональдсон его услышал и повернулся к нему. Так будет проще.

Поначалу Дональдсон делал все как положено. Коротким и четким взмахом Старк полоснул его бритвой по лицу. Но Дональдсон ухитрился слегка пригнуться — совсем немного, но все-таки достаточно, чтобы нарушить все планы Старка. Вместо того чтобы разрезать глаза, лезвие бритвы прошло по лбу и рассекло его до кости. Лоскут кожи навис над бровями, словно кусок отклеившихся обоев.

— *НА ПОМОЩЬ!* — проблеял Дональдсон сдавленным, овечьим голосом.

Вот зараза.

Старк двинулся вперед, держа бритву лезвием вверх, как матадор, салютующий быку перед началом корриды. Ладно, не каждый раз все идет как задумано. Пусть он и не ослепил шелкопера, но кровь течет из пореза на лбу, прямо-таки хлещет, и все, что еще видит малыш Дональдсон, он видит сквозь вязкую алую пелену.

Он хотел полоснуть Дональдсона по горлу, но тот отклонился назад почти так же стремительно, как отдергивается после атаки гремучая змея, с *потрясающей* скоростью, и Старк даже немного зауважал этого парня, несмотря на его идиотские усики.

Лезвие взрезало только воздух в четверти дюйма от горла Дональдсона, и тот вновь заорал, зовя на помощь. Кролики, которые никогда не спят крепким сном в этом городе, в этом старом червивом Большом Яблоке, скоро начнут просыпаться. Старк поменял направление, вновь поднял бритву, одновременно вставая на цыпочки и бросая тело вперед. Это было грациозное, почти балетное движение, и на нем все должно было закончиться. Но Дональдсон все-таки ухитрился закрыть горло рукой; и вместо того чтобы прикончить журналиста, Старк лишь порезал ему пальцы — потом полицейские патологоанатомы назовут эти длинные узкие раны оборонительными порезами. Дональдсон поднял руку ладонью наружу, и лезвие бритвы прошло по основанию всех четырех пальцев. На безымянном пальце Дональдсон носил тяжелый перстень, и этот палец остался цел. Раздался короткий металлический звон — *дзынь!* — когда лезвие скользнуло по перстню, оставив крошечный шрам на золоте. Остальные три пальца бритва порезала глубоко, войдя в плоть, как горячий нож — в масло. Из-за перерезанных сухожилий пальцы обмякли, как сонные марионетки, и лишь безымянный остался прямым, словно в смятении и страхе Дональдсон позабыл, каким пальцем надо показывать непристойный жест.

На этот раз, когда Дональдсон открыл рот, он буквально *заголосил*, и Старк понял, что уйти незамеченным и неслышанным уже не получится. У него были все основания предполагать, что все будет тихо и быстро, поскольку он не собирался «приберегать» Дональдсона, чтобы тот кому-то звонил, но все пошло совершенно не так, как планировалось. Но Старк и не собирался оставлять Дональдсона в живых. Если уж начал мокрое дело, его следует доводить до конца.

Старк приготовился к следующему удару. Они с Дональдсоном продвинулись по коридору почти до со-

седней двери. Старк небрежно встряхнул бритву, чтобы очистить лезвие от крови. Алые капли забрызгали светлую стену.

Чуть дальше по коридору открылась дверь, и наружу выглянул взлохмаченный со сна мужчина в синей пижамной куртке.

— Что происходит? — спросил он хриплым сердитым голосом, явно дававшим понять, что будь тут хоть сам папа римский, но вечеринку надо завершать.

— Убийство, — вполне светски ответил Старк и на мгновение перевел взгляд с окровавленного, подвывающего человека перед собой на того, кто высунулся из-за двери. Позже этот мужчина в синей пижамной куртке расскажет полиции, что у нападавшего были голубые глаза. Ярко-голубые. И совершенно безумные. — Хочешь присоединиться?

Дверь захлопнулась так быстро, словно никогда и не открывалась.

Каким бы напуганным и к тому же израненным ни был Дональдсон, он увидел свой шанс, когда Старк на мгновение отвел взгляд, — увидел и не преминул им воспользоваться. Этот козлик и вправду был очень проворным. Старк зауважал его еще больше. Его скорость и чувство самосохранения были достойны всяческого восхищения, хотя и доставляли изрядное неудобство.

Если бы Дональдсон бросился вперед и сцепился со Старком, неудобство могло бы перерасти в почти серьезную проблему. Вместо этого Дональдсон развернулся и побежал.

Вполне понятно, но совершенно напрасно.

Старк бросился следом, шурша по ковру подошвами огромных туфель, и полоснул Дональдсона по затылку, уверенный, что на этот раз он его точно прикончит.

Но за долю секунды до того, как лезвие бритвы нашло свою цель, Дональдсон наклонил голову вперед

и при этом ухитрился *втянуть* ее в плечи, как черепаха, прячущаяся в панцирь. Старк уже начал думать, что Дональдсон — телепат. То, что должно было стать смертоносным ударом, только разрезало кожу у основания черепа. Рана кровавая, но далеко не смертельная.

Это раздражало, бесило... это было почти смешно.

Дональдсон мчался по коридору, петляя из стороны в сторону, иногда даже отскакивая от стен, словно шарик в пинболе, когда тот ударяется о препятствия, дающие игроку 100 000 очков, или бесплатную призовую игру, или еще какую-то хрень. На бегу он кричал. Кровавый след тянулся за ним по ковру. Дональдсон мчался по коридору, отмечая свой путь алыми отпечатками ладоней на светлой стене. Дональдсон мчался по коридору и даже не думал умирать.

Двери больше не открывались, но Старк знал, что прямо сейчас, в эти самые секунды, по меньшей мере в полудюжине квартир полдюжины пальцев набирают (если уже не набрали) 911 на полудюжине телефонных аппаратов.

Дональдсон мчался по коридору к лифтам.

Не разъяренный, не испуганный, а только до чертиков раздраженный, Старк бежал следом. Он неожиданно выкрикнул:

— *Стой уже и води себя КАК ПОЛОЖЕНО!*

Вопли Дональдсона о помощи оборвались сдавленным писком. Он попытался оглянуться. Запутавшись в собственных ногах, он грохнулся на пол в десяти шагах от выхода на лифтовую площадку. Старк давно понял, что даже самые шустрые парни в конечном итоге теряют все свои счастливые мысли, если их хорошо порезать.

Дональдсон поднялся на колени. Он явно намеревался добраться до лифтов ползком, раз уж ноги ему

отказали. Он обернулся, чтобы посмотреть, далеко ли преследователь, и Старк с размаху врезал ногой по его залитому кровью носу. На нем были мягкие мокасины, поэтому он бил со всей силы, руки прижаты к бокам и слегка отведены назад, чтобы сохранить равновесие, нога бьет снизу вверх, поражает цель и уходит выше. Всякому, кто хоть чуть-чуть понимает в футболе, это наверняка напомнило бы очень техничный, очень мощный удар с носка.

Голова Дональдсона откинулась назад, врезалась в стену с такой силой, что на штукатурке осталась круглая вмятина, и отскочила обратно.

— Все-таки посадил я тебе батарейки, да? — пробормотал Старк и услышал, как у него за спиной открылась дверь. Он обернулся и увидел женщину с растрепанными темными волосами и огромными черными глазами, которая высунулась из двери в дальнем конце коридора. — *ИСЧЕЗНИ, СУЧКА!* — заорал он. Дверь захлопнулась, как на пружине.

Старк наклонился, схватил Дональдсона за редкие сальные волосенки, отогнул его голову назад и перерезал горло. Скорее всего Дональдсон был мертв еще до того, как его голова врезалась в стену, а после — так почти наверняка, но лучше все же убедиться. Тем более если уж начал резать, то режь *до конца*.

Он сразу шагнул назад, но Дональдсон не фонтанировал кровью, как та красотка. Его насос либо уже отключился, либо вот-вот отключится. Старк быстро пошел к лифтам, на ходу закрывая бритву и убирая ее в карман.

Подъезжающий лифт тихо дзынькнул.

Это мог быть кто-то из жильцов; час ночи — не такое уж позднее время в большом городе, даже для понедельника. Старк быстро прошел к высокому растению в кадке, расположившемуся рядом с какой-то невнятной

абстрактной картиной в углу лифтовой площадки. Встал за растением. Все его внутренние радары тревожно пищали. Да, кто-то *мог* возвращаться домой с дискотеки или с затянувшейся гулянки после делового обеда, но Старку казалось, что это ни то ни другое. Ему казалось, что это полиция. На самом деле он это *знал*.

Полицейский патруль, случайно проезжавший поблизости, когда кто-то из жильцов позвонил и сообщил, что в коридоре кого-то убивают? Возможно, но Старк сомневался. Скорее всего Бомонт поднял шум, сестренку нашли, и доблестные стражи порядка прибыли для охраны Дональдсона. Лучше поздно, чем никогда.

Старк медленно сполз по стене, прижимаясь к ней спиной. Забрызганная кровью спортивная куртка прошуршала по штукатурке. Он не столько спрятался, сколько осел, как подводная лодка, погрузившаяся на перископную глубину. Растение было убогим укрытием. Стоит им обернуться, и они сразу его заметят. Впрочем, Старк был уверен, что все их внимание будет сосредоточено на экспонате № 1 посреди коридора. Во всяком случае, первые пару секунд — а больше ему и не надо.

Широкие, перекрещивающиеся листья растения отбрасывали на его лицо рваные, зубчатые тени. Старк выглядывал из-за них, словно голубоглазый тигр.

Двери лифта открылись. Послышалось приглушенное восклицание — святой Боже и что-то там, — и двое полицейских в форме выскочили из кабины. Следом за ними из лифта вышел чернокожий парень в проклепанных джинсах, старых грязных кроссовках на липучках и футболке с обрезанными рукавами и надписью «СОБСТВЕННОСТЬ НЬЮ-ЙОРКСКИХ ЯНКИ». Черный был в темных очках, в каких обычно расхаживают сутенеры, и Старк подумал, что если это не детектив, то он сам — Джордж из джунглей. Когда эти ребята пытаются маскироваться, они всегда ударяются в крайность... а потом

сами смущаются. Словно знают, что переигрывают, но ничего не могут с собой поделаться. Стало быть, это была — или должна была быть — полицейская охрана Дональдсона. В случайно оказавшейся рядом патрульной машине уж никак не могло быть детектива. Это была бы уж *слишком* счастливая случайность. Парень прибыл с охранниками, чтобы сперва допросить Дональдсона, а потом сесть при нем нянькой.

Извините, ребята, подумал Старк. Вашей деточке няньки уже не нужны.

Он поднялся на ноги и вышел из-за растения. Ни единый листок не шелохнулся. Ноги бесшумно ступали по ковру. Он прошел меньше чем в трех шагах за спиной детектива, который нагнулся, чтобы вытащить револьвер из ножной кобуры. Старк мог бы отвесить ему замечательного пинка, если бы захотел.

Он проскользнул в кабину лифта за миг до того, как двери начали закрываться. Один из копов уловил краем глаза движение — может, дверей, может быть, самого Старка, хотя это было уже не важно, — и отвел взгляд от тела Дональдсона.

— Эй...

Старк поднял руку и пошевелил пальцами, торжественно прощаясь с копом. Пока-пока. А потом двери лифта закрылись.

В холле на первом этаже было пусто, не считая консьержа, валявшегося без сознания под столом. Старк вышел на улицу, завернул за угол, сел в украденный автомобиль и уехал.

2

Филлис Майерз жила в одном из новых многоквартирных домов на западной стороне Манхэттена. Ее полицейская охрана (в сопровождении детектива в спортивных штанах «Найк», толстовке «Нью-Йорк Айлен-

дерс» с оторванными рукавами и сутенерских темных очках) прибыла на место в половине одиннадцатого вечера 6 июня и застала свою подопечную в ярости из-за сорвавшегося свидания. Поначалу она сидела мрачнее тучи, но заметно повеселела, узнав, что кто-то, вообразивший себя Джорджем Старком, возможно, предпримет попытку ее убить. Она отвечала на вопросы детектива об интервью с Тэдом Бомонтом, которое называла «съемочкой», и одновременно заряжала новую пленку в три фотоаппарата и подбирала к ним объективы. Когда детектив спросил, что она делает, она подмигнула ему и сказала:

— Я, как бойскаут, всегда готова. Кто знает... Может, и вправду что-то случится.

Чуть позже, уже за входной дверью, один из полицейских спросил детектива:

— Она это всерьез?

— Конечно, — ответил он. — Ее беда в том, что она только себя всерьез и принимает. Весь мир для нее — большая съемочная площадка. Причем эта глупая курица искренне убеждена, что всегда будет стоять по нужную сторону объектива.

Сейчас была половина четвертого утра 7 июня, и детектив давно ушел. Часа два назад двое полицейских, назначенных охранять Филлис Майерз, получили по рации сообщение об убийстве Дональдсона. Им было сказано быть в высшей степени осторожными и особо бдительными, поскольку психопат, с которым они имеют дело, оказался не только крайне кровожадным, но и весьма сообразительным типом.

— Осторожность — мое второе имя, — сказал коп № 1.

— А мое — Бдительность, — ответил коп № 2. — Какое совпадение!

Они были напарниками уже год, и очень даже неплохо сработались. Сейчас они улыбнулись друг другу, и почему нет? Они себя чувствовали прекрасно, двое

вооруженных полицейских из лучшего подразделения в этом старом червивом Большом Яблоке, они стояли в хорошо освещенном и оснащенном кондиционером коридоре на двадцать шестом этаже новенького много-квартирного дома — или это кондоминиум, хрен его разберешь; когда офицеры Бдительность и Осторожность были мальчишками, кондоминиумом ради смеха называли презервативы, — и никто не подкрадется к ним сзади, и не обрушится с потолка, и не отоварит из волшебного «узи», у которого никогда не бывает осечек и никогда не кончаются патроны. Это реальная жизнь, а не цикл детективных романов «87-й полицейский участок» и не фильм «Рэмбо», и конкретно сегодня реальная жизнь выражалась в небольшом спецзадании, которое было уж всяко полегче, чем нарезать круги по району в патрульной машине, разнимать драки в барах, пока те не закроются, а потом разнимать драки — уже до рассвета — в засранных тесных квартирах в домах без лифтов, где пьяные мужья и жены решают семейные разногласия. Если бы реальная жизнь всегда состояла в дежурствах в кондиционированных коридорах жаркими городскими ночами, офицеры Бдительность и Осторожность были бы только «за». Да и кто бы сомневался?

Когда они добрались в своих размышлениях до этого пункта, на этаже остановился лифт. Двери открылись, и из кабины вышел, пошатываясь, раненый слепой мужчина.

Высокий, широкоплечий. С виду лет сорока. В разорванной спортивной куртке и брюках, которые не подходили к куртке, но вполне с ней сочетались. Более-менее. Первый коп, Осторожность, успел подумать, что у того зрячего, кто подбирает одежду слепому, очень даже неплохой вкус. На слепом были большие темные очки, сидевшие криво, потому что одна из дужек была отломана. Очки совершенно не подходили на сутенерские,

скорее — на очки Клода Рейнса в «Человеке-невидимке».

Слепой шел, выставив руки перед собой. Левая была пуста, а в правой он сжимал грязную белую трость с резиновой ручкой от велосипеда. Обе руки были в запекшейся крови. Темно-бордовые пятна высохшей крови красовались на куртке и на рубашке слепого. Если бы двое копов, назначенных охранять Филлис Майерз, и вправду были бдительны и осторожны, все это показалось бы им очень странным и подозрительным. Слепой кричал, что с ним что-то случилось, и, судя по его виду, с ним действительно что-то случилось, причем что-то явно *не самое приятное*, однако кровь на его коже и одежде уже успела покоричнеть. Это давало все основания предположить, что кровь пролилась уже довольно давно, и офицеров, которым предписано быть в высшей степени осторожными и особо бдительными, это должно было насторожить. Возможно, даже включить сирену в их мозгах.

Хотя, может, и нет. Все произошло слишком быстро, а когда что-то случается слишком быстро, уже не важно, осторожен ты или беспечен — приходится просто плыть по течению.

Вот они стоят у двери этой Майерз, счастливые, как ребяташки, у которых отменили уроки, потому что в котельной накрылся бойлер; а уже в следующий миг перед ними возник этот окровавленный слепой, размахивающий своей грязной белой тростью. Не было времени на раздумья и уж тем более на дедукцию.

— *По-ли-и-иция!* — завопил слепой еще до того, как двери лифта открылись полностью. — Консьерж сказал, что полиция на двадцать шестом! *По-ли-и-иция!* Вы здесь?

Вот он уже идет по коридору, махая тростью из стороны в сторону. *ХРЯСТЬ!* — она ударяется о стену слева.

ХРЯСТЬ! — о стену справа. И те, кто уже заснул на этом чертовом этаже, очень скоро проснутся.

Даже не взглянув друга на друга, Бдительность и Осторожность рванулись навстречу слепому.

— *По-ли-и-иция! По-ли-и...*

— Сэр! — гаркнул Бдительность. — Стойте! Вы сейчас упадете...

Слепой дернул головой в сторону, откуда слышался голос, но не остановился. Он шел вперед, бешено размахивая и свободной рукой, и тростью. Он был похож на Леонарда Бернстайна, который пытается дирижировать оркестром Нью-Йоркской филармонии, выкурив пару косяков дури.

— *По-ли-и-иция!* Они убили мою собаку! Убили Дейзи! **ПО-ЛИ-И-ИЦИЯ!**

— Сэр...

Осторожность потянулся к слепому, едва стоявшему на ногах. Едва стоявший на ногах слепой запустил руку во внутренний карман куртки и достал оттуда не два пригласительных на гала-концерт Общества слепых, а револьвер 45-го калибра. Нацелив его на Осторожность, слепой выстрелил дважды. В тесном замкнутом пространстве выстрелы прозвучали оглушительно и монотонно. Все затянуло сизым дымом. Осторожность получил пули почти в упор. Он рухнул на пол, его грудь провалилась в себя, словно смятая корзина. Края дыр на рубашке обуглились и медленно тлели.

Бдительность уставился на слепого, нацелившего на него револьвер.

— Господи, пожалуйста, не надо, — проговорил Бдительность слабым голосом, как будто ему дали под дых. Слепой выстрелил еще два раза. Еще одно облако сизого дыма повисло в воздухе. Для слепого этот парень стрелял просто мастерски. Бдительность отлетел назад, прочь от облака дыма, упал на спину, дернулся в последней судороге и затих.

3

В Ладлоу, за пятьсот миль оттуда, Тэд Бомонт беспокойно перевернулся на другой бок.

— Сизый дым, — пробормотал он во сне. — Сизый дым.

За окном спальни девять воробьев уселись на телефонный провод. Потом к ним присоединились еще с полдюжины. Птицы сидели, тихие и никем не замеченные, прямо над наблюдателями в полицейской патрульной машине.

— Больше они мне не понадобятся, — сказал Тэд во сне. Одной рукой он неловко провел у себя перед лицом, а другой сделал жест, будто что-то отбрасывал.

— Тэд? — спросила Лиз, садясь на кровати. — Тэд, с тобой все нормально?

Он пробормотал что-то нечленораздельное.

Лиз посмотрела на свои руки. Они были покрыты гусиной кожей.

— Тэд? Опять птицы? Ты опять слышишь птиц?

Тэд ничего не ответил. За окном воробьи разом снялись с провода и улетели во тьму, хотя их время летать еще не пришло.

Ни Лиз, ни двое полицейских в патрульной машине их не заметили.

4

Он отшвырнул трость и темные очки. В коридоре едко пахло порохом. Старк стрелял из «кольта», заряженного разрывными пулями. Две из них прошли копов насквозь и оставили в стене дыры величиной с тарелку. Он подошел к двери Филлис Майерз, готовясь к тому, что придется ее выманивать. Но она уже стояла за дверью, и как только Старк ее услышал, то сразу понял, что с ней все будет просто.

— Что происходит?! — крикнула она. — Что случилось?

— Мы его уложили, миссис Майерз, — радостно проговорил Старк. — Если хотите сфотографировать, давайте быстрее, только запомните: я вам этого не разрешал.

Она лишь чуть-чуть приоткрыла дверь, не снимая цепочку, но и этого было достаточно. Как только в щели показался ее широко распахнутый карий глаз, Старк всадил в него пулю.

Закреть ей глаза — вернее, единственный оставшийся глаз — было невозможно, поэтому Старк развернулся и пошел к лифтам. Он не мешкал, но и не торопился. Дверь одной из квартир приоткрылась — сегодня прямо день открытых дверей, — и Старк навел револьвер на высунувшееся в коридор изумленное кроличье личико. Дверь мгновенно захлопнулась.

Он нажал кнопку вызова лифта. Двери кабины, в которой он поднялся сюда после того, как вырубил уже второго за сегодняшний вечер консьержа (тростью, украденной у слепого на Шестидесятой улице), тут же открылись, как он и ожидал — в такой поздний час ни один из трех лифтов не был востребован жильцами. Старк швырнул револьвер через плечо. Тот упал на ковер с глухим стуком.

— Вот *тут* все прошло как по писаному, — сказал Старк, вошел в лифт и спустился вниз.

5

Когда зазвонил телефон, за окном гостиной Рика Каули уже светало. Рику было пятьдесят, но сейчас он казался старше. Изможденный, нетрезвый, с красными глазами. Его рука, взявшая трубку, заметно дрожала. Он плохо соображал, где находится, и его усталый,

измученный разум упрямо твердил, что все это — сон, дурной сон. Неужели меньше трех часов назад он действительно ездил в морг опознавать изувеченное тело бывшей жены, в морг на Первой авеню, буквально в квартале от маленького, но шикарного французского ресторанчика, где обслуживают только хороших знакомых? Неужели у него за дверью и вправду дежурит полиция, потому что тот, кто убил Мири, может попытаться убить и его тоже? Неужели все это происходит на самом деле? Конечно, нет.

Это всего лишь сон... и телефон — может быть, вовсе не телефон, а будильник рядом с кроватью. Обычно Рик ненавидел будильник... и не раз швырял эту гадскую штуку о стену. Но сегодня утром он его расцелует. Вот прямо *взасос*.

Но это был не сон. Он поднес трубку к уху:

— Алло?

— Это я, — сказал голос в трубке, прямо в ухо Рик. — Тот, кто перерезал горло твоей бывшей.

И вот тут Рик очнулся. Все надежды, что это сон, разом рассеялись. Такой голос лучше бы слышать только во сне... а еще лучше не слышать вообще. Никогда. Потому что как раз во сне такой голос и не услышишь.

— Кто вы? — Его собственный слабый, дрожащий голос показался Рик. чужим.

— Спроси у Тэда Бомонта, кто я, — отозвался мужчина на том конце линии. — Он знает все. Передай ему, что я назвал тебя ходячим мертвецом. И что я еще не закончил с фаршем из дураков.

В трубке раздался щелчок, за которым последовало мгновение тишины, а затем послышался безучастный гудок свободной линии.

Рик положил телефон себе на колени, посмотрел на него и вдруг разрыдался.

6

В девять утра Рик позвонил в офис и сказал Фриде, что они с Джоном могут идти домой. Сегодня агентство работать не будет. И завтра тоже, и всю эту неделю. Фрида спросила, в чем дело, и Рик с удивлением поймал себя на том, что чуть было не солгал ей в ответ, словно его поймали с поличным за каким-то постыдным и уголовно наказуемым деянием — скажем, за совращением малолетних — и не может заставить себя в этом признаться, пока не пройдет первое потрясение.

— Мириам мертва, — сказал он. — Убита у себя дома, вчера вечером.

Фрида аж задохнулась.

— Господи, Рик! Никогда так не шути! А то правда накличешь беду!

— Я не шучу, Фрида. — Рик почувствовал, что снова готов разрыдаться. И эти слезы — пролитые в морге, пролитые в машине по дороге из морга, пролитые после звонка того психа, вот-вот прольющиеся сейчас, — были лишь началом. От одних только мыслей обо всех слезах, каковые ему предстояло пролить, Рик чувствовал себя совершенно разбитым. Да, Мириам была той еще стервой, но по-своему *милой* стервой, и он ее любил. Рик закрыл глаза. А когда открыл снова, то увидел, что на него смотрит какой-то мужик — прямо через окно, хотя окно было на четырнадцатом этаже. Рик испуганно вздрогнул, а потом разглядел униформу. Мойщик окон. Мойщик окон помахал ему из своей люльки. Рик поднял руку и вроде как тоже махнул в ответ. Рука казалась тяжелой, словно весила фунтов этак восемьсот, и Рик уронил ее на колени, не успев толком поднять.

Фрида продолжала твердить, чтобы он больше так не шутил, и он вдруг почувствовал себя смертельно уставшим. Он уже понял, что слезы — это только начало.

— Одну минуту, Фрида. — Он отложил трубку и пошел к окну, чтобы задернуть шторы. Хватит и того, что он плачет в трубку. Этому чертову мойщику окон вовсе незачем паяльаться на его слезы.

Когда он подошел к окну, мужчина в люльке запустил руку в карман комбинезона, явно собираясь что-то достать. Рiku вдруг стало не по себе. *Передай ему, что я назвал тебя ходячим мертвецом.*

(Господи...)

Мойщик окон достал из кармана маленькую желтую табличку с черной надписью и дурацкими улыбающимися рожицами по бокам: «ХОРОШЕГО ДНЯ!»

Рик устало кивнул. Хорошего дня. Да, конечно. Он задернул шторы и вернулся к телефону.

7

Когда он наконец убедил Фриду, что это не шутка, она разразилась громкими и искренними рыданиями — все сотрудники агентства и все клиенты, даже этот *поц* Оллинджер, который писал отвратительные научно-фантастические романы и, похоже, задался целью забраться под каждую юбку на западном побережье, любили Мириам, — и, конечно же, Рик рыдал вместе с ней, пока не повесил трубку. *По крайней мере*, подумал он, *я хотя бы задернул шторы.*

Спустя пятнадцать минут, когда Рик варил себе кофе, он вдруг вспомнил о звонке того ненормального. У него за дверью стоят двое копов, а он не сказал им ни слова. Что, черт возьми, с ним творится?

Ну, сказал он себе, моя бывшая жена мертва, и когда я увидел ее в морге, мне показалось, что она отрастила себе второй рот, на два дюйма ниже подбородка. Видимо, это как-то сказалось на психике.

Спроси у Тэда Бомонта, кто я. Он знает все.

Конечно, он позвонит Тэду. Он так и так собирался ему позвонить. Но его разум все еще находился в свободном падении — мир вокруг приобрел новые измерения и пропорции, которые Рик был не в силах осмыслить. По крайней мере на данный момент. Он *обязательно* позвонит Тэду. Сразу, как только расскажет копам о звонке того психа.

Он им рассказал, и они проявили огромный интерес. Один из них сразу схватился за рацию и доложил обо всем начальству. Завершив разговор, он сказал Рiku, что шеф детективов хочет, чтобы он приехал в Первое полицейское управление и сам рассказал о звонке. А пока его не будет дома, сюда заглянет сотрудник технического отдела и подключит к телефону записывающую и отслеживающую аппаратуру. На случай если будут еще звонки.

— А они скорее всего будут, — сказал Рiku второй коп. — Эти психи обычно прутся от звука собственного голоса.

— Сначала мне надо позвонить Тэду, — произнес Рик. — Возможно, ему тоже грозит опасность. Мне так показалось по разговору.

— Мистеру Бомонту уже обеспечили полицейскую охрану в Мэне, мистер Каули. Ну что, идем?

— Мне все-таки кажется...

— Можете позвонить ему из управления. Вы будете брать пальто?

И Рик, совершенно растерянный и не уверенный, что все это происходит наяву, дал себя увести.

8

Когда они вернулись два часа спустя, один из сопровождавших Рика полицейских нахмурился, глядя на входную дверь, и сказал:

— Здесь никого нет.

— Ну и что? — спросил Рик устало. Он и вправду чувствовал себя совершенно разбитым и как будто подернутым пеленой, как кусок матового стекла. Ему задали кучу вопросов, и он отвечал на них как мог — что было не просто, поскольку он не видел смысла в большинстве этих вопросов.

— Если ребята из службы связи закончили до нашего прихода, они должны были нас дожидаться.

— Может, они ждут внутри, — сказал Рик.

— Один из них — да. Но второй должен быть здесь, снаружи. Так положено по инструкции.

Рик достал из кармана связку ключей, перебрал их, нашел нужный и вставил в замок. Его не касались проблемы этих ребят, связанные с нарушением инструкций. И слава Богу, что не касались. Ему с избытком хватало своих проблем.

— Нужно позвонить Тэду. — Рик вздохнул и изобразил подобие улыбки. — Еще нет и полудня, а мне уже кажется, что этот день никогда не зако...

— *Стойте! Не надо!* — вдруг закричал один из полицейских и рванулся вперед.

— Что не на... — начал Рик, поворачивая ключ, и дверь взорвалась вспышкой света, дыма и грохота. Полицейского, чья интуиция сработала лишь на мгновение позже, чем нужно, родственники смогли опознать; от Рика Каули не осталось почти ничего. Второй полицейский, стоявший чуть дальше и инстинктивно прикрывший лицо, когда закричал его напарник, получил ожоги, контузию и многочисленные повреждения внутренних органов. К счастью — каким-то чудом, — его не задело осколками металлической двери. Однако со службой в полиции пришлось распрощаться. Из-за взрыва он полностью оглох.

Тела двух техников из службы связи, пришедших укомплектовывать телефон в квартире Рика, лежали на полу в гостиной. Ко лбу одного из них была приколотая кнопкой записка:

ВОРОБЬИ СНОВА ЛЕТАЮТ.

Ко лбу другого — вторая записка:

ЕЩЕ НЕМНОГО ФАРША ИЗ ДУРАКОВ.
СКАЖИТЕ ТЭДУ.

Часть вторая

СТАРК КОМАНДУЕТ ПАРАДОМ

— Каждый ловкий дурак может взять тигра за яйца, — сказал Машина Джеку Холстеду. — Ты знал об этом?

Джек рассмеялся, но, увидев лицо Машины, тут же умолк.

— Убери с морды эту дебильную усмешку и слушай внимательно, — сказал Машина. — Я тебя делу учу. Ты внимательно слушаешь?

— Да, мистер Машина.

— Значит, запоминай на всю жизнь. Каждый ловкий дурак может взять тигра за яйца, но продолжать их сжимать может только герой. И раз уж мы заговорили на эту тему, скажу еще одну вещь: уйти целым и невредимым удастся только героям или же пустозвонам, которые не доводят начатое до конца. Только им, и никому больше. А я всегда довожу начатое до конца.

Джордж Старк. Путь Машины

Глава 15

В СТАРКА НИКТО НЕ ВЕРИТ

1

Тэд и Лиз в совершеннейшем потрясении — таком глубоком и леденящем, словно это и вправду был лед, который сковал их со всех сторон, — слушали рассказ Алана Пэнгборна о том, что случилось в Нью-Йорке за прошедшую ночь. Майк Дональдсон изрезан и забит до смерти на этаже у своей квартиры; Филлис Майерз и двое полицейских застрелены в ее доме на западной стороне. Ночного консьержа в доме Майерз ударили по

голове чем-то тяжелым и проломили ему череп. Врачи говорят, что скорее всего он очнется уже на том свете. Консьерж в доме Дональдсона мертв. Все убийства происходили в чисто гангстерском стиле, нападавший просто подходил к жертвам и принимался за дело.

Рассказывая все это, Алан называл убийцу Старком.

Он неосознанно называет его настоящим именем, подумал Тэд. Потом тряхнул головой, разозлившись на себя. Убийцу же надо как-то называть, а Старк, наверное, все-таки лучше, чем «преступник» или «мистер Икс». Сейчас еще рано думать, что Пэнгборн использует это имя как-то иначе, чем просто удобное обозначение.

— А что с Риком? — спросил он, когда Алан закончил рассказ, а к нему самому вернулся дар речи.

— Мистер Каули жив, здоров и находится под полицейской защитой.

Было без четверти десять утра; до взрыва, убившего Рика и одного из его охранников, оставалось еще почти два часа.

— Филлис Майерз тоже была под полицейской защитой, — сказала Лиз. Уэнди сладко спала в манеже, Уильям потихонечку засыпал. Его головка клонилась на грудь, глазки закрывались... а потом он рывком поднимал голову. Алану он напоминал часового, который старается не заснуть на посту. Это было забавно. Наблюдая за близнецами, Алан заметил одну интересную вещь: каждый раз, когда Уильям поднимал голову, изо всех сил стараясь не спать, Уэнди ворочалась во сне.

Интересно, а их родители это заметили? — подумал он и сам же себе ответил: *Конечно, заметили.*

— Да, Лиз. Он застал их врасплох. Сотрудников полиции можно застать врасплох так же, как и любых других людей, но они должны реагировать быстрее. На этаже, где жила Филлис Майерз, несколько человек выглянули в коридор после выстрелов, так что мы можем

достаточно ясно представить, как это все происходило — по показаниям жильцов и по тому, что полиция обнаружила на месте преступления. Старк притворился слепым. Он не переоделся после убийств Мириам Каули и Майкла Дональдсона, которые были... прошу прощения, я все понимаю... но там действительно пролилось много крови. Он вышел из лифта в темных очках, которые, вероятно, купил на Таймс-сквер или у уличного торговца, вышел, размахивая белой тростью, испачканной в крови. Бог его знает, где он взял трость, но полиция предполагает, что с этой же тростью он напал на консьержа.

— Отобрал у настоящего слепого, конечно, — спокойно проговорил Тэд. — Этот парень уж точно не сэр Галахад.

— Это да. Он, вероятно, кричал, что его ограбили на улице или в квартиру забрались воры. Как бы там ни было, он приблизился к ним так быстро, что они ничего не успели сделать. В конце концов, это были обычные полицейские из уличного патруля, которых без предупреждения сорвали с дежурства и поставили охранять эту женщину.

— Но они же должны были знать, что Дональдсона тоже убили, — сказала Лиз. — И если они после этого не смогли понять, что тот человек очень опасен...

— Но они также знали, что охрана Дональдсона была уже *после* того, как он был убит, — сказал Тэд. — Они были слишком в себе уверены.

— Да, наверное, — согласился Алан. — Теперь уже сложно судить, но ребята, которые охраняют Каули, знают, что этот убийца опасен, умен и не остановится ни перед чем. Они держат ухо востро. Нет, Тэд... ваш агент в безопасности. Можете не сомневаться.

— Вы говорили, что были свидетели, — сказал Тэд.

— О да. Целая куча свидетелей. И в доме бывшей жены Каули, и в доме Дональдсона, и в доме Майерз. Ему,

похоже, насрать. — Алан покосился на Лиз. — Прошу прощения.

Она улынулась.

— Это слово я слышала раньше, Алан. Пару раз.

Он кивнул, улыбнулся в ответ и опять повернулся к Тэду.

— А что приметы, которые я вам давал?

— Все совпадает, — ответил Алан. — Крупный блондин с очень темным загаром. Так что скажите мне, кто он, Тэд. Назовите имя. Сейчас у меня есть о чем побеспокоиться и помимо Гомера Гамиша. И этот чертов комиссар нью-йоркской полиции прямо с меня не слезает. Шейла Бригем, наш старший диспетчер, считает, что я стану звездой новостей, но меня больше всего беспокоит Гомер. Даже больше, чем двое мертвых полицейских, которые охраняли Филлис Майерз. Гомер — это самое главное. Так что давайте. Назовите мне имя.

— Я уже называл, — сказал Тэд.

Последовала долгая тишина — секунд на десять. Потом Алан очень тихо проговорил:

— Разве?

— Его зовут Джордж Старк. — Тэд сам поразился тому, как спокойно звучал его голос. А еще больше он поразился, когда вдруг понял, что, *по всем ощущениям*, он и вправду спокоен... если только глубокое потрясение и спокойствие не ощущаются одинаково. И все-таки это было огромное облегчение, вот так вот взять и сказать: «Вы уже знаете его имя. Его зовут Джордж Старк».

— Я не совсем вас понимаю, — проговорил Алан после еще одной долгой паузы.

— Все вы понимаете, Алан, — вмешалась Лиз. Тэд взглянул на нее, удивленный ее резким и строгим тоном. — Мой муж говорит, что его псевдоним каким-то образом ожил. Могильный камень на снимке... помни-

те, что там написано? На том месте, где обычно пишут какие-то добрые слова или маленькое стихотворение, была фраза, которую Тэд сказал в разговоре с тем журналистом, который первым обнародовал эту историю. НЕ САМЫЙ ПРИЯТНЫЙ ТИП. Помните?

— Да, Лиз, но... — Алан смотрел на них обоих с выражением беспомощного изумления, словно вдруг осознал, что все это время разговаривал с сумасшедшими.

— Никаких «но», — оборвала его Лиз все тем же резким, почти жестким тоном. — У вас еще будет достаточно времени на все «но» и прочие возражения. И у вас, и у всех остальных. А сейчас просто выслушайте меня. Тэд не шутил, когда говорил, что Джордж Старк был не самым приятным типом. Может, он *думал*, что шутит, но он не шутил. Если он сам этого не понимал, то я понимала. Джордж Старк был не просто неприятным типом, на самом деле он был *ужасным*. С каждой новой из четырех его книг он пугал меня все больше и больше, и когда Тэд наконец решился его убить, я пошла наверх в спальню и разревелась от облегчения. — Она взглянула на Тэда, который смотрел на нее во все глаза. — Да, я редела. На самом деле. Мистер Клоусон из Вашингтона был омерзительным Выползнем, но он оказал нам услугу, может быть, самую большую услугу за всю нашу совместную жизнь, и только поэтому я ему благодарна, и мне жаль, что он умер.

— Лиз, вы же не можете всерьез утверждать...

— *Не надо* указывать мне, что я могу, а чего не могу!

Алан моргнул. Голос Лиз оставался приглушенным, чтобы не разбудить Уэнди и не потревожить Уильяма, который в последний раз вскинул головку, а потом лег на бочок и заснул рядом с сестрой. Алан почему-то не сомневался, что если бы не детишки, Лиз не стала бы сдерживать себя, и ее голос прозвучал бы громче. Возможно, даже во всю силу.

— Сейчас Тэд вам кое-что расскажет. Выслушайте его внимательно, Алан, и постарайтесь ему поверить. Потому что, если вы не поверите, этот человек — или что он такое — будет убивать, пока не дойдет до конца своего списка павших. А мне не хотелось бы, чтобы это случилось. По сугубо личным соображениям. Видите ли, мне кажется, что мы с Тэдом и наши дети тоже можем стоять в этом списке.

— Хорошо. — Голос Алана оставался спокойным, но мысли неслись в голове с бешеной скоростью. Он честно пытался отложить в сторону ярость, досаду и даже удивление, чтобы четко и ясно обдумать эту безумную идею. Не в смысле, правда это или выдумка — разумеется, это *не может быть* правдой, — а с точки зрения, для чего им понадобилось затевать такой разговор. Для того, чтобы скрыть свое воображаемое соучастие в убийствах? Или не воображаемое? Неужели они действительно в это *верят*? Невозможно представить, чтобы два образованных и разумных человека — во всяком случае, до сих пор они производили впечатление людей разумных — могли в это *верить*, но, как и в тот день, когда Алан пришел арестовывать Тэда по обвинению в убийстве Гомера Гамиша, от них не исходил этот едва уловимый, но легко узнаваемый и очевидный запах людей, говорящих неправду. *Сознательно* говорящих неправду, поправил он себя. — Говорите, Тэд. Я вас слушаю.

— Хорошо. — Тэд нервно прочистил горло и встал. Его рука потянулась к нагрудному карману, и он с удивлением понял, что тянется за сигаретами, которых там не было уже много лет. Он сунул руки в карманы и посмотрел на Алана Пэнгборна, как посмотрел бы на кого-то из своих студентов, обратившихся к нему за помощью или советом.

— Что-то странное здесь происходит. Нет... больше, чем странное. Что-то ужасное, необъяснимое. Но оно *происходит*. И я думаю, все началось, когда мне было одиннадцать лет.

2

Тэд рассказал обо всем: о головных болях в детстве, о пронзительном щебете и туманных видениях множества воробьев, возвещавших начало этих головных болей, о возвращении воробьев. Он показал Алану страницу рукописи с размашистой надписью «ВОРОБЬИ СНОВА ЛЕТАЮТ», сделанной карандашом поперек отпечатанных строчек. Он рассказал о вчерашнем помутнении сознания, приключившемся в университете, и о том, что он написал (настолько подробно, насколько смог вспомнить) на обратной стороне бланка заказа. Он честно признался, что уничтожил бланк, и попытался передать свой страх и замешательство, которые заставили его это сделать.

Алан слушал с невозмутимым лицом.

— К тому же, — закончил Тэд свой рассказ, — я *знаю*, что это Старк. Вот здесь. — Он сжал пальцы в кулак и легонько постучал себя по груди.

Алан долго молчал. Он принялся вертеть свое обручальное кольцо на безымянном пальце левой руки, и, казалось, это занятие поглотило его целиком.

— Вы похудели с тех пор, как женились, Алан, — тихо проговорила Лиз. — Если вы не подгоните это кольцо под размер, когда-нибудь вы его потеряете.

— Да, наверное. — Он поднял голову и посмотрел на нее. А когда заговорил, то обращался лишь к ней одной, словно Тэд вышел из комнаты, и они остались только вдвоем. — Ваш муж пригласил вас к себе в кабинет и показал это первое послание из мира духов уже после того, как я ушел... верно?

— Единственный «Мир духов», о котором я знаю, — это парфюмерный магазин примерно в миле отсюда, — спокойно проговорила Лиз. — Но да, он показал мне эту надпись уже после того, как вы ушли.

— *Сразу* после?

— Нет... мы уложили близнецов, а потом, когда сами стали готовиться ко сну, я спросила у Тэда, что он скрывает.

— В промежутке между тем, когда я ушел, и тем, когда он рассказал о своих помутнениях и чириканье воробьев, были периоды, когда вы не видели, что он делает? Когда он мог бы подняться наверх и написать эту фразу, которую я вам назвал?

— Я точно не помню, — сказала Лиз. — Мне *кажется*, мы были вместе все время, но я не могу сказать наверняка. Но даже если бы я сказала, что он постоянно находился рядом, это все равно было бы без толку, верно?

— Вы о чем, Лиз?

— О том, что тогда вы решили бы, что я тоже лгу, разве нет?

Алан тяжело вздохнул. Собственно, другого ответа им и не требовалось.

— Тэд говорит правду.

Алан кивнул.

— Я ценю вашу честность... но поскольку вы не можете ручаться, что он никуда не отлучался, мне нет нужды обвинять вас во лжи. И я этому рад. Вы признаете, что такая возможность не исключена, и я думаю, вы согласитесь, что альтернатива была бы дикой.

Тэд стоял, прислонившись к камину, и переводил взгляд с шерифа на жену и обратно, как зритель на теннисном матче. Шериф Пэнгборн не сказал ни единого слова, которого Тэд не предвидел бы, и он указывал на «дыры» в этой истории гораздо мягче, чем мог бы, но Тэд все равно был разочарован... горько разочарован, почти до боли. Его предчувствие, что Алан поверит — вопреки всякому здравому смыслу, просто интуитивно *поверит*, — оказалось такой же липой, как лекарство от всех болезней.

— Да, соглашусь, — сказала Лиз ровным голосом.

— А что касается приступа в университете... у нас нет свидетелей ни самого приступа, ни того, что Тэд, по его утверждению, написал. На самом деле он даже не рассказывал вам об этом случае, пока не позвонила миссис Каули, верно?

— Да. Не рассказывал.

— Поэтому... — Алан пожал плечами.

— Алан, можно задать вам вопрос?

— Конечно.

— Зачем Тэду лгать? Что ему это даст?

— Я не знаю, — чистосердечно ответил Алан. — Возможно, он сам не знает. — Он быстро взглянул на Тэда и опять повернулся к Лиз. — Возможно, он даже *не знает*, что лжет. Но скажу прямо: ни один полицейский не поверит в такую историю без убедительных доказательств. А их нет.

— Тэд говорит правду. Я понимаю, почему вы не верите, но я хочу, чтобы вы поверили в то, что он говорит правду. *Очень* хочу. Понимаете, я *жила* с Джорджем Старком. И я знаю, как Тэд стал к нему относиться со временем. Я скажу вам кое-что, чего не было в «Пипл». Тэд начал задумываться о том, чтобы избавиться от Старка, еще за две книги до последней...

— За три, — тихо проговорил Тэд со своего места у камина. Его желание закурить превратилось в навязчивую идею. — Я начал задумываться об этом после первой книги.

— Хорошо, за три. Журнальная статья представляет все так, будто это было недавнее решение, но это неправда. Я хочу, чтобы вы поняли. Если бы Фредерик Клоусон не потянул моего мужа за руку, думаю, Тэд до сих пор говорил бы, что надо от него избавиться. Но лишь говорил. Как алкоголик или наркоман говорит семье и друзьям, что он обязательно бросит... завтра... или послезавтра... или послепослезавтра.

— Нет, — произнес Тэд. — Не совсем так. В общем правильно, но неверно в деталях.

Он умолк, хмурясь и размышляя. Пытаясь *сосредоточиться*. Алан пусть и с неохотой, но отказался от мысли, что они врут или пытаются его одурачить по каким-то своим странным причинам. Они не тратили силы на то, чтобы убедить его или даже самих себя. Они просто рассказывали о том, что произошло... как это бывает, когда человек пытается описать давно случившуюся перестрелку.

— Послушайте, — сказал Тэд. — Давайте пока что оставим эти приступы, воробьев и пророческие видения, если это были видения. Если сочтете нужным, можете поговорить о физических симптомах с моим врачом Джорджем Хьюмом. Возможно, результаты обследования, которое я проходил вчера, покажут какую-то странность, но даже если нет, врач, который меня оперировал в детстве, может быть, еще жив и сможет вам рассказать о том случае. Возможно, он знает что-то такое, что прольет свет на весь этот бедлам. Я не помню, как его звали, но его имя наверняка есть в моей медицинской карте. А пока что-то не выяснится, давайте отгоним все это психическое дерьмо на запасной путь.

Алану было странно услышать такое от Тэда... если он *и вправду* подделал ту провидческую надпись и солгал насчет другой. Человек, свихнувшийся настолько, чтобы сделать что-то подобное — а потом напрочь забыть, что он это сделал, и искренне верить, что эти надписи были подлинной материализацией сверхъестественного, — не желал бы говорить ни о чем другом. Или нет? У Алана уже голова шла кругом.

— Ладно, — согласился он, — если это, как вы говорите, «психическое дерьмо» стоит на запасном пути, то что у нас на главной магистрали?

— Джордж Старк, — сказал Тэд и подумал: *На магистрали, ведущей в Эндсвилль, где заканчиваются все рельсы.* — Представьте, что у вас в доме поселился чужой человек. Кто-то, кого вы всегда немного побаивались, как Джим Хокинс всегда немного побаивался старого

морского волка в трактире «Адмирал Бенбоу». Вы читали «Остров сокровищ», Алан?

Алан кивнул.

— Значит, вы понимаете то чувство, которое я пытаюсь описать. Вы боитесь этого парня, он вам не нравится, но вы позволяете ему остаться. Хотя вы и не хозяин гостиницы, как в «Острове сокровищ», но вы, может быть, думаете, что он дальний родственник вашей жены или что-то подобное. Понимаете?

Алан кивнул.

— И вот в один прекрасный день этот мерзопакостный гость делает что-то такое... скажем, швыряет об стену засорившуюся солонку, и вы говорите жене: «И долго еще этот придурок, твой троюродный братец, будет у нас гостевать?» — а она смотрит на вас и говорит: «Мой троюродный братец? Я думала, это *твой* троюродный братец».

Алан не смог сдержать смех.

— И что, вы его выгоняете? — продолжал Тэд. — Нет. Во-первых, он уже какое-то время прожил в вашем доме, и как бы странно это ни звучало, но у него вроде как появились... какие-то права или что-то подобное. Но не это самое главное.

Слушая Тэда, Лиз то и дело кивала. У нее был взволнованный, благодарный взгляд человека, которому сказали то самое слово, что весь день вертелось у него на кончике языка.

— Самое главное, — сказала она, — что вы жутко его *боитесь*. Боитесь того, что он сможет сделать, если сказать ему напрямик, чтобы он убирался.

— Вот именно, — кивнул Тэд. — Вы хотите быть храбрыми и вытолкать его вшаей, и не только потому, что боитесь того, что он может быть опасен. Это уже вопрос самоуважения. Но... вы все время откладываете разговор. И находите сотню *причин*, чтобы его отложить. Типа на улице дождь, и ваш «гость» будет меньше беситься,

если вы выгоните его в солнечную погоду. Или, может быть, вам всем надо как следует выспаться. В общем, вы постоянно находите причину, чтобы отложить разговор на потом. Вы понимаете, что если эти причины кажутся убедительными вам самим, вы можете сохранить хотя бы *какое-то* самоуважение, а какое-то все-таки лучше, чем вообще никакого. И даже лучше, чем *все*, если «все» означает, что вас могут ранить или убить.

— И может быть, не только вас. — Лиз говорила спокойным, приятным голосом женщины, которая обсуждает с приятельницами в садоводческом клубе, когда лучше сажать кукурузу или как определить, что помидоры уже созрели, и их пора собирать. — Он был отвратительным и опасным, когда... жил с нами... и он отвратителен и опасен сейчас. Причем, если судить по тому, что случилось, он стал еще хуже, чем прежде. Он сумасшедший, конечно, но, с его точки зрения, все, что он делает, вполне разумно: выследить всех, кто сговорился его убить, и уничтожить их одного за другим.

— Вы закончили?

Она удивленно взглянула на Алана, словно его голос вырвал ее из глубокой задумчивости.

— Что?

— Я спросил, закончили вы или нет. Вы собирались мне все рассказать, и я хочу быть уверен, что вы выговорились до конца.

Ее спокойствие тут же сошло на нет. Она вздохнула и нервно провела рукой по волосам.

— Вы нам не верите, да? Ни единому слову.

— Лиз, — сказал Алан, — это же просто... бред. Простите, что употребил это слово, но, с учетом сложившихся обстоятельств, это еще мягко сказано. Скоро сюда придут другие полицейские. И, как я понимаю, ФБР — вполне вероятно, что его уже объявили в федеральный розыск, а значит, Бюро тоже подключится. Если вы им расскажете эту историю вкупе с помутнени-

ями сознания и призрачными записками, вы услышите много слов, не столь мягких. Если бы вы мне сказали, что всех этих людей убил призрак, я бы тоже вам не поверил. — Тэд открыл было рот, но Алан вскинул руку, не давая ему заговорить. — Но я бы скорее поверил в призрака, чем в то, что вы мне рассказали. Мы же сейчас говорим не о призраке, мы говорим о человеке, которого не существует вовсе.

— А как вы тогда объясните мое описание? — вдруг спросил Тэд. — Я назвал вам приметы Старка по своим собственным представлениям о том, как он выглядел... *выглядит*. Какие-то данные есть в автобиографическом листе в «Дарвин пресс». Но в основном это все у меня в голове. Не то чтобы я специально пытался представить себе этого человека, нарисовать его в воображении... Однако за все эти годы у меня в голове постепенно сложился образ, ну, вроде образа диджея на радио, которое вы слушаете каждый день по пути на работу. И если вы когда-нибудь встретите этого диджея в жизни, то скорее всего окажется, что созданный вами образ не имеет ничего общего с реальным человеком. Но образ Старка, похоже, был правильным. Как вы это объясните?

— Никак, — ответил Алан. — Я не знаю, как это объяснить. Если, конечно, вы мне не солгали о том, откуда взяли это описание.

— Вы сами знаете, что я не лгу.

— Не факт. — Алан поднялся, подошел к камину и беспокойно потыкал кочергой сложенные там дрова. — Не всякая ложь происходит из сознательного решения. Если человек убедил себя, что он говорит правду, он спокойно обманет даже детектор лжи. С Тэдом Банди так было.

— Да ладно вам! — рявкнул Тэд. — Что вы все силитесь нам возразить?! Опять начинается, как с отпечатками пальцев. Только на этот раз у меня нет никаких фактических доказательств. Кстати, а *как* насчет отпе-

чатков? Если подумать, они-то как раз подтверждают, что мы говорим правду. Или хотя бы наводят на мысль.

Алан резко обернулся. Он вдруг разозлился на Тэда... на них обоих. Ему казалось, что его медленно, но верно загоняют в угол, и ему это не нравилось. Это как если бы он оказался на собрании Общества плоской Земли и был там единственным человеком, который верит, что Земля круглая.

— Я не могу этого объяснить... пока не могу, — сказал он. — А между тем, может быть, вы мне скажете, откуда он взялся — тот, который *реальный*. Вы что, вроде как сами его родили однажды ночью, а, Тэд? Или он вылупился из чертова воробьиного яйца? Вы что, принимали его обличье, когда писали книги, выходявшие под его именем? Как все происходило?

— Я не знаю, откуда он взялся, — ответил Тэд устало. — Если бы я знал, я бы вам сразу сказал. Насколько я помню, я был собой, когда писал «Путь Машины», «Оксфордский блюз», «Акулий пирог» и «Дорогу в Вавилон». Я понятия не имею, как он сделался... отдельной личностью. Он мне казался вполне реальным, когда я писал за него, но только в том смысле, что для меня реально все, что я пишу, пока я это пишу. То есть я принимаю свою работу всерьез, но не верю, что в книгах все по-настоящему... хотя когда пишу, верю.

Он помедлил и смущенно хмыкнул.

— Я столько раз говорил о писательском мастерстве... сотни лекций, тысячи семинаров по литературному творчеству, и ни единого слова о том, как писатель справляется с двумя реальностями одновременно — в реальном мире и в мире книги, которую пишет. Я вообще как-то об этом не думал. А теперь понимаю... ну.. понимаю, что даже не знаю, как подступиться к этим размышлениям.

— Это не важно, — сказала Лиз. — Ему *не было необходимости* становиться отдельной личностью, пока Тэд не попытался его убить.

Алан повернулся к ней.

— Ладно, Лиз, вы лучше всех знаете Тэда. Когда он работал над этими криминальными романами, он превращался из мистера Бомонта в мистера Старка? Он вас бил? Угрожал людям на вечеринках опасной бритвой?

— Сарказм не поможет нашему разговору, — сказала она, глядя ему прямо в глаза.

Алан раздраженно вскинул руки, хотя сам толком не знал, на кого злиться: на Бомонтов, на себя или на всех вместе.

— Это не сарказм. Я просто пытаюсь применить небольшую словесную шокотерапию, чтобы вы оба поняли, как дико звучит ваш рассказ! *Вы говорите о чертовом псевдониме, который ожил и зажил собственной жизнью!* Если вы скажете ФБР хотя бы *половину* того, что сказали сейчас, они первым делом проверят, есть ли в штате Мэн закон о принудительном помещении пациентов в психиатрическую больницу!

— Ответом на ваш вопрос будет «нет», — сказала Лиз. — Он не бил меня и не размахивал опасной бритвой на вечеринках. Но когда он писал как Джордж Старк... и особенно когда писал об Алексисе Машине... Тэд был другим. Когда он... наверное, лучше всего сказать, когда он отворял дверь и впускал Старка, он становился каким-то далеким. Не холодным, не равнодушным, а просто далеким. Меньше интересовался, что происходит вокруг, не стремился куда-то ходить, общаться с людьми. Иногда он пропускал собрания на факультете, даже отменял занятия со студентами... хотя такое случалось редко. Он очень поздно ложился спать, а иногда перед тем, как заснуть, еще ворочался целый час. И спал беспокойно, все время дергался, что-то бормотал во сне, как будто ему снились кошмары. Я его спрашивала об этом, но он говорил, что у него болит голова и он очень устает, но даже если ему и снилось что-то плохое, он не мог вспомнить, что именно.

Не сказать чтобы он сильно менялся, но он был... другим. Одно время мой муж сильно пил, Алан. А потом бросил. Он не ходил на собрания Анонимных алкоголиков или что-нибудь в этом роде, но пить он бросил. Он уже много лет не брал в рот ни капли спиртного. За одним исключением. Закончив одну из книг Старка, он напился. Как будто дал волю чувствам и сказал себе: «Сукин сын снова убрался прочь. Хоть на время, но все-таки убрался. Джордж вернулся на свою ферму в Миссисипи. Ура!»

— Она все правильно поняла, — сказал Тэд. — «Ура!» Именно так я себя и чувствовал. Давайте еще раз посмотрим, что у нас есть, если не принимать во внимание мои отключки и автоматическое письмо. Человек, которого вы ищете, убивает тех, кого я знаю и кто, за исключением Гомера Гамиша, принимал участие в «упразднении» Джорджа Старка... в сговоре со мной, разумеется. У него точно такая же, как у меня, группа крови — не самая редкая, но все равно она встречается у шести человек из ста. Его внешность подходит под описание, которое я вам дал, причем это было мое собственное представление о том, как мог бы выглядеть Старк, если бы он существовал на самом деле. Он курит те же сигареты, которые курил я. И последнее, самое интересное: у нас с ним одинаковые отпечатки пальцев. Вторая группа крови с отрицательным резус-фактором встречается у шести человек из ста, но, насколько мы знаем, на свете не может быть двух людей с одинаковыми отпечатками пальцев. И тем не менее у него они точно такие же, как у меня. А теперь, несмотря на все это, вы не хотите даже задуматься над моим утверждением, что Старк каким-то образом ожил. Вот и скажите, шериф Алан Пэнгборн, у кого из нас, если можно так выразиться, затуманены мозги?

Алан почувствовал, что та почва, на которую он всегда опирался и которую полагал незыблемой твердью,

слегка покачнулась. Это *никак* невозможно, верно? Но... сегодня он обязательно побеседует с врачом Тэда и попробует заполучить его медицинскую карту. Он вдруг подумал, что было бы здорово, если бы обнаружилось, что у Тэда *не было* никакой опухоли в мозгу, и он либо солгал... либо ему все привиделось в галлюцинациях. Если сумеет доказать, что у этого человека есть психические отклонения, все стало бы проще. И как-то спокойнее. Может быть...

Может быть, *дерьмо собачье*. Никакого Джорджа Старка *нет* и никогда *не было*. Алан, конечно, не вундеркинд из ФБР, но это не значит, что он наивный простака, которому можно впарить *такое*. Возможно, этого психа поймают в Нью-Йорке, когда он придет за Каули. Да, скорее всего так и будет. Но если нет, этот урод вполне может решить провести летний отпуск в Мэне. И если он туда вернется, Алан собирался его пристрелить. Весь этот бред в стиле «Сумеречной зоны» вряд ли в этом поможет, и Алан не хотел больше тратить на него силы.

— Ладно, время покажет, — сказал он. — А пока что мой вам совет: давайте придерживаться той версии, которую мы выдвинули в прошлый раз. Этот парень *считает* себя Джорджем Старком, и он ненормален настолько, что начал с логичного места — в смысле, логичного для сумасшедшего, — с того места, где Старка официально похоронили.

— Если вы не разрешите себе хотя бы задуматься о том, что я вам сказал, вы окажетесь по уши в дерьме, Алан, — проговорил Тэд. — Этот парень... его нельзя урезонить, с ним нельзя договориться. Можно попробовать умолять его о пощаде — если он даст вам на это время, — но все равно это без толку. Если вы пойдете к нему и хоть на секунду ослабите бдительность, он сделает акулий пирог из *вас*.

— Я свяжусь с вашим врачом, — сказал Алан, — и тем хирургом, который оперировал вас в детстве. Не

знаю, что это даст и как оно может помочь в данном случае, но я это сделаю. А в остальном, думаю, мне придется рискнуть.

Тэд невесело улыбнулся.

— С моей точки зрения, тут есть одна небольшая проблема. Мы с женой и детьми будем рисковать вместе с вами.

3

Спустя пятнадцать минут аккуратный бело-синий фургончик зарулил на подъездную дорожку у дома Тэда и встал за машиной Алана. Он был похож на микроавтобус с телефонной станции, каковым и оказался, несмотря на надпись «полиция штата Мэн», выведенную на боку скромными строчными буквами.

Двое техников подошли к двери, представились, извинились за опоздание (причем извиняться было совершенно не за что, поскольку Тэд с Лиз даже не знали, что эти ребята должны приехать) и попросили Тэда подписать бумагу, которую один из них протянул ему на планшете с зажимом. Тэд быстро просмотрел, что там написано. Это был документ, разрешающий поставить на его телефон записывающее и отслеживающее оборудование, но не дающий всеобъемлющее разрешение использовать записи разговоров в суде.

Тэд расписался, Алан Пэнгборн и один из техников (Тэд поразился, заметив, что с одной стороны к его поясу пристегнут телефонный тестер, а с другой — револьвер 45-го калибра) засвидетельствовали его подпись.

— А это отслеживающее оборудование... оно правда действует? — спросил Тэд несколько минут спустя, когда Алан уехал в полицейское управление в Ороно. Тэду хотелось хоть что-то сказать; после того как он подписал бумагу, техники не проронили ни слова.

— Да, — ответил один из них. Он взял аппарат из гостиной и сейчас быстро раскручивал пластиковый кор-

пус телефонной трубки. — Мы можем отследить звонок до того конца линии в любой точке мира. Современная аппаратура не похожа на старые определители, какие показывают в кино, когда надо было держать звонящего на линии до тех пор, пока не отследишь звонок. Теперь, пока никто не повесит трубку на этом конце... — он помахал развороченной трубкой, похожей на андроида, попавшего под обстрел лучевой пушки в научно-фантастическом фильме, — мы можем отследить, откуда звонили. И чаще всего это оказывается общественный телефон-автомат в каком-нибудь торговом центре.

— Это точно, — подтвердил его напарник, который возился с телефонным разъемом, отсоединив его от розетки. — У вас есть аппарат наверху?

— Даже два, — сказал Тэд. У него было чувство, что его грубо толкают в кроличью нору вслед за Алисой в Стране чудес. — Один у меня в кабинете, второй — в спальне.

— Они на разных линиях?

— Нет, у нас всего одна линия. Где вы поставите магнитофон?

— Наверное, в подвале, — рассеянно проговорил первый техник. Он подключал телефонные провода к прозрачному пластиковому блоку, ошетилившемуся пружинными разъемами, и в его голосе явно слышалось: не-могли-бы-вы-позволить-нам-спокойно-заняться-делом.

Тэд обнял Лиз за талию и повел прочь из комнаты, размышляя над тем, сможет ли хоть *кто-то* понять, что никакие магнитофоны и даже самые современные, сделанные по последнему слову техники пластиковые блоки не остановят Джорджа Старка, когда тот приедет сюда. Может быть, он уже едет.

И если никто не поверит Тэду, то что, черт возьми, тогда делать? Как ему защитить свою семью? *Есть ли* какой-нибудь способ? Он все думал и думал, но ника-

ких дельных мыслей в голову не приходило, и тогда он просто прислушался к себе. Иногда — не каждый раз, но иногда — нужный ответ появлялся только таким образом.

Но только не сегодня. Он вдруг с изумлением понял, что ему жутко хочется секса. Он уже собрался затащить Лиз наверх, в спальню — но потом вспомнил, что техники из полиции очень скоро поднимутся туда, чтобы проделать какие-то загадочные операции с его старомодными телефонными аппаратами.

Даже в постель завалиться нельзя, подумал он. И что же нам делать?

Ответ простой: ждать. Ничего другого им не оставалось.

И им не пришлось долго ждать очередной страшной новости: Старк все-таки добрался до Рика Каули — заминировал дверь в квартиру после того, как расправился с двумя техниками, которые проделывали с телефоном Рика то же самое, что те двое проделывают сейчас с телефоном Бомонтов. Когда Рик повернул ключ в замке, дверь взорвалась.

Плохую новость привез Алан. Не успел он проехать и трех миль по дороге в Ороно, как по рации сообщили о взрыве. Алан немедленно повернул назад.

— Вы говорили, что Рик в безопасности, — сказала Лиз тусклым голосом. Ее глаза тоже вмиг потускнели, и даже волосы как будто утратили блеск. — Вы практически гарантировали, что с ним ничего не случится.

— Я ошибся. Мне очень жаль.

Алан был потрясен не меньше Лиз Бомонт, просто очень старался этого не показывать. Он покосился на Тэда, который смотрел на него остановившимся взглядом. В уголках губ Тэда притаилась невеселая улыбка.

Он знает, о чем я думаю. Возможно, это было не так, но по всем ощущениям Алана, все было именно так. Ну... может, он знает не ВСЕ мои мысли, но какую-то часть —

точно. Может быть, очень немалую часть. Может быть, у меня все на лице написано, но не думаю, что дело в этом. Думаю, дело в нем самом. Он слишком много видит.

— Вы сделали предположение, оказавшееся неверным, вот и все, — сказал Тэд. — Такое может случиться с каждым. Может быть, все-таки стоит задуматься о Джордже Старке? Как вы считаете, Алан?

— Я считаю, что, возможно, вы правы. — Алан убеждал себя, что сказал это только затем, чтобы успокоить Бомонтов. Но лицо Джорджа Старка, еще неясное, известное только по описанию, данному Тэдом, уже начало выглядывать у него из-за плеча. Он пока что не видел его, но чувствовал его присутствие.

— Я хочу поговорить с этим доктором Хьюго...

— Хьюмом, — поправил Тэд. — Джорджем Хьюмом.

— Да, спасибо. Я собираюсь с ним поговорить, так что я буду поблизости. Если ФБР *все-таки* появится, вы хотите, чтобы я тоже приехал?

— Не знаю, как Тэд, но я очень хочу, — сказала Лиз. Тэд кивнул.

— Мне очень жаль, что все так получилось, — сказал Алан. — Но больше всего мне жаль, что я обещал вам, что все будет в порядке, а оно вот как вышло...

— В такой ситуации очень легко ошибиться и недооценить, — ответил Тэд. — Я сказал вам правду.. по крайней мере как я ее понимаю... по одной простой причине. Если это *действительно* Старк, думаю, его еще очень многие недооценят, пока все не закончится.

Алан перевел взгляд с Тэда на Лиз и снова на Тэда. После длинной паузы, когда не было слышно ни звука, кроме приглушенных голосов двух полицейских охранников, стоявших за дверью на переднем крыльце (еще двое стояли у задней двери), Алан спросил:

— А ведь вы оба и впрямь в это верите, да?

Тэд кивнул:

— Я лично верю.

— А я нет, — возразила Лиз, и они оба удивленно уставились на нее. — Я не верю. Я *знаю*.

Алан вздохнул и засунул руки в карманы.

— У меня еще только один вопрос, — сказал он. — Если все так, как вы говорите... я в это не верю, не способен поверить, как вы, наверное, скажете... но если все так, то какого дьявола ему нужно? Чего он хочет? Просто отомстить?

— Вовсе нет, — ответил Тэд. — Он хочет того же, чего хотели бы на его месте и вы, и я сам. Он больше не хочет быть мертвым. Вот и все. Не быть мертвым. Я — единственный, кто может это осуществить. А если я не смогу или не захочу... ну... по крайней мере он позаботится о том, чтобы в смерти ему было не одиноко.

Глава 16

ЗВОНКИ ДЖОРДЖА СТАРКА

1

Алан уехал беседовать с доктором Хьюмом, и агенты ФБР уже завершали допрос — если так можно назвать столь утомительное и бестолковое действие, — когда позвонил Джордж Старк. Звонок раздался меньше чем через пять минут после того, как полицейские техники (они называли себя просто связистами) наконец объявили, что все установлено и все работает.

Еще раньше они с отвращением, но явно без всякого удивления обнаружили, что в ультрасовременных корпусах телефонных аппаратов Бомонтов находится допотопная система дискового набора.

— Глазам не верю, — сказал связист по имени Уэс (тоном, явно указывавшим на то, что от этой заштатной глубинки он и не ожидал ничего другого).

Второй связист, Дейв, потащился в фургон — подбирать подходящие адаптеры и прочую аппаратуру, ко-

торая может понадобиться для подключения телефонов Бомонтов к чудесам техники на службе правоохранительных органов в конце двадцатого века. Уэс закатил глаза и посмотрел на Тэда так, словно тот должен был сразу предупредить, что в смысле телефонии до сих пор живет в каменном веке.

Ни тот ни другой техник в упор не видели сотрудников ФБР, прилетевших в Бангор из бостонского отделения и героически проехавших на машине сквозь кишачьи медведями и волками дикие земли, лежащие между Бангором и Ладлоу. Фэбээровцы словно существовали в каком-то ином световом спектре, различимом для глаза полицейских штата не больше, чем инфракрасное или рентгеновское излучение.

— В городе все телефоны такие, — робко заметил Тэд. У него начиналась изжога. Обычно, когда его мучила изжога, он становился брюзгливым и невыносимым в общении. Но сегодня он себя чувствовал просто усталым, беззащитным и очень грустным.

Его мысли вновь и вновь возвращались к отцу Рика, который жил в Тусоне, и родителям Мириам, которые жили в Сан-Луис-Обиспо. О чем сейчас думает старший мистер Каули? О чем думают Пеннингтоны? Как эти люди, которых Тэд знал понаслышке, но ни разу не видел лично, будут справляться с навалившимся на них горем? Как человек может справляться не просто со смертью собственного ребенка, а с трагической гибелью своих *взрослых* детей? Как можно справиться с фактом убийства, таким простым и нелепым?

Тэд понял, что думает о живых, а не о мертвых по одной простой, мрачной причине: он чувствовал себя виноватым *во всем*. А как же иначе? Если это не он виноват в появлении Джорджа Старка, то тогда кто? Бобкэт Голдтуэйт? Александр Хейг? И даже тот факт, что у них в городе до сих пор действует устаревшая система дискового телефонного набора, из-за чего полицейским

пришлось изрядно повозиться, чтобы подключить к его телефону необходимое оборудование, усугублял это чувство вины.

— Думаю, это все, мистер Бомонт, — сказал один из фэбээровцев по имени Мэлон. Он просматривал свои записи, ясно не замечая Уэса и Дейва, точно так же, как связисты не замечали его самого. Теперь он закрыл свой переплетенный в кожу блокнот с серебряными инициалами владельца, скромно оттиснутыми на обложке в левом нижнем углу. Мэлон был одет в строгий серый костюм, а пробор у него в волосах был идеально ровным, словно его провели по линейке. — У тебя есть еще что-нибудь, Билл?

Билл, он же агент Преббл, закрыл свой блокнот — тоже в кожаном переплете, но *без* инициалов — и покачал головой.

— Нет. У меня тоже все. — Агент Преббл носил консервативный коричневый костюм. Его пробор тоже был идеально ровным, и тоже слева. — Возможно, в ходе расследования у нас возникнут еще вопросы, но на данный момент у нас есть все, что нужно. Благодарим вас обоих за сотрудничество. — Он широко улыбнулся Бомонтам, продемонстрировав либо дорогие коронки, либо свои собственные зубы, которые были настолько безупречны, что становилось слегка жутковато. Тэд подумал: *Если бы нам было пять лет, он бы наверняка выдал нам грамоты «СЕГОДНЯ БЫЛ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ!», чтобы мы показали их мамочке.*

— Всегда рады помочь, — рассеянно проговорила Лиз. Она терла пальцами левый висок, словно у нее сильно болит голова.

Может, и вправду болит, подумал Тэд.

Он взглянул на часы на каминной полке. Всего лишь половина третьего. Кажется, это был самый долгий день в его жизни. Тэд не любил делать поспешных выводов, но у него было стойкое подозрение, что так и есть.

Лиз поднялась.

— Я, пожалуй, пойду прилягу. Что-то мне нехорошо.

— Удачная... — «мысль», хотел сказать Тэд, но тут зазвонил телефон.

Все, кто был в комнате, уставились на аппарат. Тэд почувствовал, как кровь застучала в висках. Новый приступ изжоги, едкой и жгучей, поднялся в груди и словно разлился по горлу.

— Отлично, — проговорил Уэс с довольным видом. — Теперь не нужно никого куда посылать, чтобы сделать контрольный звонок.

Тэд вдруг почувствовал себя так, словно его поместили в пузырь с ледяным воздухом. Этот пузырь двигался вместе с ним, когда он подошел к телефону, рядом с которым теперь стоял агрегат, похожий на кирпич из оргстекла с лампочками на корпусе. Одна из лампочек мигала синхронно с телефонным звонком.

Где птицы? Я должен сейчас слышать птиц. Но птицы молчали. Тишину нарушали только требовательные трели звонившего телефона.

Уэс стоял на коленях перед камином и убирал инструменты в объемистый черный саквояж с огромными хромированными застежками, похожий на монументальную корзину для пикника. Дейв стоял в дверном проеме между гостиной и столовой. Чуть раньше он спросил Лиз, можно ли взять банан из вазы с фруктами на столе, и теперь задумчиво чистил его, периодически прерываясь, чтобы взглянуть на результаты своей работы критическим глазом художника в муках творчества.

— Давай тестер, — сказал он Уэсу. — Пока мы здесь, сразу посмотрим, не надо ли что-то подправить на линии. Чтобы потом не пришлось возвращаться.

— Хорошая мысль. — Уэс достал из саквояжа какую-то штуку с рукояткой, как у пистолета.

Вид у обоих был выжидательный, но исключительно с технической точки зрения. Агенты Мэлон и Преббл

уже поднялись с кресел и теперь убирали блокноты в карманы, расправляли стрелки на брюках и, в общем и целом, подтверждали первое впечатление Тэда: эти двое походили скорее на налоговых консультантов, а не на вооруженных сотрудников ФБР. Мэлон и Преббл как будто и вовсе не слышали звонков.

Но Лиз знала. Она прекратила тереть висок и смотрела на Тэда широко распахнутыми, затравленными глазами загнанного в угол зверя. Преббл благодарил ее за кофе и печенье, которым она их угощала, кажется, даже не замечая, что она ему не отвечает. Как не замечал телефонных звонков.

Тэду хотелось воскликнуть: *Люди, что с вами?! За каким тогда чертом вы тут понаставили все эти штуки?*

Но это было бы несправедливо. Чтобы человек, который им нужен, позвонил Бомонтам сразу после того, как у них установили записывающую и отслеживающую аппаратуру, буквально через пять минут после того, как ее установили... это было бы *слишком* удачное совпадение. Именно так бы они и сказали, если бы кто-то дал себе труд их спросить. Они бы сказали, что так не бывает в прекрасном мире закона и правопорядка в конце двадцатого века. Это звонит ваш собрат по перу, хочет поговорить с вами, Тэд, на предмет новых идей для сюжета. Или, может, соседка звонит, чтобы попросить у вашей супруги взаймы стакан сахара. Но чтобы это звонил тот псих, вообразивший себя вашим *alter ego*? Ни в жизнь, Хосе. Слишком быстро, слишком удачно.

Но это был *Старк*. Тэд его чуял. И, глядя на Лиз, понимал, что она тоже чувствует. Теперь Уэс смотрел на него с явным недоумением, не понимая, почему Тэд не берет трубку.

Не волнуйся, подумал Тэд. Не волнуйся, он подождет. Он знает, что мы дома.

— Ну ладно. Позвольте откланяться, миссис Бомо... — начал было Преббл, но Лиз его перебила.

— Думаю, вам лучше подождать, — сказала она спокойным, но полным боли голосом.

Тэд взял трубку и заорал:

— Чего тебе надо, сукин сын? Чего тебе, мудаку, НАДО?

Уэс подпрыгнул на месте. Дейв, который как раз собирался откусить банан, застыл с раскрытым ртом. Головы федеральных агентов резко повернулись. Тэд отчаянно пожалел, что Алан Пэнгборн сейчас не здесь, а в Ороно, у доктора Хьюма. Алан тоже не верил в Старка — по крайней мере пока не верил, — но Алан хотя бы был *человеком*. Эти тоже могли быть людьми, но Тэд всерьез сомневался, что они считают людьми его с Лиз.

— Это он, это он! — сказала Лиз Преббл.

— О Боже, — пробормотал Преббл, обменявшись растерянным взглядом с другим бесстрашным стражем закона: *И что нам теперь, мать твою, делать?*

Тэд все это видел и слышал, но был как бы отдельно от всего происходившего в комнате. Отдельно даже от Лиз. Сейчас они были вдвоем, он сам и Старк. Снова вместе впервые в жизни, как говорили конференсье в старых варьете.

— Успокойся, Тэд, — сказал Джордж Старк, явно позабавленный. — Вовсе незачем так орать.

Голос был именно таким, какого Тэд и ожидал. В точности. Вплоть до едва уловимого южного выговора, превращавшего «незачем» в почти, но все-таки не совсем «несчем».

Двое связистов быстро переговорили друг с другом вполголоса, и Дейв помчался к фургону за вспомогательным аппаратом. Он так и держал в руке свой банан. Уэс рванул к лестнице в подвал, чтобы проверить магнитофон, включавшийся от звука голоса.

Бесстрашные стражи закона из ФБР стояли посреди гостиной и тарасились друг на друга. У них был такой

вид, словно они сейчас бросятся обниматься и утешать друг друга, как дети, заблудившиеся в лесу.

— Чего тебе надо? — повторил Тэд уже тише.

— Да просто хотел сообщить, что я с ними закончил, — сказал Старк. — Сегодня днем разобрался с последней... с той девчонкой, работавшей секретаршей главбуха в «Дарвин пресс».

Почти, но не совсем «Дарфин прэсс».

— Ну, которая первой слила Клоусону информацию, — продолжал Старк. — Копы скоро ее найдут; она жила на Второй авеню. Часть ее на полу, а все остальное я положил на стол в кухне. — Он рассмеялся. — Хлопотливая вышла неделька, Тэд. Пришлось попрыгать, как одноногому на конкурсе, кто кому лучше отвесит пендалей. Решил вот позвонить, сообщить. Чтобы тебе было спокойнее.

— Как-то мне не особенно спокойно, — сказал Тэд.

— Ничего, успокойсь. Дай только время, дружже; дай только время. А я вот думаю съездить на юг, поудить рыбку. Как-то я устаю от городской жизни. — Он рассмеялся с таким жутким весельем, что от этого смеха у Тэда по спине побежали мурашки.

Он лгал.

Тэд знал это наверняка. Как знал, что Старк дождался, когда на телефон установят отслеживающее оборудование, и только потом позвонил. Мог ли Старк это знать? Ответ: да. Пусть даже Старк сейчас где-то в Нью-Йорке, но они оба связаны той же невидимой, но крепкой нитью, какая связывает близнецов. В каком-то смысле они и были близнецами, двумя половинами единого целого, и Тэд с ужасом осознал, что отделяется от своего тела и мчится по телефонному проводу, не до самого Нью-Йорка, нет, но до середины пути; встречается с этим чудовищем посередине этой пуповины, возможно, где-то в западном Массачусетсе, где они снова сливаются воедино, как это происходило раньше, каждый

раз, когда Тэд закрывал свою пишущую машинку и брал в руку один из этих проклятых бероловских карандашей «Черный красавец».

— Лживый ублюдок! — закричал он в трубку.

Агенты ФБР подскочили на месте, словно их ущипнули.

— Ты чего такой грубый, Тэд? — спросил Старк обиженным голосом. — Может, ты думал, что я собирался угробить *тебя*? Черт, нет, конечно! Я за тебя *мстил*, малыш! Я знал, что придется все делать самому. Я знаю, какая ты мокрая курица, но я на тебя не в обиде; всякой твари есть место под солнцем. За каким чертом мне мстить *тебе*, если я, наоборот, для тебя же стараюсь?

Тэд поднес руку ко лбу и принялся растирать маленький белый шрам с такой силой, что покраснела кожа. Он поймал себя на том, что старается — *очень* старается — удержаться в себе. В своей собственной, настоящей реальности.

Он лжет, и я знаю почему, и он ЗНАЕТ, что я это знаю, и еще он знает, что это не важно, потому что мне никто не поверит. Он знает, как странно все это смотрится для остальных, он знает, что они слушают, знает, что они думают... но он еще знает, КАК они думают, и поэтому он в безопасности. Все считают его психопатом, ВОЗОМНИВШИМ себя Джорджем Старком, потому что НЕ МОГУТ считать иначе. Считать иначе — значит идти наперекор всему, чему их учили, всему, что они СОБОЙ ПРЕДСТАВЛЯЮТ. И никакие отпечатки пальцев этого не изменят. Он знает, что если даст им понять, что он никакой не Джордж Старк, что он наконец это понял, они расслабятся. Полицейскую охрану не уберут прямо сразу... но он может ускорить процесс...

— Ты знаешь, чья это была идея. Насчет того, чтобы тебя похоронить. Это я все придумал.

— Нет, нет! — с жаром возразил Старк. — Тебя просто ввели в заблуждение, вот и все. Этот ушлепок Кло-

усон загнал тебя в угол... да, так все и было. А потом, когда ты позвонил этой дрессированной мартышке, называвшей себя литагентом, он дал тебе очень скверный совет. Тэд, это как если бы кто-то сделал большую кучу на твоём обеденном столе, и ты позвонил бы кому-то, кому доверяешь, и спросил бы, что делать, а этот кто-то ответил бы: «Да какие проблемы?! Полей это дело мясной подливкой. Говно с подливкой — как раз то, что нужно в холодный вечер». Ты сам никогда бы такого не сделал. Я это знаю, дружище.

— *Врешь. И сам знаешь, что врешь!*

И Тэд вдруг понял, каким блестящим был план и как хорошо Старк разбирается в людях, с которыми имеет дело. И сейчас он скажет... *Сейчас он скажет, что он не Джордж Старк. И они ему поверят. Они прослушают запись на магнитофоне, который сейчас крутит пленку в подвале, и поверят тому, что услышат. Алан и все остальные. Потому что они не просто ХОТЯТ в это верить, они УЖЕ в это верят.*

— Ничего я такого не знаю, — сказал Старк спокойно, почти по-дружески. — Я больше не буду тебя беспокоить, Тэд, но позволь дать тебе один совет, пока я еще тут. Возможно, оно тебе будет полезно. Уж ты-то не думай, что я Джордж Старк. Тут я крепко ошибся. Пришлось убить хренову тучу людей, пока у меня мозги не встали на место.

Тэд слушал все это, словно громом пораженный. Он должен был что-то ответить, но не мог избавиться от жуткого ощущения разъединения с собственным телом и своего изумления потрясающей наглостью этого человека.

Ему вспомнился безрезультатный разговор с Аланом Пэнгборном, и он снова задумался о том, кем был, когда выдумывал Старка, который начинался просто как еще один вымышленный персонаж. Где проходит граница веры, черта между вымыслом и реальностью? Создал

ли он это чудовище тем, что случайно переступил черту или вовсе ее не заметил, или же были другие причины, некий неожиданный фактор, которого Тэд не видел, а только слышал в щебете тех фантомных птиц?

— Не знаю, — продолжал Старк с беспечным смешком, — может быть, я *и вправду* псих ненормальный, как мне говорили в лечебнице.

Отлично, просто отлично! Сейчас они бросятся проверять все психбольницы на Юге, не лечился ли где высокий широкоплечий блондин. Всех это не отвлечет, но для начала сгодится, разве нет?

Тэд еще крепче сжал телефонную трубку, глухая ярость стучала в висках.

— Но я ни капельки не жалею о том, что сделал, потому что мне *нравились* эти книги, Тэд. Когда я был... там... в психушке... если бы не они, я бы точно сошел с ума. И знаешь что? Мне уже лучше, намного лучше. Я точно знаю, кто я, а это уже кое-что. Наверное, то, что я сделал, можно назвать терапией, но вряд ли за нею будущее, как по-твоему?

— *Хватит врать, черт возьми!* — закричал Тэд.

— *Мы могли бы обсудить этот вопрос,* — сказал Старк. — Долго и обстоятельно. Как я понимаю, тебе было велено держать меня на линии как можно дольше, да?

Нет, им не нужно держать тебя на линии. И это тебе тоже известно.

— Передай мой сердечный привет своей очаровательной супруге. — Теперь голос Старка звучал чуть ли не трепетно. — Береги малышей. И сам не волнуйся, Тэд. Я больше не буду тебя беспокоить. Просто...

— А как насчет птиц? — вдруг спросил Тэд. — Ты слышишь птиц, Джордж?

Внезапно на том конце линии воцарилось молчание. В этом молчании Тэду почудилось удивление... как будто впервые за весь разговор что-то пошло не так, как

было задумано по тщательно подготовленному сценарию Джорджа Старка. Тэд не знал, почему ему так показалось, но его нервные окончания, кажется, обладали неким таинственным знанием, недоступным всему остальному организму. На мгновение его накрыло волной необузданного триумфа — того триумфа, который чувствует боксер-любитель, прорвавшийся сквозь защиту Майка Тайсона и нанеший чемпиону удар, от которого тот покачнулся.

— Джордж... ты слышишь птиц?

Тишину нарушало только тиканье часов на каминной полке. Лиз и агенты ФБР смотрели на Тэда во все глаза.

— Не понимаю, о чем ты, дружище, — медленно проговорил Старк. — Может, ты...

— Нет, — сказал Тэд и дико расхохотался, продолжая растирать пальцами маленький белый шрам на лбу. Шрам, немного похожий на вопросительный знак. — Нет, ты *не знаешь*, о чем я, да? Так что послушай *меня*, Джордж. Я слышу птиц. Я еще не знаю, что это значит... но я узнаю. И когда я узнаю...

Но тут ему пришлось остановиться. Что будет, когда он узнает? Этого он не знал.

Голос в трубе произнес очень медленно, с нажимом и расстановкой:

— О чем бы ты ни говорил, это уже не важно, Тэд. *Потому что все кончилось.*

Раздался щелчок. Старк отключился. Тэд почти *почувствовал* рывок, когда его вернуло обратно из глубин телефонной линии, из того мифического места встречи в западном Массачусетсе, вернуло мгновенно, не со скоростью звука или света, а со скоростью мысли — вернуло обратно в тело, совершенно ошеломленного.

Господи.

Он выронил трубку, и она криво упала на рычаг. Он развернулся на не гнущихся, как ходули, ногах, даже не поправив трубку.

Дейв и Уэс влетели в комнату одновременно, с разных сторон.

— Все работает! — заорал Уэс. Фэбээровцы снова подпрыгнули на месте. Мэлон тихонечко взвизгнул — *И-и!* — как такой звук обычно обозначается в комиксах, когда нужно изобразить визг женщины, увидевшей мышь. Тэд попытался представить этих двоих в схватке с бандой террористов или вооруженных грабителей банков — и не сумел. Возможно, он просто устал.

Двое связистов изобразили неуклюжую пляску, хлопая друг друга по спине, после чего дружно рванули к фургончику с оборудованием.

— Это был он, — сказал Тэд Лиз. — Он говорит, что он — это не он. Но это *он*.

Она подошла к нему и крепко обняла, что ему и было нужно — он сам не знал, как сильно ему это нужно, пока она не прижала его к себе.

— Я знаю, — шепнула она ему на ухо; он зарылся лицом ей в волосы и закрыл глаза.

2

Крики разбудили близнецов; они оба надрывно плакали наверху. Лиз отправилась их успокаивать. Тэд пошел было следом, но вернулся к телефону, чтобы поправить трубку. Телефон сразу же зазвонил. Это был Алан Пэнгборн. Перед встречей с доктором Хьюмом он заехал в полицейское управление Оронто выпить чашечку кофе и был там, когда связист Дейв сообщил по рации о звонке и предварительных результатах отслеживания. Судя по голосу, Алан был очень доволен.

— Мы еще не отследили его до конца, но точно знаем, что это Нью-Йорк, код двести двенадцать, — сказал он. — Еще пять минут, и мы будем знать точно.

— Это был он, — повторил Тэд. — Старк. Он сказал, что он — это не он. Но это он. Нужно проверить ту де-

вушку, о которой он говорил. Кажется, ее зовут Дарла Гейтс.

— Это которая сопливая стелька из Вассара?

— Да, — сказал Тэд. Хотя он сомневался, что теперь Дарлу Гейтс беспокоит непроходящий насморк. Ее уже ничто не беспокоит. Он вдруг почувствовал невероятную усталость.

— Я передам имя нью-йоркской полиции. Как вы сами, Тэд?

— Я в порядке.

— Лиз?

— Сейчас не время для этих любезностей. Вы слышали, что я сказал? Это был *он*. Что бы он ни говорил, это *он*.

— Ну... давайте пока подождем и посмотрим, откуда звонили.

Теперь в его голосе слышалось что-то такое, чего не было раньше. Не то осторожное недоверие, которое он проявлял, когда понял, что Бомонты говорят о Джордже Старке как о реальном человеке, а настоящее замешательство. Тэд бы с радостью этого не заметил, но оно было уж слишком явным. В голосе шерифа явственно слышалось смущение, причем совершенно особого свойства — которое испытываешь за кого-то, кто совершенно выбит из колеи, или глуп, или, может быть, абсолютно лишен чувствительности, чтобы смутиться самому. Мысль показалась Тэду забавной, но отнюдь не веселой.

— Хорошо, подождем и посмотрим, — согласился он. — А пока будем ждать и смотреть, я надеюсь, вы все-таки поговорите с моим врачом.

Пэнгборн что-то ему говорил, но Тэд не слушал. Ему вдруг стало все равно. Кислота вновь вскипела в желудке, и на этот раз — как извержение вулкана. *Хитрый лис Джордж*, подумал он. *Они считают, что видят его насквозь. Он хочет, чтобы они так считали. Он наблюдает за тем, как они видят его насквозь, а когда они уберутся*

прочь, подальше отсюда, хитрый лис Джордж придет на своем черном «торонадо». И что мне делать, чтобы его остановить?

Он не знал.

Он положил трубку, даже не дождавшись, пока Алан Пэнгборн договорит, и пошел наверх — помогать Лиз переодевать близнецов после сна.

Он все думал о том, на что это было похоже, когда ты чувствуешь, что тебя вырывает из тела и уносит по телефонным проводам куда-то в западный Массачусетс, где ты заперт во тьме под землей вместе с хитрым лисом Джорджем Старком. Это было похоже на Эндсвиль.

3

Десять минут спустя телефон зазвонил снова. На втором звонке трель оборвалась, и связист Уэс позвал Тэда к телефону. Тэд спустился вниз.

— А где фэбээровцы? — спросил он Уэса.

Он почти ждал, что тот ответит: *Какие еще фэбээровцы? Не было здесь никаких фэбээровцев.*

— Эти? Ушли. — Уэс нарочито пожал плечами, словно хотел спросить Тэда, а чего тот еще ожидал. — У них же все эти компьютеры, и если с ними никто не возится, то другие, наверное, удивляются, чего вдруг машина стоит без дела, и им потом могут бюджет сократить или что-то такое.

— Они вообще что-то делают?

— Нет, — просто ответил Уэс. — Не в таких случаях. А если и делают, то меня рядом нет. Они все записывают, это да. А потом вводят данные в свой компьютер. Как я уже говорил.

— Ясно.

Уэс посмотрел на часы.

— Мы с Дейвом тоже поедem. Аппаратура работает сама по себе. Вам даже счет не пришлют.

— Это радует, — сказал Тэд, подходя к телефону. — Спасибо.

— Да не за что. Мистер Бомонт?

Тэд обернулся.

— Если я соберусь почитать ваши книги, с каких лучше начать? С тех, что вы написали под своими именем или под тем, другим?

— Под другим, — сказал Тэд и взял трубку. — Там больше действия.

Уэс кивнул, быстро отсалютовал и вышел.

— Алло? — произнес Тэд в трубку. У него было такое чувство, что ему надо бы трансплантировать трубку прямо в голову. Для экономии времени и усилий. Разумеется, вместе с записывающим и отслеживающим оборудованием. Его можно таскать в рюкзаке.

— Тэд, привет. Это Алан. Я все еще в управлении. Слушайте, новости неутешительные. Насчет звонка. Ваш приятель звонил из телефонной будки на Пенсильванском вокзале.

Тэд вспомнил, что говорил второй связист, Дейв. О том, что вот устанавливаешь дорожное, все из себя современное оборудование, но лишь затем, чтобы отслеживать звонки до платных телефонов-автоматов в торговых центрах.

— Вы удивлены?

— Нет. Разочарован, да. Но не удивлен. Мы надеемся, что он на чем-то проколется, и хотите — верьте, хотите — нет, обычно так и случается, рано или поздно. Я собирался к вам заехать сегодня вечером. Можно?

— Да, конечно. Почему нет? Если будет скучно, сыграем в бридж.

— Мы надеемся получить к вечеру распечатанные образцы голоса.

— Ну, будет у вас образец его голоса, и что дальше?

— Не образец. *Образцы.*

— Не понимаю...

— Образец голоса — это сгенерированный компьютером график, точно отображающий голосовые характеристики человека, — сказал Пэнгборн. — Это никак не связано с *речью* — нас не интересуют акценты, заикания, произношение и тому подобное. Компьютер анализирует высоту и тональность — то, что специалисты называют головным голосом, — а также тембр и резонанс, называемые грудным или нутряным голосом. Это как голосовые отпечатки пальцев, и, как с отпечатками пальцев, двух полностью одинаковых голосов не существует. Мне говорили, что разница в образцах голоса у одноййцевых близнецов намного заметнее, чем в отпечатках пальцев.

Он помолчал пару секунд.

— Мы отправили очень качественную копию пленки в ФБДПО в Вашингтоне. Попросили их сделать сличение вашего голоса и *его* голоса. Ребята тут, в управлении, наверное, решили, что я свихнулся. Смотрели на меня как на психа, но после истории с отпечатками пальцев и вашим алиби никто не решился высказать это вслух.

Тэд открыл рот, попытался заговорить, не сумел, облизнул губы, попытался еще раз и снова не смог.

— Тэд, вы опять собираетесь бросить трубку?

— Нет, — сказал Тэд, и его голос словно надломился. — Спасибо, Алан.

— Не надо меня благодарить. Я понимаю, за что вы меня благодарите, и не хочу вводить вас в заблуждение. Это стандартная следственная процедура. В данном случае она не совсем обычная, потому что у нас необычные обстоятельства, но это не значит, что надо делать какие-то необоснованные предположения. Вы меня поняли?

— Да. Что такое ФБДПО?

— Федеральная база данных правоохранительных органов. Возможно, единственное, что Никсон сделал полезного за все время президентства. В основном это компьютерный банк данных, центр анализа и синтеза информации для местных органов правопорядка. Бла-

годаря этой базе у нас есть доступ к отпечаткам пальцев почти любого американца, привлекавшегося к уголовной ответственности начиная примерно с тысяча девятьсот шестьдесят девятого года. ФБДПО также проводит сравнительную баллистическую экспертизу, экспертизу по группам крови, когда это возможно, анализирует образцы голоса и создает компьютерные фотороботы подозреваемых.

— И мы увидим, не совпадают ли наши голоса?

— Да. Образцы должны быть готовы к семи. Или к восьми, если компьютер будет слишком загружен.

Тэд покачал головой.

— У нас совсем разные голоса.

— Я знаю. Я слушал запись, — сказал Пэнгборн. — Повторю еще раз: образец голоса совершенно не связан с речью. Головной и нутряной голос, Тэд. Это большая разница.

— Но...

— Скажите мне одну вещь. Голоса Элмера Фадда и Даффи Дака звучат для вас одинаково?

Тэд моргнул.

— Э... нет.

— И для меня тоже, — сказал Пэнгборн, — но их обоих озвучивал парень по имени Мел Бланк... и Фадда, и Даффи, а также Багза Банни, птичку Твити, петуха Ревуна и бог знает кого еще. Мне надо идти. Значит, вечером я приеду?

— Да.

— Где-то от половины восьмого до девяти, хорошо?

— Мы будем ждать вас, Алан.

— Хорошо. Как бы там ни было, завтра я возвращаюсь в Касл-Рок. И там и останусь, если вдруг не возникнет никаких непредвиденных обстоятельств по этому делу.

— «И написав строку, рука стремится дальше», да? — спросил Тэд и подумал: *Собственно, на это он и рассчитывает.*

— Ага... у меня есть и другие дела. Они не такие захватывающие, как наше с вами, но жители округа Касл платят мне жалованье, чтобы я занимался этими делами. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Тэду показалось, что это был настоящий, серьезный вопрос, а не просто дежурная реплика для поддержания разговора.

— Да, я все понимаю.

Мы оба это понимаем, я и... хитрый лис Джордж.

— Мне придется уехать, но у вашего дома круглосуточно будет дежурить полицейский патруль, пока все не закончится. Это крутые ребята, Тэд. И если копы в Нью-Йорке утратили бдительность, то эти «медведи», которые вас охраняют, ее не утратят. Больше никто не станет недооценивать этого человека. Никто не забудет о вас и вашей семье, никто вас не бросит справляться со всем в одиночку. Расследование продолжается, и пока оно не завершилось, вам и вашей семье обеспечат надежную охрану. Надеюсь, вы это понимаете?

— Да, я понимаю, — сказал Тэд и подумал: *Сегодня. Завтра. Может быть, в следующем месяце. Но через год? Как бы не так. Я это знаю. И он это знает. Они, конечно, пока не верят его словам, что он образумился и прекратил убивать людей. Но со временем они поверят... пройдут недели, ничего не случится, и им придется поверить хотя бы из экономических соображений. Потому что мы с Джорджем знаем, как все устроено в этом мире, и мы знаем, что когда все отправятся разбираться с другими делами, Джордж придет сюда и разберется со мной. С НАМИ.*

4

Пятнадцать минут спустя Алан все еще сидел в полицейском управлении в Ороно, по-прежнему на телефоне, по-прежнему в ожидании на линии. В трубке раздался щелчок. Молодой женский голос произнес слегка извиняющимся тоном:

— Вы не могли бы еще чуть-чуть подождать, шеф Пэнгборн? Наш компьютер сегодня медленно работает.

Алан хотел было сказать ей, что он шериф, а не шеф, но решил не утруждаться. Эту ошибку делали многие.

— Да, конечно, — сказал он.

Щелк.

Его снова перевели в режим ожидания — в современную версию чистилища.

Он сидел в темном, захламленном кабинете в самом дальнем углу здания полицейского управления; еще два шага назад, и ему пришлось бы работать в кустах. Комната была забита пыльными папками. Вместо письменного стола — школьная парта с наклонной столешницей, откидной крышкой и углублением под чернильницу. Алан сидел за ней, скрючившись в три погибели и подпирая ее снизу коленями. На столешнице перед ним лежал лист бумаги с двумя строчками, написанными его мелким, аккуратным почерком: *Хью Притчард и Бергенфилдская окружная больница, Бергенфилд, Нью-Джерси.*

Алан думал о последнем разговоре с Тэдом, состоявшемся полчаса назад. О том разговоре, в котором он уверял Тэда, что brave полицейские штата защитят их с женой от нехорошего психопата, возмнившего себя Джорджем Старком, если означенный психопат вдруг объявится. Интересно, поверил ли в это Тэд? Алан сомневался; у человека, который живет тем, что выдумывает всякие небылицы, должен быть нюх на сказки.

Ну, они *постараются* защитить Тэда и Лиз; сделают все возможное, чтобы их защитить. Но Алан хорошо помнил случай в Бангоре в 1985 году.

Женщина попросила и получила полицейскую охрану после того, как ее муж, с которым она разошлась, но еще официально не развелась, жестоко избил ее и угрозил, что вернется и убьет, если она будет и дальше настаивать на разводе. Две недели он ничего не предпринимал. Охрану уже собирались снимать, но тут муженек появился. Приехал на фургоне из прачечной; а

сам нарядился в зеленую униформу сотрудников этой самой прачечной. Он подошел прямо к двери, держа в руках узел с бельем. Возможно, полицейские его и узнали бы, даже в этой униформе, если бы он появился раньше, когда его ждали. Но он появился, когда его перестали ждать, и его не узнали. Он постучал в дверь, и когда женщина ему открыла, вытащил из брючного кармана револьвер и застрелил жену в упор. Прежде чем копы, которые обеспечивали охрану, успели сообразить, что случилось, не говоря уж о том, чтобы выбраться из машины, муженек уже стоял на крыльце с поднятыми руками. Дымящийся револьвер он зашвырнул в розовый куст. «Не стреляйте, — сказал он спокойно. — Я все закончил». Как оказалось, фургон и форму он позаимствовал у старого приятеля, который даже не знал, что преступник разругался с женой.

Мораль: если кто-то всерьез вознамерился тебя достать и если ему хоть чуть-чуть повезет, этот кто-то тебя достанет. Взять хоть Освальда, хоть Чепмена, хоть этого Старка, порешившего столько людей в Нью-Йорке.

Щелк.

— Шеф, вы еще здесь? — радостно осведомился женский голос из Бергенфилдской окружной больницы.

— Да, я все еще здесь.

— Я нашла нужную вам информацию. Доктор Хью Притчард вышел на пенсию в тысяча девятьсот семьдесят восьмом. У меня есть его адрес и телефон в городе Форт-Ларами, штат Вайоминг.

— Можете продиктовать?

Она дала ему адрес и телефон. Алан поблагодарил ее, отключился и сразу набрал номер Притчарда. После первого же гудка включился автоответчик.

— Здравствуйте, вы позвонили Хью Притчарду, — проговорил в ухо Алана сиплый, скрипучий голос. *Отлично, подумал Алан. Дедуля еще не дал дуба. Это уже кое-что.* — Нас с Хельгой нет дома. Я, вероятно, играю

в гольф, а что делает Хельга, одному Богу известно. — Раздался хриплый старческий смешок. — Если хотите что-то сказать, оставьте сообщение после звукового сигнала. У вас будет около тридцати секунд.

Бип!

— Доктор Притчард, это шериф Алан Пэнгборн из полиции штата Мэн. Мне нужно поговорить с вами о человеке по имени Тэд Бомонт. Вы удалили ему мозговую опухоль в тысяча девятьсот шестидесятом, когда ему было одиннадцать лет. Пожалуйста, перезвоните мне в полицейское управление в Ороно. Звонок за счет вызываемого абонента. Номер 207-866-2121. Спасибо.

Алан аж взмок, пока говорил. Оставляя сообщения на автоответчике, он всегда чувствовал себя участником телевикторины «Успеть до звонка».

Зачем тебе это надо?

Ответ, который он дал Тэду, был предельно прост: такова стандартная процедура расследования. Но самому Алану было никак не достаточно этого дежурного ответа, потому что он знал: это не процедура расследования. Возможно, это было бы связано с их расследованием, если бы Притчард прооперировал человека, называвшего себя Старком

(только теперь он себя больше так не называет, теперь он говорит, что знает, кто он на самом деле),

но Старка он не оперировал. Он оперировал *Бомонта*, и это было двадцать восемь лет назад.

Тогда почему?

Потому что здесь все было неправильно, вот почему. Отпечатки пальцев, группа крови, установленная по слюне на окурках, сочетание острого ума и смертельной ярости, проявленное убийцей, настойчивые утверждения Тэда и Лиз, что псевдоним ожил и стал настоящим, — все это было неправильно. И последнее — особенно. Это была совершенно безумная мысль, а Тэд и Лиз вроде бы не сумасшедшие. И сейчас появилось еще

кое-что очень неправильное. Полиция штата без всяких вопросов приняла утверждение этого парня, что теперь он понимает, кто он на самом деле. Для Алана это было не убедительнее, чем банкнота в три доллара. Тут явно таился какой-то подвох.

Алану казалось, что парень еще проявится.

Но все это не отвечает на твой вопрос, шепнул внутренний голос. Зачем тебе это надо? Почему ты звонишь в Форт-Ларамы, штат Вайоминг, старому доктору, который, возможно, давно забыл, кто такой Тэд Бомонт?

Потому что мне больше нечем заняться, раздраженно ответил он самому себе. Потому что откуда я могу позвонить без согласования с членами городского совета, которые будут долго и нудно сокрушаться по поводу цен на междугородные звонки. И потому что ОНИ в это верят, Тэд с Лиз. Да, это безумие, но во всем остальном они очень даже разумные люди... и, черт возьми, ОНИ верят. Это не значит, что я тоже верю.

Он и не верил.

Да?

Время тянулось мучительно медленно. Доктор Притчард так и не перезвонил. Но вскоре после восьми прибыли образцы голосов, и образцы оказались совершенно невероятными.

5

Они были совсем не такими, какими их представлял Тэд.

Он думал, что образцы голосов будут представлены на миллиметровке в виде изломанных кривых, то поднимающихся «горами», то опускающихся «долинами», значение которых Алан будет старательно им объяснять. А они с Лиз будут кивать с умным видом, как делают люди, когда им пытаются объяснить что-то слишком для них мудреное, — просто молча кивают, и все, по-

тому что если начать задавать вопросы, ответы на них будут *еще непонятнее*.

Вместо этого Алан показал им два самых обычных листа бумаги. С одной-единственной линией, прочерченной посередине каждого. Выше и ниже линий располагались какие-то звездочки — парами или тройками, но в основном они выстраивались во вполне обычные (хотя и слегка неравномерные) синусоиды. И с первого взгляда на эти диаграммы было ясно, что они либо полностью идентичны, либо очень близки к тому.

— Это все? — спросила Лиз.

— Не совсем, — ответил Алан. — Смотрите. — Он положил один лист на другой и с видом фокусника, исполняющего особенно ловкий трюк, поднял оба листа, так чтобы они просматривались на свет. Тэд и Лиз уставились на них во все глаза.

— Они действительно одинаковые, — проговорила Лиз тихим, испуганным голосом.

— Ну... не совсем. — Алан указал на три места, где синусоида на нижнем листе просвечивала из-под верхнего листа и слегка не совпадала с линией на нем. Одно из этих несовпадений лежало чуть выше линии на верхнем листе, два — чуточку ниже, но все они располагались на вершинах «волн». Сами волны совпадали идеально. — Отклонения проявляются в образце голоса Тэда, и только в моменты эмоциональных всплесков. — Алан по очереди указал пальцем на все три отличия. — Здесь: «Чего тебе надо, сукин сын? Чего тебе, мудаку, надо?» Здесь: «Врешь. И сам знаешь, что врешь!» И здесь: «Хватит врать, черт возьми!» Сейчас все ухватились за эти три едва заметных различия, потому что упорно держатся убеждения, что на свете нет и не может быть двух одинаковых образцов голоса. Но дело в том, что в голосе Старка не было никаких эмоциональных всплесков. Мерзавец оставался спокойным, как слон, на всем протяжении разговора.

— Да, — согласился Тэд. — Он говорил так, словно пил лимонад.

Алан положил листы на стол.

— На самом деле в полиции никто *не верит*, что это два разных голоса, несмотря даже на эти крошечные различия, — сказал он. — Образцы пришли из Вашингтона очень быстро. Я приехал так поздно, потому что, когда их увидел эксперт из Огасты, он захотел лично прослушать запись. Мы отправили копию пленки ближайшим авиарейсом из Бангора, и они прогнали ее через селективный фильтр. Это специальный прибор, позволяющий определить, шла ли запись с «живого» голоса, или это был голос, еще прежде записанный на пленку.

— Так он живой или магнитофонный? — спросил Тэд. Он сидел у камина и пил содовую.

Лиз, вернувшаяся к манежу, сидела на полу и пыталась не давать Уильяму и Уэнди стучаться лбами, пока они изучали пальчики на ножках друг друга.

— Почему они решили проверить?

Алан указал большим пальцем на криво ухмылявшегося Тэда.

— Ваш муж знает.

Тэд спросил:

— С этими маленькими различиями на пиках эмоций они могут хотя бы *дурачить* себя, что это два разных голоса, хотя все понимают, что это не так — вы это хотите сказать?

— Что-то типа того. Хотя я ни разу не слышал о *настолько* похожих образцах голосов. — Алан пожал плечами. — Впрочем, я в них разбираюсь не так хорошо, как ребята из ФБДПО, которым платят за это зарплату, и даже не так хорошо, как спецы из Огасты, которые более-менее разбираются в практических вопросах — образцы голоса, отпечатки пальцев, следы подошв, следы протекторов. Но я *читаю* специальную литературу, и

я был там, когда пришли результаты. Они дурачат себя, да, но при этом не слишком стараются преуспеть.

— То есть у них есть три мелких отличия, но этого недостаточно. Проблема в том, что мой голос был эмоционально окрашен, а голос Старка — нет. Вот они и решили перепроверить на этом фильтре, надеясь на запасной вариант. Надеюсь, по сути, что часть разговора со стороны Старка окажется магнитофонной записью. Может быть, сделанной лично мной. — Он взглянул на Алана, приподняв бровь. — Ну что, я выиграл жаркое из курицы?

— И еще чайный сервиз на шесть персон и бесплатную путевку в Киттери.

— В жизни не слышала такого бреда, — ровным голосом проговорила Лиз.

Тэд рассмеялся без тени веселья.

— Да вся ситуация — полный бред. Они думали, что я, может быть, изменил голос, как Рич Литтл... или Мел Бланк. Сделал запись голосом Джорджа Старка, оставляя паузы для своих собственных ответов, чтобы взять трубку и изобразить диалог на глазах у свидетелей. Конечно, мне еще нужно было приобрести аппарат, чтобы подсоединить магнитофон к телефону-автомату. Они же продаются, такие штуковины, да, Алан?

— А как же! В любом более-менее пристойном магазине электроники. Да и по телефону можно заказать.

— Ну да. И еще мне нужен был помощник. Доверенный человек, который приехал бы на Пенсильванский вокзал, подключил бы магнитофон к автомату где-нибудь в тихом месте и в условленное время набрал бы мой номер. А потом... — Тэд на секунду умолк. — А как был оплачен звонок? Я забыл спросить. Он точно был не за счет вызываемого абонента.

— Был использован номер вашей кредитной карточки для оплаты телефонных переговоров, — сказал Алан. — Очевидно, вы сообщили его своему помощнику.

— Да, вполне очевидно. И когда представление началось, мне оставалось сделать всего две вещи. Во-первых, я должен был сам подойти к телефону. И во-вторых, на зубок выучить собственный текст и вставлять реплики в нужные паузы. Я замечательно справился, правда, Алан?

— Да. Потрясающе.

— Мой помощник вешает трубку, когда это положено по сценарию. Отсоединяет магнитофон, берет его под мышку...

— Да нет, просто сует в карман, — перебил Алан. — Сейчас выпускают такие отличные штуки, что даже ЦРУ закупается в магазинах радиоэлектроники.

— Хорошо, сует в карман и спокойно уходит. В результате мы имеем запись беседы, где я при свидетелях говорю с человеком, находящимся за пятьсот миль от меня, с человеком, чей голос *звучит* совершенно иначе — да еще с явным южным акцентом, — но при этом наши с ним образцы голосов полностью совпадают. Это как с отпечатками пальцев, но еще лучше. — Он взглянул на Алана, ожидая подтверждения.

— Пожалуй, вам полагается еще и оплаченная поездка в Портсмут, включающая все расходы.

— Спасибо.

— Не за что.

— Это не просто бред, — сказала Лиз. — Это уже за гранью всего. По-моему, у них у всех вместо голов...

Пока Лиз отвлеклась, близнецам наконец удалось стукнуться лбами. Малыши громко расплакались. Лиз подхватила Уильяма. Тэд взял на руки Уэнди.

Когда кризис миновал, Алан продолжил:

— Да, согласен. Это совершенно неправдоподобно. Я это знаю, вы это знаете, и они тоже знают. Но Шерлок Холмс у Конан Дойла, помимо прочего, сказал одну вещь, которая до сих пор актуальна в деле расследования преступлений: когда все правдоподобные объясне-

ния исключаются, то, которое остается, и будет ответом на ваш вопрос, как бы невероятно оно ни звучало.

— Кажется, в оригинале была более изящная формулировка, — заметил Тэд.

Алан усмехнулся:

— Ой, какие мы важные...

— Может быть, вас двоих это и веселит, но меня нет, — сказала Лиз. — Тэд же не сумасшедший, чтобы все это проделать. Хотя, конечно, в полиции могут считать сумасшедшими нас обоих.

— Они так не считают, — очень серьезно проговорил Алан. — По крайней мере на данном этапе. И не будут считать, если вы не расскажете им свои дикие сказки.

— А *вы*, Алан? — спросил Тэд. — Мы рассказали *вам* наши дикие сказки — и что вы думаете?

— Я не думаю, что вы сумасшедшие. Если бы я так думал, все было бы намного проще. Я не знаю, *что* происходит.

— Вы что-нибудь выяснили у доктора Хьюма? — спросила Лиз.

— Имя врача, который оперировал Тэда, когда тот был ребенком, — сказал Алан. — Его зовут Хью Притчард. Вы его помните?

Тэд нахмурился и надолго задумался. Наконец он сказал:

— Мне кажется, да... но возможно, я просто обманываю себя. Это было очень давно.

Лиз подалась вперед, ее глаза заблестели. Уильям, сидевший у нее на коленях, смотрел на Алана.

— Что вам сказал доктор Притчард? — спросила она.

— Ничего. Я позвонил, попал на автоответчик... из чего делаю вывод, что старик еще жив. В общем, я оставил ему сообщение.

Лиз с разочарованным видом откинулась на спинку кресла.

— А что насчет результатов обследования? — спросил Тэд. — Хьюм уже их получил? Или он вам не сказал?

— Он сказал, что когда получит результаты, вы узнаете об этом первым. — Алан усмехнулся. — Кажется, доктора Хьюма оскорбляет сама мысль о том, чтобы передать *хоть какие-то* сведения окружному шерифу.

— Узнаю старика Джорджа Хьюма, — улыбнулся Тэд. — Старый брюзга.

Алан поерзал в кресле.

— Алан, хотите чего-нибудь выпить? — спросила Лиз. — Пиво или пепси?

— Нет, спасибо. Давайте вернемся к тому, во что верит и во что не верит полиция штата. Они не верят, что кто-то из вас причастен к этому делу, но оставляют за собой право считать, что это *не исключено*. Они понимают, что не могут повесить на вас преступления прошлой ночи и сегодняшнего утра. Возможно, это был ваш сообщник, Тэд... тот самый, который предположительно помогал провернуть фокус с записью разговора... но не вы. Вы были здесь.

— Что с Дарлой Гейтс? — тихо спросил Тэд. — Девушкой из бухгалтерии издательства?

— Она мертва. Изувечена страшно, как он и сказал, но сначала убита выстрелом в голову. Она не мучилась.

— Неправда.

Алан моргнул, изображая недоумение.

— Он бы не дал ей отделаться так легко. Если принять во внимание, что он сделал с Клоусоном. В конце концов, она первая проговорилась, ведь так? Клоусон пошелестел у нее перед носом деньгами — причем небольшими, судя по состоянию его финансов, — и она продалась сразу и выдала всю информацию, поэтому не говорите, что он ее пристрелил, прежде чем измываться, и что она не мучилась.

— Хорошо. Все было не так. Хотите знать, как оно было *на самом деле*?

— Нет, — быстро сказала Лиз.

В комнате воцарилось тягостное молчание. Даже близнецы, кажется, что-то почувствовали; они смотрели друг на друга с какой-то недетской серьезностью. Наконец Тэд произнес:

— Позвольте еще раз задать вам вопрос: во что верите вы? Во что вы сами верите сейчас?

— У меня пока нет четкой версии. Я знаю, что вы не записывали реплики Старка на пленку, потому что селективный фильтр не выявил никакого шипения ленты, и на записи слышно, как на Пенсильванском вокзале объявляют, что на третьем пути начинается посадка на «Пилигрим» на Бостон. Сегодняшний «Пилигрим» на Бостон действительно отправлялся с третьего пути. Посадка на поезд началась в четырнадцать тридцать шесть, что соответствует времени вашего разговора. Но мне, собственно, и не нужно это лишнее подтверждение. Если бы голос Старка был записан на пленку, либо вы, либо Лиз непременно спросили бы, что показал фильтр, как только я о нем упомянул. А вы не спросили.

— И при всем при этом вы до сих пор нам не верите, да? — спросил Тэд. — В смысле, оно не дает вам покоя — настолько, что вы действительно взялись разыскивать доктора Притчарда, — но вы не хотите пойти до конца и признать, что мы правы, ведь так? — Тэду и самому не понравилось, как звучит его голос, разочарованно и раздраженно.

— Он сам признался, что он не Старк.

— О да. Прямо-таки чистосердечно признался. — Тэд рассмеялся.

— Вас это как будто и не удивляет.

— Совершенно не удивляет. А вас?

— Честно говоря, да. Удивляет. После стольких хлопот и трудов, чтобы обставить все так, что у вас с ним одинаковые отпечатки пальцев, одинаковые образцы голоса...

— Алан, помолчите секундочку, — попросил Тэд.

Алан умолк и вопросительно посмотрел на него.

— Сегодня утром я вам сказал, что, как мне кажется, убийца — Джордж Старк. Не мой сообщник, не психопат, придумавший способ подделывать чужие отпечатки пальцев... видимо, в перерывах между приступами смертоубийственной кровожадности и расстройством самоидентификации. И вы мне не поверили. Сейчас вы тоже не верите?

— Нет, Тэд, не верю. Мне бы хотелось ответить иначе, но я могу сказать только одно: я верю, что вы сами верите. — Алан быстро взглянул на Лиз. — Вы *оба*.

— Хорошо, что вы говорите правду, — сказал Тэд. — Потому что неправда, возможно и даже скорее всего, убьет и меня самого, и мою семью тоже. Сейчас меня радует уже то, что у вас, как вы говорите, нет четкой версии. Этого мало, но это уже шаг вперед. Я просто хочу, чтобы вы поняли, что отпечатки пальцев и образцы голоса ни на что не влияют, и Старк это знает. Вы можете сколько угодно говорить о том, что когда все правдоподобные объяснения исключаются, надо принять то, которое остается, как бы невероятно оно ни звучало, но здесь не тот случай. Вы не принимаете *Старка*, а *он-то* как раз и остается, если отбросить все остальное. Я скажу по-другому, Алан: если все определенно указывает на то, что у вас в мозгу опухоль, вы ляжете на операцию, даже если есть большая вероятность, что вы не выйдете из больницы живым.

Алан открыл было рот, но потом покачал головой и не стал ничего отвечать. В разговоре снова возникла пауза. Тишину нарушало лишь тиканье часов и тихое гуканье близнецов. У Тэда было такое чувство, что он провел в этой комнате всю сознательную жизнь.

— С одной стороны, у вас достаточно веских доказательств, чтобы передать дело в суд, — продолжал Тэд. — С другой стороны, ничем не подкрепленное утвержде-

ние голоса по телефону, что у него «мозги встали на место», и он теперь знает, «кто он такой». Тем не менее вы игнорируете доказательства в пользу этого голословного утверждения.

— Нет, Тэд. Это не так. В данный конкретный момент я не принимаю ничьих утверждений: ни ваших, ни вашей жены, и уж тем более не того человека, который звонил. Я еще ничего не решил, я пока думаю.

Тэд указал большим пальцем себе за спину, где было окно, а за окном — полицейская машина, в которой сидели патрульные, охранявшие дом Бомонтов.

— А как насчет *них*? *Они* тоже думают? Мне бы очень хотелось, чтобы вы здесь остались, Алан... я предпочел бы вас *целой армии* полицейских, потому что у вас хотя бы один глаз приоткрыт. А у них плотно зажмурены оба.

— Тэд...

— Не обижайтесь, но это правда. Вы это знаете... *и он тоже знает*. Он подождет. И когда все решат, что все кончилось и Бомонтам больше ничто не грозит, когда полиция свернет лагерь и отправится восвояси, Джордж Старк придет сюда.

Он помедлил, сидя с мрачным лицом, на котором читалась целая гамма чувств. Алан разглядел сожаление, решимость и страх.

— Сейчас я кое-что вам скажу... вам обоим. Я точно знаю, чего он хочет. Он хочет, чтобы я написал еще один роман под именем Старка... возможно, еще одну книгу об Алексисе Машине. Не знаю, получилось бы у меня или нет, но если бы я был уверен, что это поможет, я бы попробовал. Я забросил бы «Золотого пса» и приступил бы прямо сегодня.

— Тэд, не надо! — воскликнула Лиз.

— Не волнуйся. Если я за это возьмусь, меня это убьет. Не спрашивай, откуда я знаю. Просто знаю, и все. Но если бы моей смертью все и закончилось, я бы, на-

верное, попытался. Но мне кажется, это не помогло бы. Потому что мне кажется, он вообще не человек.

Алан молчал.

— Вот так, — сказал Тэд голосом докладчика, закрывающего обсуждение важного дела. — Вот как оно обстоит. Я не могу, не хочу и не буду. Это значит, что он придет. И Бог знает что будет, когда он придет.

— Тэд, — сказал Алан, явно чувствуя себя неловко, — вам нужно взглянуть на это с другой точки зрения. И тогда все... пройдет. Как дурной сон поутру.

— Нам нужно не это, — сказала Лиз. Они повернулись к ней и увидели, что она плачет. Не рыдает, а просто тихонько плачет. — Нам нужно, чтобы кто-то его *убрал*.

6

Алан вернулся в Касл-Рок рано утром на следующий день — или, скорее, поздно ночью, в районе двух. Он вошел к себе в дом, стараясь как можно меньше шуметь. Энни снова забыла включить охранную сигнализацию. Алану не хотелось ругаться с женой по этому поводу — в последнее время у нее участились мигрени, — но он понимал, что рано или поздно ему придется поднять эту тему.

Держа туфли в руке, он пошел вверх по лестнице, двигаясь так легко и плавно, словно не шел, а скользил. Его тело обладало удивительной грацией — полная противоположность неуклюжести Тэда Бомонта, — но Алан не любил выставлять ее напоказ; словно его плоть знала некую тайну движения, которой почему-то стеснялся разум. Но сейчас, в тишине, наедине с собой, ему не было необходимости ее прятать, и он двигался легко и бесшумно, как тень — настолько легко и бесшумно, что это было почти жутковато.

На середине лестницы он помедлил... развернулся и спустился вниз. У него был крошечный кабинет, примы-

кавший к гостинной. Комнатушка размером чуть больше кладовки, куда помещался лишь письменный стол и несколько книжных полок, но Алану этого было вполне достаточно. Он старался не брать работу на дом. Это не всегда получалось, но он действительно очень старался.

Он закрыл дверь, включил свет и посмотрел на телефон.

Ты же не собираешься ему звонить? — сказал он себе. Это часовой пояс Скалистых гор, там у них почти полночь, а тот дядька — не просто хирург на пенсии; он НЕЙРОХИРУРГ на пенсии. Если его разбудить, он прогрызет тебе в заднице вторую дырку.

Но тут Алан вспомнил глаза Лиз Бомонт — ее темные, испуганные глаза — и решил все-таки *позвонить*. Может, так даже и лучше; звонок посреди ночи сразу указывает на то, что дело серьезное, так что доктор Притчард поневоле задумается. А потом можно будет перезвонить ему в более приличное время.

Кто знает, подумал Алан безо всякой надежды (но зато с юмором), *может, ему как раз и не хватает звонков посреди ночи.*

Он достал из кармана листок и набрал номер доктора Притчарда в Форт-Ларами. Он решил не садиться, а разговаривать стоя, мысленно приготовившись выслушать гневную отповедь, произнесенную скрипучим старческим голосом.

Но волновался он зря; после первого гудка снова включился автоответчик.

Алан медленно положил трубку на место и уселся за стол. Лампа на гибкой ножке высвечивала на столешнице желтый круг, и шериф затеял маленький театр теней со зверюшками: кролик, собака, орел и вполне сносный кенгуру. Когда Алан был один и не занят делом, его руки обладали той же струящейся грацией, что и все тело; под его удивительно гибкими пальцами теньевые зверюшки словно маршировали через маленький кружок света, как

бы перетекая из одной в другую. Это маленькое представление всегда завораживало и веселило его детей и помогало Алану привести мысли в порядок, когда он был чем-то обеспокоен.

Но сегодня это не сработало.

Доктор Хью Притчард мертв. Старк добрался и до него.

Конечно, это никак невозможно. Алан, наверное, смог бы поверить в призрака — под дулом пистолета, приставленного к виску, — но уж точно не в злобного Супермена, способного одним прыжком пересечь всю страну. Он мог бы назвать сразу несколько веских причин, по которым люди включают автоответчик на ночь. В частности, чтобы их не беспокоили ночными звонками всякие незнакомцы вроде шерифа Алана Пэнгборна из Касл-Рока, штат Мэн.

Да, но он все равно мертв. И его жена тоже. Как ее звали? Хельга. «Я, вероятно, играю в гольф, а что делает Хельга, одному Богу известно». Но хоть я и не Бог, мне известно, что делает Хельга. Мне известно, что делаете вы оба. Лежите в лужах крови с перерезанным горлом, а на стене вашей гостиной, там, в Стране бескрайнего неба, написано: ВОРОБЬИ СНОВА ЛЕТАЮТ.

Алан Пэнгборн содрогнулся. Мысль совершенно безумная, но он все равно содрогнулся. Она прошла его насквозь, словно ударила током.

Он набрал номер справочной службы Вайоминга, узнал номер конторы шерифа в Форт-Ларамии и сразу позвонил туда. Ему ответил полусонный диспетчер. Алан назвал, сообщил диспетчеру, кому он пытается дозвониться и где живет тот человек, и спросил, не уехал ли доктор Притчард с женой куда-нибудь отдыхать. Если доктор с женой и *вправду* уехали отдыхать — а почему бы им и не поехать куда-нибудь летом? — они скорее всего сообщили об этом в местный полицейский участок и попросили присматривать за домом, пока они сами будут в отъезде.

— Оставьте свой номер, — сказал диспетчер. — Я вам перезвоню и передам всю информацию.

Алан вздохнул. Так положено. Очередная стандартная процедура. Очередное дерьмо на лопате, да. Но парень действует по инструкции. Он не даст никакой информации, пока не убедится, что Алан — именно тот, кем назвался.

— Нет, — сказал он. — Я звоню из дома, у нас тут глубокая ночь...

— У нас тоже не полдень, шериф Пэнгборн.

Алан снова вздохнул.

— Даже не сомневаюсь. Как не сомневаюсь и в том, что ваша жена и детишки не спят наверху. Давайте, друг мой, поступим так: вы позвоните в Оксфорд, в полицейское управление штата Мэн — я дам вам номер, — и там подтвердят мое имя. Даже назовут номер удостоверения. Минут через десять я перезвоню, и мы сможем обменяться паролями.

— Давайте номер, — согласился диспетчер, явно не слишком обрадованный. Алан подумал, что он, наверное, оторвал парня от полуночного телешоу или последнего номера «Пентхауса».

— А в чем, собственно, дело? — спросил диспетчер после того, как прочел вслух продиктованный Аланом номер.

— Расследование по делу о преднамеренном убийстве, — пояснил Алан. — Это срочно. Я звоню не на прием записаться, приятель. — Он повесил трубку.

Он сидел за столом, изображал теневых зверюшек и ждал, пока секундная стрелка не обойдет циферблат десять раз. Стрелка ползла очень медленно. Она сделала всего пять оборотов, когда дверь кабинета открылась, и вошла Энни в розовом халате. Почему-то она показалась Алану бледной призрачной тенью, и его снова пробрала дрожь, словно он заглянул в будущее и увидел там что-то не очень приятное. Даже скверное.

Ему вдруг подумалось: *Как бы я сам себя чувствовал, если бы он охотился за мной? За мной, за Энни, за Тоби и Тоддом? Как бы я себя чувствовал, если бы точно знал, кто он такой... а мне бы никто не верил?*

— Алан? Что ты здесь делаешь? Почему не ложишься?

Он улыбнулся, поднялся из-за стола и поцеловал жену.

— Жду, когда протрезвею, — сказал он.

— Нет, правда... это из-за дела Бомонта?

— Да. Я пытаюсь дозвониться до одного врача, который может кое-что знать, но постоянно попадаю на автоответчик. Поэтому я позвонил в офис местного шерифа — узнать, не уехал ли тот человек отдыхать. Парень, с которым я разговаривал, сейчас проверяет мою благонадежность. — Он посмотрел на жену с искренним беспокойством. — Ты как себя чувствуешь, золотце? Как твоя голова? Не болела сегодня?

— Нет, — ответила Энни, — но я слышала, как ты вошел. — Она улыбнулась. — Ты, Алан, самый тихий мужчина на свете, когда захочешь, но с машиной ничего не поделаешь.

Он обнял ее.

— Хочешь чаю? — спросила она.

— Да какой сейчас чай! стакан молока, если не трудно.

Она ушла, а через минуту вернулась с молоком.

— А что собой представляет мистер Бомонт? — спросила она. — Я его видела в городе, его жена иногда заходит в магазин, но я ни разу с ним не разговаривала.

Магазин «Шьем и шьем» принадлежал женщине по имени Полли Чармерз. Энни Пэнгборн работала там на полставки уже четыре года.

Алан надолго задумался.

— Мне он нравится, — сказал он наконец. — Сначала совсем не понравился... показался бесчувственным и холодным. Но мы познакомились в трудный для него период. Он просто... весь погружен в себя. Может быть, это связано с его профессией.

— Мне очень понравились обе его книги, — призналась Энни.

Алан приподнял брови.

— Я не знал, что ты его читала. Ты мне не говорила.

— Ты не спрашивал, Алан. А потом, когда выплыла эта история с псевдонимом, я попыталась прочесть одну из тех, *других* книг. — Она поморщилась от отвращения.

— Плохая книга?

— *Ужасная*. Страшная. Даже не верится, что их написал один и тот же человек.

Знаешь, что, детка? — подумал Алан. *Ему самому тоже в это не верится.*

— Тебе надо лечь и заснуть, — сказал он. — А то опять голова разболится.

Она покачала головой.

— Кажется, монстр с именем «мигрень» все же оставил меня в покое. По крайней мере на время. — Она выразительно посмотрела на мужа из-под опущенных ресниц. — Я еще не буду спать, когда ты ляжешь... если ты здесь не задержишься очень надолго.

Он прикоснулся к ее груди через розовый халат и поцеловал ее в губы.

— Я постараюсь быстрее.

Энни ушла, и Алан увидел, что прошло уже больше десяти минут. Он опять позвонил в Вайоминг. Трубку взял все тот же сонный диспетчер.

— Я думал, вы обо мне забыли, дружище.

— Ни в коем случае, — заверил Алан.

— Скажите номер вашего удостоверения, шериф.

— 109-44-205-МЕ.

— Да, думаю, это действительно вы. Прошу прощения, шериф, за всю эту канитель, но вы же понимаете.

— Я понимаю. Так что насчет доктора Притчарда?

— О, они с женой и вправду уехали отдыхать, — сказал диспетчер. — Они сейчас в Йеллоустонском нацио-

нальном парке, у них там турпоход. Вернутся только в конце месяца.

Вот видишь? — подумал Алан. А ты тут страхи наводишь посреди ночи. Никаких перерезанных глоток. Никаких надписей на стене. Просто двое стариков решили отдохнуть на природе.

Но он поймал себя на том, что эта мысль не особо его утешает. Похоже, с доктором Притчардом будет непросто связаться — по крайней мере в ближайшие две недели.

— Как вы думаете, можно как-то передать ему сообщение? — спросил Алан.

— Думаю, можно, — ответил диспетчер. — Попробуйте позвонить в управление Йеллоустонского парка. Они знают, где он. Во всяком случае, должны знать. Возможно, это займет какое-то время, но они разыщут его для вас. Я пару раз с ним встречался. Вроде бы неплохой старикан.

— Это радует, — сказал Алан. — Спасибо, что уделите мне время.

— Не за что. Это наша работа. — Алан услышал тихий шелест страниц и представил себе, как этот безликий парень за полконтинента отсюда снова уткнулся в свой «Пентхаус».

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Спокойной ночи, шериф.

Алан положил трубку и какое-то время сидел, глядя в темноту за окном.

Он там. Где-то там. Он еще придет.

Алан снова задумался о том, как бы он себя чувствовал, если бы речь шла об угрозе его собственной жизни, жизни Энни и его детей. Как бы он себя чувствовал, если бы знал об этой угрозе, а ему бы никто не верил.

Милый, ты снова тащишь работу домой, прозвучал у него в голове голос Энни.

И это была правда. Пятнадцать минут назад он был убежден — если не умом, то всеми нервными клетка-

ми, — что Хью и Хельга Притчарды лежат мертвые в луже крови. Слава Богу, что это не так. Сегодня ночью старики мирно спят под звездами Йеллоустонского парка. Вот тебе и хваленая интуиция; даже и хорошо, что она иной раз подводит.

То же самое почувствует Тэд, когда мы выясним, что происходит на самом деле, подумал он. *Когда мы выясним, что разгадка, какой бы невероятной она ни была, все-таки подчиняется законам природы.*

Он действительно в это верил?

Да, решил Алан. Он действительно в это верил. Умом — да. А вот нервные клетки были не столь уверены.

Он допил молоко, выключил лампу и поднялся наверх. Энни еще не спала и была восхитительно обнажена. Она приняла его в объятия, и Алан с радостью позволил себе забыть обо всем остальном.

7

Старк позвонил через два дня. Тэд Бомонт в это время был в «Дейвз-маркет», маленьком семейном магазине в полутора милях от дома. Сюда Бомонты ездили, когда было лень тащиться в супермаркет в Бруэре.

В пятницу вечером Тэд отправился в «Дейвз», чтобы купить шестибаночную упаковку пепси, чипсы и соус. Один из патрульных, приставленных к его семье, поехал с ним. Было десятое июня, половина седьмого, так что еще даже не начало смеркаться. Лето, эта роскошная зеленая шлюха, вновь одарило собой Мэн.

Коп остался в машине, а Тэд зашел в магазин. Он уже взял газировку и принялся изучать диковатый ассортимент соусов (вот из морских моллюсков, а не хотите моллюсков, есть луковый), когда зазвонил телефон.

Тэд вскинул голову и подумал: *Ага. Ну ладно.*

Розали за прилавком взяла трубку, сказала: «Алло?» — секунду послушала и протянула трубку Тэду, как

он и ожидал. Его опять захватило это странное чувство *presque vu*.

— Вас к телефону, мистер Бомонт.

Он был совершенно спокоен. Сердце екнуло и пропустило один удар, но только один; сейчас оно билось в обычном ритме. Лоб не покрылся испариной.

И не было никаких птиц.

Не было никакого страха и ярости, которые он испытывал два дня назад. Он даже не стал спрашивать Розали, не жена ли это звонит, чтобы попросить взять упаковку яиц или пакет апельсинового сока. Он знал, кто это.

Тэд подошел к прилавку и встал рядом с терминалом лотереи «Мегабакс», на зеленом экране которого светилось объявление, что на прошлой неделе победителя не оказалось, и джекпот этой недели составляет четыре миллиона долларов. Взял трубку у Розали и сказал:

— Привет, Джордж.

— Привет, Тэд. — Мягкий южный акцент еще присутствовал, но налет дремучего провинциализма больше не ощущался. Тэд только сейчас сообразил, как очевидно и вместе с тем тонко Старк ухитрился изобразить это «Ладно, ребята, я, может быть, и не самый умный, но тоже кое-что собой представляю, а как же!», когда оно полностью исчезло из его речи.

И конечно, сейчас они просто ребята, подумал Тэд. *Два собрата-писателя, просто стоят и болтают о том о сем.*

— Чего ты хочешь?

— Ты знаешь, чего я хочу. Нам не нужно играть в эти игры, верно? Поздновато уже для игр.

— Может, я просто хочу, чтобы ты сказал это вслух. — То чувство вернулось, то странное, жуткое чувство, когда тебя вырывает из тела и уносит по телефонным проводам к какому-то месту, точно посередине между ними двумя.

Розали отошла к дальнему концу прилавка и принялась укладывать новые пачки в сигаретный автомат. Она

так нарочито не прислушивалась к разговору Тэда, что это было почти смешно. В Ладлоу — во всяком случае, в этой части города — не было никого, кто не знал бы, что к Тэду приставили то ли полицейскую охрану, то ли полицейский конвой, то ли еще что-то такое полицейское, и слухи уже поползли по городу. Те, кто не думал, что его обвиняют в торговле наркотиками, не сомневались, что дело в домашнем насилии и издевательствах над детьми или женой. Старушка Розали изо всех сил старалась не подавать виду, и Тэд, как ни странно, был ей благодарен за это. А еще у него было чувство, словно он смотрит на Розали в перевернутый телескоп — смотрит из телефонной линии, из глубокой кроличьей норы, где нет никакого белого кролика, а есть только хитрый лис Джордж, человек, которого быть не могло, но он все-таки был.

Хитрый лис Джордж, там, в Эндсвиле, где снова летают воробьи.

Тэд боролся с этим ощущением, боролся изо всех сил.

— Ну давай, Джордж, — сказал он и сам удивился тому, с какой яростью прозвучал его голос. Головокружительное ощущение нереальности уносило Тэда все дальше и дальше... но его голос звучал четко и ясно. — Скажи это вслух.

— Ну, если ты так настаиваешь...

— Да.

— Пора начинать новую книгу. Новый роман Старка.

— Это вряд ли.

— Не говори так! — Голос был как щелчок плетки со свинцовыми шариками. — Я рисовал для тебя картинку, Тэд. Рисовал *для* тебя. Не заставляй меня рисовать ее *на* тебе.

— Ты мертв, Джордж. Просто тебе не хватает ума лежать тихо.

Голова Розали чуть повернулась; Тэд увидел один широко распахнутый глаз, а потом Розали поспешно отвернулась обратно к сигаретному автомату.

— *Ты думай, что говоришь!* — Теперь в голосе слышалась ярость. Но, кажется, было еще кое-что? Страх? Боль? И то и другое? Или Тэд просто обманывал себя?

— А что не так, Джордж? — неожиданно усмехнулся он. — Ты что, теряешь счастливые мысли?

В трубке молчали. Тэд удивил Старка, выбил его из колеи — пусть даже всего на секунду. Но почему? Что именно его задело?

— Послушай меня, приятель, — наконец сказал Старк. — Я дам тебе неделю, чтобы начать. И не думай, что сможешь меня обхитрить. Потому что не сможешь. — Последнее слово прозвучало, как «*смойжешь*». Да, Джордж был расстроен. Это может дорого обойтись Тэду, пока все не закончится, но сейчас он испытывал дикую радость. Он все-таки достал Старка. Значит, не он один ощущает беспомощность и незащищенность во время их разговоров, пронизанных чувством кошмарной близости; он задел Старка, и это было прекрасно.

— Тут ты прав, — сказал Тэд. — Никаких хитростей между нами. Насчет другого не знаю, но никаких хитростей быть не может.

— У тебя была задумка, — сказал Старк. — Еще до того, как тот мелкий ушлепок собрался тебя шантажировать. Помнишь, насчет свадьбы и бронированного автомобиля?

— Я выбросил все свои записи. Я покончил с тобой.

— Нет, ты выбросил все мои записи, но это не важно. Тебе не нужны никакие записи. Это будет хорошая книга.

— Ты не понимаешь. Джордж Старк *мертв*.

— Нет, это *ты* не понимаешь. — Голос Старка был мягким, убийственным и настойчивым. — У тебя есть неделя. И если за эту неделю ты не выдашь хотя бы тридцать страниц готового текста, я приду за тобой, дружище. Только начну не с тебя — это было бы слишком просто. Да, *слишком* просто. Сначала возьмусь за твоих

малышей, и они умрут медленно. Об этом я позабочусь. Я знаю как. Они не будут понимать, что происходит, но будут умирать в агонии. А ты будешь знать, и я сам буду знать, и твоя жена тоже. Потом я возьмусь за нее... только сначала *возьму* ее. Ты знаешь, о чем я, старик. А когда с ними будет покончено, я возьмусь за тебя, Тэд, и ты умрешь такой смертью, какой никто еще не умирал.

Старк умолк. Тэд слушал, как тот учащенно дышал ему в ухо, словно пес в жаркий день.

— Ты не знал о птицах, — тихо проговорил Тэд. — Ты о них не знал, да?

— Тэд, хватит бредить. Тебе есть чем заняться. Если не начнешь книгу вот прямо сейчас, много людей пострадает. Время не ждет.

— Да, я заметил, — ответил Тэд. — Но мне интересно, как ты мог написать на стене у Клоусона и Мириам то, что ты написал, *и не знать об этом?*

— Я бы тебе посоветовал прекратить бредить и взяться за ум, — сказал Старк, но Тэд уловил в его голосе замешательство и даже что-то похожее на страх. — Никто ничего не писал на стенах.

— Да нет, Джордж, писал. И знаешь, что я подумал? Я подумал, что, может быть, ты ничего не знаешь, потому что это написал я. Наверное, какая-то часть меня была рядом с тобой. И за тобой наблюдала. Мне кажется, из нас двоих только я знаю про воробьев. Так что, наверное, это я написал. Ну, я так думаю. И тебе тоже стоит об этом подумать... *крепко* подумать... прежде чем ты начнешь на меня наезжать.

— Слушай меня, — сказал Старк мягко, но очень настойчиво. — Слушай внимательно. Сначала твои малыши... потом жена... потом ты. Начинай писать книгу, Тэд. Это мой добрый тебе совет. Лучший совет, который ты получал за всю жизнь. Начинай писать книгу. Я не мертв.

Долгая пауза, а потом — тихо и с расстановкой:

— И я не хочу *быть* мертвым. Так что езжай-ка домой и наточи карандаши, а если нужно вдохновение, подумай о том, как мило будут выглядеть твои детки, если утыкать им лица стеклом. И нет никаких чертовых птиц. Забудь о них и начинай писать.

Раздался щелчок.

— Да пошел ты, — прошептал Тэд в пустоту и медленно повесил трубку.

Глава 17

УЭНДИ ПАДАЕТ

1

Ситуация так или иначе разрешится — в этом Тэд был уверен. Джордж Старк не мог просто взять и исчезнуть. Однако Тэд начал подозревать, причем не без оснований, что падение Уэнди с лестницы через два дня после звонка Старка в «Дейвз-маркет» раз и навсегда определило, в каком именно направлении будут развиваться события.

И только после этого случая Тэд наконец понял, как надо действовать. Эти два дня он провел в каком-то бездыханном затишье. Он совершенно не воспринимал даже самые идиотские телепрограммы, не мог читать, а мысль о том, чтобы писать, казалась такой же нелепой, как мысль о путешествии со скоростью света. Он беспрестанно ходил из комнаты в комнату, присаживался на пару минут, снова вставал и опять ходил. Путался под ногами у Лиз и действовал ей на нервы. Она ничего ему не говорила, но он догадывался, что она изо всех сил сдерживает себя, чтобы не высказать все, что думает.

Дважды он собирался рассказать ей о втором звонке Старка, когда хитрый лис Джордж сообщил ему о своих планах на ближайшее будущее, пользуясь тем, что ли-

ния не прослушивается и о его угрозах никто не узнает. Но оба раза так и не решился заговорить, зная, что это никак не поможет, а лишь еще больше расстроит Лиз.

И дважды он ловил себя на том, что сидит в кабинете, держа в руке один из тех чертовых бероловских карандашей, к которым обещал больше не прикасаться, и смотрит на новую, еще запечатанную в целлофан стопку блокнотов, в которых писал Старк.

У тебя была задумка... Помнишь, насчет свадьбы и бронированного автомобиля?

Да, это правда. Тэд даже придумал название, неплохое название: «Стальная Машина». И вот еще одна правда: в глубине души Тэд и вправду хотел написать эту книгу. Он уже чувствовал зуд, как это бывает, когда у тебя зачесалась спина, а ты никак не можешь дотянуться до нужного места.

Джордж тебе его почешет.

О да. Джордж только и ждет, как бы его почесать. Но тогда с Тэдом что-то случится, потому что теперь все изменилось, правда? Тэд не знал, что именно с ним случится. Возможно, и не мог знать, но ему никак не давал покоя один пугающий образ. Сцена из милой, расистской сказки для детей «Негритенок Самбо». Негритенок Самбо забрался на дерево, где тиграм было его не достать, и те так разъярились, что вцепились друг другу в хвосты и принялись бегать вокруг дерева все быстрее и быстрее, пока не превратились в масло. Самбо собрал масло в глиняный горшок и отнес домой маме.

Джордж — великий алхимик, размышлял Тэд, сидя у себя в кабинете и постукивая по краешку стола незаточенным бероловским карандашом «Черный красавец». Превращает солому в золото. Тигров — в масло. Книги — в бестселлеры. Тэда — в... во что?

Он не знал. Ему было страшно узнать. Но его больше не будет, Тэда больше не будет, в этом он был уверен. Может быть, в мире останется кто-то, кто *выглядит* в

точности, как Тэд Бомонт, но за внешностью Тэда Бомонта будет скрываться другой разум. Больной, блестящий ум.

Он почему-то не сомневался, что этот новый Тэд Бомонт будет уже не таким неуклюжим... и очень опасным.

А Лиз и детишки?

Оставит ли Старк их в покое, когда возьмется за руль?

Только не он.

Тэд задумывался и о побеге. Посадить Лиз с близнецами в «субурбан» и просто уехать. Но какой в этом смысл? Что толку бежать, если хитрый лис Джордж может видеть глазами простодушного кролика Тэда? Они могут сбежать хоть на край света; приедут туда, оглянутся и увидят, как Джордж Старк подъезжает к ним на собачьей упряжке, с опасной бритвой в руке.

Он задумывался и о том, чтобы позвонить Алану Пэнгборну, но отказался от этой мысли еще быстрее и решительнее. Алан сказал им, где сейчас доктор Притчард, и решение шерифа не пытаться связаться со старым хирургом прямо сейчас, а дожидаться, когда они с женой вернутся домой из похода, сразу же выдало Тэду все, что ему надо знать о том, во что верит Алан... и самое главное, во что он не верит. Если рассказать ему о звонке в «Дейвз», Алан решит, что Тэд это выдумал. Даже если Розали подтвердит, что Тэду *кто-то* звонил в магазин, Алан все равно не поверит. И никто не поверит. Ни Алан, ни все остальные полицейские, собиравшиеся на эту конкретную вечеринку.

Дни тянулись мучительно медленно, словно канув в какое-то странное вневременье. На второй день Тэд записал в дневнике: «Я себя чувствую штилевой полосой в Атлантическом океане». Это была единственная запись за всю неделю, и Тэд уже начал думать, что она же станет последней. Его новый роман «Золотой пес» застрял в мертвой точке. В общем, этого и следовало ожидать. Очень сложно выдумывать истории, когда ты живешь в

постоянном страхе, что плохой человек — *очень* плохой человек — явится к тебе в дом, перебьет всю твою семью, а потом примется и за тебя.

Что-то похожее на эту растерянность он уже чувствовал раньше, но лишь однажды: в течение нескольких недель после того, как бросил пить. Когда он все-таки вынул затычку из ванны со спиртным, где барахтался после выкидыша Лиз и до появления Старка. Тогда, как и теперь, его не покидало стойкое ощущение, что есть большая проблема, но к ней никак не подступишься. Она так же недостижима, как мираж водной глади впереди на шоссе в жаркий день. Чем сильнее стараешься, чем быстрее бежишь к этой проблеме, надеясь схватить ее, смять, уничтожить, тем быстрее она отступает все дальше и дальше, и в конце концов ты уже просто не можешь бежать и стоишь, задыхаясь, а фальшивая рябь на воде у самого горизонта по-прежнему насмехается над тобой.

Он плохо спал по ночам, ему снова снилось, как Джордж Старк водит его по его же собственному дому, где вещи взрывались, едва он к ним прикасался, и где в дальней комнате его ждали трупы жены и Фредерика Клоусона. И когда он входил в эту комнату, птицы взлетали в небо, срываясь с деревьев, проводов и столбов, тысячи, миллионы птиц — темное облако, застилавшее солнце.

Пока Уэнди не упала с лестницы, Тэд чувствовал себя фаршем, ожидавшимися, когда придет кто-то голодный и страшный, заткнет салфетку за ворот, возьмет в руку вилку и примется за еду.

2

Близнецы уже давно научились ползать, а в последний месяц пытались встать на ножки, держась за ближайший устойчивый (а иногда и не очень устойчивый) предмет. Лучше всего подходили журнальный столик и

ножка стула, но годилась и пустая картонная коробка, по крайней мере пока кто-то из близнецов не наваливался на нее всем весом, и она не ломалась или не опрокидывалась вверх дном. Способность доводить себя до беды хорошо развита у малышей в любом возрасте, но в восемь месяцев, когда ползать уже неинтересно, а ходить еще лишь предстоит научиться, дети переживают золотой век напастей и катастроф.

Под вечер, где-то без четверти пять, Лиз выпустила малышей на пол, чтобы они поиграли в ярком квадрате света под окном. Минут десять они уверенно ползали и нетвердо стояли (последнее сопровождалось радостным гуканьем, обращенным к родителям и друг к другу), а потом Уильям поднялся на ножки, держась за край журнального столика. Оглядевшись по сторонам, он торжественно помахал правой рукой. Это напомнило Тэду кадры старой кинохроники, где *дуче* обращается к народу с балкона, выходящего на площадь. Потом Уильям схватил со столика мамину чашку и вылил на себя остатки чая, прежде чем шлепнулся на попку. К счастью, чай был холодный, но Уильям не выпустил чашку и умудрился так стукнуть себя по нижней губе, что на ней показалась кровь. Он громко расплакался. Уэнди тут же присоединилась.

Лиз подхватила его на руки, осмотрела, закатила глаза на Тэда и унесла Уилла наверх, чтобы успокоить его и промыть рану.

— Присмотри за принцессой, — сказала она, уходя.

— Ага, — отозвался Тэд, но он давно понял (и сейчас ему предстояло в этом убедиться), что в золотой век напастей и катастроф подобные обещания не стоят практически ничего. Уильям ухитрился схватить чашку буквально под носом у Лиз, а Тэд увидел, что Уэнди вот-вот грохнется с третьей ступеньки лестницы, когда уже ничего нельзя было сделать.

Тэд рассматривал журнал — не читал, а просто лениво листал, глядя на фотографии. Закончив с одним

журналом, он пошел взять другой, из плетеной корзины, стоявшей рядом с камином и служившей газетницей. Уэнди ползала по полу, забыв о слезах еще прежде, чем они высохли на ее пухлых щечках. Она тихонько пыхла себе под нос — пф-пф-пф, — как всегда делали близнецы, когда ползали. Иногда Тэд задумывался, что, возможно, любое передвижение ассоциируется у малышей с легковыми и грузовыми автомобилями, которые они видят по телевизору. Он присел на корточки, перебрал журналы, лежавшие в корзине, и наконец вытащил «Харперс базаар» месячной давности, просто так, безо всякой причины. Ему вдруг пришло в голову, что он ведет себя, как человек в приемной у стоматолога, в ожидании, когда его позовут в кабинет, чтобы вырвать зуб.

Он обернулся, и Уэнди уже была на лестнице. Она забралась ползком на третью ступеньку и теперь поднималась на дрожащие ножки, держась за столбик перил. Заметив, что Тэд на нее смотрит, она улыбнулась ему и сделала величавый жест рукой. При этом все ее тельце опасно наклонилось вперед.

— Господи, — выдохнул Тэд и поднялся так резко, что в коленях хрустнуло. Уэнди шагнула вперед с края ступеньки и отпустила столбик. — *Уэнди, не надо!*

Он перелетел через всю комнату одним прыжком и почти успел. Но он был неуклюжим и зацепился ногой за ножку кресла. Оно опрокинулось, и Тэд растянулся на полу. Уэнди сорвалась со ступеньки с испуганным тоненьким криком. Ее тельце слегка повернулось в воздухе. Тэд попытался схватить ее, стоя на коленях, и промахнулся на добрых два фута. Правая ножка Уэнди задела нижнюю ступеньку, а головка с глухим стуком ударилась о пол, покрытый ковром.

Она закричала, и прежде чем подхватить ее на руки, Тэд еще успел подумать о том, как страшно звучит детский крик боли.

Сверху донесся испуганный голос Лиз:

— Тэд?

Потом слышались торопливые шаги.

Уэнди пыталась заплакать. Первый крик боли вытолкнул весь воздух у нее из легких, и сейчас наступил этот страшный, растянувшийся в вечность момент, когда она пыталась разомкнуть грудь и набрать воздух для следующего крика. Когда этот крик прозвучит, у всех полопаются барабанные перепонки.

Если он прозвучит.

Он держал ее, тревожно вглядываясь в ее сморщенное, налитое кровью личико. Оно стало почти лиловым, за исключением красной отметины в форме большой запятой на лбу. *Господи Боже, а если она умирает? А если она задохнется, не сумеет сделать вдох и выдать крик, застрявший в легких?*

— Кричи, черт! — заорал он на нее. Господи, это лиловое личико! Эти вытаращенные изумленные глазенки! — *Кричи!*

— Тэд! — Теперь голос Лиз звучал *очень* испуганно, но словно откуда-то издалека. В эти бесконечные секунды между первым криком Уэнди и ее напряженной борьбой, когда она силилась закричать снова и задыхаться, Джордж Старк начисто вылетел из головы Тэда, впервые за последние восемь дней. Уэнди сделала судорожный вдох и завопила во весь голос. Тэд, дрожа от облегчения, прижал ее к плечу и принялся ласково гладить по спинке, стараясь успокоить.

Лиз бежала по лестнице вниз, прижимая Уильяма к боку, словно вертлявый мешочек с зерном.

— Что случилось? Тэд, с ней все в порядке?

— Да. Она грохнулась с третьей ступеньки. Теперь все хорошо. Она закричала. Сначала мне показалось... как будто ее замкнуло. — Он с дрожью в голосе рассмеялся, отдал Уэнди жене, а себе забрал Уильяма, который тоже расплакался за компанию с сестренкой.

— Ты что, не смотрел за ней? — с упреком проговорила Лиз, качая Уэнди на руках и пытаясь ее успокоить.

— Да... нет. Я пошел взять журнал. А потом — раз — и она уже была на лестнице. Мгновенно. Как с Уиллом и чашкой. Они такие... чертовски проворные. Как думаешь, с ней все в порядке? Она ударилась о ковер, но ударилась сильно.

Лиз рассмотрела лоб Уэнди, держа ее перед собой на вытянутых руках, и бережно поцеловала красную отметину. Крики Уэнди уже понемногу затихали.

— Думаю, все в порядке. Шишка будет, но быстро пройдет. Слава Богу, что здесь ковер. Прости, что набросилась на тебя, Тэд. Я знаю, какие они проворные. Просто я... у меня ощущения, как перед месячными, только теперь постоянно.

Рыдания Уэнди сменились всхлипами. Соответственно, Уильям тоже стал затихать. Он протянул пухлую ручку и схватился за белую футболку сестры. Она повернулась к нему. Он что-то заворковал, обращаясь к ней. Тэда всегда немного пугало это воркование близнецов, как будто они говорили друг с другом на каком-то иностранном языке, ускоренном настолько, что нельзя было понять, что это за язык, не говоря уже о том, чтобы разобрать слова. Уэнди улыбнулась брату, хотя ее слезы по-прежнему лились в три ручья. Она что-то пробормотала в ответ. На мгновение Тэду показалось, что его дети и вправду беседуют друг с другом в своем собственном мире — в мире близнецов.

Уэнди протянула ручонку и погладила Уильяма по плечу. Они смотрели друг на друга и продолжали ворковать.

С тобой все в порядке, моя хорошая?

Да, милый Уильям. Я ударилась, но не сильно.

Дорогая, может быть, тебе лучше остаться дома, а не ходить в гости к Стэдлеям?

Думаю, лучше пойти, но спасибо за заботу.

Ты уверена, ненаглядная Уэнди?

Да, Уильям, мой родной, со мной все хорошо, хотя, боюсь, я обкакалась.

Ой, солнышко, как ДОСАДНО!

Тэд улыбнулся своим мыслям и взглянул на ножку Уэнди.

— Тут будет синяк, — сказал он. — На самом деле он уже есть.

Лиз слегка улыбнулась.

— Пройдет, — сказала она. — И это будет не последний ее синяк.

Тэд наклонился и поцеловал Уэнди в кончик носа, думая о том, как быстро и яростно начинаются эти грозы — еще три минуты назад он боялся, что она задохнется, — и как быстро они проходят.

— Да, — согласился он. — Видит Бог, не последний.

3

Около семи вечера, когда близнецы проснулись после позднего дневного сна, синяк на ножке Уэнди стал темно-лиловым. Он был странной формы — в виде гриба.

— Тэд, — позвала Лиз от своего пеленального столика. — Иди посмотри.

Тэд снял с Уэнди чуть влажный, но не промокший насквозь подгузник и бросил его в корзину. Потом взял голенькую дочурку на руки и подошел к пеленальному столику сына. Он взглянул на Уильяма, и у него глаза полезли на лоб.

— Как тебе? — тихо спросила Лиз. — Странно, да?

Тэд долго смотрел на Уильяма.

— Да, — сказал он наконец. — Очень странно.

Уильям ворочался и извивался, и Лиз придерживала его рукой, чтобы он не свалился со столика. Она резко повернулась к Тэду.

— С тобой все в порядке?

— Да. — Он сам поразился тому, как спокойно звучит его голос. Исчез ослепительно белый свет, не застилавший глаза, а горевший *за ними*. Тэду вдруг показалось, что он кое-что понял о птицах — совсем немного — и о том, каким должен быть следующий шаг. Он понял это, глядя на ножку сына, где красовался синяк, точно такой же, как на ножке Уэнди: по цвету, по форме и местоположению. Когда Уилл схватил чашку и опрокинул ее на себя, он плюхнулся на попку. Насколько Тэд помнил, ножкой он не ударялся. И все-таки у него на ноге был синяк — симпатический синяк в форме гриба.

— *Точно* в порядке? — переспросила Лиз.

— Они и синяками своими делятся, — сказал Тэд, глядя на ножку Уильяма.

— Тэд?

— Со мной все в порядке. — Он легонько поцеловал жену в щеку. — Давай-ка уже одевать наших Психо и Соматику.

Лиз рассмеялась.

— Тэд, ты сумасшедший.

Он улыбнулся, но улыбка вышла странной, какой-то далекой.

— Да. Сумасшедший и хитрый, как лис.

Он отнес Уэнди обратно на ее пеленальный столик и принялся надевать на нее подгузник.

Глава 18

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

1

Он дождался, когда Лиз ляжет спать, и только потом поднялся к себе в кабинет. По дороге он задержался на минутку у двери спальни, слушая ровное дыхание жены, желая убедиться, что она уже спит. Он кое-что задумал

и не был уверен, что у него что-то получится, но если получится, это может быть опасно.

Очень опасно.

Кабинет был оборудован в большой длинной комнате, разделенной на две части: «читальный зал» с книжными шкафами, диванчиком, удобным креслом и торшером, который менял направление света, и «рабочее пространство» в дальнем конце комнаты. Здесь стоял старомодный письменный стол, настолько уродливый, что это было почти прекрасно. Тэд приобрел эту громадину, когда ему было двадцать шесть, и Лиз иногда говорила знакомым, что Тэд никогда не выкинет свой старый стол, потому что втайне верит, что это его персональный Источник писательского вдохновения. Когда она так говорила, они оба улыбались, словно действительно верили, что это шутка.

Над этим монументальным чудовищем висели три лампы в стеклянных абажурах, и когда Тэд включал только их, как это сделал сейчас, три круга света, частично перекрывающие друг друга, освещали завалы на поверхности стола и создавали впечатление, словно Тэд собирался сыграть в некую странную разновидность бильярда — правила игры на столь сложной поверхности были не ведомы никому, но в тот вечер после падения Уэнди мрачное выражение лица Тэда ясно дало бы понять стороннему наблюдателю, что, независимо от правил, ставки в этой игре высоки.

Тэд согласился бы с этим на сто процентов. В конце концов, ему понадобилось больше суток, чтобы справиться с духом и приступить к выполнению задуманного.

На мгновение его взгляд задержался на закрытой чехлом пишущей машинке со стальным рычагом возврата каретки, торчащим с левой стороны, словно поднятый большой палец путешественника, голосующего на шос-

се. Тэд сел перед машинкой, пару секунд побарабанил пальцами по краю стола, потом открыл ящик слева от машинки.

Это был большой ящик, широкий и глубокий. Тэд достал оттуда свой дневник, а потом выдвинул ящик до упора. Банка с бероловскими карандашами «ЧК» опрокинулась, карандаши рассыпались. Тэд вытащил банку, поставил ее на стол на привычное место, потом собрал карандаши и вернул их в банку.

Он закрыл ящик и устался на банку с карандашами. Он спрятал их в стол после первого приступа помрачения сознания, когда написал «ВОРОБЬИ СНО-ВА ЛЕТАЮТ» одним из «Черных красавцев» на рукописи «Золотого пса». Он не собирался прикасаться к ним снова... и все-таки два дня назад он сидел здесь, в кабинете, и вертел в руках один из этих карандашей, а теперь вот они — стоят на своем месте, где стояли в течение тех двенадцати лет, когда Старк жил с ним, жил в нем. Долгими периодами Старк никак себя не проявлял, словно его не было вовсе. А потом появлялась идея, и хитрый лис Джордж выскакивал, словно чертик из табакерки. *Ку-ку!* А вот и я, Тэд. Вперед, дружище! По коням!

И в течение следующих трех месяцев Старк исправно возникал каждый день, ровно в десять, включая выходные. Он появлялся, хватал один из бероловских карандашей и принимался строчить свою безумную дичь — безумную дичь, что оплачивала счета, которые не могли оплатить собственные вещи Тэда. А когда книга была готова, Джордж исчезал, как тот безумный старик, превращавший солому в золото для Рапунцель.

Тэд взял карандаш, посмотрел на отметины зубов на кончике деревянного стержня и бросил его обратно в банку. Та тихо звякнула.

— Моя темная половина, — пробормотал Тэд.

Но мог ли он назвать Джорджа Старка *своим*? Не был ли Старк всегда сам по себе? Не считая того припад-ка, или помутнения сознания, или что это было, Тэд ни разу не пользовался бероловскими карандашами — даже чтобы делать заметки, — с тех пор как написал «КО-НЕЦ» на последней странице последнего романа Старка «Дорога в Вавилон».

В конце концов, ему было незачем ими пользоваться; это были карандаши Джорджа Старка, а Джордж Старк умер... или так думал Тэд. Со временем он собирался вообще их выбросить, эти карандаши.

Но теперь им, похоже, нашлось применение.

Он потянулся к банке, но тут же отдернул руку, словно обжегшись о стенку раскаленной печи, пышущей яростным жаром.

Не сейчас.

Он достал из кармана рубашки шариковую ручку «Скрипто», открыл дневник, снял с ручки колпачок, на секунду замялся, а потом начал писать:

Если Уильям плачет, Уэнди тоже плачет. Но я обнаружил, что связь между ними гораздо сильнее и глубже. Вчера Уэнди упала с лестницы и посадила на ножке синяк — синяк, похожий на лиловый гриб. Когда близнецы проснулись после дневного сна, у Уильяма тоже появился синяк. На том же месте, той же формы.

Тэд писал в стиле самоинтервью, в котором была написана большая часть его дневника. По ходу дела ему пришло в голову, что такая манера письма, помогающая находить дорожку к своим подлинным мыслям, предполагает еще одну форму раздвоенности... или, возможно, это была просто еще одна сторона все того же фундаментального и загадочного раздвоения его души и рассудка.

Вопрос: Если взять слайды синяков на ножках обеих моих детей и наложить их друг на друга, совпадут ли изображения?

Ответ: Думаю, да. Думаю, здесь будет так же, как с отпечатками пальцев. Как с образцами голоса.

Тэд на секунду прервался и задумался, постукивая по странице кончиком ручки. Потом снова склонился над дневником и принялся быстро писать:

Вопрос: ЗНАЕТ ли Уильям, что у него синяк?

Ответ: Нет. Думаю, нет.

Вопрос: Знаю ли я, что собой представляют воробьи и что они означают?

Ответ: Нет.

Вопрос: Но я знаю, что воробьи СУЩЕСТВУЮТ. Хотя бы это я знаю, да? Что бы там ни считал Алан Пэнзборн или кто-то еще, я знаю, что воробьи СУЩЕСТВУЮТ, и знаю, что они снова летают, так?

Ответ: Да.

Теперь ручка буквально летала по странице. Так быстро и раскованно Тэд не писал уже несколько месяцев.

Вопрос: Знает ли Старк о существовании воробьев?

Ответ: Нет. Он сказал, что не знает, и я ему верю.

Вопрос: ТОЧНО ЛИ я ему верю?

Он опять остановился, но лишь на мгновение.

Старк знает, что ЧТО-ТО есть. Но Уильям тоже должен знать, что есть что-то такое, что его беспокоит, — если у него на ноге синяк, это место должно болеть. Но синяк ему передала Уэнди, когда упала с лестницы. Уильям знает лишь то, что у него болит ножка.

Вопрос: Знает ли Старк, что у него есть больное место? Уязвимое место?

Ответ: Думаю, да.

Вопрос: Птицы — мои?

Ответ: Да.

Вопрос: Значит ли это, что когда он написал «ВОРОБЬИ СНОВА ЛЕТАЮТ» на стене у Клоусона и Мириам, он не знал, что делает, и не помнил об этом потом?

Ответ: Да.

Вопрос: Кто написал о воробьях? Кто написал это кровью?

Ответ: Тот, кто знает. Тот, кому принадлежат воробьи.

Вопрос: Кто это знает? Кому принадлежат воробьи?

Ответ: Я знаю. Они принадлежат мне.

Вопрос: Был ли я рядом с ним? Был ли я рядом, когда он их убивал?

Он опять на секунду прервался и написал: *Да*. А потом: *Нет*. И то и другое. У меня не было никаких помутнений сознания, когда Старк убивал Гомера Гамиша и Клоусона. Во всяком случае, я такого не помню. Думаю, то, что я знаю... то, что я ВИЖУ... оно, возможно, растет.

Вопрос: Он тебя видит?

Ответ. Не знаю. Но...

— Должен видеть, — пробормотал Тэд.

Он написал: *Он должен знать меня. Должен меня видеть. Если те книги действительно написал ОН, значит, он меня знает уже давно. И его собственное знание, его собственное видение тоже растет. Вся эта записывающая и отслеживающая аппаратура не обманула хитрого лиса Джорджа, верно? Да, разумеется, не обманула. Потому что хитрый лис Джордж знал, что ее здесь поставят. Тот, кто почти десять лет писал криминальные романы, не может не знать о таких вещах. Это одна из причин,*

по которой его этим не проведешь. Но другая причина еще интереснее, правда? Когда он захотел поговорить со мной так, чтобы нас никто не подслушал, он точно знал, где я буду и как до меня дозвониться, верно?

Да. Старк позвонил Тэду домой, когда хотел, чтобы его подслушали, а когда не хотел, позвонил в «Дейвз-маркет». Но почему он хотел, чтобы его подслушали в первом случае? Потому что ему надо было сообщить полицейским — которые, как он знал, слушают разговор, — что он не Джордж Старк и *знает* об этом... и что он покончил с убийствами и не придет за Тэдом и его семьей. Но была и другая причина. Он хотел, чтобы Тэд увидел образцы голоса, которые, как ему было известно, обязательно будут сделаны. Он знал, что полиция не поверит в эту улику, какой бы неопровержимой она ни казалась... но Тэд поверит.

Вопрос: Откуда он знал, где меня найти?

Хороший вопрос, да? Из той же серии, что и вопросы, как у двух разных людей могут быть одинаковые отпечатки пальцев и образцы голоса и как у двух разных малышей появляются одинаковые синяки... особенно если ударился только один из упомянутых малышей.

Однако Тэд знал, что подобное уже случалось и подтверждалось документально, во всяком случае, когда речь шла о близнецах; а в случаях с однойцевыми близнецами все было еще удивительнее и загадочнее. Около года назад Тэд читал об этом статью в журнале. Читал очень внимательно, потому что у него самого были близнецы.

В статье говорилось о случае с однойцевыми близнецами, жившими в разных частях света. Когда один из них сломал левую ногу, у другого начались жуткие боли в левой ноге, причем он даже не знал, что с его братом случилась такая беда. Был еще случай с сестрами-близ-

нецами, которые придумали свой собственный язык — язык, понятный лишь им двоим. Эти девочки так и не выучили английский, несмотря на одинаково высокий коэффициент умственного развития у обеих. Зачем им английский? Они понимали друг друга... а больше им не был нужен никто. И еще в статье говорилось о двух близнецах, разлученных сразу после рождения. Они встретились уже взрослыми и обнаружили, что оба жили в один и тот же год и даже в один и тот же день на женщинах с одинаковым именем и поразительно схожей внешностью. Больше того, обе пары назвали своих первенцев Робертами. Оба Роберта родились в один и тот же год и в один и тот же месяц.

Половинка на половинку.

Крест-накрест.

Один в один.

— У Айка и Майка, как водится, мысли сходятся, — пробормотал Тэд и обвел последнюю написанную им строчку:

Вопрос: Откуда он знал, где меня найти?

Ниже добавил:

*Ответ: Он знал, потому что воробьи снова летают.
И потому что мы близнецы.*

Тэд перевернул страницу и отложил ручку в сторону. Его бил озноб, сердце бешено колотилось в груди. Он протянул дрожащую руку и вытащил из банки один из бероловских карандашей. Ему показалось, что карандаш был горячим — он неприятно жег пальцы.

Пора за работу.

Тэд Бомонт склонился над чистой страницей, секунду помедлил и написал большими печатными буквами: «ВОРОБЬИ СНОВА ЛЕТАЮТ».

2

И что, интересно, он хотел сделать с этим карандашом?

Это Тэд тоже знал. Он хотел попытаться найти ответ на последний вопрос, настолько очевидный, что даже не стал его записывать: сможет ли он сознательно войти в транс, сможет ли он *заставить* воробьев летать?

Задумка заключалась в том, чтобы установить психологический контакт посредством автоматического письма, о котором Тэд только читал, но ни разу не видел в деле. Человек, пытающийся связаться с духом умершего (или живого), свободно держит в руке карандаш или ручку, приставив ее к чистому листу бумаги, и ждет, когда вышеозначенный дух начнет водить его рукой и выписывать слова. Тэд читал, что к автоматическому письму, которое можно осуществлять и с помощью доски для спиритических сеансов, часто относятся как к шутливой забаве или даже салонной игре, но это очень опасная штука, потому что такое письмо может открыть разум пишущего, так что им завладеет чужая воля.

Когда Тэд об этом читал, он вообще не задумывался, верить или не верить; это никак не затрагивало его жизнь, он был так же далек от общения с духами, как от поклонения языческим идолам или мысли, что трепанация черепа помогает от головных болей. Теперь же ему казалось, что в этом была своя беспощадная логика. Но ему придется вызвать воробьев.

Он задумался о воробьях. Попытался вызвать в сознании образ всех этих птиц, *тысяч и тысяч* птиц, сидящих на крышах и телефонных проводах под безмятежным весенним небом в ожидании телепатической команды на взлет.

И образ пришел... но какой-то картонный и нереальный, вроде как мысленный рисунок, в котором нет жизни. Так часто бывало, когда Тэд начинал новую книгу, — сухие, бесплодные упражнения. Нет, даже хуже. Начало

новой работы всегда отдавало похабщиной, как будто целуешь взасос холодный труп.

Но Тэд давно понял, что если не бросить в самом начале, если продолжать вымучивать слова, в какой-то момент на страницу врывается нечто иное, нечто одно-временно прекрасное и пугающее. Слова, как отдельные единицы, постепенно исчезали. Персонажи, прежде ходульные и безжизненные, понемногу оживали, словно он продержал их всю ночь в тесном чулане, и им нужно размяться, прежде чем приступать к своему сложному танцу. Что-то происходило у него в *мозгу*; он почти чувствовал, как меняется рисунок электрических волн, как суетливая рябь превращается в мягкие колебания сновидений.

И вот теперь Тэд сидел, склонившись над дневником и держа карандаш наготове, и пытался войти в это самое состояние. Но время шло, и ничего не происходило, и он все больше и больше чувствовал себя дураком.

Ему вспомнилась фраза из старого мультика «Приключения Рокки и Бульвинкля». Она вертелась в голове и никак не отставала: «Эне-мене-чили-бене, духи будут говорить!» Что, интересно, он скажет Лиз, если она вдруг войдет и спросит, что он здесь делает, сидя в полночь перед чистым листом с карандашом в руке? Неужели пытается нарисовать кролика на спичечном коробке, чтобы получить грант на обучение в Школе изящных искусств в Нью-Хейвене? Черт, у него даже *нет* спичечного коробка.

Он уже протянул руку, чтобы вернуть карандаш в банку, но вдруг застыл. Он слегка повернулся в кресле, так что теперь смотрел в окно слева от письменного стола.

На подоконнике сидела птица и смотрела на Тэда черными блестящими глазами-пуговками.

Это был воробей.

Пока Тэд смотрел на него, на подоконник сел еще один воробей.

И еще.

— Боже мой, — проговорил он слабым, дрожащим голосом. Никогда в жизни он так не пугался... и его снова куда-то *тянуло*. Точно так же, как во время разговора со Старком по телефону, только теперь это пугающее ощущение было сильнее, гораздо сильнее.

Еще один воробей приземлился на подоконник, растолкав трех других, и Тэд увидел еще воробьев: они сидели на крыше гаража, где Бомонты держали газонокосилку и машину Лиз. Старинный флюгер на коньке крыши был буквально облеплен птицами и покачивался под их весом.

— Боже мой, — повторил Тэд и услышал свой собственный голос, словно издалека. Голос, исполненный ужаса и потрясенного удивления. — Боже, они настоящие... *воробьи настоящие*.

При всем своем богатейшем воображении он никогда бы не подумал... но сейчас не было времени на размышления, да и размышлять было *нечем*. Кабинет вдруг исчез, и Тэд оказался в Риджуэйской части Бергенфилда, где прошло его детство. Район был таким же пустынным и тихим, как дом в кошмарном сне со Старком; Тэд смотрел на безмолвный пригород мертвого мира.

И все-таки не совсем мертвого. Потому что на крышах домов сидели щебечущие воробьи. На каждой крыше, на каждой телеантенне. На каждом дереве. На всех проводах. На крышах машин, припаркованных у тротуара. На большом синем почтовом ящике на углу Дюк-стрит и Мальборо-лейн. На велосипедной стойке перед входом в небольшой супермаркет на Дюк-стрит, куда мать посылала Тэда за хлебом и молоком, когда он был мальчишкой.

Мир был полон воробьев, ждущих команды взлететь.

Тэд Бомонт у себя в кабинете откинулся на спинку стула, в уголках его губ пузырилась слюна, ноги судорожно дергались. Теперь на всех подоконниках сидели воробьи — сидели тесными рядами и смотрели на Тэда,

словно зрители в птичьем театре. У него изо рта вырвался долгий булькающий звук. Глаза закатились, так что остались видны лишь белки.

Карандаш прикоснулся к бумаге и начал писать.

СЕСТРЕНКА

нацарапал он в самом верху страницы. Затем опустил-ся на две строчки вниз; поставил L-образный значок, которым Старк всегда отмечал каждый новый абзац, и написал:

*L Женщина начала отступать
от дверь. Начала еще прежде, чем
дверь, открывавшаяся вовнутрь, успе-
ла остановиться, но было уже слиш-
ком поздно. Моя рука метнулась со
скоростью пули из узкой щели между
дверью и косяком и схватила женщину
за запястье.*

Воробьи взвились в воздух.

Они взлетели все разом, как по команде. И те, что были у него в голове, из давнишнего Бергенфилда, и те, что сидели за окнами его кабинета в Ладлоу.. теперешние, настоящие. Они поднялись в оба неба: в белое весеннее небо 1960-го и темное летнее небо 1988-го.

Поднялись и улетели прочь — вихрем хлопающих крыльев.

Тэд выпрямился... но его рука была по-прежнему словно приклеена к карандашу, тянувшему ее за собой.

Карандаш писал сам по себе.

У меня получилось, ошеломленно подумал он, вытирая слюну со рта и подбородка левой рукой. У меня получилось... и, видит Бог, лучше бы я этого не затевал. ЧТО ЭТО?

Он смотрел на слова, лившиеся из-под его руки, его сердце колотилось так сильно, что он чувствовал в горле удары учащенного пульса. Предложения, возникавшие на бумаге синими линиями, были написаны его собственным почерком — но, с другой стороны, все книги Старка тоже были написаны его почерком. *Если у нас одинаковые отпечатки пальцев и образцы голоса, если мы предпочитаем одну и ту же марку сигарет, было бы странно, если бы почерк был разным*, подумал Тэд.

Да, почерк такой, как всегда. Но откуда берутся слова? Явно не из его головы; сейчас у него в голове не было ничего, кроме ужаса и оглушительного смутения. Рука вообще ничего не чувствовала. Кисть правой руки даже не онемела, ее словно не было вовсе. Никакого давления в пальцах не ощущалось, хотя Тэд видел, что так крепко сжимает карандаш, что кончики большого, указательного и среднего пальцев побелели. Ему в руку как будто вкололи новокаин.

Он дошел до конца первой страницы. Его бесчувственная рука перевернула страницу, бесчувственная ладонь разгладила следующий лист, посильнее прижав корешок, чтобы дневник раскрылся получше, и продолжила писать.

Л Муриам Каули открыла рот, чтобы закричать. Я стоял прямо за дверью и терпеливо ждал уже больше четырех часов, не выпил ни одной чашки кофе, не выкурил ни одной сигареты. (КуриТЬ хотелось ужасно, и я обязательно закурю, когда все закончится, но не сейчас. Сейчас заплах мог ее насторожить.) Я напомнил себе, что надо будет закрыть ей глаза, когда я перережу ей глотку.

С нарастающим ужасом Тэд осознал, что читает отчет об убийстве Мириам Каули... и теперь это был не сбивчивый, невразумительный набор слов, а вполне связное, жесткое повествование человека, который на свой жуткий манер был очень даже успешным писателем — настолько успешным, что миллионы людей покупали его книги.

Дебют Джорджа Старка в документальной литературе, подумал Тэд, борясь с подступающей тошнотой.

Он сделал именно то, что хотел: установил контакт, каким-то образом пробрался в сознание Старка, точно так же, как Старк, видимо, пробирался в его собственное сознание. Но кто знает, какие чудовищные, неведомые силы он при этом затронул? Кто *может* знать? Воробы — и осознание того, что они *настоящие*, — уже напугали его до смерти, но это было еще хуже. Неудивительно, что карандаш показался ему теплым на ощупь. Разум этого человека пылал, как топка.

А теперь... Господи! Вот оно! Выходит из-под его собственной руки! Господи Боже!

Л — Думаешь, что сумеешь продолжить мне башку этой штукой, да, сестренка? — спросил я. — Скажу тебе одну вещь: это не самая счастливая мысль. А знаешь, что бывает с людьми, которые теряют счастливые мысли? Л Теперь по ее щекам текли слезы.

Что с тобой, Джордж? Ты растерял все счастливые мысли?

Неудивительно, что сукин сын на мгновение сбился, услышав от Тэда эти слова. Если верить тому, что написано, ту же самую фразу Старк произнес перед тем, как убить Мириам.

Я был в его голове, когда все это происходило, — я там БЫЛ. Вот почему я сказал эту фразу, когда разговаривал с ним в магазине.

Вот Старк заставляет Мириам позвонить Тэду, диктует ей номер из ее записной книжки, потому что она от испуга его забыла, хотя случались недели, когда ей приходилось набирать этот номер десятки раз. Для Тэда ее забывчивость — как и то, что Старк понимал, в чем причина этой забывчивости, — была одновременно жуткой и убедительной. А теперь Старк взмахнул бритвой...

Тэд не хотел это читать. Он не станет это читать. Он поднял руку, отрывая от бумаги бесчувственную кисть, державшую карандаш. Кисть казалась тяжелой, как будто налитой свинцом. Едва карандаш оторвался от бумаги, рука вновь обрела чувствительность. Мышцы свело, средний палец налился тупой болью; карандаш оставил на нем вмятину, которая уже начинала краснеть.

Он взглянул на исписанную страницу со смесью ужаса и немного изумления. Меньше всего на свете ему хотелось сейчас возвращать карандаш на бумагу и вновь замыкать эту цепь, соединявшую его со Старком... но он затеял все это вовсе не для того, чтобы прочесть отчет об убийстве Мириам Каули из первых рук, верно?

А если птицы вернутся?

Но они не вернутся. Птицы сделали свое дело. Соединение, которое Тэд сумел установить, держалось крепко и действовало исправно. Тэд понятия не имел, откуда он это знает. Он просто знал.

Где ты, Джордж? — подумал он. Почему я тебя не чувствую? Потому что ты не осознаешь моего присутствия, как я сам не осознаю твоего? Или тут что-то другое? Мать твою, ГДЕ ТЫ?

Он держал эту мысль в голове, стараясь представить ее в виде неоновой вывески, горящей ярко-красным. Потом снова сжал в руке карандаш и поднес его к раскрытому дневнику.

Как только кончик карандаша коснулся бумаги, рука поднялась сама по себе, перевернула страницу и разгладила чистый лист, как уже было однажды. Потом карандаш написал:

*Л — Это не важно, — сказал
Машина Джеку Рэнгли. — Все места
одинаковы. — Он поехал. — Кроме,
может быть, дома. Я это узнаю, ког-
да туда доберусь.*

Все места одинаковы. Эту фразу Тэд узнал первой, а потом — и всю цитату. Из первой главы первой книги Старка. «Пути Машины».

На этот раз карандаш остановился сам. Тэд поднял его и уставился на написанные слова, холодные и колючие. *Кроме, может быть, дома. Я это узнаю, когда туда доберусь.*

В «Пути Машины» дом был на Флэтбуш-авеню, где Алексис Машина провел детство, подметая бильярдную, принадлежавшую его отцу-алкоголику. А где дом в этой истории?

Где дом? — подумал Тэд, пристально глядя на карандаш, и медленно опустил его на бумагу.

Карандаш начертил несколько ломаных линий, похожих на скособоченные буквы «м», застыл на секунду и написал:

Л Дом там, где начало

В этом наверняка есть какой-то смысл. Или нет? Связь еще держится, или теперь Тэд обманывает себя, выдавая желаемое за действительное? Он не обманывал себя с воробьями и не обманывал себя во время первого

бурного всплеска автоматического письма, он это знал, но ощущение жара и присутствия чужой воли как будто ослабло. Он по-прежнему не чувствовал руку, но онемение могло наступить просто из-за того, что он слишком крепко сжимал карандаш, — действительно крепко, если судить по отметине на среднем пальце. В той же статье об автоматическом письме было написано, что люди часто дурачат себя на спиритических сеансах общения с духами: в большинстве случаев указатель по «говорящей доске» сдвигают не духи, а подсознательные мысли и желания вопрошающего.

Дом там, где начало. Если это написал Старк и если во фразе есть смысл, она должна означать *здесь*, в этом доме, верно? Потому что Джордж Старк родился именно здесь.

Тэду вдруг вспомнился отрывок из той проклятой статьи в «Пипл».

«Я сел за стол, заправил лист в пишущую машинку... и тут же вытащил. Все свои книги я печатал на машинке, но Джордж Старк явно не одобрял пишущие машинки. Может быть, потому, что в местах не столь отдаленных, где он периодически обретался, не было курсов машинописи».

Неплохо придумано, да. Очень даже неплохо. Но вот именно что — придумано. Взято из головы. Это был вовсе не первый раз, когда Тэд сочинял историю, имевшую лишь отдаленное отношение к правде. И скорее всего не последний — если, конечно, он доживет до следующего раза. Впрочем, это была не совсем ложь; и даже, по сути, не приукрашивание правды. Это было почти бессознательное искусство выдумывать себе жизнь, и Тэд не знал ни одного писателя, который бы этим не занимался. Причем это делается вовсе не для того, чтобы представить себя в выгодном свете в той или иной ситуации; иногда — да, но ты точно так же выдумываешь истории, которые явно тебя не красят или

выставляют тебя идиотом. В каком там фильме репортер говорит: «Если есть выбор между легендой и правдой, печатай легенду»? Кажется, в «Человеке, который застрелил Либерти Вэланса». Может быть, из этого получится дерьмовый и безнравственный репортаж, зато прекрасный миф. Избыток вымысла в жизни — это, наверное, почти неизбежный побочный эффект сочинительства. Как мозоли на кончиках пальцев у гитариста или кашель курильщика.

Правда о рождении Старка весьма отличалась от версии в «Пипл». Не было никаких мистических озарений, никаких указаний свыше, чтобы писать книги Старка от руки, хотя со временем это превратилось в своеобразный ритуал. А в том, что касается ритуалов, писатели не менее суеверны, чем профессиональные спортсмены. Бейсболист может всегда выходить на поле в одних и тех же носках или креститься перед тем, как шагнуть на домашнюю базу, если в этих носках или после крестного знамения он хорошо отбивает; писатель, успешный писатель, тоже подвержен бытовой магии ритуалов, отгоняющих неудачу, — писательский эквивалент вялой игры, именуемый творческим застоєм.

Привычка Джорджа Старка писать от руки появилась лишь потому, что Тэд забыл привезти новые ленты для «Ундервуда», стоявшего в его маленьком кабинете в летнем доме в Касл-Роке. У него не было ленты для пишущей машинки, а пришедшая в голову мысль показалась такой заманчивой и перспективной, что Тэд не мог ждать. Он порвался в столе, нашел блокнот с карандашами и...

В тот год мы приехали на озеро позже обычного, потому что мне пришлось задержаться и читать трехнедельный спецкурс... как он там назывался? Принципы творческого труда. Полный идиотизм. Был уже конец июня, я помню, как поднялся в кабинет и понял, что нет ни одной

нормальной ленты. *Черт, я помню, как Лиз рычала, что в доме нет даже кофе...*

Дом там, где начало.

В разговоре с Майком Дональдсоном, журналистом из «Пипл», рассказывая наполовину выдуманную историю о происхождении Старка, Тэд не задумываясь перенес место действия в большой дом в Ладлоу — наверное, потому, что именно здесь, в Ладлоу, шла основная работа над книгами, и было бы только естественно представить всю сцену здесь — тем более если ты представляешь сцену, если *обдумываешь* эпизод, как это бывает, когда пишешь книгу. Но дебют Старка состоялся не здесь; не здесь он впервые взглянул на мир, воспользовавшись глазами Тэда, хотя именно здесь, в Ладлоу, он написал большую часть своих книг — и как Тэд Бомонт, и как Джордж Старк, — и здесь они прожили большую часть своей странной двойной жизни.

Дом там, где начало.

В таком случае дом должен означать Касл-Рок. Касл-Рок, где располагается Старое городское кладбище. Старое городское кладбище, где (как это виделось Тэду, если уж не Алану Пэнгборну) Джордж Старк впервые объявился в своем убийственном физическом воплощении около двух недель назад.

А потом, словно это было в порядке вещей — и, кстати, вполне могло быть, — ему в голову пришел еще один вопрос. Вопрос очень существенный, но настолько внезапный, что Тэд даже пробормотал его вслух, как робкий поклонник на встрече с любимым автором:

— Почему ты хочешь вернуться к писательству?

Он опустил руку с карандашом на бумагу. Как только кончик карандаша коснулся листа, рука вновь онемела, словно ее опустили в ручей с очень холодной, очень чистой водой.

Рука начала действовать сама по себе. Она слегка приподнялась, снова перевернула страницу, разглади-

ла перевернутый лист... но на этот раз начала писать не сразу. Тэд уже подумал, что связь — или что это было? — оборвалась, несмотря на онемение в кисти, но потом карандаш в руке дернулся, словно живое существо... живое, но тяжело раненное. Карандаш дернулся, нарисовал что-то похожее на вялую запятую, дернулся еще раз, провел короткую линию, написал:

А́лордж Стэрк
А́лордж Стэрк Нет никаких птиц
А́лордж Стэрк

и остановился, как умерший механизм.

Да. Ты можешь написать свое имя. И можешь отрицать воробьев. Очень хорошо. Но почему ты хочешь вернуться к писательству? Почему это так важно? Важно настолько, чтобы из-за этого убивать?

Л Если не буду писать, я умру —

написал карандаш.

— В каком смысле? — пробормотал Тэд и вдруг почувствовал, как у него в голове взорвалась яркая вспышка. Вспышка безумной надежды. Неужели все так просто? Быть такого не может! Хотя нет. Наверное, *может*. Особенно для писателя, существовавшего только как автор нескольких книг. Господи, да ведь в мире полно *настоящих* писателей, которые не могут существовать, если не пишут, или думают, что не могут... а для Эрнеста Хемингуэя это действительно было одно и то же, ведь так?

Карандаш задрожал и прочертил длинную волнистую линию под последней строкой. Линию, очень похожую на синусоиду в образцах голоса.

— Ну *давай*, — прошептал Тэд. — Объясни, черт возьми.

Л Распадалась на ЧАСТИ —

написал карандаш. Буквы ложились на бумагу криво и неохотно. Карандаш дергался и дрожал в пальцах Тэда, теперь совсем побелевших. *Если сжать чуть сильнее*, подумал он, *карандаш просто сломается*.

терлю
терлю силу сцепления
нет никаких птиц НИКАКИХ НА ХРЕН ПТИЦ
ах ты сукин сын убирайся
из моей головы!

Его рука неожиданно рванулась вверх. Онемевшая кисть провернула карандаш в пальцах с ловкостью фокусника, производящего манипуляции с игровой картой, и вот уже вместо того, чтобы держать карандаш как обычно, Тэд сжал его в кулаке, как кинжал.

Он опустил карандаш вниз — Старк опустил его вниз — и вонзил в левую руку между большим и указательным пальцами. Графитовый кончик, слегка затупившийся после всего, что написал Старк, прошил руку почти насквозь. Карандаш сломался. Кровь заполнила ямку, пробитую деревянным стержнем, и сила, сжимавшая карандаш, вдруг исчезла. Алая боль пронзила руку, лежавшую на столе с торчавшим из раны обломком карандаша.

Тэд запрокинул голову и стиснул зубы, чтобы удержать рвущийся из горла вопль.

3

К кабинету примыкала маленькая ванная, и когда Тэд почувствовал в себе силы подняться, он прошел туда и рассмотрел рану в пульсирующей болью руке под резким светом люминесцентной лампы. Ранка напоминала пулевое отверстие — идеально круглая дырка с черным ободком по краю, похожим больше на порох,

чем на графит. Тэд перевернул кисть и увидел на стороне ладони ярко-красную точку, словно след от укола. Кончик карандаша.

Почти насквозь пропорол, подумал он.

Он включил холодную воду и держал под ней руку, пока та не онемела. Потом достал из аптечного шкафчика пузырек с перекисью водорода. Удержать его в левой руке Тэд не смог, и чтобы снять крышку, пришлось прижать пузырек к телу левым локтем. Стиснув зубы, Тэд вылил перекись в ранку. Прозрачная жидкость вспенилась и побелела.

Тэд поставил перекись на место и принялся изучать этикетки на пузырьках с лекарствами. Два года назад он неудачно упал на лыжах, и у него потом сильно болела спина. Добрый доктор Хьюм выписал ему рецепт на перкодан. Тэд тогда выпил всего пару таблеток; из-за них у него нарушался сон и сбивался рабочий ритм.

Он наконец разыскал пластиковый пузырек, спрятавшийся за баллончиком пены для бритья столетней давности. Сняв пробку зубами, Тэд вытряхнул одну таблетку на край раковины. Хотел взять еще одну, но решил, что не надо. Это было сильное лекарство.

И возможно, оно испортилось. Конвульсии и поездка в больницу станут достойным завершением этой веселой ночи — как тебе такой план?

Но он все-таки решил рискнуть. На самом деле он не особенно-то и раздумывал. Боль была просто адской. А что до больницы... он еще раз взглянул на рану и подумал: *Наверное, стоило бы показаться врачу, но будь я проклят, если сделаю это. В последние дни на меня и так многие смотрят, как на какого-то ненормального.*

Он вытряхнул еще четыре таблетки перкодана, положил их в карман брюк и вернул пузырек на место. Потом залепил рану пластырем. В упаковке как раз нашелся круглый. *Глядя на этот кружочек, размышлял Тэд, никто даже не заподозрит, как сильно она болит. Он по-*

ставил на меня капкан. Медвежий капкан у себя в голове, и я прямо в него и угодил.

Так ли это на самом деле? Тэд не знал, не знал на-верняка, но одно он знал точно: повторять этот подвиг ему не хотелось.

4

Более-менее успокоившись, Тэд убрал дневник в ящик стола, выключил свет в кабинете и спустился на второй этаж. На площадке он секунду помедлил, прислушиваясь. Близнецы спали. Лиз тоже.

Перкодан, явно не успевший испортиться, начал действовать. Рука болела уже не так сильно. Когда Тэд нечаянно сжимал ладонь, ее снова пронзало болью, но если поостеречься, все было не так уж и плохо.

Зато утром она разболится... и что ты скажешь Лиз?

Он не знал. Может быть, правду.. или хотя бы часть правды. Похоже, Лиз мастерски научилась распознавать его ложь.

Боль почти стихла, но нервный озноб после внезапного потрясения — после *стольких* внезапных потрясений — никак не унимался, и Тэд был уверен, что сможет заснуть еще очень не скоро. Он спустился на первый этаж, в гостиную, и выглянул в окно, в щелочку между закрытыми шторами. На подъездной дорожке стоял полицейский патрульный автомобиль. Тэд разглядел два мерцающих огонька сигарет, похожих на светлячков внутри темного автомобиля.

Сидят здесь, такие все из себя невозмутимые, как два огурца, подумал он. *Птицы их не беспокоят, так что, может, и НЕ БЫЛО никаких птиц, кроме как у меня в голове. В конце концов, этим парням платят за то, чтобы они обо всем беспокоились.*

Идея, конечно, заманчивая, но окна кабинета выходили на другую сторону. Их не видно с подъездной дорожки. И гаража тоже не видно. Так что копы и не могли видеть птиц. По крайней мере когда те сидели на подоконнике и на крыше гаража.

А когда воробьи взлетели? Ты хочешь сказать, что они ничего не слышали? Не видели сотню взлетающих птиц — если вообще не три сотни?

Тэд вышел во двор. Не успел он открыть дверь, как оба патрульных уже стояли по обеим сторонам машины. Это были крупные, крепкие парни, которые двигались с бесшумным проворством оцелотов.

— Он опять позвонил, мистер Бомонт? — спросил тот, кто стоял у водительской дверцы. Его звали Стивенс.

— Нет... Никто не звонил, — ответил Тэд. — Я работал у себя в кабинете, и мне показалось, я слышал, как где-то рядом взлетела целая стая птиц. Я даже слегка испугался. А вы, ребята, их слышали?

Тэд не знал, как зовут второго копа. Молодой, светловолосый, с круглым открытым лицом, буквально лущившимся добродушием.

— И слышали, и видели, — подтвердил он, указывая в небо, где над домом висела луна в первой четверти. — Они полетели туда. Воробьи. Целая стая. Обычно они по ночам не летают.

— Интересно, откуда они взялись? — спросил Тэд.

Круглолицый пожал плечами.

— Понятия не имею. Я завалил экзамен по слежке за птицами.

Он рассмеялся, однако второй патрульный даже не улыбнулся.

— Вас что-то беспокоит сегодня, мистер Бомонт?

Тэд спокойно взглянул на него.

— Да, — сказал он. — В последнее время меня *постоянно* что-то беспокоит.

— Сейчас мы можем вам чем-то помочь, сэр?

— Нет, — сказал Тэд. — Думаю, нет. Я просто хотел уточнить насчет того, что услышал. Спокойной ночи, ребята.

— Спокойной ночи, — ответил круглолицый.

Стивенс только кивнул и зыркнул на Тэда из-под козырька полицейской фуражки.

Он считает меня виновным, подумал Тэд, возвращаясь в дом. В чем? Он не знает. Ему, наверное, все равно. Но у него лицо человека, убежденного в том, что каждый в чем-то виновен. И кто знает? Возможно, он прав.

Он закрыл входную дверь и запер ее на замок. Потом вернулся в гостиную и снова выглянул в окно. Круглолицый молодой полицейский уже забрался обратно в машину, а Стивенс так и стоял рядом с водительской дверцей, и на мгновение Тэду показалось, что тот смотрит ему прямо в глаза. Разумеется, этого быть не могло; при задернутых шторах Стивенс если и смог бы что-нибудь разглядеть, то лишь темный силуэт у окна.

Но ощущение не проходило.

Он отошел от окна и подошел к бару. Открыл его и достал бутылку «Гленливета», своего любимого виски. Долго смотрел на бутылку и поставил ее на место. Ему очень хотелось выпить, но сейчас было не самое удачное время, чтобы вновь начать пить.

Он пошел в кухню и налил себе молока, стараясь не шевелить левой рукой. Рана пульсировала жгучей болью.

Он пришел как в тумане, размышлял Тэд, прихлебывая молоко. Потом он быстро оправился — так быстро, что даже страшно, — но в самом начале он был как в тумане. Он, наверное, спал. Возможно, ему снилась Мириам, но я сомневаюсь. Для сна то, к чему я прикоснулся, было уж слишком отчетливым. Думаю, это память. Думаю, это архив в подсознании Джорджа Старка, где он хранит свои воспоминания, аккуратно записанные и расставленные по местам. Думаю, если бы он забрался в мое подсознание — и, возможно, он уже забирался, — то нашел бы там что-то подобное.

Он отпил еще молока и взглянул на дверь в кладовку.

Интересно, а можно ли заглянуть в его мысли, когда он бодрствует... в его СОЗНАТЕЛЬНЫЕ мысли?

Наверное, да... но Тэд знал, что это вновь сделает его уязвимым. И в следующий раз это может быть не карандаш, вбитый в руку. Это может быть нож для бумаги, воткнутый в шею.

Это вряд ли. Я ему нужен.

Да, но он сумасшедший. А сумасшедшие не всегда блюдут свои собственные интересы.

Тэд посмотрел на дверь в кладовку и подумал, что можно войти туда... и снова выйти на улицу, с другой стороны дома.

Могу я заставить его что-нибудь сделать? Как он заставил меня?

Тэд не знал ответа на этот вопрос. По крайней мере на данный момент. Экспериментировать не хотелось. Один неудачный эксперимент — и можно отправиться к праотцам.

Он допил молоко, сполоснул стакан и поставил его в сушилку для посуды, потом вошел в кладовку. Здесь, между полками с консервами справа и полками с запасом бумаги слева, располагалась невысокая дверца, ведущая на лужайку за домом, которую Бомонты называли задним двором. Тэд отпер дверцу, распахнул ее и увидел столик для пикника и мангал, стоявшие во дворе в молчаливом карауле. Он шагнул на асфальтовую дорожку, которая огибала дом и соединялась с главной подъездной дорожкой на той стороне.

В бледном свете неполной луны дорожка блестела, как черное стекло. Стекло, испещренное белыми кляксами.

Проще говоря, воробьиное дерьмо, подумал Тэд.

Он медленно прошел по дорожке и остановился прямо под окнами своего кабинета. На горизонте показался большой грузовик, ехавший по шоссе № 15. Его яркие фары на миг осветили лужайку и асфальтовую дорожку. За этот миг Тэд успел разглядеть трупики двух воробьев — крошечные комочки перьев с торчащими кверху лапками. Грузовик исчез в темноте. В лунном свете трупики птиц вновь превратились в бесформенные пятна теней.

Значит, они настоящие, подумал Тэд. *Воробьи настоящие.* Его вновь охватил тот же слепой, тошнотворный ужас, вызывающий ощущение чего-то не очень пристойного. Он невольно сжал кулаки, и левая рука ото-

звалась вспышкой боли. Действие перкодана уже проходило.

Они были здесь. Они настоящие. Как такое возможно?

Он не знал.

Я их откуда-то вызвал или создал из ничего?

Этого он тоже не знал. Но в одном был уверен: воробы, прилетавшие сегодня ночью, настоящие воробы; появившиеся перед трансом, были лишь частью всех возможных воробьев. Лишь малой частью. Может быть, микроскопической.

Никогда, подумал он. *Пожалуйста... больше никогда.*

Впрочем, он подозревал, что его желания здесь ничего не решают. Вот в чем истинный ужас: он открыл в себе некий страшный, сверхъестественный дар, но не мог им управлять. Сама мысль о том, чтобы им управлять, казалась нелепой.

Он почему-то не сомневался, что до того, как все это закончится, они еще вернутся.

Тэд зябко поежился и вернулся обратно в дом. Проскользнул в свою собственную кладовку, словно какой-то домовник, запер дверь на замок и пошел спать. Но перед тем как подняться наверх, принял еще одну таблетку перкодана, запив ее водой из-под крана на кухне.

Лиз не проснулась, когда он лег рядом с ней. Сам Тэд заснул только под утро, провалился в колючий, прерывистый сон, в котором его окружали взвихренные кошмары, до которых было никак не дотянуться.

Глава 19

СТАРК КОЕ-ЧТО ПОКУПАЕТ

1

Пробуждение было совсем не похоже на пробуждение.

Впрочем, если подумать, он вообще *никогда* не бодрствовал и не спал по-настоящему, по крайней мере в том значении этих слов, в каком их понимают нормальные

люди. В каком-то смысле он спал *всегда* и лишь перемещался из одного сна в другой. В этом смысле его жизнь — то немногое, что он из нее помнил, — была подобна набору бесконечных китайских коробочек или необозримому залу кривых зеркал.

Этот сон был кошмаром.

Он медленно пробудился от сна, зная, что по-настоящему и не спал. На короткое время Тэду Бомонту удалось пробраться к нему в сознание и подчинить его своей воле. Говорил ли он что-то, *выдал* ли что-то, пока находился во власти Бомонта? Ему казалось, что да... но при этом он был уверен, что Бомонт ничего не поймет и не сможет отделить действительно важные вещи от совершенно не важных.

А еще он проснулся с болью.

Он снимал двухкомнатную «малогабаритку» в Ист-Виллидже, сразу за авеню Би. Открыв глаза, он обнаружил, что сидит за кривобоким кухонным столом, а перед ним лежит раскрытый блокнот. По выцветшей старой клеенке, покрывавшей стол, текла алая струйка крови. И ничего удивительного: его правая кисть была проткнута шариковой ручкой фирмы «Бик» почти насквозь.

Сон понемногу вспоминался.

Вот *так* он и выкинул Бомонта из своего сознания. Это был единственный способ разорвать связь, которую этот трусливый говнюк каким-то образом исхитрился установить между ними. Трусливый? Да. Но еще *хитрый*. И лучше об этом не забывать. Да, лучше не забывать...

Старк смутно припоминал, что ему снилось, как они с Тэдом лежали рядом, в одной постели — они разговаривали, и поначалу это казалось приятным и приносило какое-то странное утешение, — словно болтаешь с братом, когда уже погашен свет.

Только они не просто *болтали*, да?

Они делились друг с другом *секретами*... или, вернее, Тэд задавал вопросы, а Старк ловил себя на том, что от-

вечает. Отвечать было *приятно и утешительно*. Но еще и тревожно. Сначала его насторожили птицы — почему Тэд продолжает расспрашивать его *о птицах*? *Не было* никаких птиц. Может быть, только однажды... давным-давно... но теперь — нет. Это просто уловка, жалкая попытка выбить его из колеи. Но постепенно тревога росла, потому что включился инстинкт самосохранения — и этот инстинкт обострялся по мере того, как Старк все упорнее старался проснуться. У него было чувство, что его держат под водой, пытаются утопить...

И вот в этом сумеречном состоянии, в полусне и полуяви, он пришел в кухню, открыл блокнот и взял шариковую ручку. Тэд не пользовался такими, но разве это должно иметь значение? *Наверняка он сейчас тоже* писал, у себя за столом за пятьсот миль отсюда. Ручка была неправильной, конечно, даже лежала неправильно — в его руке, — но он сделает это. Сейчас.

Он видел, как его рука выводит на чистом листе: «Распадаюсь на ЧАСТИ». К тому времени он был уже очень близок к волшебному зеркалу, отделявшему сон от яви, и старался передать ручке у себя в руке свои собственные мысли, управлять тем, что появится, а что не появится на бумаге, но это было тяжело. Господи Боже, как *тяжело*.

Он купил биковскую ручку и полдюжины блокнотов в магазинчике канцтоваров сразу, как только приехал в Нью-Йорк; еще до того, как снял эту убогую конуру. В магазинчике были и бероловские карандаши, и он хотел купить *их*, но не купил. Потому что не важно, чей разум движет карандашами, раньше их всегда держала рука Тэда Бомонта, и Старку надо было понять, сможет ли он разорвать эту связь. Поэтому он не стал покупать карандаши, а взял вместо них ручку.

Если бы он смог писать, если бы смог писать *сам*, все было бы хорошо, и ему вообще не понадобился бы Бомонт, эта жалкая размазня. Но ручка была бесполезной.

Как он ни старался, как ни пытался сосредоточиться, он не смог написать ничего, кроме своего имени. Он писал его снова и снова: «Джордж Старк, Джордж Старк, Джордж Старк», — до тех пор, пока уже в самом низу страницы слова не превратились в неразборчивые каракули дошкольника.

Вчера он сходил в районное отделение Нью-Йоркской публичной библиотеки, где был машинописный зал, и арендовал на час одну из мрачно-серых электрических пишущих машинок «Ай-би-эм». Этот час растянулся на тысячу лет. Он сидел в отгороженной с трех сторон кабинке, стуча по клавишам дрожащими пальцами и печатая свое имя, на этот раз — прописными буквами: «ДЖОРДЖ СТАРК, ДЖОРДЖ СТАРК, ДЖОРДЖ СТАРК».

Перестань! — мысленно рявкнул он на себя. *Напечатая что-нибудь другое. Что угодно, но только другое!*

И он попытался. Склонился над клавишами, обливаясь потом, и напечатал: «Съешь еще этих мягких французских булок да выпей же чаю».

Но когда он взглянул на бумагу, там было написано: «Джордж еще этих джорджей джорджей старков, да джорджей же старку».

Ему захотелось сорвать машинку с держащих ее болтов и сокрушить всех и вся в этом зале, пройти вдоль кабинок, размахивая машинкой, словно варвар — дубиной, ломая хребты и раскалывая черепа. Если он не может творить, дайте ему разрушать!

Но он все-таки взял себя в руки (что далось нелегко) и вышел из библиотеки, смяв в сильной руке бесполезный лист бумаги, который он потом выбросил в урну на улице. И вот сейчас, держа ручку, он вспомнил ту неизбывную слепую ярость, в которую впал, обнаружив, что без Бомонта не способен написать ничего, кроме собственного имени.

Ярость.

И страх.

Паника.

Впрочем, у него есть Бомонт, верно? Бомонт может думать, что все как раз наоборот, но, возможно... Возможно, Тэда Бомонта ожидает большой сюрприз.

«теряю», — написал он, и, Господи, нельзя говорить Бомонту *ничего больше* — он и так выдал достаточно. Он изо всех сил старался захватить контроль над своей предательской рукой. Старался *проснуться*.

«силу СЦЕПЛЕНИЯ» — написала его рука, словно чтобы развить предыдущую мысль, и Старк вдруг увидел, как бьет Бомонта ручкой. Бьет, как ножом. Он подумал: *Да, я это могу. А вот ты, Тэд, не можешь, потому что, когда доходит до дела, ты просто тюфак. Когда доходит до дела, командовать буду я. И, по-моему, тебе пора это узнать.*

И тогда, пусть даже все было как сон внутри сна, пусть даже он находился во власти этого жуткого, головокружительного ощущения потери контроля, какая-то часть его беспощадной и безусловной самоуверенности все-таки вернулась, и он сумел пробить барьер сна. В то победное мгновение, когда он вырвался на поверхность, не дав Бомонту себя утопить, он захватил контроль над ручкой... и наконец обрел способность *писать*.

На секунду — лишь на одну секунду — возникло ощущение двух рук, сжимавших две письменные принадлежности. Ощущение было настолько явственным и реальным, что это могла быть *только* реальность.

«нет никаких птиц», — написал он. Первое настоящее предложение, которое он написал *за все время* в физическом теле. Писать было тяжело, действительно тяжело; лишь существо, обладавшее сверхъестественной решительной волей, могло бы выдержать такую нагрузку. Но как только слова вышли наружу, он почувствовал, что обретает контроль. Сила захвата той, другой руки,

ослабла — и Старк захватил ее сам, без раздумий и жалости.

Давай-ка и ты побарахтаешься под водой, подумал он. *Посмотрим, как ТЕБЕ это понравится.*

В возбуждении, которое было слаще и жарче, чем самый мощный оргазм, он написал: «Нет никаких птиц никаких на хрен ПТИЦ ах ты сукин сын убирайся из моей головы!»

А потом, не задумываясь ни на миг — раздумья часто приводят к фатальному промедлению, — он взмахнул ручкой, описав ею в воздухе резкую, короткую дугу. Металлический кончик вонзился в его правую руку... и он почувствовал, как в пятистах милях к северу Тэд Бомонд перевернул в пальцах бероловский карандаш и вонзил его в свою *левую* руку.

Вот тогда он и проснулся — они *оба* проснулись — по-настоящему.

2

Боль была обжигающей и чудовищной — но она была освобождением. Старк закричал и тут же прижался вспотевшим лицом к предплечью, чтобы заглушить крик. Но это был вопль не только боли, но и радостного возбуждения.

Он чувствовал, как Бомонт стиснул зубы, стараясь подавить свой собственный крик — там, у себя в кабинете в Мэне. Связь, которую Бомонт установил между ними, не оборвалась; скорее, она распустилась, как наскоро завязанный узел разъезжается от последнего яростного рывка. Старк почувствовал, почти *увидел*, как щупальце, которое этот предатель Бомонт запустил ему в голову, пока он спал, извивается, корчится и уползает прочь.

Старк протянул руку, но не физически, а *мысленно*, и ухватился за ускользающий кончик этого щупальца. В представлении самого Старка оно было похоже на

червя, жирного, белого опарыша, нафаршированного мертвечиной и гнильем.

Он подумал о том, чтобы заставить Тэда выхватить еще один карандаш из банки и ударить себя опять — на этот раз в глаз. Или поглубже в ухо, чтобы остро заточенный кончик пробил барабанную перепонку и воткнулся в мягкие ткани мозга. Он почти слышал вопль Тэда. *Этот* крик ему не сдержать.

Но он все-таки остановился. Он не хотел убивать Бомонта. Пока не хотел.

Сначала пусть Бомонт научит его, как жить самому по себе.

Старк медленно разжал кулак и почувствовал, как разжимается и тот кулак, что держал сущность Бомонта, — мысленный кулак, такой же стремительный и безжалостный, как и его материальный. Он почувствовал, как Бомонт, жирный белый червяк, со стоном и визгом уползает прочь.

— Пока живи, — прошептал он и занялся другими делами. Левой рукой он крепко сжал ручку, торчавшую из правой кисти. Потом одним быстрым рывком вытащил ручку и швырнул в мусорную корзину.

3

На сушилке у кухонной раковины стояла бутылка «Гленливета». Старк взял ее и пошел в ванную. Его правая рука легонько раскачивалась на ходу, и капли крови размером с десятицентовик падали на покоробившийся, выцветший линолеум. Дырка, пробитая ручкой, располагалась на полдюйма выше нижних костяшек, чуть правее среднего пальца. Она была круглой и походила на дырку от пули. Сходство усиливалось из-за ободка черных чернил вокруг раны и крови внутри. Он попробовал пошевелить пальцами. Пальцы двигались... но

кисть отозвалась такой жуткой болью, что Старк решил больше не экспериментировать.

Он дернул за цепочку, висевшую над аптечным шкафчиком с зеркальной дверцей, и под потолком зажглась голая лампочка на шестьдесят ватт. Старк прижал бутылку виски правым локтем к правому боку, чтобы левой рукой отвинтить крышку. Потом вытянул раненую правую руку над раковиной. Не проделывал ли то же самое сейчас Бомонт в Мэне? Как-то сомнительно. Вряд ли Бомонту хватит духу убрать за собой все дерьмо. Он сейчас наверняка мчится в больницу.

Старк плеснул виски на рану, и боль пронзила всю руку стальным шипом — от кисти до плеча. Он видел, как виски пузырится в ране, как янтарная жидкость перемешивается с кровью, и ему пришлось снова уткнуться лицом в мокрый от пота рукав рубашки.

Ему казалось, что боль никогда не утихнет, но она все-таки начала униматься.

Он попытался поставить бутылку на полочку под зеркалом. Но рука дрожала так сильно, что об этом нечего было и думать. Пришлось поставить бутылку на ржавый пол душевой кабинки. Через минуту ему захочется выпить.

Он поднял руку к свету и заглянул в дырку. Сквозь нее просматривалась лампочка, но смутно — словно смотришь сквозь красный фильтр, затуманенный пленкой слизи. Он не пробил руку насквозь, но чертовски близко к тому. Может, Бомонт справился лучше.

Будем надеяться.

Он открыл кран, сунул руку под струю холодной воды, растопылив пальцы, чтобы раскрыть рану как можно шире, и мысленно приготовился к боли. Сначала было погано — ему пришлось стиснуть зубы и сжать губы в тонкую белую линию, чтобы сдерживать крик, — но потом рука онемела, и стало лучше. Он заставил себя

продержать руку под краном целые три минуты. Потом выключил воду и опять рассмотрел рану на свет.

Свечение лампы еще просматривалось сквозь дырку, но теперь оно было далеким и бледным. Рана затягивалась. Его тело, казалось, обладало поразительной способностью к регенерации, что было особенно странно, если учесть, что в то же самое время он распадался на части. Терял силу сцепления, как он сам написал. И в принципе правильно написал.

Он усталился на свое отражение в мутном, покрытом пятнами зеркале на дверце аптечного шкафчика и смотрел на себя секунд тридцать, если не больше, а потом встряхнулся, возвращаясь к реальности. Каждый раз, когда он смотрел на свое лицо — такое знакомое и досконально изученное и в то же время такое новое и чужое, — у него возникало чувство, будто он впадает в гипнотический транс. Он почему-то не сомневался, что к этому все и придет, если он будет смотреть на себя достаточно долго.

Он открыл шкафчик, отвернув в сторону зеркало вместе со своим омерзительно заворачивающим отражением. Внутри хранился странный набор предметов: два одноразовых бритвенных станка, один уже использованный; флакончики с тональным кремом; пудра; несколько мягких косметических губок, изначально цвета слоновой кости, но теперь испачканных пудрой на пару тонов темнее; пузырек безрецептурного аспирина. Пластырей не было. *Пластыри, они как копы*, подумал Старк. *Ни одного нет поблизости, когда они нужны. Ну ничего. Он еще раз продезинфицирует рану виски (но сначала продезинфицирует себя изнутри — изрядной порцией, да) и перевяжет ее носовым платком. Вряд ли будет какое-то заражение; у него, кажется, иммунитет к любой заразе. Что не может не радовать.*

Он открыл пузырек с аспирином зубами, выплюнул пробку в раковину, потом опрокинул пузырек и высы-

пал себе в рот с полдюжины таблеток. Поднял с пола бутылку и запил таблетки хорошим глотком виски. Внутри сразу же разлилось успокоительное тепло. Потом он вылил на руку еще немного виски.

Старк пошел в спальню и открыл верхний ящик комода, знававшего лучшие — намного лучшие — дни. Кроме комода и древнего дивана-кровати, другой мебели в комнате не было.

Старк использовал только верхний ящик комода. В нем лежали три пары трусов в магазинной упаковке, две пары носков с еще не снятыми этикетками, пара джинсов и не вскрытая упаковка носовых платков. Он разорвал целлофан зубами и перевязал руку платком. Янтарное пятнышко виски просочилось сквозь тонкую ткань, а вслед за ним — и крошечная капелька крови. Старк подождал, не разрастется ли пятнышко, но оно не разрослось. Вот и славно. Просто отлично.

Интересно, а смог ли Бомонт что-то *почувствовать*? Смог ли выудить какую-то информацию из их странного телепатического контакта? Например, знает ли он, что Джордж Старк в данный момент снимает засранную конуру в Ист-Виллидж в убогом вонючем доме, где тараканы такие огромные, что вполне могут стащить чек на пособие по безработице? Скорее всего нет. Но какой смысл рисковать, когда можно не рисковать? Он обещал Тэду неделю на размышления, и хотя уже был уверен, что Тэд вовсе не собирается снова браться за перо под именем Старка, он все-таки даст ему время. Ровно столько, сколько обещал.

В конце концов, он — человек слова.

А если Бомонту не хватит вдохновения, возможно, придется его подстегнуть. Проблема решается просто. Например, если взять маленькую пропановую горелку — они продаются в любом хозяйственном магазине — и направить пламя на пару секунд к ступням малышей Тэда... Но это — позже. А пока поиграем в игру под на-

званием «терпеливое ожидание». И чтобы не тратить зря время, можно уже потихонечку двигать на север. Так сказать, занять позицию. В конце концов, у него есть машина — черный «торонадо». Она пока на хранении, но это не значит, что должна там и оставаться. Он может выехать из Нью-Йорка уже завтра утром. Но сперва надо будет кое-что прикупить... а прямо сейчас он должен воспользоваться кое-какой косметикой из аптечного шкафчика в ванной.

4

Он достал флакончик с тональным кремом, пудру и губки. Прежде чем приступить, еще раз приложился к бутылке с виски. Руки уже не дрожали, хотя правая все еще болела. Впрочем, его это не огорчало; если его рука просто болит, то у Бомонта она должна разрываться от боли.

Он посмотрел на себя в зеркало, дотронулся до мешка под левым глазом, потом провел пальцем по щеке до уголка рта.

— Теряю силу сцепления, — пробормотал он. И так оно и было.

Когда Старк впервые увидел свое лицо — встав на колени перед грязной лужей за Старым городским кладбищем и взглянув на свое отражение в мутной воде рядом с луноподобным бликом от ближайшего фонаря, — он остался вполне доволен. Лицо оказалось именно таким, каким являлось ему в сновидениях, пока он сидел, заключенный в темнице воображения Тэда Бомонта. Он увидел лицо мужчины, который, в общем, хорош собой, но не настолько, чтобы привлекать излишнее внимание. Будь его лоб не таким высоким, а глаза расставлены не так широко, это было бы одно из тех лиц, которые так и притягивают взгляды женщин. *Абсолютно* непримечательное лицо (если таковые вообще существуют) могло бы привлечь внимание хотя бы уже потому, что на нем

нет ни единой черты, за которые зацепляется взгляд, прежде чем двинуться дальше, не найдя ничего интересного; его абсолютная заурядность могла бы насторожить этот взгляд и заставить вернуться. В лице, которое Старк впервые увидел реальными глазами в той грязной луже, явно не было этой опасной непримечательности. Он еще подумал, что это просто идеальное лицо. Никто не будет к нему присматриваться, никто не сумеет его описать. Голубые глаза... сильный загар, что не совсем обычно для человека с такими светлыми волосами... и, собственно, все! Ничего больше! Свидетелю придется упомянуть широкие плечи, которые действительно обращали на себя внимание... но в мире полно широкоплечих мужчин.

Но теперь все изменилось. Теперь его лицо стало странным... и если в ближайшее время он не начнет писать снова, оно станет еще более странным. Оно превратится в шарж.

Теряю силу сцепления, снова подумал он. Но ты все исправишь, Тэд. Когда ты начнешь писать книгу о бронированном автомобиле, то, что со мной происходит, повернется вспять. Не знаю, откуда я это знаю. Но знаю точно.

С того дня, когда он впервые увидел свое отражение в луже, прошло две недели, и за эти недели его лицо изрядно испортилось. Причем процесс порчи шел полным ходом. Поначалу эти изменения были едва заметны, и он сумел убедить себя в том, что ему это только кажется... но когда разложение набрало скорость, он уже больше не мог отрицать очевидное. Если бы кто-то увидел две его фотографии, сделанные тогда и сейчас, этот «кто-то» наверняка бы подумал, что человек на снимках подвергся воздействию радиации или каких-то коррозионных химических веществ. Похоже, у Джорджа Старка случился самопроизвольный распад всех мягких тканей.

«Гусиные лапки» вокруг глаз, обычные признаки среднего возраста, которые он видел в луже, теперь превратились в глубокие морщины. Веки отяжелели, отвисли, обрели грубую фактуру крокодиловой кожи. Щеки начали приобретать такой же помятый, сморщенный вид. Глаза покраснели и воспалились, как у законченного алкоголика. Вниз от уголков рта протянулись глубокие борозды, придававшие ему сходство с чревоушательской куклой с челюстью на шарнирах. Светлые волосы — и поначалу не слишком густые — поредели еще больше, особенно на висках и на макушке, где сквозь них проглядывала розовая кожа. На руках проступили старческие пигментные пятна.

Все это можно было бы оставить как есть, не прибегая к косметическим ухищрениям. В конце концов, он выглядел просто старым, а что примечательного в обычной старости? Главное, что его сила никуда не делась. Плюс к тому, он был уверен, что когда они с Бомонтом снова начнут писать — писать, ясное дело, под именем Старка, — процесс распада повернется вспять.

Но теперь у него стали шататься зубы. И на коже появились язвы.

Первую он заметил три дня назад, на внутренней стороне правого локтя. Красное пятно с белым кружевом мертвой кожи по краю. Такие язвы ассоциировались у него с пеллагрой, эпидемии которой случались на дальнем Юге даже в 1960-х. Позавчера он увидел еще одну, на этот раз — на шее, под мочкой левого уха. Еще две — вчера. Одно пятно — на груди, второе — чуть ниже пупка.

Сегодня первая язва появилась у него на лице, на правом виске.

Они не болели. Чесались — да. Но не более того... во всяком случае, в том, что касается ощущений. Но они быстро распространялись. Его правая рука теперь была воспаленно-красной и зудела от локтя до середины предплечья. Он один раз попробовал ее почесать

и сразу понял, что лучше не надо. Плоть разъехалась под его пальцами с тошнотворной легкостью. Из бо-роздок, оставленных ногтями, потекла кровь с желтым гноем, причем раны испускали запах. Противный запах. И все-таки это была не инфекция. Он мог бы поклясться, что не инфекция. Больше похоже на влажную гниль.

Глядя на него сейчас, всякий — даже профессиональный медик — заподозрил бы скоротечную меланому, вызванную, вероятно, высокоинтенсивным облучением.

Однако язвы не особо его беспокоили. Он предполагал, что они будут множиться и прирастать, расплзаться по телу, и смыкаться друг с другом, и в конечном итоге съедят его заживо... если он им позволит. А поскольку он этого не позволит, то нечего и волноваться. Но нельзя оставаться неприметным в толпе, если лицо у тебя превращается в извергающийся вулкан. Значит, надо прибегнуть к услугам косметики.

С помощью губки он аккуратно нанес на лицо тональный крем, растирая от скул к вискам, пока окончательно не замазал тускло-красную язву у внешнего края правой брови и еще одну, новую, которая лишь начала проступать из-под кожи над левой скулой. Старк уже понял, что мужчина со слоем штукатурки на лице похож именно на мужчину со слоем штукатурки на лице. Иными словами, либо на телеактера из «мыльной оперы», либо на гостя «Шоу Фила Донахью». Уж всяко лучше, чем язвы, к тому же загар немного смягчал впечатление неестественности. В тени или при искусственном освещении слой тонального крема был почти незаметен. Во всяком случае, Старк на это надеялся. Была и другая причина держаться подальше от прямых солнечных лучей. Он подозревал, что солнечный свет ускоряет губительную химическую реакцию, происходящую в его организме. Как будто он превращался в вампира. Но это нормально; в каком-то смысле он всегда был вампиром.

К тому же я человек ночной, сова на все сто. И так было всегда. Такой уж я по натуре.

Старк усмехнулся, обнажив зубы, словно клыки.

Он закрыл флакончик с тональным кремом и взялся за пудру. *Я сам чувствую, как от меня воняет, подумал он, и очень скоро это почувствуют и другие... густое зло-воние, как от кастрюли с протухшим мясным рагу, целый день простоявшим на солнце. Это плохо, друзья и подружки. Очень плохо.*

— Ты будешь писать, Тэд, — произнес он вслух, глядя на себя в зеркало. — Но при удачном раскладе тебе не придется писать слишком долго.

Он усмехнулся еще шире, обнажив передние зубы, мертвые и почерневшие.

— Я быстро учусь.

5

На следующий день, в половине одиннадцатого, владелец канцелярского магазина на Хьюстон-стрит продал три коробки бероловских карандашей «Черный красавец» высокому широкоплечему мужику в клетчатой рубашке, джинсах и больших темных очках. Лицо мужика было покрыто коркой тонального крема — продавец решил, что это, должно быть, следы бурной ночи, проведенной в кобеляже по гей-барам. А судя по тому, как парень благоухал, можно было подумать, что он не просто полил себя одеколоном, а в нем *искупался*. Однако одеколон не забивал запах грязного тела. Очень грязного тела. Продавец даже подумал — всего на миг, — не отпустить ли по этому поводу шуточку, но решил, что лучше не надо. Да, от парня разило помойкой, но с виду он был силен. К тому же их контакт был, по счастью, недолгим. В конце концов, этот накрашенный гомосек покупал всего лишь карандаши, а не «роллс-ройс-корниш».

Больных лучше не трогать.

6

Старк ненадолго заскочил в «малогобаритку» в Ист-Виллидже, чтобы упаковать свои немногочисленные пожитки в рюкзак, который он прикупил в армейской лавке в первый день пребывания в червивом Большом Яблоке. Если бы не бутылка скотча, оставшаяся в квартире, он бы скорее всего и не стал возвращаться.

На истертых ступенях, ведущих к двери в подъезд, валялись крошечные трупки трех воробьев, но Старк прошел мимо них и не заметил.

Он ушел с авеню Би пешком... но пешком шел недолго. Он давно понял, что полный решимости человек всегда найдет, на чем ехать, если ему действительно надо ехать.

Глава 20

ВСЕ СРОКИ ВЫШЛИ

1

День, когда истекла неделя, данная Тэду Бомонту, был больше похож на конец июля, чем на середину июня. Тэд проехал восемнадцать миль до Университета штата Мэн под тускло-желтым небом, кондиционер в «субурбане» работал на полную мощность, несмотря на изрядный расход бензина. Следом за ним ехал темно-коричневый «плимут». Он никогда не подъезжал ближе, чем на два автомобильных корпуса, но и не отставал больше, чем на пять. Он редко когда позволял другим автомобилям вклиниться в этот промежуток между собой и «субурбаном»; а если кто-то влезал между ними на перекрестке или в школьной зоне в Веази, коричневый «плимут» тут же шел на обгон... Если же этот маневр не удавался сразу, один из охранников Тэда снимал чехол с синего спецсигнала на приборной доске. Пары вспышек обычно хватало.

Тэд вел машину правой рукой, пользуясь левой только тогда, когда без этого было никак не обойтись. С рукой было уже получше, но она все равно адски болела, если неосторожно ее напрячь или согнуть, и Тэд постоянно ловил себя на том, что считает последние минуты последнего часа перед тем, как уже можно будет принять очередную таблетку перкодана.

Лиз не хотела, чтобы он сегодня ездил в университет, и полицейские, приставленные охранять Бомонтов, тоже не были в восторге от этой мысли. Ну, с полицейскими все понятно: они не хотели разбивать бригаду охраны. С Лиз все было сложнее. Она *говорила* о его руке; если держаться за руль, рана может открыться, сказала она. Но в глазах у нее было другое. В глазах был Джордж Старк.

«За каким чертом тебе тащиться сегодня в университет?» — спросила она, и к этому вопросу ему пришлось подготовиться заранее, потому что семестр закончился, а летних курсов у Тэда не было. В конце концов он оставился на дополнительном курсе.

Шестьдесят студентов записались на дополнительный курс по писательскому мастерству. В два раза больше, чем в прошлом семестре, но (элементарно, Ватсон) в прошлом семестре никто на свете, включая студентов факультета английского языка в Университете штата Мэн, не знал, что старый зануда Тэд Бомонт — это еще и крутой Джордж Старк.

Так что он сказал Лиз, что хочет уже сейчас просмотреть заявки и отобрать из шестидесяти желающих ровно пятнадцать — максимальное количество учеников, которых он может взять (и все равно это, наверное, человек на четырнадцать превышает количество тех, кого он сможет реально чему-нибудь научить) на дополнительный курс по писательскому мастерству.

Она, конечно, спросила, почему нельзя отложить это дело хотя бы до июля, и напомнила (разумеется), что в прошлом году он тянул с этим до середины августа. Он

снова посетовал на большое число желающих и благо- нравно добавил, что не хочет превращать прошлогод- нюю лень в привычку.

В конце концов она перестала его отговаривать — не потому, что его аргументы ее убедили, подумал Тэд, а потому, что она поняла: он, хоть ты тресни, намерен ехать. К тому же они оба знали, что рано или поздно им *придется* начать выходить из дома — сидеть взаперти, пока не поймают или не убьют Джорджа Старка, — это явно не самый привлекательный вариант. Но в ее глазах все равно стоял страх.

Тэд поцеловал жену и близнецов и быстро уехал. У Лиз был такой вид, словно она сейчас заплачет, а если она заплачет при нем, пока он еще не уехал, он точно *останется* дома.

Дело было, конечно, не в дополнительном курсе.

Сегодня истекал крайний срок.

Утром Тэд проснулся с ощущением страха, от кото- рого буквально сводило живот. Джордж Старк звонил вечером 10 июня и дал Тэду неделю, чтобы тот начал писать роман об ограблении с бронированным автомо- билем. Тэд до сих пор даже не приступил... хотя с каж- дым днем все яснее видел, как могли развиваться со- бытия в книге. Пару раз она ему даже снилась. И это было приятное разнообразие после блужданий во сне по собственному опустевшему дому, где все предметы взрывались, как только он к ним прикасался. Но сегод- ня утром он проснулся с мыслью: *Сегодня закончится крайний срок. Я завалил все сроки.*

Это значит, что пришло время снова поговорить с Джорджем, как бы Тэду ни претила эта мысль. Пришло время выяснить, сильно ли Джордж разозлился. Хотя... на этот вопрос Тэд и так знал ответ. Но, с другой сто- роны, не исключалась возможность, что если Джордж разозлился по-настоящему сильно, взбесился так, что утратил контроль над собой, и если у Тэда получит-

ся подначить его и разъярить еще больше, хитрый лис Джордж может сделать ошибку и сболтнуть лишнего.

Теряю силу сцепления.

Тэд чувствовал, что Джордж *уже* сболтнул лишнего, когда позволил захватнической руке Тэда написать эти слова в дневнике. Знать бы еще, что имелось в виду. У Тэда была одна мысль... но он не был *уверен*. А в данном случае ошибка могла стоить жизни *не только* ему одному.

Так что он ехал в университет, в свой кабинет на факультете английского языка. Ехал туда не за тем, чтобы просматривать заявки на дополнительный курс — хотя он все равно их просмотрит, раз уж выдался случай, — а потому что там есть телефон, который не прослушивается, и потому что ему было нужно хоть что-то сделать. У него все сроки вышли.

Взглянув на свою левую руку, лежащую на руле, он подумал (не в первый раз за эту долгую-предолгую неделю), что телефон — не единственный способ связаться с Джорджем Старком. Он доказал это на опыте... но слишком дорогой ценой. И дело не только в мучительной боли, когда остро заточенный карандаш со всего маху вонзается в руку, не только в ужасе, когда ты наблюдаешь, как твое тело выходит из-под контроля и наносит себе увечье, повинувшись воле Старка — хитрого лиса Джорджа, призрака человека, которого не было вовсе. *Настоящую* цену он заплатил у себя в голове. Настоящей ценой было пришествие воробьев; ужас от понимания, что действующие здесь силы были намного мощнее и непостижимее, чем сам Джордж Старк.

Воробы, он уже в этом не сомневался, означали смерть. Но *чью* смерть?

Его ужасала сама мысль о том, что для того, чтобы связаться со Старком, ему снова придется позвать воробьев.

Он почти видел, как они прилетают, как они собираются в том мистическом месте на середине пути, где

у него с Джорджем Старком была точка соприкосновения, в том месте, где ему в конечном итоге придется сразиться со Старком за единоличную власть над душой, которую они делят на двоих.

И он боялся, что уже знает, кто победит в этой схватке.

2

Алан Пэнгборн сидел у себя в кабинете, в самом дальнем углу окружного полицейского управления, занимавшего одно крыло здания муниципалитета округа Касл. Неделя выдалась напряженной, впрочем, ничего нового в этом не было. Так происходит всегда, как только в Касл-Роке наступает лето. Время отпусков. От Дня поминовения павших до Дня труда полиция Страны канукул стоит на ушах.

Пять дней назад на Сто семнадцатом шоссе случилась большая авария. Столкнулись четыре машины. Большая пьянка, ставшая причиной аварии, унесла жизни двоих человек. Два дня спустя Нортон Бриггс ударил жену сковородкой. За двадцать лет бурной семейной жизни Нортон не единожды избивал дражайшую супругу, но в этот раз он был уверен, что приложил ее насмерть. Он написал короткую записку, хоть и неграмотную, но зато полную сожалений, после чего свел счеты с жизнью посредством револьвера 38-го калибра. Когда его жена, тоже не образец кротости и смирения, очнулась и обнаружила рядом с собой остывающий труп своего мучителя, она включила в духовке газ и сунула туда голову. Врачи «Скорой помощи» из Оксфорда откачали ее. С трудом.

Двое детишек из Нью-Йорка ушли из дома на озеро, принадлежавшего их родителям, и заблудились в лесу, прямо как Гензель и Гретель. Через восемь часов их нашли, изрядно напуганных, но целых и невредимых. Джону Лапуанту, второму помощнику Алана, повезло меньше; сейчас он сидел на больничном из-за тяжелого отравле-

ния ядоносным сумахом, на который напоролся во время поисков. Двое отдыхающих подрались из-за последнего экземпляра воскресной «Нью-Йорк таймс» в закусочной «Завтрак у Нэн»; еще одна драка случилась на автостоянке у бара «Пьяный тигр»; рыбак, приехавший на выходные, оторвал себе половину правого уха крючком, когда пытался картинно закинуть удочку в озеро; три магазинные кражи; и мелкая партия легких наркотиков, изъятая во «Вселенной», городском развлекательном центре с бильярдной и залом игровых автоматов.

Обычная июньская неделя в маленьком городке, вроде как торжественное открытие летнего сезона. Алан с трудом выкраивал время, чтобы выпить целую чашку кофе в один присест. И тем не менее он постоянно ловил себя на том, что думает о Тэде и Лиз Бомонт... и о человеке, который за ними охотится. О человеке, который к тому же убил Гомера Гамиша. Алан несколько раз звонил в главное полицейское управление Нью-Йорка — там был некий лейтенант Риардон, которого, вероятно, уже подташнивало от Пэнгборна из Мэна, — но они не могли сообщить ему ничего нового.

Сегодняшний день выдался неожиданно тихим. Когда Алан пришел в контору, у Шейлы Бригем не было никаких экстренных сообщений из диспетчерской, а Норрис Риджуик тихонько похрапывал в кресле у себя в закутке, положив ноги на стол. Вообще-то Алану следовало его разбудить — если Дэнфорт Китон, глава городского управления, войдет к ним и увидит, как Норрис дрыхнет, то распахнется не на шутку, — но у него не хватило духу. У Норриса тоже была непростая неделя. Он отвечал за расчистку дороги после аварии на Сто семнадцатом шоссе и замечательно справился с этой задачей, проявив поразительную стойкость духа и крепость желудка.

Алан сидел у себя за столом, изображал теневых зверюшек в пятне солнечного света, падавшего на стену... и

снова думал о Тэде Бомонте. С разрешения Тэда доктор Хьюм из Ороно позвонил Алану и сообщил, что неврологическое обследование Бомонта не выявило никаких патологий. Размышляя об этом теперь, Алан вспомнил о докторе Хью Притчарде, который прооперировал Тадуса Бомонта, когда тот был никому не известным одиннадцатилетним мальчишкой.

По пятну желтого света на стене запрыгал кролик. За кроликом — кошка; за кошкой — собака.

Не бери в голову. Это безумие.

Да, конечно, безумие. И конечно, он мог выбросить это из головы. Уже совсем скоро ему предстоит разобраться с очередным происшествием; тут и к гадалке ходить не надо. Летом в Касл-Роке шерифу всегда хватает забот. Ты так загружен, что даже некогда думать, а иной раз действительно лучше *не думать*.

Следом за собакой протопал слон, покачивая тeneвым хоботом, который на самом деле был средним пальцем левой руки Алана Пэнгборна.

— Да хрен бы с ним, — сказал он и пододвинул к себе телефон, другой рукой доставая бумажник из заднего кармана брюк. Нажал кнопку автоматического набора номера полицейского управления в Оксфорде и попросил диспетчера соединить его с Генри Пейтоном, начальником оксфордского отдела уголовного розыска, если тот на месте. Пейтон был на месте. Похоже, у полиции штата тоже в кои-то веки выдался тихий денек. Пейтон взял трубку.

— Алан! Могу я тебе чем-то помочь?

— Да я тут подумал... может, позвонишь от моего имени управляющему Йеллоустонского национального парка? Я дам тебе номер. — Алан с удивлением уставился на визитку у себя в руке. Он сам не заметил, как достал из бумажника карточку, на обороте которой был записан номер Йеллоустонского парка. Его руки вытащили ее сами.

— Йеллоустон! — оживился Генри. — Это там, где живет мишка Йоги?

— Нет, — улыбнулся Алан. — Он живет в *Джеллистоне*. И медведя ни в чем не подозревают. Ну, насколько я знаю. Мне нужно поговорить с человеком, который сейчас там отдыхает, Генри. На самом деле... на самом деле я даже не знаю, *нужно* мне с ним поговорить или нет, но так мне будет спокойнее. А то у меня ощущение незавершенного дела.

— Это связано с убийством Гомера Гамиша?

Алан перенес трубку к другому уху и принялся рассеянно вертеть в пальцах визитку, на которой был записан номер управляющего Йеллоустонского парка.

— Да, — сказал он, — но если попросишь меня объяснить, ты решишь, что я чокнулся.

— Просто предчувствие?

— Да. — Алан с удивлением понял, что у него *и впрямь* было предчувствие — он только пока еще не понимал, насчет чего. — Человека, с которым мне надо поговорить, зовут Хью Притчард. Он пенсионер, бывший врач. Он там вместе с женой. Управляющий парка, возможно, знает, где их найти — как я понимаю, там надо зарегистрироваться по приезду, — скорее всего это будет какой-нибудь туристический лагерь, где есть телефон. Им обоим уже за семьдесят. Если *ты* позвонишь управляющему, возможно, он передаст Притчарду, что его ищут.

— Иными словами, ты думаешь, что управляющий парка отнесется серьезнее к начальнику следственного отдела полиции штата, чем к какому-то сраному окружному шерифу.

— Умеешь ты высказаться дипломатично, Генри.

Генри Пейтон искренне рассмеялся.

— Да, я такой! Ладно, Алан, скажу тебе так: я ничего не имею против того, чтобы оказать тебе небольшую услугу, при условии, что ты не будешь просить меня копаться глубже и что ты...

— Нет, конечно, — с благодарностью проговорил Алан. — Ни о чем другом я не прошу.

— погоди, я еще не закончил. При условии, что ты понимаешь, что я не могу позвонить по нашей региональной линии. Шеф проверяет звонки, друг мой. Очень тщательно проверяет. И когда он увидит счет за этот звонок, он, конечно, захочет узнать, почему я трачу деньги наших налогоплательщиков, чтобы расхлебывать твою кашу. Понимаешь, о чем я?

Алан смиренно вздохнул.

— Можешь использовать мою личную кредитную карту, — сказал он. — И скажи управляющему в Йеллоустоне, чтобы Притчард перезвонил мне за мой счет. Пусть набирает номер для экстренных сообщений, я оплачу этот звонок из собственного кармана.

В трубке возникла пауза, а когда Генри снова заговорил, его голос звучал намного серьезнее:

— Для тебя это действительно важно, Алан?

— Да. Сам не знаю почему, но да. Важно.

Возникла еще одна пауза. Алан чувствовал, как Генри Пейтон борется с желанием пуститься в расспросы. Его лучшая сторона все-таки победила. Или, подумал Алан, победила практичность.

— Хорошо, — сказал Генри. — Я позвоню и скажу управляющему, что ты хочешь поговорить с этим Хью Притчардом в связи с расследованием преднамеренного убийства в округе Касл, штат Мэн. Как зовут его жену?

— Хельга.

— Они сами откуда?

— Форт-Ларами, штат Вайоминг.

— Ладно, шериф. А теперь самое трудное. Давай номер своей кредитки.

Тяжко вздохнув, Алан продиктовал ему номер.

Минутой позже по стене снова замаршировал парад теней.

Добрый доктор скорее всего не перезвонит, размышлял Алан. Но даже если и перезвонит, то все равно не скажет ничего такого, что может мне пригодиться, — а как же иначе?

И все-таки Генри был прав: у него было предчувствие. Насчет *чего-то*. И оно никак не проходило.

3

Пока Алан Пэнгборн беседовал с Генри Пейтоном, Тэд Бомонт припарковался на университетской стоянке у здания факультета английского языка. Он выбрался из машины, стараясь ничего не задеть левой рукой. Первые пару секунд просто стоял на месте, наслаждаясь погожим днем и непривычной сонной тишиной в кампусе.

Коричневый «плимут» припарковался рядом с его машиной, и двое крепких парней, выбравшихся наружу, мгновенно развеяли грезы о безмятежном покое, которые уже начали формироваться в голове Тэда.

— Я поднимусь ненадолго к себе в кабинет, — сказал он. — А вы, если хотите, подождите здесь. — Он проводил взглядом двух молоденьких девушек, прошедших мимо. Возможно, они направлялись в восточный корпус записываться на летние курсы. Одна была в коротенькой майке с бретелькой через плечо и голубых шортах, другая — в почти исчезающем мини-платье с открытой спиной, таком коротком, что оно едва прикрывало роскошную задницу. — Наслаждайтесь пейзажем.

Двое полицейских проследили за проходящими мимо девицами, словно их головы крепились на невидимых шарнирах. Старший в паре — Рэй Гаррисон или Рой Гарримен, Тэд точно не помнил — с сожалением проговорил:

— Мы бы с радостью, сэр. Но нам лучше подняться с вами.

— Но это всего лишь второй этаж...

— Мы подождем в коридоре.

— Вы, парни, даже не представляете, как меня все это удручает, — сказал Тэд.

— У нас приказ, — ответил Гаррисон-или-Гарримен. Было ясно, что огорчение Тэда — равно как и радость, уж если на то пошло — его нисколько не волнует.

— Да, приказ. — Тэд уже понял, что спорить бесполезно.

Он направился к служебному входу. Полицейские двинулись следом, держа дистанцию в дюжину шагов. Тэд подумал, что штатское облачение выдает в них полицейских гораздо более явно, чем если бы они были в форме.

В здании работал кондиционер, и после душной, влажной жары впечатление было такое, что ты зашел в холодильник. Тэду показалось, что рубашка примерзает к коже. Здание факультета, шумное и оживленное во время учебного года с сентября по май, сейчас казалось настолько пустым и тихим, что это было слегка жутковато. В понедельник начнется летняя сессия, и факультет вновь оживет, но сегодня здесь было так странно тихо, что Тэд даже почувствовал смутное облегчение от присутствия рядом полицейской охраны. Он подумал, что на втором этаже, где располагался его кабинет, возможно, не будет вообще ни единой живой души, и это по крайней мере избавит его от необходимости объяснять, почему его сопровождает эта парочка крепких ребят.

Этаж оказался не совсем безлюдным, но Тэд, как говорится, отделался легким испугом. По коридору брел Роули Делессепс, направляясь из комнаты отдыха к себе в кабинет. Он передвигался в своей обычной роули-делессепской манере... то есть шел с таким видом, словно его крепко треснули по голове, отчего у него напрочь отшибло память, а также способность к регуляции мелкой и крупной моторики. Он сонно дрейфовал от одной стены коридора к другой, выписывая мягкие петли и разглядывая картинки, стишки и объявления, при-

крепленные к доскам на закрытых дверях кабинетов его коллег. *Скорее всего* он шел к себе в кабинет, со стороны именно так и *казалось*, но даже тот, кто хорошо знал Делессеппа, вероятно, не стал бы за это ручаться. В зубах у него был зажат мундштук огромной желтой трубки. Сами зубы были не такими желтыми, как трубка, но близко к тому. Трубка не зажигалась с конца 1985 года, когда врачи запретили Роули курить после легкого сердечного приступа. *Да я вообще не особо любил курить*, объяснял Роули своим тихим, рассеянным голосом, если кто-то спрашивал его о трубке. *Но без трубки в зубах... джентльмены, я бы не знал, куда идти — и что делать, если бы по счастливой случайности все-таки добрался до цели.* В большинстве случаев он все равно производил впечатление человека, который не знает, куда идти и что делать... вот как сейчас. Иногда проходили годы, прежде чем люди, знавшие Делессеппа, вдруг понимали, что он отнюдь не такой рассеянный, ученый чудака, каким кажется. Причем понимали это далеко не все.

— Привет, Роули, — сказал Тэд, перебирая ключи на брелоке.

Роули моргнул, глядя на Тэда, перевел взгляд на двух крепких парней у него за спиной, тут же выбросил их из головы и снова уставился на Тэда.

— Привет, Тадеус, — поздоровался он. — Я думал, что в этом году у тебя нет никаких летних курсов.

— А их и нет.

— Тогда что тебя дернуло примчаться сюда, в это мрачное место, в первый настоящий день лета?

— Хочу просмотреть заявки на дополнительный курс, — ответил Тэд. — И уж поверь мне, я не задержусь здесь дольше, чем необходимо.

— А что у тебя с рукой? Она вся синяя аж до запястья.

— Ну... — Тэд смутился. Выдуманная историяставляла его либо пьяницей, либо кретином, либо и тем

и другим одновременно... но все равно это было проще, чем сказать правду. Тэд искренне поразился тому, как легко полицейские скушали эту сказку — точно, как сейчас Роули, — никто даже не задался вопросом, как Тэд умудрился прищемить себе руку дверцей платяного шкафа.

Он интуитивно выбрал самую подходящую ложь — сочинил ее сразу, когда еще мучился болью. От него ждали всяческих неуклюжестей, это было вполне в его духе. В каком-то смысле это было все равно что рассказывать журналисту из «Пипл» (царствие ему небесное), что Джордж Старк был придуман в Ладлоу, а не в Касл-Роке, и что Старк писал от руки, потому что так и не научился печатать на машинке.

Он даже и не пытался врать Лиз... но очень настойчиво попросил никому не рассказывать о том, что произошло на самом деле, и она согласилась. Ее беспокоило лишь одно, и она вытребовала у Тэда обещание, что он не будет пытаться снова связаться со Старком. Он охотно ей это пообещал, хотя понимал, что, возможно, не сможет сдержать обещание. Он подозревал, что в глубине души Лиз тоже это понимает.

Теперь Роули смотрел на него с искренним интересом.

— Дверцей шкафа, — сказал он. — Великолепно. Вы там что, в прятки играли? Или то были некие странные сексуальные игрища?

Тэд ухмыльнулся.

— Со всеми странными сексуальными игрищами я завязал еще в тысяча девятьсот восемьдесят первом. По рекомендации докторов. На самом деле я просто задумался и поэтому был невнимателен. Досадно так вышло.

— Да уж... — сказал Роули и... подмигнул Тэду. Подмигнул почти незаметно, просто чуть дернул припухшим морщинистым веком... но именно что подмигнул. Мол, неужели ты думал обмануть старика Роули? Бывает, и свиньи летают.

Тэду в голову вдруг пришла свежая мысль.

— Слушай, Роули, а ты еще ведешь семинар по фольклорной мифологии?

— Каждый семестр, — ответил Роули. — Ты что, не читаешь учебный план собственного факультета, Тадеус? Лозоискательство, ведьмы, волшебные зелья, колдовские символы богатых и знаменитых. Темы по-прежнему популярны. А почему ты спросил?

У Тэда был давно заготовлен универсальный ответ на этот вопрос. И Тэд давно понял, что быть писателем очень удобно хотя бы потому, что у тебя всегда есть ответ на вопрос: «А почему ты спросил?»

— Да родилась тут одна идея для рассказа, — сказал он. — Пока еще очень сырая, но из нее может выйти кое-что интересное.

— И о чем ты хотел узнать?

— Ты не знаешь, есть ли у воробьев какое-то особенное значение в американском фольклоре или суевериях?

Сморщенный лоб Роули теперь напоминал топографию некоей иной планеты, явно не приспособленной для человеческой жизни. Он задумчиво погрыз мундштук трубки.

— Прямо так с ходу ничего не скажу, Тадеус, хотя... мне все-таки любопытно, чем вызван твой интерес. Только ли литературными изысканиями.

Бывает, и свиньи летают, снова подумал Тэд.

— Ну.. может быть, и не только, Роули. Может быть, и не только. Может быть, я так сказал лишь потому, что не могу объяснить это в спешке. — Он быстро взглянул на охранников. — У меня сейчас мало времени.

Уголки губ Роули сложились в еле заметную улыбку.

— Кажется, я понимаю. Воробьи... самые обыкновенные птицы. Слишком обычные, чтобы иметь какое-то особенное значение в суевериях. И все же... когда я об этом задумался... кажется, что-то такое есть. Если я

только не путаю их с козодоями. Надо проверить. Ты здесь пробудешь еще какое-то время?

— Боюсь, не больше получаса.

— Ну, может быть, сразу что-нибудь и найдется у Барринджера. В его «Американском фольклоре». На самом деле это не более чем поваренная книга суеверий, но и она тоже сгодится. И если что, я же могу позвонить тебе по телефону.

— Да, конечно.

— Хорошую вы с Лиз устроили вечеринку для Тома Кэрролла, — сказал Роули. — Хотя вы с Лиз *всегда* устраиваете самые лучшие вечеринки. Твоя жена слишком очаровательна *для жены*, Тадеус. Ей бы следовало стать твоей любовницей.

— Спасибо. Наверное.

— Гонзо Том, — продолжал Роули чуть ли не с нежностью. — Даже не верится, что Гонзо Том Кэрролл отплыл в серую гавань пенсии. Больше двадцати лет я слушал, как он громоподобно пердел в соседнем кабинете. Надеюсь, его преемник будет потише. Или хотя бы чуть сдержаннее.

Тэд рассмеялся.

— Вильгельмине тоже очень понравилось. Она получила огромное удовольствие, — сказал Роули, шаловливо уставившись в пол. Он прекрасно знал, как Тэд с Лиз относятся к Билли.

— Это радует, — отозвался Тэд. С его точки зрения, Билли Беркс и удовольствие были вещами несовместимыми... но поскольку от нее и Роули зависело алиби Тэда, в котором он так нуждался, наверное, он и вправду должен был радоваться тому, что она пришла на вечеринку. — И если ты что-нибудь вспомнишь насчет...

— О воробьях и их месте в Невидимом мире. Да, конечно. — Роули кивнул полицейским за спиной Тэда. — Доброго дня, джентльмены. — Он обогнул их и напра-

вился к своему кабинету чуть более целеустремленно. Не намного, но все же.

Тэд озадаченно смотрел ему вслед.

— Что это было? — спросил Гаррисон-или-Гарримен.

— Делессепс, — пробормотал Тэд. — Наш главный филолог и фольклорист-любитель.

— Похоже, он из тех парней, кто не в состоянии добраться до дому без карты, — заметил второй полицейский.

Тэд подошел к двери в свой кабинет и отпер ее.

— Он не такой недотепа, каким кажется, — сказал он и открыл дверь.

Пока Тэд не включил верхний свет, он даже не осознал, что Гаррисон-или-Гарримен стоит у него за спиной, держа руку в кармане спортивной куртки, явно сшитой на заказ для парней великанской комплекции. На мгновение Тэд ощутил запоздалый страх, но кабинет, конечно, был пуст — пуст и так чисто прибран, что после хаоса и бедлама, царивших здесь весь учебный год, казался чуть ли не мертвым.

Без всякой причины на Тэда вдруг накатила волна почти тошнотворной тоски, пустоты и ощущения потери — смесь чувств, подобных глубокой, внезапной печали. Как будто все происходило во сне. Как будто он пришел сюда попрощаться.

Не глупи, сказал он себе, но его сознание тихо отозвалось: Ты нарушил все сроки, Тэд. Ты нарушил все сроки, и мне кажется, ты совершил очень большую ошибку, даже не попытавшись сделать то, что хотел от тебя этот урод. Кратковременная передышка — это все-таки лучше, чем вообще никакой передышки.

— Если хотите кофе, можете выпить по чашке в комнате отдыха, — сказал он полицейским. — Кофейник наверняка полон, или я совершенно не знаю Роули.

— А где эта комната? — спросил напарник Гаррисона-или-Гарримена.

— В том конце коридора, третья дверь отсюда. — Тэд открыл ящик стола и достал папку с заявками. Потом поднял голову, улыбнулся полицейским и сам почувствовал, что улыбка вышла натянутой. — Думаю, вы услышите, если я закричу.

— Вы, главное, *закричите*, если что-то случится, — сказал Гаррисон-или-Гарримен.

— Можете не сомневаться.

— Я мог бы послать за кофе Манчестера, — сказал Гаррисон-или-Гарримен, — но у меня ощущение, что вы вроде как намекаете, что вам хочется побыть одному.

— Ну да. Раз уж вы сами сказали.

— Это нормально, мистер Бомонт. — Он очень серьезно посмотрел на Тэда, и тот вдруг вспомнил, что полицейского звали Харрисон. Как Джорджа Харрисона из «Битлов». Надо быть идиотом, чтобы такое забыть. — Только не забывайте, что те люди в Нью-Йорке погибли от передозировки одиночества.

Да неужели? А я думал, что Филлис Майерз и Рик Каули погибли в компании полицейских. Он хотел произнести это вслух, но промолчал. В конце концов, эти ребята просто стараются выполнять свой долг.

— Не волнуйтесь, патрульный Харрисон, — сказал он. — Сегодня на факультете так тихо, что даже если пройти босиком, все равно будет эхо.

— Ладно. Мы будем поблизости. В этой... как вы ее называете?

— В комнате отдыха.

— Точно.

Они ушли, и Тэд открыл первую папку с надписью «Заявки на доп. курс». Однако думал он о другом. Перед мысленным взором стояла картина, как Роули Делессепс едва заметно ему подмигнул. А внутренний голос твердил, что он завалил все сроки, переступил невидимую черту и оказался на темной стороне. На той стороне, где обитали чудовища.

4

Телефон стоял перед ним и не звонил.

Ну давай, думал он, выкладывая папки с заявками на стол рядом с университетской электрической пишущей машинкой «Ай-би-эм Селектрик». *Давай, вот он я, жду у телефона, который не прослушивается. Давай, Джордж, звони, говори, что хотел сказать.*

Но телефон не звонил.

Тэд заглянул в ящик, где лежали заявки, и увидел, что тот совершенно пуст. В глубокой задумчивости он вытащил оттуда *все* папки, а не только заявки студентов, интересовавшихся курсом по писательскому мастерству. Даже копии заявлений тех, кто записывался на трансформационную грамматику — это Евангелие от языка, как называл его Ноам Хомский, благую весть, переведенную апостолом Мертвой трубки, деканом Роули Делессепсом.

Тэд подошел к двери и выглянул в коридор. Харрисон и Манчестер стояли в дверях факультетской комнаты отдыха и пили кофе. В их кулачищах размером с хороший окорок большие кружки казались крошечными кофейными чашечками. Тэд поднял руку. Харрисон в ответ тоже взмахнул рукой и спросил, сколько он еще здесь пробудет.

— Пять минут, — сказал Тэд, и оба копа кивнули.

Он вернулся к столу, отделил заявки на курс по писательскому мастерству от остальных бумаг и принялся укладывать последние обратно в ящик, делая это как можно медленнее, чтобы дать телефону время зазвонить. Но телефон молчал. Зато где-то на этаже зазвонил другой телефон; звонок, приглушенный закрытой дверью, прозвучал как-то странно и призрачно в непривычной летней тишине. *Может быть, Джордж набрал не тот номер*, подумал Тэд и невесело хохотнул. *Скорее всего Джордж и не собирался звонить. Скорее всего он, Тэд, ошибся. Очевидно, что Джордж задумал какую-то другую*

хитрость. А чему удивляться? Всяческие ухищрения — это spécialité de la maison Джорджа Старка. И все же Тэд был настолько уверен, настолько, черт побери, уверен...

— Тадеус?

Он вздрогнул и едва не вывалил на пол содержимое последних папок. Убедившись, что бумаги не выскользнут у него из рук, обернулся к двери. На пороге стоял Роули Делессепс. Его большая трубка всунулась в комнату, словно горизонтальный перископ.

— Извини, — сказал Тэд. — Ты меня напугал, Роули. В мыслях я был далеко-далеко.

— Тебе кто-то звонит на мой телефон, — приветливо проговорил Роули. — Наверное, номер не так набрали. Удачно вышло, что сегодня я здесь.

Тэд почувствовал, как медленно и тяжело бьется сердце — словно у него в груди был барабан и кто-то принялся колотить в него с размеренной, сдержанной силой.

— Да, — сказал он. — Очень удачно.

Роули внимательно взглянул на него. Голубые глаза под припухшими, слегка красноватыми веками были настолько пытливыми и живыми, что казались почти нахальными и уж явно не соответствовали облику веселого, недотепистого, рассеянного профессора.

— У тебя все в порядке, Тадеус?

Нет, Роули. В последнее время тут появился сумасшедший убийца, который отчасти я сам, — убийца, который может завладевать моим телом и заставлять меня делать разные смешные штуки, например втыкать себе в руку карандаши, и каждый день, когда мне удастся не сойти с ума, я считаю своей маленькой победой. Реальность явно пришла в расстройство. Так-то, дружище.

— Все в порядке? А почему что-то должно быть не в порядке?

— Кажется, я улавливаю слабый, но безошибочно едкий запах иронии, Тэд.

— Ты ошибаешься.

— Правда? Тогда почему ты похож на оленя, застывшего в свете фар?

— Роули...

— И человек, с которым я сейчас разговаривал, похож по голосу на продавца, у которого ты покупаешь что-то ненужное по телефону, лишь бы только он не явился к тебе домой.

— У меня все в порядке.

— Ну хорошо, если так, — сказал Роули, явно не убежденный.

Тэд вышел в коридор и направился к кабинету Роули.

— Вы куда? — окликнул его Харрисон.

— Мне позвонили, но в кабинет Роули, — объяснил он. — Здесь номера телефонов идут подряд. Парень, наверное, ошибся. Набрал не ту цифру.

— И совершенно случайно попал в кабинет единственного из сотрудников факультета, кто сегодня на месте? — скептически уточнил Харрисон.

Тэд пожал плечами и вошел в кабинет Роули Делес-сепса.

Кабинет был захламленным, уютным, и здесь по-прежнему пахло трубкой — два года воздержания не могли отменить тридцати лет потворства маленьким слабостям. На стене висела большая мишень для дартса с припиленной к ней фотографией Рональда Рейгана. На столе лежала раскрытая книга. Огромный, энциклопедического формата том. «Американский фольклор» Франклина Барринджера. Снятая телефонная трубка располагалась поверх стопки синих папок. Тэд смотрел на эту трубку и чувствовал, как прежний, хорошо знакомый страх сжимает его в своих удушающих объятиях. Словно тебя закутали в одеяло, которое давно пора постирать. Тэд повернул голову, почти уверенный, что все трое — Роули, Харрисон и Манчестер — стоят в дверях, выстроившись рядом, как воробьи на проводе. Но в

дверях не было никого, а из коридора слышался мягкий, но в то же время слегка скрипучий голос Роули. Он задерживал охранников Тэда. И Тэд сомневался, что это вышло случайно.

Он взял трубку:

— Привет, Джордж.

— Твоя неделя прошла, — прозвучал голос в трубке. Это был голос Старка, но Тэд подумал, что теперь их образцы голоса вряд ли совпадали бы настолько точно. Голос Старка стал другим — грубым и хриплым, как у человека, который долго орал на спортивном матче. — Твоя неделя прошла, а ты даже не приступал, засранец.

— Все верно. — Тэду вдруг стало холодно. Пришлось сознательно приложить усилия, чтобы унять дрожь. Холод, казалось, исходил от телефонной трубки, просачиваясь сквозь отверстия в крышке динамика крошечными кусочками льда. Но Тэд еще и разозлился, очень разозлился. — И не буду приступать, Джордж. Неделя, месяц, десять лет — мне все едино. Почему бы тебе не смириться? Ты мертв и таким останешься.

— Ты ошибаешься, дружище. А если не хочешь, чтобы ошибка была смертельной, ты будешь писать.

— Знаешь, Джордж, как звучит твой голос? — спросил Тэд. — Он звучит так, словно ты распадаешься на части. Поэтому ты и хочешь, чтобы я снова начал писать, да? Потому что теряешь силу сцепления, как ты сам написал. Ты распадаешься в прямом смысле слова, да? В смысле биологического распада. И уже очень скоро ты рассыплешься на кусочки, как чудесный фазтон Оливера Холмса.

— Это не твое дело, Тэд, — ответил ему хриплый голос. Он то гудел, то дробно шуршал, словно гравий, сыплющийся из кузова самосвала, то срывался на скрипучий шепот, как будто голосовые связки переставали действовать через каждую фразу, а потом снова хрипел и гудел. — Что происходит со мной — это не твое дело. Те-

бе нельзя отвлекаться. Так что берись за работу и начинай прямо сегодня, а если до ночи так и не соберешься, то ты, сукин сын, очень о том пожалеешь. И не ты один.

— Я не буду...

Щелк! Старк отключился. Тэд задумчиво посмотрел на трубку, потом положил ее на место. Когда он обернулся, в дверях стояли Харрисон и Манчестер.

5

— Кто это был? — спросил Манчестер.

— Студент. — Тэд сам не знал, зачем он солгал. Сейчас он был уверен только в одном: у него внутри все сжималось от дурного предчувствия. — Просто студент. Я так и думал.

— А откуда он знал, что вы здесь? — спросил Харрисон. — И почему он позвонил по номеру этого джентльмена?

— Сдаюсь, — смиренно проговорил Тэд. — Я тайный русский агент. Это был мой связной. Я пойду сам, без лишнего шума.

Харрисон не рассердился — а если и рассердился, то не подал виду. Он посмотрел на Тэда с усталым укором, который был красноречивее любой ярости.

— Мистер Бомонт, мы пытаемся вам помочь. Вам и вашей жене. Я понимаю, как это должно доставать, когда за вами всюду таскаются какие-то посторонние люди, но мы *правда* стараемся вам помочь.

Тэду стало стыдно... но все-таки не настолько, чтобы сказать правду. Дурное предчувствие не проходило. Ощущение, что все будет плохо — что, может быть, все *уже* плохо. И было кое-что еще. Легкий озноб по коже. Какое-то странное шевеление *под* кожей. Тяжесть в голове, словно что-то сдавило виски. Это не воробы; по крайней мере он думал, что нет. И все же некий внутренний барометр, о существовании которого Тэд даже

не подозревал, стремительно падал. И это было уже не в первый раз. Что-то похожее он ощущал, пусть и не столь сильно, по дороге в «Дейвз-маркет» восемь дней назад. И сегодня — здесь, в кабинете, когда вытаскивал папки с заявками. Нервная дрожь внутри.

Это Старк. Каким-то образом он сейчас рядом. С тобой, в тебе. Если ты скажешь что-то не то, он узнает. И кто-то потом из-за этого пострадает.

— Прошу прощения, — сказал он и увидел, что позади двух полицейских стоит Роули Делессепс, стоит и смотрит на него со спокойным любопытством. Сейчас надо будет солгать и солгать складно, и ложь пришла на ум так легко и естественно, словно ему подсказывал сам Джордж Старк. Тэд не был уверен, что Роули купится на эту сказку, но теперь уже поздно об этом тревожиться. — Просто я на пределе.

— И вас можно понять, — сказал Харрисон. — Но я хочу, чтобы и вы тоже поняли, что мы вам не враги, мистер Бомонт.

— Парень, который звонил, знал, что я на факультете, потому что как раз выходил из книжного магазина и видел, как я проехал мимо. Он хотел узнать, буду ли я вести летний курс по писательскому мастерству. Телефонный справочник факультета разделен по кафедрам, сотрудники каждой кафедры идут в алфавитном порядке. Шрифт там мелкий, убогий. Это вам подтвердит всякий, кто хоть раз пытался пользоваться этим справочником.

— Мерзопакостный справочник, да, — согласился Роули, не выпуская изо рта трубки. Оба полицейских на миг обернулись к нему, чуть ли не вздрогнув от неожиданности. Роули одарил их серьезным, почти церемонным кивком.

— Роули стоит в списке сразу за мной, — продолжал Тэд. — В этом году у нас нет сотрудников, чьи фамилии стояли бы между нами в справочнике. — Он покосился

на Роули, но тот вертел в руках трубку, сосредоточенно ее разглядывая. — Поэтому наши с ним номера постоянно путают. В общем, парню не повезло. В этом году я не брал никаких летних курсов. Так что до осени я отдыхаю. О чем я ему и сообщил.

Ну вот. У него было чувство, что он слегка переусердствовал с объяснениями, но больше всего его волновало другое: когда именно Харрисон и Манчестер подошли к двери в кабинет Роули и много ли им удалось услышать. Студентам, желающим записаться на летний курс по писательскому мастерству, обычно не говорят, что они распадаются в биологическом смысле и уже очень скоро рассыплются на кусочки.

— Я бы тоже хотел отдохнуть до осени, — вздохнул Манчестер. — Вы закончили свои дела, мистер Бомонт?

Тэд мысленно вздохнул с облегчением.

— Надо только убрать папки на место.

(и записку, надо написать записку секретарю)

— И еще надо оставить записку миссис Фентон, — услышал он собственный голос. Он понятия не имел, зачем говорит это вслух, но знал, что надо сказать. — Это секретарь факультета английского языка.

— Мы успеем выпить еще по чашечке кофе? — спросил Манчестер.

— Да, конечно. Там должно быть печенье. Если что-то еще осталось после нашествия варварских полчищ. — Ощущение, что реальность пришла в расстройство и рушится на глазах, что все идет совершенно не так, как надо, и с каждой минутой становится только хуже, вернулось с удвоенной силой. Оставить записку миссис Фентон? Господи, смех да и только. Роули, наверное, подавился бы собственной трубкой.

Когда Тэд вышел из кабинета Роули, тот спросил:

— Тадеус, можно тебя на пару слов?

— Да, конечно. — Он хотел попросить Харрисона и Манчестера оставить их наедине, но быстро сообразил,

что подобная просьба как раз и вызовет подозрения. Харрисон уже и так наострил уши. Если еще не в полную силу, то близко к тому.

Как бы там ни было, молчание сработало лучше. Когда он повернулся к Роули, Харрисон и Манчестер неторопливо двинулись по коридору в сторону комнаты отдыха. Харрисон что-то сказал своему напарнику и встал в дверях, пока Манчестер охотился за печеньем. Харрисон видел Тэда и Роули, но Тэд полагал, что он их не услышит.

— Это ты хорошо сочинил насчет факультетского справочника, — заметил Роули, вновь сунув в рот обгрызенный мундштук трубки. — Как я смотрю, у тебя много общего с той малышкой из «Открытого окна» Сакки. Ты, как та юная леди, с легкостью сочиняешь самые фантастические истории.

— Роули, это не то, что ты думаешь.

— Я понятия не имею, *что* это может быть, — мягко проговорил Роули, — и хотя человеческое любопытство мне нисколько не чуждо, я все-таки не уверен, что хочу это знать.

Тэд слегка улыбнулся.

— Но зато я *уверен*, что ты нарочно забыл Гонзо Тома Кэрролла. Хоть он и вышел на пенсию, но когда я в последний раз заглядывал в наш факультетский справочник, его фамилия стояла как раз между нашими.

— Роули, мне надо идти.

— Ну да. Тебе же надо написать записку миссис Фентон.

Тэд почувствовал, как у него горят щеки. Алтея Фентон, бессменный секретарь факультета английского языка с 1961 года, умерла в апреле от рака горла.

— Я задержал тебя лишь потому, — сказал Роули, — что хотел сообщить: кажется, я нашел то, что ты ищешь. Насчет воробьев.

Сердце Тэда забилося чаще.

— Что ты имеешь в виду?

Роули завел Тэда обратно к себе в кабинет и взял со стола «Американский фольклор» Барринджера.

— Воробы, гагары и особенно козодои — психопомпы, — заявил он победным тоном. — Я знал, что с козодоями что-то связано.

— Психопомпы? — озадаченно переспросил Тэд.

— Это из греческого, — пояснил Роули, — означает «те, кто сопровождают или провожают». В данном случае — провожают людские души из страны живых в страну мертвых и обратно. Согласно Барринджеру, гагары и козодои — проводники живых; обычно они собираются в тех местах, где совсем скоро кто-то умрет. Их не рассматривают как дурное знамение. Их дело — сопровождать души недавно умерших к надлежащему месту в загробном царстве.

Он внимательно посмотрел на Тэда.

— А вот сборище воробьев — это признак зловещий. Во всяком случае, по Барринджеру. Воробы — проводники мертвых.

— Что означает...

— Что означает, их дело — сопровождать заблудшие души обратно в мир живых. Иными словами, они — провожатые живых мертвецов.

Роули вынул изо рта трубку и мрачно взглянул на Тэда.

— Не знаю, что у тебя происходит, Тадеус, но я бы тебе посоветовал соблюдать осторожность. Предельную осторожность. Ты похож на человека, попавшего в крупную передрагу. Если я могу чем-то тебе помочь, просто скажи.

— Спасибо, Роули. Ты и так очень мне помогаешь. Уже тем, что держишь язык за зубами.

— Думаю, в этом мои студенты с тобой согласятся, — пошутил Роули, но в его взгляде читалось искреннее беспокойство. — Береги себя, ладно?

— Договорились.

— И знаешь, Тадеус, если эти люди стараются поддержать тебя в этом начинании, наверное, было бы разумнее им довериться.

Это было бы замечательно, если бы он мог им довериться, но тут вопрос заключался не в его нежелании доверять. Если он им все расскажет, они сами ему не поверят. И даже если бы он доверял им настолько, чтобы все рассказать, он все равно не решился бы заговорить, пока не пройдет этот озноб, это нервное шевеление под кожей. Потому что Джордж Старк за ним наблюдал. Потому что он, Тэд, завалил все сроки.

— Спасибо, Роули.

Роули кивнул, сказал еще раз, чтобы Тэд был осторожен, и уселся за стол.

Тэд вернулся к себе в кабинет.

6

И мне еще надо оставить записку миссис Фентон.

Он помедлил, так и не убрав до конца все папки, которые вытащил по ошибке, и уставился на свою бежевую «Ай-би-эм Селектрик», стоявшую на столе. В последнее время его стало тянуть как магнитом ко всем пишущим приспособлениям. На протяжении всей прошлой недели он не раз задумывался о том, а не прячутся ли внутри каждого из них различные версии Тэда Бомонта, наподобие злых духов, что таятся на донышках бутылок.

Мне надо оставить записку миссис Фентон.

Но чтобы связаться с миссис Фентон, варившей такой крепкий кофе, что казалось, он сейчас выберется из чашки и заживет собственной жизнью, нужна была не электрическая пишущая машинка, а доска для спиритических сеансов. И почему он вдруг вспомнил о миссис Фентон? Вот уж о ком он не думал, так это о ней.

Тэд убрал в ящик последние папки и посмотрел на свою левую руку. Скрытый под повязкой участок кожи между большим и указательным пальцами вдруг зачесался и начал гореть. Тэд потер рукой о штанину, но зуд только усилился. Теперь рука еще и разболелась. Ощущение жжения усилилось.

Тэд посмотрел в окно.

Телефонные провода на той стороне бульвара Беннетт были облеплены воробьями. Воробьи сидели на крыше медпункта, и буквально на глазах у Тэда еще одна стая приземлилась на один из теннисных кортов.

Казалось, они все смотрели на него.

Психопомпы. Предвестники живых мертвецов.

Еще одна стая воробьев спустилась с неба, словно тайфун обгоревших листьев, и уселась на крышу Беннетт-холла.

— Нет, — прошептал Тэд дрожащим голосом. По спине пробежал холодок. Рука горела и чесалась.

Пишущая машинка.

Избавиться от воробьев и от невыносимого, сводящего с ума зуда можно только с помощью пишущей машинки.

Тяга сесть за машинку была слишком сильной, чтобы ей противиться. Это казалось вполне естественным, даже правильным — как сунуть обожженную руку под струю холодной воды.

Мне надо оставить записку миссис Фентон.

Так что берись за работу и начинай прямо сегодня, а если до ночи так и не соберешься, то ты, сукин сын, очень о том пожалеешь. И не ты один.

Зудящее шевеление под кожей усилилось. Казалось, это ощущение исходит из дырки, пробитой в руке. Вырывается волнами жара. Его глазные яблоки словно пульсировали в ритме этих волн. Перед мысленным взором возникла картина: воробьи. Воробьи в Риджуэй-

ской части Бергенфилда; под бледным, белым весенним небом, в 1960 году. Весь мир словно вымер. В мире не было никого, кроме этих ужасных, самых обыкновенных птиц, психопомпов, и пока Тэд смотрел, они разом взлетели. От их огромной, взвихренной массы потемнело все небо. Воробьи снова летали.

За окном кабинета Тэда воробьи, сидевшие на проводах, на крыше медпункта и Беннетт-холла, одновременно с шумом вспороли воздух. Несколько студентов, проходивших по университетской площади, остановились и проводили взглядом огромную птичью стаю, взявшую курс на запад.

Тэд этого не видел. Он видел только квартал своего детства, каким-то образом превратившийся в потустороннее мертвое пространство из кошмарного сна. Тэд сел перед пишущей машинкой, погружаясь все глубже и глубже в сумеречный мир транса, но все-таки одна мысль зацепилась в его сознании. Хитрый лис Джордж мог заставить его сесть за машинку и стучать по клавишам — да, — но он не станет писать книгу, что бы ни случилось, не станет... и если он будет тверд в этом решении, хитрый лис Джордж либо распадется на части, либо просто исчезнет, как пламя задутой свечи. Он это знал. Он это *чувствовал*.

Теперь его рука как будто *вибрировала*, и он чувствовал, что если бы смог увидеть ее под повязкой, она была бы похожа на лапу какого-нибудь мультяшного персонажа — например Хитрого Койота, — когда по ней долбанули кувалдой. Это была не боль, не совсем боль; это было то самое сводящее с ума ощущение, когда у тебя начинает чесаться место на спине между лопатками, куда никак не дотянуться. Причем чешется не кожа, а где-то глубже — и так, что приходится стискивать зубы.

Но даже это казалось далеким, неважным. Тэд склонился над пишущей машинкой.

7

Как только он включил машинку, зуд тут же прошел, а вместе с ним и видение воробьев.

Но транс продолжался, и в самой его сердцевине зреала настоящая необходимость: надо было что-то написать, и все его тело кричало об этом, требовало, чтобы он взялся за дело, сделал его и довел до конца. В каком-то смысле это было гораздо хуже, чем видение воробьев или болезненный зуд в руке. *Этот* зуд исходил откуда-то из глубин его собственного сознания.

Он заправил в машинку лист бумаги и на мгновение замер, чувствуя себя потерянным и отстранённым. Потом положил пальцы на средний ряд клавиш — в исходное положение для слепой печати, хотя печатать вслепую он так и не выучился.

Секунду пальцы лежали на клавишах, чуть подрагивая, а потом поднялись — все, кроме двух указательных. По всей видимости, Джордж Старк печатал точно так же, как Тэд, двумя пальцами, неумело. Оно и понятно; пишущая машинка была не самым любимым его инструментом.

Когда Тэд убирал с клавиш пальцы левой руки, рука отзывалась глухой болью, но не более того. Печатал он медленно, но ему все равно не понадобилось много времени, чтобы на белом листе появилась фраза. Короткая, хлесткая фраза. Пять слов заглавными буквами:

УГАДАЙ, ОТКУДА Я ЗВОНИЛ, ТЭД?

Внезапно мир снова обрел четкость и резкость. Никогда в жизни Тэд не испытывал такого ужаса и смятения. Господи, ну конечно... это же ясно, это же *очевидно*.

Сукин сын звонил из моего дома. Он добрался до Лиз и близнецов!

Он рванул из-за стола, не зная, куда бежать и что делать. Он даже не сознавал, что пытается встать, пока

рука не вспыхнула болью, как тлеющий факел, которым резко взмахнули в воздухе, чтобы он полыхнул огнем. Он оскалил зубы и с глухим стоном упал обратно в кресло перед пишущей машинкой. Прежде чем он успел понять, что происходит, его пальцы вновь застучали по клавишам.

На этот раз шесть слов:

НИКОМУ НИ СЛОВА, ИНАЧЕ ОНИ УМРУТ

Тэд тупо уставился на лист бумаги. Как только он напечатал последнюю «Т», все как будто отрезало: словно он был электрической лампой, и его кто-то выключил. Никакой боли в руке. Никакого зуда. Никаких шевелений под кожей. Никаких ощущений, что за тобой наблюдают.

Птицы исчезли. Исчезло и ощущение сумеречного выпадения из реальности. Старк тоже исчез.

Только на самом деле он никуда не исчез, верно? Да. Пока Тэда не было, Старк проник в его дом и принялся там хозяйничать. Дом охраняли двое полицейских, но это уже не имело значения. Каким надо было быть идиотом, чтобы поверить, что парочка полицейских сможет остановить Старка. Его не смогла бы остановить и бригада спецназовцев, даже «зеленые береты» из отряда «Дельта». Потому что Джордж Старк — вообще не человек, а что-то вроде тяжелого танка «Тигр» в человеческом обличье.

— Ну что, как дела? — спросил у него за спиной Харрисон.

Тэд аж подскочил, словно ему в шею воткнули булавку... и это заставило его вспомнить о Фредерике Клоусоне. О Фредерике Клоусоне, который влез не в свое дело... и, рассказав то, что знает, подписал себе смертный приговор.

НИКОМУ НИ СЛОВА, ИНАЧЕ ОНИ УМРУТ —

буквально кричала фраза на листе бумаге, заправленном в пишущую машинку.

Тэд протянул руку, вытащил лист и смял его. Он не обернулся, чтобы посмотреть, далеко ли стоит Харрисон, — это было бы ошибкой. Он старательно изображал беззаботный вид, хотя настроение было отнюдь не беззаботным. Ему казалось, что он сходит с ума. Он ждал, что Харрисон спросит, что он печатал и почему так поспешно вытащил лист из машинки. Но Харрисон не сказал ни слова, и тогда заговорил Тэд:

— Я уже все закончил. Черт с ней, с запиской. Все равно я верну эти папки раньше, чем миссис Фентон их хватится. — По крайней мере хоть это было правдой... если только Алтея не смотрит на них с небес. Тэд поднялся, моля Бога, чтобы ноги не подвели и не заставили его рухнуть обратно в кресло. Он с облегчением увидел, что Харрисон стоит в дверях и вообще на него не смотрит. Еще секунду назад Тэд готов был поклясться, что Харрисон дышит ему в затылок, но тот грыз печенье и смотрел мимо Тэда в окно на нескольких студентов, ошивавшихся на площади перед зданием.

— М-да, это место и вправду как будто мертвое, — произнес коп.

И моя семья тоже может стать мертвой еще до того, как я доеду до дома.

— Ну что, едем домой? — спросил Тэд.

— Я только «за».

Тэд направился к двери. Харрисон удивленно взглянул на него.

— Надо же, — сказал он. — Может, не зря ходит столько рассказов о рассеянных профессорах.

Тэд нервно заморгал, потом опустил взгляд и увидел, что по-прежнему сжимает в руке смятый лист бумаги. Он швырнул его в корзину, но нетвердая рука подвела. Бумажный шарик ударился о край корзины и отскочил. Тэд наклонился, чтобы его поднять, но Харрисон успел

первым. Он подхватил с пола бумажный шарик и принялся небрежно перебрасывать его из руки в руку.

— Вы решили оставить здесь эти папки, за которыми приходили? — Харрисон указал на перетянутую красной резинкой стопку папок с заявками, лежавшую на столе рядом с пишущей машинкой, после чего снова принялся перебрасывать из руки в руку бумажный шарик с двумя последними сообщениями Старка — правая-левая, левая-правая, туда-сюда, — следя за ним взглядом. Тэду была видна часть строки: «ОВА, ИНАЧЕ ОНИ УМ».

— А, да. Спасибо.

Он схватил папки и чуть их не уронил. Сейчас Харрисон развернет смятый лист. Развернет и увидит, что там напечатано. И хотя Старк не следил за ним прямо сейчас — в этом Тэд был уверен, — он скоро вернется проверить. И когда он вернется, то сразу узнает. А когда узнает, он сделает с Лиз и детишками что-то очень плохое.

— Не за что. — Харрисон бросил бумажный шар в мусорную корзину. Тот прокатился почти по всему ободку и упал внутрь. — Два очка, — сказал он и вышел в коридор, чтобы Тэд мог закрыть дверь.

8

Он отправился на первый этаж в сопровождении полицейского эскорта. Роули Делессепс высунулся из своего кабинета и пожелал Тэду хорошо провести лето — на случай если они не увидятся до сентября. Тэд пожелал ему того же, и его голос звучал нормально, во всяком случае, на его собственный слух. У него было такое чувство, словно он движется на автопилоте. Оно не покидало его до тех пор, пока он не уселся в «субурбан». Он швырнул папки на пассажирское сиденье, а потом его взгляд случайно наткнулся на платный телефон-автомат на другой стороне стоянки.

— Позвоню жене, — сказал он Харрисону. — Спрошу, не надо ли чего купить.

— Позвонили бы из кабинета, — заметил Манчестер. — Сэкономили бы четвертак.

— Я забыл, — отозвался Тэд. — Наверное, и вправду незря ходит столько рассказов о рассеянных профессорах.

Копы смешливо переглянулись и забрались в «плимут», где можно было включить кондиционер и наблюдать за Тэдом через лобовое стекло.

У Тэда было такое чувство, словно его живот набит осколками стекла. Он выудил из кармана четвертак и опустил его в прорезь. Рука дрожала, и вторую цифру он набрал неправильно. Он повесил трубку, дождался, когда вывалится четвертак, и попробовал еще раз, подумав при этом: *Господи, все, как в тот вечер, когда умерла Мириам. Все точно так же, как было тогда.*

Лучше бы он обошелся без этого *déjà vu*.

Со второй попытки он набрал номер правильно и так крепко прижал трубку к уху, что оно заболело. Он постарался расслабиться. Нельзя, чтобы Харрисон и Манчестер заподозрили, что что-то не так — ни в коем случае. Но мышцы словно свело судорогой.

Старк взял трубку после первого гудка.

— Тэд?

— Что ты с ними сделал? — Слова приходилось выталкивать, как комья сухой ваты. *Ему было слышно*, как на заднем плане вопят близнецы. Как ни странно, но эти крики его успокоили. Когда Уэнди упала с лестницы, она кричала иначе. Это были вопли недоумения, возможно, злости, но не боли.

Но Лиз... где Лиз?

— Ничего я с ними не сделал, — отозвался Старк, — ты же сам слышишь. Я не тронул ни единого волоска на их драгоценных головках. Пока не тронул.

— Лиз, — сказал Тэд. Его вдруг захлестнул леденящий ужас. Словно его накрыло огромной холодной волной.

— А что — Лиз? — Дразнящий голос звучал так нелепо, так невыносимо.

— Дай ей трубку! — рявкнул Тэд. — Если хочешь, чтобы я написал хоть одно чертовое слово под твоим именем, *дай ей трубку!* — Но какая-то часть его разума, не затронутая даже таким беспредельным ужасом и яростью, оставалась спокойной и рассудительной. *Следи за лицом, Тэд. Ты стоишь вполоборота к копам. Обычно люди не орут в трубку, когда звонят жене, чтобы спросить, не надо ли купить еще яиц.*

— Тэд! Тэд, дружище! — В голосе Старка звучала искренняя обида, но Тэд ни капельки не сомневался, что сукин сын ухмыляется. — Ты обо мне плохо думаешь, друг сердечный. Прямо-таки *огорчаешь* меня, сынок! Остуди радиатор, вот она.

— Тэд? Тэд, это ты? — Голос Лиз звучал испуганно и торопливо, но в нем не было паники. Почти совсем не было.

— Да. Солнце, с тобой все в порядке? А с малышами?

— Да, мы в порядке. Мы...

Последнее слово прозвучало неясно, словно трубку отодвинули ото рта. Тэду было слышно, как Старк, этот мерзавец, говорит что-то Лиз, но что именно — не разобрать. Она ответила: «Да, хорошо», — и опять взяла трубку. Теперь она говорила так, словно вот-вот заплачет.

— Тэд, ты должен сделать то, что он хочет.

— Да. Я знаю.

— И еще он хочет, чтобы я сказала тебе, что происходит это будет не здесь. Сюда скоро приедет полиция. Он... Тэд, он говорит, что убил тех двоих, которые следили за домом.

Тэд закрыл глаза.

— Не знаю, как он это сделал, но он говорит, что убил... и я... я ему верю. — Теперь она *плакала*. Старалась сдерживать слезы, зная, что это расстроит Тэда, и зная, что если он сильно расстроится, то может сделать что-то опасное. Он сдал трубку, прижал ее к уху и постарался принять беззаботный вид.

Старк опять что-то бубнил на заднем плане. Тэд слышал одно слово. *Сотрудничество*. Невероятно. Дико невероятно.

— Он собирается нас увезти, — продолжала она. — Говорит, что ты знаешь, куда мы поедem. Помнишь тетьку Марту? Он говорит, ты должен сбросить с хвоста тех людей, которые сейчас с тобой. Говорит, он знает, что ты это можешь, потому что он смог бы. Он хочет, чтобы ты приехал сегодня, до темноты. Он говорит... — Она испуганно всхлипнула и чуть было не всхлипнула еще раз, но смогла взять себя в руки. — Он говорит, что ты будешь сотрудничать с ним и что вы совместно напишете самую лучшую книгу. Он...

Бу-бу-бу, бу-бу-бу.

Больше всего на свете Тэду хотелось сдвинуть пальцами шею Старка и душить его до тех пор, пока пальцы не проткнут кожу и не вонзятся прямо в глотку этого подонка.

— Он говорит, что Алексис Машина восстал из мертвых, и теперь он силен как никогда. — Она на секунду умолкла, а потом почти закричала: — *Пожалуйста*, Тэд, сделай, как он говорит! У него пистолет! И газовая горелка! Он говорит, если ты попытаешься выкинуть что-то не то...

— Лиз...

— Пожалуйста, Тэд, сделай, как он говорит.

Голос Лиз отдалился и затих — Старк отобрал у нее трубку.

— Скажи мне кое-что, Тэд. — Теперь в голосе Старка не было насмешки. Теперь он звучал очень серьезно. — Скажи мне кое-что, дружище, и постарайся сказать это искренне и убедительно, иначе они за это заплатят. Ты меня понимаешь?

— Да.

— Ты уверен? Потому что она говорила правду про газовую горелку.

— Да! Да, черт возьми!

— Что она имела в виду, когда спросила, помнишь ли ты тетю Марту? Что за тетка такая? Какого хрена тебе о ней помнить? Или это было какое-то зашифрованное сообщение, Тэд? Она пыталась меня одурачить?

Тэд вдруг увидел, что жизни его жены и детей висят на тоненьком волоске. И это была не метафора; он действительно это *увидел*. Волосок льдисто-синего цвета, тонкий, как паутинка, почти незаметный среди неоглядной вечности. Сейчас все сводилось лишь к двум вещам: что скажет Тэд и чему поверит Джордж Старк.

— Телефон еще прослушивается или уже нет?

— Конечно, нет! — сказал Старк. — За кого ты меня принимаешь, Тэд?

— *Лиз* знала об этом, когда ты дал ей трубку?

После короткой паузы Старк сказал:

— Ей достаточно было взглянуть. Вот они, вырванные провода. Валяются на полу.

— Она взглянула? Она их видела?

— Отвечай прямо, Тэд, не юли.

— Она пыталась сказать мне, куда вы поедете, не называя это место вслух. — Тэд очень старался, чтобы его голос звучал ровно и терпеливо, как голос лектора, терпеливо и чуть снисходительно. Ему самому было трудно судить, получается у него или нет, но он подумал, что если что-то не так, Джордж так или иначе на это укажет, причем не откладывая. — Она имела в виду летний дом. Наш дом в Касл-Роке. Марта Теллфорд — тетка Лиз. Мы ее очень не любим. Каждый раз, когда она звонила и сообщала, что собирается в гости, мы предавались мечтам, что хорошо бы сбежать в Касл-Рок, спрятаться от нее в летнем домике и дождаться, пока она не отбросит коньки. Вот, я это *сказал*, и если они там поставили какие-то аппараты беспроводного прослушивания, то это уже твои трудности, Джордж.

Он ждал, обливаясь потом, купится Старк или нет... оборвется ли тоненький волосок, не дающий его любимым сорваться в вечность.

— Ничего они тут не поставили, — наконец сказал Старк, и теперь в его голосе не было напряжения. Тэд едва поборол желание привалиться плечом к стене телефонной будки и с облегчением закрыть глаза. *Если я когда-нибудь снова увижу тебя, Лиз*, подумал он, *я собственноручно сверну тебе шею за такой безумный риск*. Хотя на самом деле, когда и если он снова увидит ее, он первым делом расцелует ее и будет целовать, пока у нее не перехватит дыхание.

— Не трогай их, — сказал он в трубку. — Пожалуйста, не трогай их. Я сделаю все, что ты хочешь.

— Конечно, сделаешь. Я даже не сомневаюсь, что сделаешь, Тэд. Вернее, мы сделаем это вместе. По крайней мере вместе начнем. В общем, тебе пора отправляться. Страхни с хвоста своих сторожевых псов и двигай в Касл-Рок. Постарайся быстрее, но все-таки не так быстро, чтобы привлечь внимание. Это будет большой ошибкой. Можешь попробовать пересечь на другую машину, но это уже детали, ты сам разберешься — в конце концов, это ты у нас господин сочинитель. Ты должен приехать до темноты, если хочешь застать их в живых. Только не облажайся. Все ясно? Не облажайся и не пытайся меня наколоть.

— Не буду.

— Это верно. Не будешь. Ты, дружище, сыграешь по правилам. А если нет, то найдешь только трупы и пленку с записью голоса твоей жены. Как она проклинает тебя перед смертью.

Раздался щелчок. Связь оборвалась.

9

Когда Тэд вернулся к своей машине, Манчестер спустил стекло «плимута» и спросил, все ли дома в порядке. По глазам парня Тэд понял, что это не просто вопрос из вежливости. Значит, коп все-таки разглядел что-то в его лице. Но ничего страшного; с этим Тэд

справится, должен справиться. В конце концов, он — господин сочинитель, и его мысли сейчас мчались со страшной скоростью, как бесшумные японские поезда-пули. Опять встал вопрос: солгать или сказать правду? И как прежде, ответ был вполне очевиден.

— Все хорошо, — сказал он естественным, непринужденным голосом. — Малыши раскапризничались, вот и все. А из-за них и Лиз тоже капризная. — Он слегка повысил голос. — С тех пор как мы выехали из дома, вы, ребята, какие-то беспокойные. Может, что-то происходит, о чем мне следует знать?

Даже в такой отчаянной ситуации ему хватило совести, чтоб почувствовать себя виноватым. Что-то действительно происходило — и только он знал, что именно. Знал и молчал.

— Нет, — ответил Харрисон, сидевший за рулем. — Мы просто не можем связаться с Чаттертоном и Эддингсом, которые дежурят у дома. Может, они зашли внутрь.

— Лиз сказала, что приготовила им свежий чай со льдом, — соврал Тэд, не краснея.

— Ясно. — Харрисон улыбнулся Тэду, и тот ощутил очередной укол совести, на этот раз чуть сильнее. — Может, и нам что-то останется, когда вернемся, а?

— Все возможно. — Тэд захлопнул дверцу и вставил ключ в замок зажигания, совершенно не чувствуя своей руки, которая словно одеревенела. В голове вертелись вопросы, исполняя свой собственный сложный и не слишком красивый гавот. Старк с его семьей уже выехал в Касл-Рок? Он очень на это надеялся — он хотел, чтобы они были уже далеко, когда сообщение о похищении его семейства разойдется по полицейским каналам связи. Если они едут в машине Лиз и кто-то ее заметит или если они еще не выехали из Ладлоу, все может закончиться очень плохо. *Убийственно* плохо. Да, по жуткой иронии судьбы Тэду приходилось надеяться, что

Старк сможет сбежать, не оставив следа, — но сейчас было нельзя иначе.

Кстати, насчет сбежать. Как ему самому оторваться от Харрисона и Манчестера? Тоже хороший вопрос. Тягаться с ними в скорости — дохлый номер. Хотя их «плимут» похож на старого облезлого пса с его пыльным корпусом и черными шинами, судя по ровному рычанию мотора, под капотом у этого песика скрывалось немало лошадиных сил. Тэд думал, что *мог бы* сбросить их в кювет — у него даже была идея, где и как это можно проделать, — но как потом незаметно проехать все сто шестьдесят миль до Касл-Рока?

Он совершенно не представлял себе, как это сделать... но знал, что сделать придется. Так или иначе.

Помнишь тетю Марту?

Насчет этой фразы он накормил Старка враньем, и тот это вранье проглотил. Значит, подонок знает не все, что творится у Тэда в голове. Марта Теллфорд и вправду была теткой Лиз, и они часто шутили, обычно — в постели, как бы сбежать от нее подальше, но сбежать на край света, куда-нибудь на Арубку или на Таити... потому что тетя Марта прекрасно знала о летнем доме в Касл-Роке. Там она навещала их даже чаще, чем в Ладлоу. И в Касл-Роке у тети Марты Теллфорд было любимое место. Городская мусорная свалка. Тетя Марта Теллфорд состояла в Национальной стрелковой ассоциации, имела членский билет и исправно платила взносы, а на свалке в Касл-Роке она с упоением стреляла в крыс из «винчестера» Тэда.

Тэд вспомнил, как однажды сказал Лиз:

— Если хочешь, чтобы она уехала, тебе придется сказать ей об этом самой. — Тот разговор происходил тоже в постели, незадолго до окончания затянувшегося визита тети Марты летом... 79-го или 80-го? Впрочем, какая разница. — Она *твоя* тетка. К тому же, боюсь, если я заведу разговор, то она и *меня* прикончит, как крысу.

Лиз ответила так:

— Я сомневаюсь, что кровное родство сыграет какую-то роль. У нее такой взгляд... — Она шутливо поежилась, а потом, Тэд хорошо это помнил, хихикнула и ткнула его пальцем в ребра. — Давай. Бог любит смелых. Скажи ей, что мы убежденные борцы за охрану природы, даже когда речь идет о крысах на свалке. Давай, Тэд, подойти к ней и скажи прямо: «Убирайтесь прочь, тетя Марта! Это была ваша последняя крыса на нашей свалке! Собирайте вещички и убирайтесь ко всем чертям!»

Конечно, никто из них не сказал тете Марте, чтобы она убиралась прочь; она продолжала совершать свои ежедневные вылазки на городскую свалку, где отстреливала крыс десятками (а когда крысы прятались, то не брезговала и чайками, как подозревал Тэд). И вот наконец наступил благословенный день, когда Тэд отвез тетю Марту в Портлендский аэропорт и посадил на самолет в Олбани. У выхода на посадку она крепко, по-мужски пожала Тэду руку — словно завершала деловую встречу, а не прощалась с мужем родной племянницы — и сообщила, что, возможно, почтит их визитом на будущий год.

— Хорошо, черт возьми, постреляла, — сказала она. — Дюжин шесть или семь паразитов есть.

Больше она к ним не ездила, хотя один раз чуть было не приехала (от *той* угрозы их спасла лишь счастливая случайность: в последний момент тетя Марта получила приглашение в Аризону, где, как она сообщила им по телефону, еще остались неострелянные койоты).

С тех пор вопрос «Помнишь тетю Марту?» стал в семействе Бомонтов кодовой фразой взамен «Помнишь Мэн?». Она означала, что кому-то из них надо взять спрятанный в сарае «винчестер» 22-го калибра и пристрелить особенно несносного или занудного гостя, как тетя Марта отстреливала крыс на свалке. Сейчас, размышляя об этом, Тэд вспомнил, что Лиз, кажется, упо-

мянула тетю Марту во время фотосессии для «Пипл». Она тогда повернулась к нему и сказала:

— Эта Майерз не напоминает тебе тетю Марту, Тэд?

И захихикала, прикрыв рот ладошкой.

Очень смешно.

Только теперь это была не шутка.

И речь шла не о крысах на свалке.

Если он понял правильно, Лиз пыталась ему сказать, чтобы он приехал за ними следом и убил Джорджа Старка. И если она хотела, чтобы он убил Старка — Лиз, которая плакала всякий раз, когда слышала, что бездомных собак и кошек усыпляют в приюте для животных в Дерри, — значит, она уверена, что это единственный выход. Значит, она считает, что есть только два варианта: либо смерть Старка... либо смерть для нее самой и близнецов.

Харрисон и Манчестер с любопытством уставились на него, и Тэд только сейчас понял, что уже почти минуту сидит, погруженный в раздумья, за рулем своего «субурбана» с включенным двигателем. Он легонько махнул им рукой, потом сдал назад и поехал к выезду со стоянки. Он пытался думать о том, как ему оторваться от этих двоих, прежде чем им сообщат по рации, что их сослуживцы, охранявшие дом Бомонтов, мертвы. Он честно пытался об этом думать, но в голове звучал голос Старка, говоривший, что если Тэд облажается или попробует сыграть не по правилам, то по приезду в Касл-Рок он найдет только трупы и пленку с записью голоса Лиз, проклинавшей его перед смертью.

А перед мысленным взором стояла картина: тетя Марта Теллфорд целится из «винчестера» — который явно крупнее калибром, чем тот, что хранится в запертом сарае в летнем доме в Касл-Роке, — целится в жирных крыс, спящих среди гор мусора и чадающих костров на свалке. Тэд вдруг понял, что *хочет* застрелить Старка, причем не из «винчестера».

Хитрый лис Джордж заслуживал большего.

Гаубица подошла бы ему в самый раз.

Крыс сначала подбрасывало вверх над осколками битых бутылок и смятых жестянок, а потом их тела разрывало в клочья, так что шерсть и кишки летели во все стороны.

Да, очень хотелось бы посмотреть, как что-то подобное происходит со Старком.

Тэд так крепко сжимал руль, что его левая рука буквально разрывалась от боли. Эта боль была похожа на стон, отдававшийся глубоко в костях и сухожилиях.

Он расслабился — по крайней мере попытался расслабиться, — нащупал в нагрудном кармане таблетку перкодана и проглотил ее всухую.

Потом задумался о перекрестке в школьной зоне в Веази.

О том перекрестке, где движение без остановки запрещено.

И еще он задумался о том, что сказал Роули Делесепс. Психопомпы, так назвал их Роули.

Эмиссары живых мертвецов.

Глава 21

СТАРК ДИКТУЕТ УСЛОВИЯ

1

Ему не составило труда распланировать все, что он хотел сделать и как он хотел это сделать, хотя он ни разу в жизни не был в Ладлоу.

Старк бывал там достаточно часто в своих сновидениях.

Он приехал на угнанной старенькой «хонде-цивик» и бросил ее в зоне отдыха у дороги в полутора милях от дома Бомонтов. Тэд отправился в университет, и это было очень кстати. Иногда невозможно было понять, о чем

Тэд думает и что он делает, хотя, если сосредоточиться, Старк всегда мог уловить настроение Тэда и оттенки его эмоций.

Если ему было трудно войти в контакт с Тэдом, Старк просто брал в руку один из бероловских карандашей, купленных в канцелярском магазинчике на Хьюстон-стрит.

Это помогало.

Но сегодня все будет просто. Все будет просто, поскольку что бы Тэд ни говорил своим доблестным стражам, он поехал в университет по одной-единственной причине: он завалил все сроки и думал, что Старк попытается с ним связаться. И Старк, конечно, с ним свяжется. Уж будьте уверены.

Но не так, как рассчитывал Тэд.

И не *оттуда*, откуда ждал Тэд.

Дело близилось к полудню. В зоне отдыха были люди, приехавшие на пикник, но они либо сидели за столами, либо жарили мясо в маленьких каменных печах-барбекю у реки. Никто не взглянул на Старка, когда он выбрался из машины и зашагал прочь. И хорошо, что не взглянул. Потому что если бы его увидели, то наверняка бы запомнили.

Запомнили — да.

Но вряд ли сумели бы описать.

К дому Бомонтов Старк отправился пешком. Сейчас он смахивал на Человека-невидимку из книги Герберта Уэллса. Широкий бинт закрывал лоб до бровей. Второй бинт закрывал подбородок и нижнюю челюсть. Плюс бейсболка с эмблемой «Нью-йоркских янки», низко надвинутая на лоб, темные очки, рубашка с длинными рукавами, стеганный жилет и черные перчатки.

Бинты пропитались желтой, вязкой субстанцией, сочившейся из-под марли, как клейкие слезы. Точно такая же желтая слизь струилась из-под темных очков. Время от времени он вытирал щеки руками, затянутыми в пер-

чатки из тонкой искусственной лайки. Ладони и пальцы перчаток уже начинали твердеть от высыхающей слизи. Под бинтами почти не осталось кожи. Кожа сошла, а то, что открылось под ней, было уже не человеческой плотью — какая-то темная рыхлая масса, которая почти постоянно мокла. Она походила на гной и источала густой, неприятный запах, что-то похожее на смесь крепкого кофе и китайской туши.

Старк шел, слегка наклонив голову. Люди, сидевшие в проезжавших навстречу машинах, видели человека в бейсболке, засунувшего руки в карманы и глядящего себе под ноги, чтобы солнце не слепило глаза. Тень от козырька скрывала лицо, но если бы кто-то решил присмотреться внимательнее, он увидел бы только бинты. Люди в машинах, ехавших на север и обгонявших его, видели лишь его спину.

Чуть ближе к городам-близнецам Бангору и Бруэру эта прогулка далась бы труднее. Ему пришлось бы пробираться сквозь городские окраины и жилые кварталы. Та часть Ладлоу, где жили Бомонты, располагалась достаточно далеко за городом, чтобы ее можно было считать сельской местностью: не совсем захолустьем, но уж никак не предместьем какого-то из двух ближайших больших городов. Дома стояли на больших участках, некоторые из которых можно было бы даже назвать полями. Их разделяли не живые изгороди, эти обозначения частной собственности в пригородах, а узкие полосы лесопосадок, а иногда и невысокие каменные стены. Тут и там на горизонте зловеще маячили спутниковые антенны, как форпосты готовящегося инопланетного вторжения.

Старк шагал по обочине асфальтовой дороги, пока не добрался до дома Кларков. Следующим был дом Тэда. Старк срезал путь через дальний угол переднего двора Кларков; где трава на лужайке изрядно пожухла. Он присмотрелся к дому. Шторы в окнах задернуты

от жары, ворота гаража плотно закрыты. Дом Кларков казался не просто безлюдным: здесь во всем ощущался унылый дух места, пустовавшего в течение достаточно долгого времени. Старк не увидел за сетчатой дверью красноречивую гору газет, но все равно рассудил, что Кларки, наверное, уехали в отпуск. И это было ему только на руку.

Он вошел в полосу деревьев, разделявшую два участка, перешагнул через остатки раскрошившейся каменной стены и опустился на одно колено. В первый раз он смотрел прямо на дом своего упрямого близнеца. На подъездной дорожке стоял полицейский патрульный автомобиль, двое копов курили в тенике под ближайшим деревом. Хорошо.

У него есть все необходимое; остальное — уже детали. И все-таки он помедлил еще секунду. Он никогда не считал себя человеком, одаренным богатым воображением — по крайней мере за пределами книг, создававшихся при его непосредственном участии, — равно как и впечатлительным человеком, поэтому его удивило и даже слегка напугало глухое жжение в груди. Обида и ярость.

Сукин сын считал себя вправе ему отказать? Но по какому такому праву? Потому что он первым явился в реальный мир? Потому что Старку неизвестно, как, почему и когда он сам появился в реальном мире? Чужь собачья. С точки зрения Джорджа Старка, старшинство в данном случае не имело вообще никакого значения. Он не считал своим долгом лечь и безропотно умереть, чего, кажется, ждал от него Тэд Бомонт. У него был долг перед собой — просто выжить. Но это еще не все.

Ему надо было подумать о своих верных поклонниках, разве нет?

Вы посмотрите на этот дом. Просто *взгляните*. Просторный дом в колониальном стиле Новой Англии, которому, может быть, не хватает лишь одного крыла,

чтобы перейти в разряд особняков. Большая лужайка с садовыми оросителями, которые крутятся беспрестанно и сохраняют траву зеленой и свежей. Деревянный забор из штакетника вдоль одной стороны подъездной дорожки — Старк подумал, что такие заборы, наверное, и называются «живописными». Крытый проход между домом и гаражом — *крытый проход*, мать честная! И внутри дом оформлен в столь же изысканном (или его называют элегантным?) колониальном стиле, что и снаружи: длинный дубовый стол в столовой, красивые комоды в комнатах наверху, изящные стулья, приятные глазу, но все-таки не настолько «музейные», чтобы на них было страшно присесть. Стены не оклеены обоями, а покрашены и расписаны по трафарету вручную. Старк все это видел в снах Тэда, о которых тот даже не подозревал, когда писал книги под именем Джорджа Старка.

Ему вдруг захотелось спалить дотла этот очаровательный белый домик. Поджечь его спичкой — или, может быть, миниатюрной газовой горелкой, что лежит у него в кармане, — и пусть сгорит до основания. Но не раньше, чем он побывает внутри. Не раньше, чем он переломает всю мебель, насрет на ковер в гостиной и размажет дерьмо по любовно расписанным стенам. Не раньше, чем он возьмет топор и превратит эти распрекрасные комоды в гору щепок.

Какое право имел Бомонт на детей? На красивую женщину? Какое право имел Тэд Бомонт жить в мире, залитом солнечным светом, и быть счастливым, когда его темный брат — который сделал его богатым и знаменитым и без которого он прозябал бы сейчас в нищете и неизвестности — умирал в темноте, как больная дворняга на улице?

Разумеется, никакого. Вообще никакого. Просто Бомонт всегда *верил*, что у него есть это право, и даже сейчас, несмотря ни на что, продолжал верить. Но как раз эта вера — а вовсе не Джордж Старк из Оксфорда, штата Миссисипи — и была выдумкой.

— Пора преподать тебе первый урок, дружище, — пробормотал Старк, обращаясь к деревьям. Он нащупал зажимы, удерживавшие бинт на лбу, отцепил их и сунул в карман. Потом принялся разматывать бинт, и с каждым новым витком марлевая полоса становилась все более влажной. Чем ближе к его странной плоти, тем мокрее. — Этот урок ты никогда не забудешь. Можешь, мать твою, не сомневаться.

2

По сути, это была вариация трюка с белой тростью, которой он одурачил копов в Нью-Йорке. Но Старк не боялся повторов; он был убежден, что удачный прием можно — и нужно — использовать до тех пор, пока тот себя не исчерпает. Впрочем, с копами проблем не будет, если он только вконец не расклеился; они дежурят здесь больше недели и наверняка уже склоняются к мысли, что тот псих говорил правду, когда объявил, что берет яйца в горсть и отваливает домой. Единственным непредсказуемым фактором была Лиз — если она случайно выглянет в окно, пока он будет резать свиней, это может усложнить дело. Но сейчас полдень; близнецы, наверное, спят, и Лиз тоже вздремнула или как раз собирается лечь вздремнуть. Как бы там ни обернулось, Старк был уверен, что все пройдет гладко.

На самом деле он в этом ни капельки не сомневался. Любовь найдет способ.

3

Чаттертон приподнял ногу и затушил сигарету о подишву — потом он положил окурки в пепельницу в машине; полицейские штата Мэн не сорят во дворах у налогоплательщиков, — а когда выпрямился, то увидел, как по подъездной дорожке идет, шатаясь, какой-то

мужик с ободренным до мяса лицом. Одной рукой он слабо махнул Чаттертону и Джеку Эддингсу, как бы прося о помощи; вторая рука, заведенная за спину, кажется, была сломана.

Чаттертона едва не хватил удар.

— Джек! — крикнул он. Эддингс обернулся, и у него отвисла челюсть.

— ...помогите... — прохрипел человек с лицом без кожи. Чаттертон и Эддингс бросились к нему.

Если бы они остались в живых, то, наверное, сказали бы сослуживцам, что подумали, будто тот парень пострадал в автомобильной аварии, или его обожгло при взрыве газового баллона, или он угодил лицом прямо в один из тех сельскохозяйственных агрегатов, которые время от времени сходят с ума и крошат хозяев в капусту своими ножами, лопастями и смертоносно вращающимися спицами.

Они что угодно могли бы сказать сослуживцам, но, если по правде, ничего такого они не подумали. Они вообще ни о чем не думали в тот момент. Все мысли стерлись от ужаса. Левая половина лица у того человека, казалось, *кипела*, как будто после того, как с нее содрали кожу, кто-то плеснул на сырое мясо чистой карболовой кислотой. Какая-то вязкая, совершенно кошмарная жидкость стекала по буграм вздувшейся плоти и заполняла черные трещины между ними, иной раз выливаясь наружу.

Они не думали ни о чем; они просто отреагировали.

В том-то и прелесть трюка с белой тростью.

— ...помогите...

Старк сделал вид, что у него заплелись ноги, и начал падать вперед. Крикнув что-то невнятное своему напарнику, Чаттертон бросился к раненому, чтобы поддержать его и не дать упасть. Правой рукой Старк обхватил полицейского за шею и выбросил из-за спины

левую руку. В этой руке был сюрприз. Опасная бритва с перламутровой рукояткой. Открытое лезвие лихорадочно сверкнуло в душном, влажном воздухе. Старк опустил руку, и лезвие бритвы вонзилось в правый глаз Чаттертона. Тот завопил дурным голосом и схватился рукой за лицо. Старк запустил пятерню ему в волосы, откинул его голову назад и перерезал горло от уха до уха. Кровь брызнула алым фонтаном. Все заняло ровно четыре секунды.

— Что? — спросил Эддингс тихим и до жути спокойным голосом. Он стоял как вкопанный в двух шагах за спиной Старка и Чаттертона. — Что?

Его руки безвольно свисали, и правая ладонь почти задевала рукоять револьвера в кобуре на поясе, но Старку было достаточно одного быстрого взгляда, чтобы убедиться, что доблестный страж порядка сейчас мало что соображает и способен схватиться за револьвер не больше, чем с ходу назвать численность населения Мозамбика. Эддингс стоял с выпученными глазами, но совершенно не понимал, на что смотрит и кто истекает кровью. *Нет, не так, мысленно поправился Старк. Он думает, что это я. Он был рядом и видел, как я перерезал глотку его напарнику, но он считает, что это я истекаю кровью, потому что у меня нет половины лица, хотя, если по правде, то совсем не поэтому... это я истекаю кровью, это должен быть я, потому что они с напарником — полицейские. Они в главных ролях в этом фильме.*

— На, поддержи. — Он толкнул на Эддингса тело умирающего Чаттертона.

Эддингс пронзительно вскрикнул и попробовал отступить, но опоздал. Том Чаттертон был крепким парнем, и его тяжеленная туша отшвырнула Эддингса назад, прямо на полицейскую машину. Горячая струя крови хлынула на его запрокинутое кверху лицо, как вода из лопнувшей трубы. Эддингс закричал и принялся бить

кулаками по телу Чаттертона, пытаясь сбросить его с себя. Чаттертон медленно перекатился на бок и вслепую зашарил руками, в агонии цепляясь за машину. Левая рука ударилась о капот, оставив на нем кровавый отпечаток ладони. Правая слабо схватила за антенну и отломала ее. Он упал на дорожку, держа антенну перед единственным оставшимся глазом, словно ученый с неким опытным образцом, слишком редким и ценным, чтобы бросить его даже *под страхом смерти*.

Краем глаза Эддингс заметил, что человек без кожи решительно надвигается на него, и попытался отпрянуть. Но уперся спиной в машину.

Старк взмахнул бритвой снизу вверх, разрезав промежность форменных бежевых брюк Эддингса, раскрыв пополам мошонку — и вытащил лезвие плавным, скользящим движением. Яйца Эддингса вдруг разошлись в стороны и повисли, прижавшись к внутренним сторонам бедер, как два тяжелых узла на концах раскрутившегося шнура на портъере. Вокруг ширилки разлилось алое пятно. В первый миг Эддингсу показалось, что к его паху прижали целую пригоршню льда... а потом низ живота взорвался болью, горячей, острой и яростной.

Он завопил во весь голос.

Старк молниеносно рванул бритву вверх, к горлу Эддингса, но тот ухитрился закрыться рукой, и первый удар лишь разрезал ему ладонь. Эддингс попытался перекатиться влево, при этом правая сторона шеи осталась незащищенной.

Лезвие бритвы вновь мелькнуло бледно-серебристой молнией в жарком полуденном мареве, и на этот раз удар достиг цели. Эддингс рухнул на колени, зажав руками промежность. Его бежевые брюки сделались ярко-красными почти до колен. Голова безвольно поникла. Сейчас он напоминал жертву в кровавом языческом ритуале.

— Приятного дня, ублюдок, — произнес Старк будничным тоном. Он наклонился, схватил Эддингса за волосы и резким рывком отклонил его голову назад, обнажая шею для последнего удара.

4

Он открыл заднюю дверцу полицейской машины, поднял Эддингса, ухватив его за ворот форменной рубашки и пояс окровавленных брюк, и забросил его внутрь, как куль с зерном. Потом проделал то же самое и с Чаттертоном. Последний весил, наверное, около двухсот тридцати фунтов, вместе со всем снаряжением на ремне, включая револьвер 45-го калибра, но Старк обращался с ним так, словно тот был мешком, набитым пухом и перьями. Он захлопнул дверцу и выжидающе взглянул на дом.

В доме было тихо. Тишину нарушал только стрекот сверчков в высокой траве у подъездной дорожки и влажный шелест — *ти-ти-ти!* — садовых оросителей на лужайке. Потом к ним прибавился грохот подъезжавшего грузовика, автоцистерны «Оринко». Грузовик мчался на север со скоростью под шестьдесят. На мгновение его тормозные огни зажглись красным. Старк напрягся и чуть пригнулся, прячась за полицейской машиной. Но грузовик прогрохотал мимо и скрылся за ближайшим холмом, вновь набирая скорость. Старк издал короткий смешок. Водитель грузовика увидел припаркованную у дома Бомонтов полицейскую машину, взглянул на спидометр и решил, что копы устроили здесь пост контроля скорости. Обычное дело. Однако водителю не стоило беспокоиться; этот пост закрылся навсегда.

На подъездной дорожке остались изрядные лужи крови, но на ярко-черном асфальте ее можно было при-

нять за воду.. если не подходить слишком близко. Так что все нормально. А если и не нормально, сойдет и так.

Старк сложил бритву и, держа ее в липкой от крови руке, подошел к двери. Он не обратил внимания ни на трупки воробьев у крыльца, ни на стайки птиц, что сидели на крыше дома и на яблоне у гаража и молча следили за ними.

Через пару минут Лиз Бомонт, еще до конца не проснувшаяся после дневного сна, спустилась вниз открыть дверь на звонок.

5

Она не закричала. Крик уже рвался наружу, но ободранное лицо, возникшее перед ней, когда она открыла дверь, заперло его глубоко внутри, заморозило его, отменило, задавило на корню, похоронило его заживо. В отличие от Тэда Лиз ни разу не снился Джордж Старк — или она просто не помнила этих снов, но они все-таки были, таились в глубинах ее подсознания, потому что это лицо, расплывшееся в ухмылке, несмотря на весь ужас, казалось почти знакомым. И его появление было почти ожидаемым.

— Тетя, купите слона, — сказал Старк из-за сетчатой двери. Он ухмыльнулся, обнажив зубы. Почти все — черные, мертвые. Из-за темных очков его глаза были похожи на две черные дыры. Гнойная жижка стекала со щек и подбородка и капала на стеганный жилет.

Спохватившись, Лиз попыталась закрыть дверь. Рукой в перчатке Старк пробил сетку и удержал дверь на месте. Лиз отшатнулась, пытаясь закричать. Но опять не смогла. Крик оставался запертым в горле.

Старк вошел в дом и закрыл дверь.

Лиз смотрела, как он медленно приближается к ней. Он походил на полуразложившееся пугало, которое

каким-то образом ожило. Страшнее всего была усмешка, потому что левая половина его верхней губы не просто сгнила и отвалилась — ее как будто сжевали. Лиз были видны серо-черные зубы и дырки на тех местах, где еще совсем недавно тоже были зубы.

Его руки, затянутые в перчатки, протянулись к ней.

— Здравствуй, Бет, — процедил он сквозь эту кошмарную ухмылку. — Извини за вторжение, но я был тут поблизости и решил заглянуть в гости. Меня зовут Джордж Старк. Рад с тобой познакомиться. Ты даже не представляешь, как сильно рад.

Он притронулся пальцем к ее подбородку.. погладил его. Плоть под черной перчаткой была зыбкой, мягкой, как губка. Лиз подумала о близнецах, спящих наверху, и страхнула с себя оцепенение. Она развернулась и бросилась в кухню. В голове все смешалось, но в глубине этого ревущего хаоса она буквально воочию видела, как хватает один из разделочных ножей, отрывает его от магнитного держателя на стене и вонзает в эту омерзительную пародию на человеческое лицо.

Она слышала Старка. Он мчался за ней, быстрый, как ветер.

Его рука скользнула по ее блузке, но не смогла хватить.

Дверь в кухню была открыта, а чтобы она не закрывалась, ее держала деревянная подпорка. Лиз на бегу пнула подпорку, прекрасно зная, что если она промахнется или выбьет деревяшку не до конца, второго шанса не будет. Она ударила со всей силы, и пальцы, защищенные лишь мягкой тапочкой, отозвались вспышкой боли. Подпорка перелетела на другой конец кухни, скользя по полу, натертому до зеркального блеска — в прямом смысле слова. В нем действительно отражалась вся кухня, перевернутая вверх ногами. Лиз почувствовала, что Старк снова тянется к ней, пытаясь схватить.

Не оборачиваясь, она махнула рукой назад и захлопнула за собой дверь. Раздался глухой стук: Старк налетел на дверь. Лиз услышала, как он вскрикнул. Но это был крик удивления и ярости, а не боли. Она потянулась к ножам, и... Старк схватил ее сзади за волосы и за блузку. Дернул назад и развернул лицом к себе. Раздался треск рвущейся ткани, и в голове Лиз бешено закружилась мысль: *Если он меня изнасилует... Господи, если он меня изнасилует, я сойду с ума...*

Она принялась молотить кулаками по его кошмарному лицу, свернула ему очки набок, а потом сбросила их совсем. Кусок плоти под его левым глазом провис и отвалился, как мертвый рот, обнажив налитый кровью шар глазного яблока.

А он смеялся.

Он схватил ее руки и заставил опустить их вниз. Ей удалось высвободить одну руку, поднять ее вверх и царапать ему лицо. Ее пальцы оставили глубокие борозды, которые сразу же засочились кровью и вязким гноем. Рука не встретила сопротивления; впечатление было такое, что она раздирает кусок гнилого мяса. Теперь Лиз издавала хотя бы какие-то звуки — ей хотелось кричать, вытолкнуть из себя страх и ужас, пока они ее не задушили, но получались лишь хриплые, слабые всхлипы.

Он поймал ее свободную руку, рванул ее вниз, завел обе руки ей за спину и обхватил оба запястья одной рукой. Она была мягкой, как губка, но держала крепко — не вырвешься. Другую руку он положил ей на грудь. Лиз передернуло от омерзения. Она закрыла глаза и попыталась отстраниться.

— Не надо, — сказал Старк. Он уже не ухмылялся нарочно, но левая половина рта ухмылялась сама по себе, застывшая в страшной гнилой гримасе. — Не дергайся,

Бет. Для твоего же блага. Меня заводит, когда ты пытаешься сопротивляться. А меня лучше не заводить. Уже поверь мне на слово. Думаю, нам с тобой следует сохранять платонические отношения. Во всяком случае, на данном этапе.

Он сдвинул ее грудь сильнее, и под рыхлой гниющей плотью чувствовалась беспощадная сила — словно арматура из сочлененных стальных стержней, заключенных в мягкий пластик.

Почему он такой сильный? Как в нем может быть столько силы, когда он выглядит так, словно уже умирает?

Ответ напрашивался сам собой. Потому что Старк — не человек. Лиз даже не знала, можно ли считать его *живым*.

— Или, может быть, *ты сама* хочешь? — спросил он. — Вот, значит, в чем дело. Ты этого хочешь? Хочешь прямо сейчас? — Его язык в черных, желтых и красных пятнах, весь изрезанный глубокими трещинами, как пересохшая почва, высунулся из ощерившегося рта и принялся извиваться прямо перед лицом Лиз.

Она тут же прекратила вырываться.

— Вот так-то лучше, — сказал Старк. — А теперь... я собираюсь тебя отпустить, моя Бетти, моя сладкая девочка. И когда я тебя отпущу, у тебя снова может возникнуть желание пробежать стометровку за пять секунд. Вполне естественное желание; мы с тобой едва знакомы, и я понимаю, что выгляжу не лучшим образом. Но прежде чем ты начнешь делать глупости, я хочу, чтобы ты запомнила кое-что. Насчет тех двух копов снаружи... они оба мертвы. И еще я хочу, чтобы ты подумала о своих *bambinos*, которые мирно спят наверху. Детям нужен покой, верно? И особенно очень *маленьким*, очень *беззащитным* детям. Таким, как твои малыши. Ты меня понимаешь? Понимаешь, о чем я?

Лиз молча кивнула. Теперь она чувствовала его запах. Жуткий запах протухшего мяса. *Он гниет*, подумала она. *Гниет прямо сейчас, прямо передо мной.*

Она вдруг поняла, почему он так отчаянно хочет, чтобы Тэд снова начал писать.

— Ты — вампир, — хрипло проговорила она. — Чертов вампир. Он посадил тебя на диету. Поэтому ты и ворвался сюда. Поэтому ты издеваешься надо мной и угрожаешь моим детям. Ты — трус, Джордж Старк. Хренов трус.

Он отпустил ее и подтянул перчатки, сперва на левой, потом — на правой руке. Получилось почти жеманно, но вместе с тем и зловеще.

— Это нечестно, Бет. А что бы *ты* сделала на моем месте? Что бы ты сделала, если бы тебя, например, выбросило на необитаемый остров без воды и без пищи? Приняла бы картинную позу и томно вздыхала? Или стала бы бороться? Ты правда винишь меня в том, что я просто пытаюсь выжить?

— *Да!* — выкрикнула она.

— Это предвзятое мнение... но ты еще можешь его изменить. Видишь ли, Бет, у каждого есть свои убеждения, но цена за преданность убеждениям может подняться выше, чем ты себе представляешь сейчас. Когда противник решителен и хитер, цена может подскочить до небес. Так что мысль о сотрудничестве может вдруг показаться тебе очень даже разумной.

— Мечтать не вредно, урод!

Правая сторона его рта ощерилась, а левая, застывшая в вечной усмешке, приподнялась чуть выше обычного, и он одарил Лиз жутковатой улыбкой, которая, видимо, была задумана как лучезарная. Его ладонь, тошнотворно холодная под тонкой перчаткой, ласково огладила руку Лиз от предплечья до кисти. Один палец призывно вжался ей в ладонь и тут же убрался.

— Это не мечта, Бет... уверяю тебя. Мы с Тэдом вместе засядем за новую книгу Старка... а потом уж я сам. Иными словами, Тэд меня подтолкнет. Я сейчас как заглохший автомобиль. Только вместо воздушной пробки в топливopровode у меня творческий кризис. Вот и все. Как я понимаю, это единственная проблема. Стоит лишь меня подтолкнуть, там уж я отпущу сцепление, поддам газу и — *вжик!* — помчусь с ветерком!

— Ты сумасшедший, — прошептала она.

— Ага. Но и Толстой был сумасшедшим. И Ричард Никсон, а его, между прочим, избрали президентом Соединенных Штатов. — Старк резко повернул голову и посмотрел в окно. Лиз ничего не слышала, но Старк вдруг напрягся, словно пытаясь уловить какой-то далекий, едва различимый звук.

— Что ты... — начала было она.

— Заткнись на секундочку, зайка, — оборвал ее Старк. — Захлопни пасть.

Она различила едва уловимый звук взлетающей стаи птиц. Звук был невероятно далеким, невероятно красивым. Невероятно *свободным*.

Она стояла, глядя на Старка, ее сердце бешено колотилось, а в голове вертелась одна мысль: возможно, сейчас ей удастся сбежать. Он не был в трансе или в чем-то таком, но все-таки он отвлекся. Может быть, ей удастся сбежать. А если получится раздобыть пистолет...

Его разлагающаяся рука вновь обхватила ее запястье.

— Знаешь, я могу проникать в голову твоего мужа. Я могу *чувствовать*, что он думает. С тобой так не выходит, но я вижу твое лицо и очень даже неплохо угадываю твои мысли. Что бы ты сейчас ни замышляла, Бет, помни о тех полицейских... и о своих детях. Помни о них, чтобы не наделать глупостей.

— Почему ты так меня называешь?

— Как? Бет? — Старк рассмеялся. Смех был неприятным, словно у него в горле гремели камни. — Так называл бы тебя *он сам*, если бы ему хватило ума об этом подумать.

— Ты су...

— Сумасшедший, я знаю. Все это очаровательно, зайка, но давай мы обсудим мое душевное здоровье как-нибудь потом. Сейчас у нас и без того есть чем заняться. Слушай, мне надо позвонить Тэду, но не в его кабинет. Там телефон может прослушиваться. Тэд уверен, что нет, но ему там могли втихаря насовать всяких «жучков», не поставив его в известность. Твой муженек — парень доверчивый. А я — нет.

— Откуда ты знаешь...

Старк наклонился к ней и проговорил очень медленно, словно учитель, обращающийся к туповатому первоклашке:

— Бет, а давай ты сейчас прекратишь огрызаться и будешь отвечать на мои вопросы. Потому что, если я не смогу получить нужные сведения от *тебя*, я, возможно, смогу вытащить их из твоих близнецов. Я знаю, они еще не умеют говорить, но, может быть, я смогу их научить. Интенсивные средства воздействия творят чудеса.

Несмотря на жару, он был в рубашке с длинным рукавом и стеганом жилете с кучей карманов на молниях, которые так любят охотники и туристы. Он расстегнул одну молнию на боку, где карман распирали какой-то цилиндрический предмет, и вытащил портативную газовую горелку.

— Даже если я не смогу научить их говорить, я уж наверняка научу их петь. Они у меня запоют, словно парочка жаворонков. Вряд ли тебе захочется слушать их трели, Бет.

Лиз пыталась оторвать взгляд от горелки, но не смогла. Она беспомощно наблюдала, как Старк перебрасы-

вает зловещий цилиндр из руки в руку. Ее взгляд как будто приклеился к соплу горелки.

— Я скажу все, что ты хочешь знать, — проговорила она и подумала: *Пока что.*

— Вот и славно. — Старк убрал горелку обратно в карман. Жилет слегка съехал набок, и Лиз увидела под ним рукоятку очень большого револьвера. — Весьма разумный подход, Бет. А теперь слушай. Сегодня там, на факультете, есть кто-то еще. Я вижу его так же ясно, как сейчас вижу тебя. Такой невысокий дедок, весь седой. Во рту — трубка чуть ли не с него ростом. Как его звать?

— Похоже на Роули Делессепса, — мрачно проговорила она. Интересно, откуда Старк знает, что Роули сегодня на факультете? Секунду подумав, Лиз решила, что ей не хочется этого знать.

— Это может быть кто-то другой?

Лиз покачала головой:

— Это наверняка Роули.

— У тебя есть телефонный справочник университета?

— В ящике под телефоном. В гостиной.

— Хорошо. — Он проскользнул мимо нее едва ли не прежде, чем она успела сообразить, что он вообще сдвинулся с места — Лиз едва не затошнило от плавно-вкрадчивой, кошачьей грации этого гниющего куска мяса, — и снял один из длинных ножей с магнитного держателя на стене. Лиз оцепенела. Старк взглянул на нее и вновь издал этот ужасный смешок, похожий на грохот камней.

— Не волнуйся, я не буду тебя резать. Ты — моя славная маленькая помощница, верно? Пойдем.

Его рука, сильная, но неприятно рыхлая на ощупь, вновь обхватила ее запястье. Лиз попыталась вырваться, но добилаь только того, что он сжал ее руку еще сильнее. Она тут же прекратила сопротивляться.

— Хорошо, — сказал Старк.

Он привел ее в гостиную, где она уселась на диван, сжав колени и низко склонив голову. Старк взглянул на нее, кивнул и переключил внимание на телефон. Убедившись в отсутствии сигнализации — непростительная небрежность! — он перерезал оба кабеля, подключенные полицейскими: один — идущий к отслеживающему оборудованию, второй — к установленному в подвале магнитофону, включавшемуся на звук голосов в линии.

— Ты знаешь, как надо себя вести, и это очень важно, — сказал Старк, обращаясь к макушке Лиз. — А теперь слушай. Сейчас я найду номер этого Роули Делесепса и быстренько переговорю с Тэдом, а ты тем временем поднимаешься наверх и соберешь все барахлишко, которое может понадобится близнецам в летнем доме. Когда закончишь, разбудишь их и принесешь сюда, вниз.

— Откуда ты знаешь, что они...

Он улыбнулся, заметив ее удивление.

— Я знаю твой распорядок, — сказал он. — Может быть, даже лучше, чем ты сама. Разбуди их, Бет, и принеси сюда. Расположение комнат в доме я знаю не хуже, чем твое расписание, так что если ты попытаешься сбежать от меня, зайка, я сразу это пойму. Переодевать их не надо. Просто собери все, что нужно, и тащи мелких сюда как есть. Переоденешь их позже, когда мы отправимся в наше веселое путешествие.

— В Касл-Рок? Ты хочешь ехать в Касл-Рок?

— Ну да. Но ты пока не забивай себе голову. Сейчас тебе нужно думать только о том, что если ты не вернешься сюда через десять минут по моим часам, мне придется подняться наверх и проверить, что тебя задержало. — Он наклонился поближе к ней. Из-за темных очков его глаза казались пустыми глазницами, провала-

ми черноты под сочившимся гноем лбом. — И я поднимусь с моей маленькой газовой горелкой, уже зажженной и готовой к работе. Понимаешь меня?

— Я... да.

— И самое главное, Бет, уясни для себя вот что. Если ты будешь со мной сотрудничать, с тобой ничего не случится. И с твоими детьми ничего не случится. — Он опять улыбнулся. — Ты — хорошая мать, так что, думается, для тебя это важно. Я лишь хочу, чтобы ты поняла: не стоит пытаться мне помешать. Те двое копов сейчас лежат на заднем сиденье своей тачки и привлекают мух, потому что им не повезло оказаться на рельсах, когда проходил мой экспресс. В Нью-Йорке были еще и другие копы, которым не повезло точно так же... как тебе хорошо известно. Единственный способ помочь себе и своим детям — и Тэду тоже, потому что, если он сделает то, что мне нужно, с ним тоже все будет в порядке, — это молчать и оказывать мне всяческое содействие. Понимаешь меня?

— Да, — прохрипела она.

— Возможно, у тебя появятся всякие мысли. Я знаю, как это бывает, когда человек себя чувствует загнанным в угол. Но если подобные мысли *появятся*, гони их прочь. Хорошенько запомни, что хоть я сейчас выгляжу, прямо скажем, поганно, слух у меня *замечательный*. Если ты попытаешься открыть окно, я услышу. Если попробуешь снять сетку с окна, я услышу. Видишь ли, Бетти, я слышу *все*. Как поют ангелы на небесах, и как черти вопят в самых дальних пределах ада. Так что спроси себя, стоит ли рисковать. Ты умная женщина. Думаю, ты примешь правильное решение. Давай, малышка. Иди собираться.

Старк посмотрел на часы. Он действительно засек время. Лиз бросилась к лестнице, не чувствуя под собой ног.

6

Ей было слышно, как он коротко переговорил с кем-то по телефону. Потом он надолго умолк, а когда снова заговорил, его голос изменился. Лиз не знала, с кем Старк беседовал до паузы — наверное, с Роули Делессепсом, — но когда он заговорил снова, она почти не сомневалась, что теперь трубку взял Тэд. Она не могла разобрать слов и не решалась взять трубку второго телефона, но была уверена, что это Тэд. Впрочем, у нее все равно не было времени подслушивать разговор. Старк говорил, чтобы она спросила себя, стоит ли рисковать и пытаться ему перечить. Она уже поняла, что не стоит.

Она принялась собирать вещи: подгузники — в отдельную сумку, одежду — в чемодан. Детские кремы, присыпку, влажные салфетки и прочую мелочовку она покидала в большую спортивную сумку.

Она больше не слышала голос Старка. Видимо, он завершил разговор. Лиз как раз собиралась будить близнецов, когда Старк крикнул снизу:

— Бет! Пора!

— *Я иду!* — Она взяла на руки Уэнди, которая принялась сонно хныкать.

— Ты нужна мне внизу... Я жду звонка, и ты будешь мне создавать шумовые эффекты.

Последнюю фразу она не услышала. Ее взгляд был прикован к пластиковой коробочке для безопасных булавок, стоявшей на детском комод.

Рядом с коробочкой лежали портновские ножницы.

Она вернула Уэнди в кроватку, быстро взглянула на дверь и метнулась к комоду. Схватила ножницы и две булавки. Держа булавки в зубах, как обычно делают портнихи, она расстегнула молнию на юбке, приколола ножницы к трусам с изнанки и застегнула юбку. На том месте, где были головки булавок и ручки ножниц, про-

глядывал маленький бугорок. Обычный мужчина его бы и не заметил, но Джордж Старк не был обычным мужчиной. Она выпустила блузку наружу. Вот так-то лучше.

— *Бет!* — В голосе Старка уже слышалось раздражение. Хуже того: он доносился с середины лестницы, а Лиз не слышала, как он поднимался, хотя всегда думала, что по этой скрипучей лестнице в их старом доме невозможно пройти, не издав ни единого звука.

И тут зазвонил телефон.

— *Быстро неси их вниз!* — крикнул ей Старк, и она бросилась поднимать Уильяма. У нее не было времени на нежности, так что в гостиную она спустилась, держа в каждой руке по младенцу, орущему в полную силу.

Старк говорил по телефону, и Лиз боялась, что детский рев разозлит его еще больше. Но, как ни странно, вид у него был вполне довольный... и Лиз запоздало сообразила, что если он говорит с Тэдом, то он и должен быть доволен. Ему обеспечили отличный шумовой эффект. Вряд ли он сам сделал бы лучше, даже если бы притащил с собой пленку с записью шумов.

Интенсивные средства воздействия, подумала Лиз и вдруг ощутила прилив жгучей ненависти к этому разлагавшемуся существу, которое не должно было существовать, но упорно отказывалось исчезнуть.

В одной руке Старк держал карандаш и легонько постукивал кончиком с ластиком по краю телефонного столика, и Лиз с изумлением понял, что это был «Черный красавец». *Это же карандаш Тэда*, подумала она. *Он заходил в кабинет?*

Нет. Конечно, Старк не заходил в кабинет, и карандаш — не Тэда. На самом деле эти карандаши никогда не были карандашами Тэда, просто он их иногда покупал. «Черные красавцы» принадлежали Старку. Кстати, Старк уже воспользовался карандашом — написал что-

то большими печатными буквами на задней обложке университетского телефонного справочника. Подойдя ближе, Лиз сумела прочесть две фразы. Первая: «УГАДАЙ, ОТКУДА Я ЗВОНИЛ, ТЭД?» И вторая, беспощадно прямая: «НИКОМУ НИ СЛОВА, ИНАЧЕ ОНИ УМРУТ».

Словно в подтверждение этого Старк произнес в трубку:

— Ничего я с ними не сделал, как ты сам слышишь. Я не тронул ни единого волоска на их драгоценных головках.

Он обернулся к Лиз и подмигнул ей. Вот это и было самым чудовищным: он подмигнул ей, словно они заодно. Старк снял очки и теперь вертел их в руке. Его глазные яблоки выпирали наружу, как стеклянные шары на лице тающей восковой фигуры. —

— Пока не тронул, — добавил он.

Он послушал, что говорил ему Тэд, и расплылся в ухмылке. Даже если бы его лицо не разлагалось буквально у нее на глазах, Лиз все равно стало бы страшно от этой ухмылки, издевательской и жестокой.

— А что — Лиз? — спросил Старк почти игривым голосом, и вот тут Лиз взяло зло. Злость помогла одолеть страх, и Лиз вдруг подумала о тете Марте и крысах. Жалко, что тети Марты сейчас нет рядом. Она бы разобралась с этой крысой. У Лиз были ножницы, но это не значит, что она сумеет ими воспользоваться. Вряд ли Старк даст ей такую возможность. Но Тэд... Тэд знает о тете Марте. У Лиз появилась одна идея.

7

Когда разговор завершился, и Старк повесил трубку, она спросила, что он теперь собирается делать.

— Мчаться на всех парах, — ответил он. — Я вообще очень быстрый. — Он протянул руки к близнецам. — Дай мне кого-нибудь одного. Все равно кого.

Она отшатнулась и инстинктивно прижала обоих малышей еще крепче к груди. Близнецы более-менее успокоились, но это судорожное объятие снова их тревожило, и они принялись хныкать и извиваться.

Старк терпеливо проговорил:

— У нас нет времени спорить, Бет. Не заставляй меня убеждать тебя с помощью этой штуки. — Он похлопал по цилиндрической выпуклости в кармане охотничьего жилета. — Я не сделаю больно твоим детишкам. Я ведь тоже их папочка, в каком-то смысле.

— *Не смей так говорить!* — заорала она, отступая еще на шаг. Ее всю трясло. Казалось, еще секунда — и она сорвется с места и побежит.

— Возьми себя в руки, женщина.

Слова прозвучали спокойно, без всякого выражения — и убийственно холодно. Лиз показалось, что ей на голову вылили ведро холодной воды.

— Давай без истерики, зайка. Мне нужно выйти во двор и загнать полицейскую тачку в гараж. И я очень расстроюсь, если, пока я там занят делом, ты от меня убежишь. Но если со мной будет один из твоих малышей — скажем так, в качестве залога, — мне не придется об этом переживать. Я тебя не обманываю. Если я говорю, что не желаю зла ни тебе, ни твоим малышам, значит, оно так и есть... *но даже если бы я собирался* тебя обмануть, что бы я выиграл, если бы сделал больно кому-то из твоих деток? Мне нужна твоя помощь. *Так* я вряд ли ее получу. Так что давай мне кого-то из них, или я сделаю больно обоим — не убью, но сделаю больно, очень-очень больно... По твоей, между прочим, вине.

Он протянул руки. Его прогнившее, разрушенное лицо было решительным и непреклонным. Глядя на это лицо, Лиз поняла, что возражать бесполезно. Его не убедят никакие доводы, не тронут никакие мольбы. Он даже слушать не станет. Он просто исполнит свою угрозу.

Она подошла к нему, и когда он хотел взять Уэнди, ее рука вновь напряглась, защищая от него дочку. Уэнди расплакалась еще пуще. Лиз расслабила руку, позволив Старку забрать малышку, и расплакалась сама. Она посмотрела ему в глаза:

— Если ты сделаешь ей больно, я убью тебя.

— Я знаю, что ты попытаешься, — серьезно проговорил Старк. — Я безмерно уважаю материнские чувства, Бет. Ты считаешь меня чудовищем, и ты, возможно, права. Но настоящие чудовища никогда не бывают бесчувственными. Тем они и ужасны в конечном итоге, а не своей безобразной наружностью. Я ничего не сделаю этой малышке, Бет. Со мной она в безопасности... до тех пор, пока ты готова сотрудничать.

Теперь Лиз держала Уильяма двумя руками... и никогда прежде ее объятия не ощущались такими пустыми. Никогда прежде она не была так уверена, что совершила ошибку. Но что она могла сделать?

— К тому же... Смотри! — воскликнул Старк, и в его голосе было что-то такое, чему Лиз не могла, не желала поверить. Нежность, которую, как ей показалось, она услышала в его голосе, *должна* была быть притворной, очередным его чудовищным издевательством. Но он смотрел на Уэнди с прочувствованной и возмутительной теплотой... а Уэнди с восторгом таращилась на него и больше не плакала. — Малышка не знает, как ужасно я выгляжу. Она меня не боится, Бет. Совсем не боится.

В тихом ужасе Лиз наблюдала за тем, как он поднял правую руку. Он уже снял перчатки, и Лиз видела плотную марлевую повязку точно на том же месте, где Тэд носил повязку на левой руке. Старк разжал кулак, сжал и снова разжал. Он стиснул зубы, и было понятно, что движение рукой причиняет ему боль, и все-таки он это делал.

Тэд делает так же, в точности так же, о Господи, он делает ТОЧНО ТАК ЖЕ...

Уэнди уже окончательно успокоилась. Она смотрела на лицо Старка, пристально его изучая. Ее ясные серые глазки глядели прямо в мутно-голубые глаза Старка. Из-за отпавшей кожи казалось, что они вот-вот вывалятся из глазниц и повиснут на стебельках.

И Уэнди помахала в ответ.

Ладонка раскрылась, закрылась и снова открылась.

Уэнди машет ручкой.

Лиз почувствовала шевеление у себя в руках, глянула вниз и увидела, что Уильям смотрит на Джорджа Старка таким же восторженным взглядом. Смотрит и улыбается.

Его ладонка раскрылась, закрылась и снова открылась.

Уильям машет ручкой.

— Нет, — простонала она едва слышно. — Господи, нет. Пожалуйста, только не это.

— Видишь? — Старк смотрел на нее все с той же застывшей, язвительной усмешкой, и Лиз с ужасом поняла, что он пытается быть ласковым... и не может. И это было страшнее всего. — Видишь, Бет? Я им нравлюсь. Я им *нравлюсь*.

8

Старк снова надел темные очки и вынес Уэнди на улицу. Лиз подбежала к окну и наблюдала за ними с тревогой и страхом. В глубине души она была уверена, что он сейчас сядет в полицейскую машину и умчится прочь с ее дочкой на переднем сиденье и двумя мертвыми полицейскими — на заднем.

Но поначалу он вообще ничего не делал: просто стоял на солнышке рядом с машиной, опустив голову и покачивая на руках Уэнди. Он простоял так, наверное, полминуты, словно серьезно беседовал с Уэнди или, возможно, читал молитву. Позже, когда у Лиз появи-

лось больше информации, она решила, что в тот раз он пытался снова связаться с Тэдом, прочесть его мысли и предугадать, собирался ли он сделать так, как велел ему Старк, или же у него были какие-то свои планы.

Потом Старк резко тряхнул головой, словно чтобы прочистить мозги, забрался в машину и включил двигатель. *Ключи были в замке зажигания, отрешенно подумала Лиз. Ему даже не пришлось замыкать провода, или что там в таких случаях делают. Этому человеку везет, как дьяволу.*

Старк загнал машину в гараж и выключил двигатель. Лиз услышала, как хлопнула дверца, и Старк вышел наружу, задержавшись у входа только затем, чтобы ударить по кнопке, опускающей ворота гаража.

А еще через несколько секунд он уже вернулся в дом и протягивал ей Уэнди.

— Видишь? — спросил он. — С ней ничего не случилось. А теперь расскажи мне о ваших соседях. О Кларках.

— О Кларках? — тупо переспросила она. — Зачем тебе знать о Кларках? Они на все лето уехали в Европу.

Он улыбнулся. В каком-то смысле это было, наверное, страшнее всего, потому что, не будь лицо Старка так изуродовано, улыбка вышла бы даже искренней... и вполне обаятельной, как подумалось Лиз. Разве она сейчас не испытала мимолетную вспышку влечения? Да, это безумие. Извращение. Но значит ли это, что она могла все отрицать? Нет, не значит. И Лиз понимала, что могло быть причиной. В конце концов, она была замужем за ближайшим родственником этого человека.

— Замечательно! — сказал он. — Лучше и быть не может! А у них есть машина?

Уэнди расплакалась. Лиз взглянула на дочь и увидела, что та смотрит на человека с гниющим лицом и глазами, похожими на стеклянные шарики, выпирающие наружу, — смотрит и тянет к нему пухлые ручки. Она

плакала не потому, что боялась его, а потому, что хотела к нему на руки.

— Какая прелесть! — воскликнул Старк. — Она хочет обратно к папочке.

— Заткнись, урод! — рывкнула Лиз.

Хитрый лис Джордж запрокинул голову и рассмеялся.

9

Он дал ей еще пять минут, чтобы дособирать вещи для себя и близнецов. Она сказала, что за пять минут не сумеет собрать и половины всего, что нужно, но он велел ей постараться.

— Тебе повезло, что я вообще даю тебе хоть чуть-чуть времени, Бет, при сложившихся обстоятельствах: два мертвых копа у вас в гараже, и твой муж знает, что происходит. Если хочешь потратить эти пять минут на споры со мной, дело твое. У тебя уже осталось... — Он взглянул на часы и улыбнулся ей. — Четыре с половиной минуты.

Так что Лиз бросилась собираться и лишь один раз оторвалась от дела — она укладывала в пакет баночки с детским питанием, — чтобы взглянуть на детей. Они сидели рядышком на полу, лениво играли в ладушки и смотрели на Старка. Она ужасно боялась, что знает, о чем они думают.

Какая прелесть!

Нет. Она не станет об этом думать. О чем угодно — только не об этом. Но она *не могла* думать ни о чем другом. Перед глазами стояла картина: Уэнди с плачем тянет ручонки к Старку. К этому незнакомцу-убийце.

Они хотят обратно к папочке.

Он стоял в дверях кухни, с улыбкой наблюдая за Лиз, и ей захотелось воспользоваться ножницами прямо сейчас. Никогда в жизни она не хотела чего-то так сильно.

— Ты не хочешь помочь? — сердито воскликнула она, указав на два огромных пакета и сумку-холодильник.

— Конечно, хочу, Бет.

Старк взял сумку. Другую руку — левую — он оставил свободной.

10

Они прошли через боковой дворик, пересекли узкую полосу лесопосадок между двумя участками, вышли во двор Кларков и направились к их подъездной дорожке. Старк подгонял Лиз, и она почти задыхалась, когда они остановились у закрытых ворот гаража. Старк предлагал понести одного из близнецов, но она отказалась.

Он поставил сумку на землю, вытащил из заднего кармана бумажник, достал из него узкую металлическую полосу с заостренным концом и вставил ее в замок на гаражных воротах. Повернул сначала вправо, прислушался и повернул полосу влево. Раздался щелчок, и Старк улыбнулся.

— Отлично, — сказал он. — Даже с простенькими замками на гаражных воротах иной раз приходится повозиться. Большие пружины. Трудно сдвигаются. А эта разношена, как манда старой шлюхи под конец рабочей ночи. Нам везет. — Он повернул ручку и дернул вверх. Ворота поднялись.

В гараже было жарко и душно, как в стогу сена, а внутри «вольво» Кларков и того жарче. Старк наклонился над приборной доской, открыв затылок и шею перед Лиз, сидевшей на переднем сиденье. Ее пальцы сжались. На то, чтобы достать ножницы, уйдет не больше секунды, но это все равно слишком долго. Лиз уже видела, как Старк реагирует на неожиданности. Ее нисколько не удивляло, что он обладает реакцией дикого зверя. Он и есть дикий зверь.

Он вытащил из-под приборной панели пучок проводов и достал из переднего кармана опасную бритву,

перепачканную в крови. Лиз поежилась и дважды сглотнула слюну, борясь с тошнотой, подступавшей к горлу. Старк открыл бритву, вновь склонил голову, почистил изоляцию с двух проводов и соединил оголенные концы. Сверкнула голубая искра, и через секунду мотор зашелся.

— Ну вот и *славно!* — воскликнул Старк. — Ну что, едем кататься?

Близнецы захихикали в один голос и замахали ему ручками. Старк радостно помахал в ответ. Пока он выезжал задним ходом из гаража, Лиз украдкой запустила руку под Уэнди, сидевшую у нее на коленях, и прикоснулась к слегка выпиравшим под юбкой кольцам ножиц. Не сейчас, нет. Но скоро. Она не собиралась дожидаться Тэда. Ее слишком тревожила мысль о том, что это темное существо может тем временем сделать с ее детьми.

Или с ней самой.

Как только что-то его отвлечет, она собиралась вытащить ножницы из тайника и всадить их ему в глотку.

Часть третья

ПРИШЕСТВИЕ ПСИХОПОМПОВ

— Поэты говорят о любви, — сказал Машина, водя бритвой по ремню туда-сюда, в размеренном, гипнотическом ритме, — и это нормально. Любовь существует. Политики говорят о долге, и это тоже нормально. Долг существует. Эрик Хоффер говорит о постмодернизме, Хью Хефнер — о сексе, Хантер Томпсон — о наркотиках, Джимми Сваггерт — о Боге Отце Всемогущем, создавшем небо и землю. Все это существует, и тут все нормально. Ты понимаешь, о чем я, Джек?

— Вроде бы да, — сказал Джек Ренджли, хотя вообще ни черта не понимал. Но когда Машина пребывал в таком настроении, лишь сумасшедший стал бы с ним спорить.

Машина резко взмахнул бритвой и разрезал ремень пополам. Длинная полоска упала на пол, как отрезанный язык.

— А я говорю о неотвратимой судьбе, — сказал он. — Потому что в конечном итоге только она и имеет значение.

Джордж Старк. Дорога в Вавилон

Глава 22

ТЭД В БЕГАХ

1

Просто представь, что это книга, которую ты пишешь, подумал он, выезжая из университетского городка и сворачивая налево, на Колледж-авеню. Представь, что ты персонаж этой книги.

Это была волшебная мысль. Его рассудок переполняла ревушая паника — вроде мысленного торнадо, в ко-

тором фрагменты возможного плана действий неслись, как куски развороченного бурей пейзажа. Но от мысли, что можно хотя бы попробовать притвориться, будто все это — лишь безобидная выдумка, и он может управлять не только собой, но и другими героями этой истории (например, Харрисоном и Манчестером) точно так же, как он управлял персонажами на бумаге, сидя в тиши и безопасности своего кабинета, под яркими лампами над головой, со стаканом холодной пепси или чашкой горячего чаю... от этой мысли буран, бушевавший в его голове, разом стих. Или, вернее, умчался прочь и унес с собой все посторонние мысли, так что остались только фрагменты плана... фрагменты, которые, как ему представлялось, он мог собрать воедино без особых трудов. Он обнаружил, что у него есть идея, которая даже может сработать.

И лучше бы ей сработать, подумал Тэд. Потому что в противном случае тебя укут за решетку, а Лиз и дети скорее всего умрут.

Но что насчет воробьев? Какова их роль в этой истории?

Он не знал. Роули сказал, что они — психопомпы, провожатые живых мертвецов, и в данном случае это подходит, так? Да. В каком-то смысле. Потому что хитрый лис Джордж снова жив, но в то же время и мертв... мертвец, разлагающийся на ходу. Так что воробьи здесь к месту... но не совсем. Если они проводили Джорджа обратно из

(страны мертвых)

того места, где он был раньше, почему Джордж о них ничего не знает? Почему он не помнит, как написал эту фразу — «ВОРОБЬИ СНОВА ЛЕТАЮТ» — кровью на стенах в двух квартирах?

— Потому что ее написал я, — пробормотал Тэд, и его мысли вернулись к тем записям в дневнике, которые он сделал у себя в кабинете, на грани транса.

Вопрос: Птицы — мои?

Ответ: Да.

Вопрос: Кто написал о воробьях?

Ответ: Тот, кто знает. Тот, кому принадлежат воробьи... Я знаю. Они принадлежат мне.

Внезапно ему показалось, что он почти знает ответы на все вопросы — ужасные, немыслимые ответы. Он услышал долгий, дрожащий звук, вырвавшийся у него изо рта. Это был стон.

Вопрос: Кто вернул Джорджа Старка к жизни?

Ответ: Тот, кому принадлежат воробьи. Тот, кто знает.

— Я не хотел! — выкрикнул он.

Но было ли это правдой? Вот если по-честному? Разве какая-то частичка его души не любила простой, буйный нрав Джорджа Старка? Разве какая-то частичка его души не восхищалась Джорджем, человеком, который никогда ни обо что не спотыкался и ни на что не натыкался, который никогда не выглядел идиотом или слабаком, который не боялся чертей, запертых в ящике со спиртным? Человеком, не обремененным женой и детьми, с которыми надо считаться, или любовью, которая свяжет его и ограничит его свободу? Человеком, который никогда не возился с говенными студенческими курсовыми и не парился по поводу собраний бюджетной комиссии? Человеком, у которого всегда были острые, прямые ответы на самые трудные жизненные вопросы?

Человеком, не боявшимся темноты, потому что *владел* тьмой?

— Да, но он *СВОЛОЧЬ!* — выкрикнул Тэд в жаркой кабине своего экономичного, сделанного в США, полноприводного автомобиля.

Верно — и как раз этим он тебя и привлекает, разве нет?

Возможно, он, Тэд Бомонт, на самом деле не создавал Старка... но ведь возможно и то, что какая-то истосковавшаяся частичка его души позволила Старку *воссоздаться?*

Вопрос: Если воробьи принадлежат мне, могу ли я их использовать?

Ответ не пришел. Он *хотел* прийти; Тэд чувствовал, как что-то брезжит на краешке сознания. Но далеко — не дотянуться. Тэд вдруг испугался, что это он сам — какая-то частичка его души, всегда любившая Старка, — удерживает ответ на расстоянии. Какая-то частичка его души, которая не хочет, чтобы Старк умирал.

Я — тот, кто знает. Тот, кому принадлежат воробьи. Я — провожатый.

Он остановился на светофоре в Ороно, а потом свернул на шоссе № 2, в сторону Бангора и Ладлоу.

Его план включал в себя Роули — та его часть, которую он хоть как-то понимал. Но что ему делать, если он все-таки сумеет оторваться от полицейских, а Роули уже уйдет из кабинета?

Этого Тэд не знал.

Что ему делать, если Роули будет на месте, но не захочет ему помочь?

Этого он тоже не знал.

Эти мосты я сожгу, когда и если до них доберусь.

И это будет довольно скоро.

Он уже проезжал мимо «Голдса», длинного здания, похожего на трубу из алюминиевых секций и выкрашенного в исключительно неприятный для глаза оттенок цвета морской волны. На прилегающей территории располагалась стоянка для старых, сданных в утиль автомобилей. Их лобовые стекла блестели белыми искра-

ми в белесом солнечном свете. Суббота перевалила за полдень — сейчас было, наверное, минут двадцать первого. Лиз и ее темный похититель уже должны выехать в Касл-Рок. В самом здании наверняка сидел кто-то из продавцов, чтобы механики, работающие на выходных, могли прикупить нужные им детали, но можно было надеяться, что сама свалка будет безлюдной. Тэд рассудил, что среди двадцати тысяч автомобилей разной степени изношенности, небрежно расставленных неровными рядами, он сможет спрятать свой «субурбан»... причем его надо именно *спрятать*. Широкий, коробкообразный, серый с ярко-красными боками, он торчал, как воспаленный большой палец.

Впереди показался знак «ВНИМАНИЕ! ШКОЛЬНАЯ ЗОНА!» Тэда как будто ударило током. Сейчас или никогда.

Он взглянул в зеркало заднего вида и увидел, что «плимут» по-прежнему держится в двух корпусах позади. Не самый лучший расклад, но лучше, возможно, все равно не будет. В остальном придется положиться на удачу и фактор внезапности. Полицейские не ожидают, что он попытается оторваться; да и зачем бы ему отрываться? На мгновение он подумал, что, может, и правда не стоит. Допустим, он сейчас остановится на обочине. Они останутся тоже, и Харрисон выйдет и спросит, что случилось, а Тэд ответит: *Много всего случилось. Старк захватил мою семью. Воробы снова летают.*

Тэд, он говорит, что убил тех двоих, которые следили за домом. Не знаю, как он это сделал, но он говорит, что убил... и я... я ему верю.

Тэд тоже верил. В том-то и весь ужас. Поэтому он и не может просто остановиться и попросить помощи. Если он попытается сделать что-то подобное, Старк об этом узнает. Тэд не думал, что Старк способен читать его мысли, во всяком случае, так, как это делают инопланетные пришельцы в комиксах и научно-фантасти-

ческих фильмах, но он *может* «настроиться на волну» Тэда... и почувствовать, что тот задумал. Возможно, Тэду удастся приготовить для Джорджа маленький сюрприз — если сумеет прояснить свои мысли по поводу этих чертовых птиц, — но пока что он собирался играть по сценарию.

Если получится.

Он уже подъезжал к перекрестку, где движение без остановки запрещено. Как обычно, здесь было весьма оживленно; из года в год на этом пересечении улиц постоянно случались аварии, в основном из-за того, что некоторые особо одаренные личности просто не понимали, что на перекрестках с четырьмя стоп-знаками все должны ехать по очереди, а не переть напролом. За каждой аварией следовал поток гневных писем, по большей части — от обеспокоенных родителей, с требованием установить на перекрестке светофор, и каждый раз городские власти Веази отвечали, что вопрос о светофоре «находится на рассмотрении»... после чего о нем благополучно забывали до следующего происшествия.

Тэд встал в ряд машин, движущихся на юг, взглянул в зеркало заднего вида, убедился, что «плимут» по-прежнему держится сзади, отставая на два автомобильных корпуса, и принялся следить за сложным ритуалом проезда перекрестка: моя очередь ехать, твоя очередь ехать, спасибо, пожалуйста. Он увидел, как машина, набитая дамочками с синими волосами, чуть не врезалась в «датсун-зед» с молодой парой; увидел, как девушка в «зеде» сделала гневный жест в сторону синеволосых дамочек; увидел, что он сам пересечет перекресток с севера на юг как раз перед тем, как длинная молочная цистерна перечет его с востока на запад. Очень удачно.

Машина, стоявшая перед ним, проехала перекресток. Следующей была очередь Тэда. В животе снова кольнуло, словно в него ткнули проводом под напряжением.

Тэд в последний раз глянул в зеркало. Харрисон и Манчестер по-прежнему были в двух корпусах позади.

Две машины проехали перекресток прямо перед ним. Молоковоз слева занял исходную позицию. Тэд сделал глубокий вдох и спокойно проехал через перекресток. По соседней полосе ему навстречу проехал маленький грузовичок, направлявшийся в сторону Ороно.

На той стороне его охватило почти неодолимое желание — *настоятельная потребность* — вдавить педаль газа в пол и умчаться вперед. Но он продолжал ехать все так же медленно и спокойно, с положенной в школьной зоне скоростью пятнадцать миль в час, не отрывая глаз от зеркала заднего вида. «Плимут» все еще ждал своей очереди на переезд, на две машины позади.

Эй, молоковоз! — подумал он, сосредоточив всю свою волю и даже слегка наклонившись вперед, словно мог заставить цистерну сдвинуться с места одной силой мысли... как он заставлял действовать персонажей у себя в книгах. — *Давай поезжай, молоковоз!*

И тот *поехал*, медленно покатился через перекресток со степенным, серебристым достоинством, как механическая вдовствующая королева.

И в ту секунду, когда цистерна загородила темно-коричневый «плимут» в зеркале заднего вида, Тэд вдавил педаль газа в пол.

2

Через полквартала Тэд свернул направо и помчался по короткой улочке на скорости сорок миль в час, моля Бога, чтобы именно в эту секунду никто из детишек не побежал за мячом, выкатившимся на проезжую часть.

Он пережил неприятный момент, когда ему показалось, что улочка заканчивается тупиком, но потом разглядел, что там все-таки есть поворот направо — его частично загораживала высокая изгородь у дома на углу.

Он чуть притормозил у Т-образного перекрестка и резко свернул направо, так что шины скрипнули по асфальту. Через сто восемьдесят ярдов он опять повернул направо и поехал к пересечению этой улицы с шоссе. Таким образом, он выехал обратно на шоссе № 2 примерно на четверть мили севернее перекрестка в школьной зоне. Если молоковоз заслонил его, когда он сворачивал направо — а Тэд очень надеялся, что так и было, — то коричневый «плимут» сейчас по-прежнему едет на юг по шоссе. Может, они еще даже не поняли, что произошло... хотя Тэд всерьез сомневался, что Харрисон настолько тупой. Манчестер — возможно, но только не Харрисон.

Он свернул налево, проскочив в такой узкий просвет в потоке машин, что водителю «форда» на полосе в южную сторону пришлось вдарить по тормозам. Он погрозил Тэду кулаком, когда тот проехал прямо у него перед капотом, выруливая на северную полосу. Вновь поддав газу, Тэд помчался обратно к свалке у «Голдса». Он не просто превышал скорость и нарушал правила, он их вообще для себя упразднил. Если его остановит дорожная полиция, ему несдобровать. Но медлить нельзя. Надо как можно скорее убрать с дороги этот драндулет, слишком заметный и яркий.

До автосвалки осталось полмили. Тэд проехал это расстояние, почти не отрывая взгляд от зеркала заднего вида. Он все высматривал «плимут», но его по-прежнему не было видно. Тэд свернул к «Голдсу».

Он медленно въехал в открытые ворота, над которыми висел знак с надписью «ВЪЕЗД ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ!» поблёкшими красными буквами на грязно-белом щите. В будний день его засекли бы и развернули обратно практически сразу. Но сегодня была суббота, да и время — как раз обеденное.

Тэд поехал по проходу между рядами разбитых машин, сложенных штабелями в два, а то и в три этажа. Те, что были внизу, давно утратили свою изначальную

форму и, казалось, медленно просачивались под землю. Земля вся почернела от масла, и просто не верилось, что на ней может хоть что-то расти, но тут и там виднелись полоски зеленой сорной травы, и большие, молча кивающие подсолнухи желтели яркими островками, как уцелевшие счастливицы, пережившие ядерную катастрофу. Один гигантский подсолнух пророс сквозь разбитое лобовое стекло хлебного автофургона, лежащего кверху днищем, как дохлый пес. Пушистый зеленый стебель обернулся вокруг ступицы, как узловатый кулак, второй зеленый кулак вцепился в эмблему на капоте старого «кадиллака», лежащего поверх фургона. Казалось, подсолнух уставился на Тэда как черно-желтый глаз какого-то мертвого чудища.

Это было огромное, тихое кладбище автомобилей, от которого Тэда бросало в дрожь.

Он свернул направо, потом — налево. И вдруг увидел воробьев. Они были повсюду: на капотах, на крышах, на засаленных, выданных с мясом двигателях. Три маленькие птички купались в заполненном водой колесном колпаке. Они не улетели, когда он приблизился, а просто бросили свои дела и наблюдали за ним своими черными глазками-бусинами. Воробьи сидели рядком на краю лобового стекла, прислоненного к окну старого «плимута». Тэд проехал буквально в трех футах от них. Птицы беспокойно забили крылышками, но остались сидеть на месте.

Провожатые живых мертвецов, подумал Тэд. Его рука потянулась к маленькому белому шраму на лбу и принялась нервно его растирать.

Проезжая мимо «датсуна», он заглянул в круглую дырку на лобовом стекле, как будто пробитую метеоритом, и увидел на приборной панели большое пятно засохшей крови.

Нет, эту дырку пробил не метеорит, подумал он, боясь с тошнотой, подступавшей к горлу.

На переднем сиденье «датсуна» тоже сидели воробьи.

— Что вам от меня нужно? — хрипло спросил Тэд. — Что вам нужно, во имя всего святого?

И ему показалось, что он услышал ответ. У него в голове прозвучал тонкий, пронзительный голосок этого общего птичьего разума: *Нет, Тэд. Ставим вопрос по-другому. Что тебе нужно от нас? Ты — провожатый. Ты — тот, кому принадлежат воробьи. Тот, кто знает.*

— Ни хрена я не знаю, — пробормотал он.

В конце этого ряда нашлось свободное место, перед «катлэсс-суприм» последней модели с отрезанной напроць передней частью.

Тэд поставил машину и выбрался наружу. Огляделся по сторонам, чувствуя себя в этом узком проходе словно крыса в лабиринте. Свалка пропахла машинным маслом и пропиталась едким насыщенным духом трансмиссионной жидкости. Кроме далекого гула движения на шоссе номер 2, не было слышно ни звука.

Воробьи смотрели на него отовсюду — молчаливое сборище коричнево-черных птиц.

А потом они резко взлетели, все разом — сотни, может быть, тысячи воробьев. На мгновение воздух как будто взорвался хлопаньем крыльев. Они взмыли в небо и устремились на запад — в сторону Касл-Рока. И Тэд вдруг почувствовал уже знакомый зуд, словно по телу бежали мурашки... но не по коже, а где-то *под* ней.

Что, Джордж, пытаешься подглядеть?

Он принялся напевать себе под нос песню Боба Дилана:

— «Джон Уэзли Хардинг... был друг бедняков... не выпускал револьверов из рук...»

Зуд как будто усилился и сосредоточился вокруг ранки на левой руке. Конечно, Тэд мог ошибаться и выдавать желаемое за действительное, но ему показалось, что он чувствует ярость... и раздражение.

— «И повсюду, где был телеграф, его имя гремело...» — напевал Тэд вполголоса. Впереди на залитой маслом земле валялась ржавая подвеска двигателя, наминавшая искореженные остатки какой-то стальной статуи, на которую никто никогда и не хотел смотреть. Тэд поднял ее и вернулся к своему «субурбану», продолжая тихонько напевать отрывки из «Джона Уэзли Хардинга» и вспоминая старого приятеля-енота с такой же кличкой. Жизнь Лиз и детишек сейчас зависела от того, сумеет ли он раздолбать «субурбан» и выиграть время — хотя бы пару часов.

— «По всей стране он бродил...» Прости, друг, мне это даже больше, чем тебе... «Пред ним открывались все двери...» — Он со всей силы швырнул подвеску в дверцу водительского сиденья, оставив на ней вмятину глубиной с умывальный таз. Потом поднял подвеску, обошел свою машину спереди и долбанул по решетке радиатора так, что у него самого заболело плечо. Пластик раскололся и брызнул осколками. Тэд открыл капот и слегка приподнял его, отчего «субурбан» приобрел улыбочку дохлого аллигатора, вполне в стиле автомобильного *откутю* на свалке у «Голдса».

— «...но честных людей он не тронул ни разу...»

Тэд опять поднял с земли ржавую железяку и заметил, что на повязке, закрывавшей рану на левой руке, начала проступать свежая кровь. Но сейчас он не мог ничего с этим сделать.

— «...на пару с верной подружкой он стоял на своем...»

Он швырнул подвеску в последний раз, прямо в лобовое стекло, и этот удар — как это ни абсурдно — отозвался болью в сердце.

Он рассудил, что теперь его «субурбан» вполне сойдет за раздолбанную машину, предназначенную на слом.

Тэд прошел вдоль ряда и на первом же перекрестке свернул направо, устремляясь обратно к воротам и магазину подержанных запчастей рядом с ними. Заезжая на

свалку, он приметил на стене магазина телефон-автомат. На полпути он остановился и прекратил напевать. Замер, склонив голову набок, словно к чему-то прислушиваясь. Во всяком случае, так это смотрелось со стороны. На самом же деле он прислушивался к собственным ощущениям.

Зуд и мурашки под кожей исчезли.

Воробьи улетели, и Джордж Старк тоже исчез, по крайней мере на данный момент.

Слегка улыбнувшись, Тэд зашагал быстрее.

3

После второго гудка Тэда бросило в пот. Если бы Роули был у себя, он бы уже подошел к телефону. Кабинеты на факультете не такие большие. Кому еще он мог позвонить? Кто еще, черт возьми, мог быть в здании? Да вроде никого.

На третьем гудке Роули взял трубку:

— Делессепс слушает.

При звуке этого хриплого, прокуренного голоса Тэд на секунду закрыл глаза и прислонился к холодной металлической стене магазинчика запчастей.

— Алло!

— Привет, Роули. Это Тэд.

— Привет, Тэд. — Роули, кажется, ни капельки не удивился его звонку. — Ты что-то забыл?

— Нет. Роули, у меня неприятности.

— Да, — произнес Роули, и это был не вопрос. Больше он ничего не сказал, просто ждал.

— Помнишь тех двоих... — Тэд на секунду замялся, — тех двоих ребят, которые были со мной?

— Да, — спокойно ответил Роули. — Полицейская охрана.

— Я от них смылся. — Тэд быстро оглянулся через плечо на звук машины, въезжавшей на площадку из за-

твердевшей грязи, которая служила стоянкой для клиентов «Голдса». В первый миг он был так уверен, что это коричневый «плимут», что буквально *увидел* его... но это была какая-то иномарка, и не коричневая, а темно-красная, просто покрытая толстым слоем дорожной пыли. — По крайней мере *надеюсь*, что смылся. — Тэд снова умолк. Он дошел до той точки, когда ты либо шагаешь дальше, либо поворачиваешь назад, и у него не было времени тянуть с решением. Впрочем, когда ты доходишь до этой точки, уже не надо ничего решать. Выбора просто не остается. — Мне нужна помощь, Роули. Нужна машина, которую они не знают.

Роули молчал.

— Ты говорил, я могу обратиться к тебе, если мне понадобится твоя помощь.

— Я помню, что говорил, — мягко ответил Роули. — И еще, помнится, я говорил, что если те люди пытаются обеспечить тебе защиту, с твоей стороны было бы разумнее им доверять. — Он помолчал. — Как я понимаю, ты не внял моему совету.

Тэд едва не сказал: *Я не мог, Роули. Человек, захвативший мою жену и детей, просто убил бы их. И их тоже*. Дело не в том, что он не решался рассказать Роули всю правду из опасения, что тот посчитает его сумасшедшим; у университетских профессоров гораздо более гибкие взгляды на вопрос ненормальности, чем у большинства людей, а зачастую они вообще не озадачиваются данным вопросом и считают, что есть люди скучные (но нормальные), в меру эксцентричные (но нормальные) и весьма эксцентричные (но тоже вполне нормальные, старина). Он молчал потому, что Роули Делессепс был из породы людей, настолько нацеленных внутрь, что молчание Тэда как раз и могло бы его убедить... а все, что он скажет, могло бы, напротив, лишь повредить делу. Но, несмотря на замкнутость, у Роули было доброе сердце... и по-своему он был храбрым... и Тэд даже не

сомневался, что старому профессору грамматики действительно интересно, что происходит с Тэдом, и почему ему определили полицейскую охрану, и с чего бы он вдруг выпрашивал о воробьях. И это не просто праздное любопытство. К тому же Тэд верил — или только надеялся, — что в его интересах держать рот на замке.

Но ждать все равно было тяжело.

— Хорошо, — наконец сказал Роули. — Я дам тебе мою машину, Тэд.

Тэд закрыл глаза. Ему пришлось напрячь колени, чтобы они не подогнулись. Он вытер шею под подбородком, и рука стала мокрой от пота.

— Но, надеюсь, ты любезно оплатишь ремонт, если она вернется ко мне... не в лучшей сохранности, — продолжил Роули. — Поскольку ты у нас скрываешься от правосудия, я сомневаюсь, что страховая компания возьмет на себя все издержки.

Разве он скрывается от правосудия? Он всего-навсего ускользнул от двух полицейских, которые все равно не смогли бы его защитить. Тэд не знал, можно ли расценивать его действия как бегство от правосудия. Вопрос интересный, и позже ему придется над ним задуматься. Но не сейчас, когда он почти сходит с ума от страха и беспокойства.

— Конечно, я все оплачу.

— У меня есть еще одно условие, — сказал Роули.

Тэд снова закрыл глаза. На этот раз — от досады.

— Какое условие?

— Когда все закончится, ты мне расскажешь. Я хочу знать, что происходит, — сказал Роули. — Я хочу знать, почему ты вдруг вспылал интересом к фольклорному значению воробьев и почему ты весь побелел, когда я рассказал тебе о психопомпах и их предполагаемой роли.

— А я побелел?

— Как полотно.

— Я все тебе расскажу, — пообещал Тэд и невесело улыбнулся. — Может, ты даже чему-то поверишь.

— Ты сейчас где? — спросил Роули.

Тэд объяснил и попросил приехать как можно быстрее.

4

Он повесил трубку, прошел обратно на свалку и уселся на широкий бампер школьного автобуса, зачем-то разрезанного пополам. Отличное место для ожидания, раз уж все равно приходится ждать. С дороги его не видно, а если чуть наклониться вперед, то отсюда прекрасно просматривается стоянка у магазинчика запчастей. Тэд огляделся в поисках воробьев и не увидел ни одного — только большую, жирную ворону, равнодушно клевавшую блестящие кусочки хрома в одном из проходов между рядами брошенных машин. Мысль о том, что он закончил свой второй разговор с Джорджем Старком чуть больше получаса назад, наполняла его ощущением нереальности. Ему казалось, что с тех пор прошло много часов. Несмотря на непрестанную тревогу, его одолевала сонливость. Как будто был уже вечер, и пора спать.

Минут через пятнадцать после разговора с Роули Тэд вновь ощутил уже знакомое зудящее шевеление под кожей. Он вновь принялся напевать те отрывки из «Джона Уэзли Хардинга», которые помнил, и через пару минут ощущение прошло.

Может быть, это психосоматика, подумал он, хотя сам понимал, что нет. Ощущение свербящего зуда происходило из-за того, что Джордж пытался проковырять смотровое отверстие у него в голове, и чем больше Тэд это осознавал, тем чувствительнее становился к попыткам Старка проникнуть в его мысли. Он полагал, что это должно сработать и в другую сторону. И он полагал, что рано или поздно ему придется *заставить* это срабо-

тать в другую сторону... но тогда надо будет попробовать призвать птиц, чего ему уж никак не хотелось. И было еще кое-что. В последний раз, когда Тэд попытался пробраться в сознание Джорджа Старка, дело закончилось тем, что он пробил себе руку карандашом.

Время тянулось мучительно медленно. Продав двадцать пять минут, Тэд уже начал всерьез опасаться, что Роули передумал и не приедет. Он поднялся с бампера разрезанного пополам автобуса и встал в воротах между кладбищем автомобилей и стоянкой у магазина, хотя отсюда его было видно с дороги. Он уже начал подумывать о том, чтобы попробовать поймать попутку.

Когда Тэд решил еще раз позвонить в кабинет Роули и был уже на полпути к телефону-автомату, на стоянку заехал пыльный «фольксваген-жук». Тэд узнал его сразу и бросился к нему бегом, потешаясь про себя над тревогами Роули насчет страховки. Возмещение любого ущерба, причиненного этой жестянке на колесах, можно было бы обеспечить, сдав пустые бутылки из-под содовой.

Роули поставил машину в самом дальнем конце стоянки и выбрался наружу. Тэд слегка удивился, когда увидел, что его трубка раскурена и испускает огромные клубы дыма, который в закрытом пространстве был бы просто *убийственным*.

— Тебе же нельзя курить, Роули, — брякнул Тэд первое, что пришло в голову.

— Тебе тоже не стоит пускаться в бега, — мрачно отозвался Роули.

Они уставились друг на друга и расхохотались.

— Как ты доберешься до дома? — спросил Тэд. Теперь, когда ему оставалось только забраться в крошечную машинку Роули и доехать до Касл-Рока по длинной извилистой дороге, ему, кажется, отказала способность вести нормальную беседу. Он выдавал исключительно алогизмы.

— Вызову такси, надо думать. — Роули оглядел сверкающие холмы и долины выброшенных на свалку авто-

мобилей. — Как я понимаю, они сюда ездят довольно часто. Забирают ребят, присоединившихся к великой армии безлошадных.

— Давай я дам тебе пятерку..

Тэд вытащил из кармана бумажник, но Роули только махнул рукой.

— Для преподавателя английского языка на летних каникулах я несметно богат, — сказал он. — У меня с собой долларов сорок, если не больше. Даже странно, что Билли отпускает меня без охраны. — Он с большим удовольствием пыхнул трубкой, вынул ее изо рта и улыбнулся Тэду. — Но я возьму чек у таксиста и при случае предоставлю его тебе, уж будь уверен.

— Я уже начал бояться, что ты не приедешь.

— Я по пути заскочил в магазин, — сказал Роули. — Прикупил пару вещичек, которые, как мне кажется, могут тебе пригодиться, Тадеус. — Роули забрался обратно в «жука» (заметно просевшего влево на пружине, которая либо уже сломалась, либо вот-вот сломается), принялся шарить на заднем сиденье, что-то неразборчиво бормоча и пыхая трубкой, в конце концов вытащил большой бумажный пакет и вручил его Тэду. Заглянув внутрь, Тэд увидел темные очки и бейсболку «Бостон Ред Сокс», которая очень даже неплохо замаскирует его прическу. Он посмотрел на Роули, тронутый почти до слез.

— Спасибо, Роули.

Тот небрежно махнул рукой и лукаво улыбнулся.

— Может быть, это я должен благодарить *тебя*, — сказал он. — Последние десять месяцев я только и делал, что искал предлог вновь раскурить эту старую дуру. Вроде и были удобные случаи — развод младшего сына, или когда мы играли в покер у Тома Кэрролла, и я проиграл пятьдесят зеленых, — но все как-то... я бы сказал, недостаточно апокалипсично.

— Ну, тут уж точно полный апокалипсис, можешь не сомневаться, — сказал Тэд и невольно поежился. Взгля-

нул на часы. Почти час дня. Старк опережал его как минимум на час. — Мне надо ехать, Роули.

— Да... Это срочно, как я понимаю?

— Боюсь, что да.

— У меня есть еще одна штука. В карман его положил, чтобы не потерять. Это не из магазина. Нашел у себя в столе.

Роули принялся методично обшаривать карманы своего старого клетчатого пиджака, который носил и зимой, и летом.

— Если загорится сигнал низкого давления масла, заскочи на ближайшую заправку, возьми банку «сапфира», — сказал он, все еще роясь в карманах. — Это масло вторичной переработки. Ага! Вот он где! А то я уже испугался, что оставил его в кабинете.

Он вытащил из кармана какую-то полую деревянную трубку длиной примерно с указательный палец и с прорезью на одном конце. Судя по виду, вещь была старая.

— Что это? — спросил Тэд, когда Роули вручил ему странную деревяшку. Впрочем, он уже знал ответ. Еще один кирпичик той немыслимой постройки, которую он сооружал у себя в голове, встал на место.

— Это птичий манок, — сказал Роули, пристально глядя на Тэда поверх мерцающей чаши трубки. — Если он может тебе пригодиться, возьми.

— Спасибо, — ответил Тэд, нетвердой рукой убирая манок в нагрудный карман. — И вправду, вдруг пригодится.

Роули вдруг вытаращил глаза и вынул трубку изо рта.

— Кажется, он тебе и не нужен, — произнес он тихим, дрожащим голосом.

— Что?

— Оглянись.

Тэд уже знал, что именно Роули увидел у него за спиной. Знал еще до того, как обернулся и увидел сам.

Уже не сотни и даже не тысячи воробьев; все машины на свалке, на сколько хватал глаз, были буквально

устланы воробьями. Воробьи были повсюду... а Тэд даже не слышал, как они прилетели.

Два человека смотрели на воробьев в две пары глаз. Воробьи смотрели на них в десять тысяч... или, может быть, в двадцать тысяч пар глаз. Птицы не издавали ни звука. Они просто сидели на крышах, капотах, багажниках, окнах, выхлопных трубах, решетках, блоках цилиндров, карданных валах и рамах.

— Господи Боже, — хрипло проговорил Роули. — Психопомпы... что это значит, Тэд? Что это значит?

— Пока не знаю, но, кажется, начинаю понимать, — отозвался Тэд.

— Господи. — Роули поднял руки над головой и громко хлопнул в ладоши. Воробьи даже не шелохнулись. Они вообще не замечали Роули; они смотрели только на Тэда Бомонта.

— Найдите Джорджа Старка, — тихо проговорил, почти прошептал Тэд. — Джорджа Старка. Найдите его. *Летите!*

Воробьи черной тучей взмыли в синее небо, подернутое легкой белесой дымкой. Треск крыльев слился в раскат грома, превращенного в тончайшее кружево. Двое мужчин, стоявших на выходе из магазина, выбежали наружу посмотреть, что происходит. Черная плотная масса в небе накренилась, развернулась и взяла курс на запад — как и та, предыдущая стая.

Тэд смотрел на них, запрокинув голову, и на мгновение реальность соединилась с видением, которое предшествовало началу трансов; прошлое и настоящее слились воедино, сплелись в некую странную, витиеватую косу.

Воробьи исчезли из виду.

— Боже правый! — воскликнул мужчина в сером рабочем комбинезоне. — Вы видели этих птиц? Откуда, на хрен, взялись эти *птицы*?

— У меня есть вопрос поинтереснее, — сказал Роули, глядя на Тэда. Он уже взял себя в руки, но все равно

было заметно, как он потрясен. — Куда они *полетели*? Ты ведь знаешь, да, Тэд?

— Да, конечно, — пробормотал Тэд, открывая дверцу «фольксвагена». — Мне пора ехать, Роули... Правда, пора. Не знаю, как тебя благодарить.

— Будь осторожен, Тадеус. Очень осторожен. Никто не может повелевать посланниками с того света. Даже если и может, то очень недолго. И за это всегда надо платить.

— Я постараюсь.

Рычаг коробки передач заартачился, но все-таки сдался и переключил механизм. Тэд задержался еще на пару секунд — только чтобы надеть темные очки и бейсболку, — потом поднял руку, прощаясь с Роули, и тронулся с места.

Выруливая на шоссе, он увидел, как Роули бредет, еле переставляя ноги, к телефону-автомату, и подумал: *Теперь мне НЕЛЬЗЯ подпускать к себе Старка. Потому что теперь у меня есть секрет. Даже если я не могу повелевать психопомпами, но сейчас, пусть ненадолго, они принадлежат мне — или я принадлежу им. Как бы там ни было, он не должен об этом узнать.*

Он переключился на вторую передачу, и старенький «фольксваген-жук» Роули Делессепса задребезжал и затрясся, уносясь в неизведанные просторы скоростей больше тридцати пяти миль в час.

Глава 23

ДВА ЗВОНКА ШЕРИФУ ПЭНГБОРНУ

1

Первый из двух звонков, вернувших Алана Пэнгборна в гущу событий, раздался сразу после трех часов, когда Тэд заливал три кварты моторного масла «сапфир» в мучимый жаждой «фольксваген» Роули на автозаправке

в Огасте. Сам Алан как раз собирался сходить выпить чашечку кофе в «Завтраке у Нэн».

Шейла Бригем высунулась из диспетчерской и крикнула:

— Алан! Междугородный звонок за твой счет. Ты знаешь Хью Притчарда?

Алан резко развернулся.

— Да! Принимай звонок!

Он бегом бросился в кабинет, схватил трубку и услышал, как Шейла подтверждает оплату.

— Доктор Притчард? Доктор Притчард, вы слушаете?

— Слушаю, да. — Связь была очень хорошей, однако Алан все равно на мгновение усомнился — судя по голосу, этому человеку никак не могло быть семьдесят лет. Может быть, сорок. Но уж никак не семьдесят.

— Вы — доктор Притчард, который работал в Бергенфилде, штат Нью-Джерси?

— В Бергенфилде, Тенафлае, Хакенсаке, Энглвуде, Инглвуде... черт, я врачевал головы аж до самого Патерсона. А вы — шериф Пэнгборн, который пытался со мной связаться? Мы с женой были у черта на рогах, в прямом смысле слова. На Бугре дьявола. Вот только вернулись. Теперь у меня все болит.

— Да, прошу прощения. Спасибо, что перезвонили, доктор. Голос у вас моложе, чем я ожидал.

— Хорошо, если так, — сказал Притчард. — Но вы просто меня не видели. Выгляжу я неважнецки. Крокодил прямоходящий. Чем я могу вам помочь?

Алан давно все обдумал и решил подойти к разговору очень аккуратно. Он прижал трубку к уху плечом, откинулся на спинку кресла, и на стене вновь начался парад теневых зверюшек.

— Я расследую дело об убийстве в округе Касл, штат Мэн. Жертвой стал местный житель по имени Гомер Гамиш. Возможно, имеется свидетель убийства, но в данном случае ситуация весьма деликатная, доктор Прит-

чард. И на то есть две причины. Во-первых, этот вероятный свидетель — человек известный. Во-вторых, у него проявляются симптомы, которые вам тоже известны. Вы оперировали этого человека двадцать восемь лет назад. У него была опухоль головного мозга. Боюсь, если опухоль снова растет, его свидетельские показания будут не слишком надежны...

— Тадеус Бомонт, — перебил его Притчард. — И какие бы у него ни проявлялись симптомы, я очень сомневаюсь, что это рецидив старой опухоли.

— Как вы поняли, что это Бомонт?

— Я же спас ему жизнь в тысяча девятьсот шестидесятом, — сказал Притчард и добавил с бессознательным апломбом: — Если бы не я, он бы не написал ни единой книги, потому что не дожил бы и до двенадцати лет. Я следил за его карьерой с тех самых пор, как он едва не получил Национальную книжную премию за его первый роман. Там на обложке была фотография, и я сразу понял, что это он. Глаза необычные. Я бы назвал их мечтательными, не от мира сего. И конечно, я знаю, что он живет в Мэне. Прочел недавно в статье в «Пипл». Как раз перед тем, как мы с женой поехали отдыхать.

Он на мгновение умолк, а потом сказал одну вещь, которая буквально ошеломила, причем сказал так небрежно, что Алан в первый миг не нашелся, что на это ответить.

— Вы говорите, что он мог оказаться свидетелем убийства. Вы уверены, что он у вас не выступает главным подозреваемым?

— Ну... я...

— Я спросил лишь потому, — продолжал Притчард, — что люди с опухолью головного мозга часто ведут себя странно. Причем странность их действий, похоже, прямо пропорциональна уровню интеллекта. Но дело в том, что у мальчика не было опухоли — по крайней

мере в общепринятом понимании данного термина. Это был необычный случай. Весьма необычный. С тех пор, а именно с тысяча девятьсот шестидесятого года, я читал лишь о трех подобных случаях — два из них произошли, когда я уже вышел на пенсию. Он прошел стандартное неврологическое обследование?

— Да.

— И?..

— Оно не выявило никаких патологий.

— Меня это не удивляет. — Притчард снова умолк на мгновение, а потом сказал: — Вы со мной не совсем откровенны, молодой человек. Я не прав?

Алан прекратил свой парад теневых зверюшек и выпрямился в кресле.

— Да, наверное. Но мне просто необходимо узнать, что вы имели в виду, когда говорили, что у Тэда Бомонта не было опухоли головного мозга «в общепринятом понимании данного термина». Я знаю, что существует врачебная тайна, и не знаю, считаете ли вы возможным доверять человеку, с которым говорите в первый раз в жизни — и тем более по телефону. Но я надеюсь, вы мне поверите, когда я скажу, что здесь я на стороне Тэда, и я уверен, он был бы не против того, чтобы вы мне рассказали все, что мне надо знать. Однако я не могу тратить время на то, чтобы звонить ему и просить, чтобы он позвонил вам и дал разрешение, доктор... Мне нужно знать *прямо сейчас*.

Алан с удивлением понял, что это правда — по крайней мере ему так казалось. У него начался странный мандраж, как это бывает, когда ты чувствуешь, что что-то происходит. Что-то, о чем он пока не знает... но вот-вот узнает.

— Не вижу ничего страшного в том, чтобы рассказать вам об этом случае, — спокойно проговорил Притчард. — Я и сам не раз думал, что надо бы связаться с Бомонтом. Хотя бы только затем, чтобы рассказать ему,

что случилось в больнице сразу после его операции. Мне казалось, ему это будет небезынтересно.

— И что это было?

— До этого мы еще доберемся, уж будьте уверены. Я не проинформировал его родителей о том, что обнаружилось во время операции, потому что это было неважно — по крайней мере в практическом смысле, — и мне не хотелось иметь с ними никаких дел. Особенно с его отцом. Этому человеку надо было родиться в пещере и посвятить жизнь охоте на мамонтов. Я решил сказать им то, что они хотели услышать, и как можно скорее с ними распрощаться. А потом само время, конечно, сыграло роль. Столько всего происходит, пациенты теряются из виду. Я думал ему написать, когда Хельга показала мне его первую книгу. И с тех пор думал об этом не раз, но боялся, что он не поверит... или ему это будет неинтересно... или он решит, что я ненормальный. Я не знаком ни с кем из знаменитостей, но мне их жалко. Мне кажется, жизнь у них беспорядочная, напряженная, полная страха. И спящего пса лишний раз лучше не трогать. А тут такой удар. Как сказали бы мои внуки, полный абзац.

— А что было с Тэдом? Что привело его к вам?

— Сумеречные помрачения сознания. *Головные боли. Фантомные звуки. И наконец...*

— Фантомные звуки?

— Да. Но давайте я буду рассказывать по порядку, шериф. Как сам сочту нужным. — В голосе Притчарда вновь послышались нотки бессознательного апломба.

— Хорошо.

— И наконец — судорожный припадок. Причиной тому было новообразование в префронтальной коре головного мозга. Мы провели операцию, полагая, что это опухоль. Но оказалось, что это близнец Тэда Бомонта.

— *Что?!*

— Да, именно. — Притчард произнес это так, словно искреннее потрясение в голосе Алана доставило ему несказанное удовольствие. — Случай не такой уж и редкий — близнецы часто поглощают один другого в утробе матери, и иногда это внутриутробное поглощение бывает неполным. Но *расположение* было весьма необычным, равно как и резкий скачок роста чужеродной ткани. Подобная ткань почти всегда остается инертной. Возможно, в случае с Тэдом причиной стало раннее начало полового созревания.

— Подождите, — сказал Алан. — Подождите минутку. — В книгах ему попадалась фраза «Мысли вихрем неслись в голове», но сейчас он впервые в жизни испытал что-то подобное на себе. — Вы хотите сказать, что у Тэда был близнец, но он... он как-то его... он как-то *сожрал* своего брата?

— Или сестру, — отозвался Притчард. — Но я полагаю, это был брат. Поглощения у двуйцевых близнецов случаются крайне редко. Это мнение основано только на статистических данных, это еще не доказанный факт, но я твердо в том убежден. Поглощения происходят, как правило, у однойцевых близнецов, а поскольку однойцевые близнецы всегда одного пола, то ответ на ваш вопрос будет «да». Я полагаю, что зародыш Тэд Бомонт сожрал своего брата-близнеца в материнской утробе.

— Господи, — тихо выдохнул Алан. Он в жизни не слышал ничего более жуткого и *чужеродного*.

— Вы это сказали с таким отвращением, — весело проговорил Притчард, — но тут нет ничего отвратительного, если рассматривать данный случай в надлежащем контексте. Мы говорим не о Каине, поднявшем руку на брата Авеля. Это было не убийство; просто какой-то биологический императив, природы которого мы еще не понимаем. Возможно, некий искаженный сигнал, вызванный сбоем в эндокринной системе матери. Мы говорим даже не о зародышах, если быть точным; на мо-

мент поглощения в утробе миссис Бомонт находились лишь два сгустка тканей, вероятно, еще не имевшие никаких человеческих черт. Две живые амфибии, если угодно. И одна из них — та, что крупнее и сильнее — просто вскарабкалась на другую, бывшую послабее, обхватила ее целиком и... вобрала в себя.

— Прямо мир насекомых, — пробормотал Алан.

— Вы думаете? Да, наверное, что-то такое есть. В любом случае поглощение было неполным. Некая малая часть поглощенного близнеца все-таки сохранилась. Эта чужеродная материя — не знаю, как еще ее можно назвать — вросла в ткань, из которой сформировался мозг Тадеуса Бомонта. И по какой-то причине активизировалась незадолго до того, как мальчику исполнилось одиннадцать. Она начала расти. Но в гостинице не было свободных мест. Стало быть, ее следовало удалить, как бородавку. Что мы и сделали, причем очень успешно.

— Как бородавку, — зачарованно повторил Алан.

В голове вертелись самые разные мысли. Темные мысли — такие же темные, как летучие мыши на колокольне в заброшенной церкви. И лишь одна была связанной и ясной: *В нем два человека, и ВСЕГДА было два человека. Наверное, так и бывает с теми, кто зарабатывает на жизнь, создавая вымышленные истории. В каждом из них живут два человека. Один существует в нормальном мире... а другой создает свои собственные миры. Их всегда двое. Как минимум двое.*

— Я бы и так не забыл столь необычного пациента, — продолжал Притчард, — но случилось еще кое-что, как раз перед тем, как мальчик очнулся после наркоза. Это было, наверное, еще более необычно. Я до сих пор поражаюсь.

— И что это было?

— Перед каждым приступом головной боли мальчик Бомонт слышал птиц, — сказал Притчард. — Само по себе это вполне обычное явление, характерное для

случаев опухоли головного мозга и эпилепсии. Предшествующий синдром, так называемый сенсорный предвестник. Но сразу после операции произошел странный случай с *настоящими* птицами. Бергенфилдская окружная больница, по сути, была атакована воробьями.

— То есть как?

— Звучит нелепо, да? — Судя по голосу, Притчард был ужасно доволен собой. — Я никогда никому не рассказывал, но именно так все и было, о чем сохранились документальные свидетельства. Об этом даже писали в газете, на первой странице бергенфилдского «Курьера» была статья с фотографией. Двадцать восьмого октября тысяча девятьсот шестидесятого года в два часа дня огромная стая воробьев влетела в западное крыло окружной больницы. Там тогда располагалось отделение реанимации, и, понятно, туда же после операции отвезли мальчика Бомонта. Разбилось множество окон, и из здания потом вывели целую гору мертвых воробьев, больше трёхсот штук. В той статье было еще интервью с орнитологом. Он говорил, что западное крыло окружной больницы состоит почти сплошь из стекла, и, возможно, птиц привлек яркий свет солнца, отраженный в стекле.

— Так не бывает, — сказал Алан. — Птицы летят на стекло, только когда они его не видят.

— Насколько я помню, то же самое сказал журналист, бравший интервью, и орнитолог ответил, что в стаях птиц проявляется стадный инстинкт. Нечто вроде групповой телепатии, объединяющей разумы отдельных особей — если можно сказать, что птицы вообще *разумны*, — в единый коллективный разум. Как у муравьев-фуражиров. Он говорил, что если один воробей из стаи решил лететь на стекло, все остальные, возможно, просто последовали за ним. Меня уже не было в здании, когда это случилось. Я закончил с Бомонтом, убедился, что ПЖВ стабильны...

— ПЖВ?

— Показатели жизненно важных функций, шериф. Потом я поехал играть в гольф. Но я знаю, что эти птицы изрядно перепугали всех, кто был тогда в западном крыле. Двоих человек ранило осколками стекла. Я, в общем, мог бы принять объяснения орнитолога, но этот случай никак не шел у меня из головы... потому что я знал о сенсорных предвестниках юного Бомонта. Это были не просто птицы, а совершенно *определенные* птицы, а именно — воробьи.

— Воробьи снова летают, — пробормотал Алан в ужасе и растерянности.

— Что вы сказали, шериф?

— Нет, ничего. Продолжайте.

— На следующий день я расспросил его об этих симптомах. Иногда после операции, устраняющей причину болезни, у пациентов случается локализованная амнезия относительно сенсорных предшественников. Но не в данном случае. Бомонт прекрасно все помнил. Он не только слышал, но и *видел* птиц. Птицы повсюду, как он говорил. На крышах домов, на лужайках, на улицах Риджуэя, района Бергенфилда, где он тогда жил. Я настолько заинтересовался, что даже проверил его медицинскую карту и сравнил записи с отчетом об инциденте. Стая воробьев атаковала больницу примерно в два ноль пять. Мальчик очнулся в два десять. Может, чуть раньше. — Помолчав, Притчард добавил: — Собственно, одна из сестер реанимационного отделения говорила, что, как ей кажется, мальчика разбудил звон бьющегося стекла.

— Ого, — тихо проговорил Алан.

— Да, — сказал Притчард. — «Ого» как оно есть. Я молчал об этом долгие годы, шериф Пэнгборн. Вам мой рассказ как-то поможет?

— Не знаю, — честно ответил Алан. — Возможно. Доктор Притчард, может быть, вы не все ему вырезали...

в смысле, если там что-то осталось, оно могло снова начать расти.

— Вы говорили, он прошел неврологическое обследование. Ему делали томографию?

— Да.

— И рентгенограмму черепа, разумеется.

— Да.

— И если не было выявлено никаких патологий, это значит, что их там нет. Со своей стороны я могу вас заверить, что мы удалили *все*.

— Спасибо, доктор Притчард. — Алану было трудно выговаривать слова; губы онемели, и он их почти не ощущал.

— Вы же расскажете мне, что случилось, обстоятельно и подробно, когда все разрешится, шериф? Я был с вами откровенен и, кажется, заслужил небольшую ответную любезность. Я страшно любопытный.

— Расскажу, если смогу.

— Большого я не прошу. Ну что ж, возвращайтесь к своей работе, а я вернусь к своему отдыху.

— Надеюсь, вы с женой хорошо проводите время.

Притчард вздохнул.

— В моем возрасте приходится прилагать все больше и больше усилий, чтобы проводить время хотя бы приемлемо, шериф. Раньше мы любили походы, но, думаю, на следующий год останемся дома.

— Я очень вам благодарен, что вы нашли время перезвонить. Спасибо еще раз.

— Не за что. Я скучаю по своей работе, шериф Пэнгборн. Не по таинствам хирургии — ремесло, оно и есть ремесло, — а по великой загадке и *тайне*. Тайне разума. Вот что меня всегда волновало.

— Могу себе представить, — согласился Алан, но подумал, что был бы счастлив, если бы в его жизни на данный момент было поменьше загадок и тайн. — Я свяжусь с вами, когда и если все... прояснится.

— Спасибо, шериф. — Он помедлил и спросил: — Для вас это действительно важно, да?

— Да. Для меня это важно.

— Мальчик, которого я помню, был очень славным. Сильно напуганным, но славным. Что он за человек?

— Думаю, он неплохой человек, — ответил Алан. — Может, немного холодный, слегка отстраненный, но все равно неплохой. — Он умолк на мгновение, а потом повторил: — Я так думаю.

— Спасибо. Ладно, больше не буду вас отвлекать. До свидания, шериф Пэнгборн.

На линии раздался щелчок. Алан медленно положил трубку на место, откинулся на спинку стула, сложил гибкие руки и запустил по пятну света на стене очередную тень — большую черную птицу. В голове вертелась фраза из «Волшебника страны Оз»: «Я *верю* в привидения, я верю в привидения, я верю, верю, *верю* в привидения!» Так говорил Трусливый Лев, верно?

Вопрос в том, во что верил он сам.

Было проще назвать все то, во что он *не верил*. Он не верил, что Тэд Бомонт кого-то убил. Не верил, что Тэд написал ту загадочную фразу на стене.

Тогда как она там оказалась?

Все очень просто. Старый доктор Притчард прилетел на восток из Форт-Ларами, убил Фредерика Клоусона, написал «ВОРОБЬИ СНОВА ЛЕТАЮТ» у него на стене, потом из Вашингтона прилетел в Нью-Йорк, открыл замок в квартире Мириам Каули своим любимым скальпелем, а потом зарезал и ее тоже. Потому что соскучился по таинствам хирургии.

Нет, конечно же, нет. Но Притчард был не единственным, кто знал о — как он это назвал? — о сенсорном предвестнике Тэда. Да, этого не было в статье в «Пипл», но...

Ты забываешь об отпечатках пальцев и образцах голоса. Ты забываешь о твердой уверенности Тэда и Лиз в

том, что Джордж Старк реален и что он готов убивать, лишь бы ОСТАТЬСЯ реальным. И теперь ты упорно отказываешься осмыслить тот факт, что и сам начинаешь в это верить. Ты говорил им, какой это бред — верить не просто в мстительного призрака, а в призрака человека, никогда не существовавшего на самом деле. Но возможно, писатели ВЫЗЫВАЮТ призраков; наряду с художниками и актерами они единственные общепризнанные медиумы в нашем обществе. Они придумывают миры, которых не было прежде, населяют их несуществующими людьми и приглашают нас присоединиться к их вымыслам и фантазиям. И мы с радостью принимаем их приглашение. Да. Мы ПЛАТИМ за это.

Алан сцепил руки в замок, оттопырил мизинцы и отправил в круг света на стене птичку поменьше. Воробья.

Ты не знаешь, как объяснить нападение стаи воробьев на Бергенфилдскую окружную больницу, случившееся почти тридцать лет назад. Ты не знаешь, как объяснить одинаковые отпечатки пальцев и образцы голоса у двух разных людей, но теперь тебе известно, что Тэд Бомонт делил материнскую утробу с кем-то еще. С кем-то другим.

Хью Притчард упомянул о раннем начале полового созревания.

Алан Пэнгборн вдруг подумал, что, может быть, рост чужеродной ткани совпал по времени с чем-то еще.

Возможно, она начала расти в то же самое время, когда Тэд Бомонт начал писать.

2

Селектор на столе записал, напугав Алана. Это опять была Шейла.

— Алан, тут Фаззи Мартин на первой линии. Хочет с тобой поговорить.

— Фаззи? Какого дьявола ему надо?

— Не знаю. Он мне не докладывал.

— Господи, — застонал Алан. — Только этого мне сейчас не хватало.

Фаззи владел большим участком земли у городского шоссе № 2, примерно в четырех милях от озера Касл. Когда-то владение Мартинов было вполне процветающей молочной фермой — в те далекие времена, когда Фаззи называли его настоящим именем, данным ему при крещении, Альберт, и когда он еще не заспиртовал свои мозги в виски. Дети выросли и разъехались, жена, устав с ним бороться, ушла от него десять лет назад, и теперь Фаззи остался один как перст на двадцати семи акрах полей, каковые медленно, но верно дичали, возвращаясь в свое первозданное состояние. На западной стороне участка, где городское шоссе № 2 огибало поля и сворачивало к озеру, стоял дом и огромный сарай. Раньше в этом сарае располагался хлев на сорок коров, но теперь крыша просела, краска на стенах облупилась, а большинство окон было заколочено фанерой. Последние года четыре и сам Алан, и Тревор Хартленд, начальник пожарной команды Касл-Рока, ждали, когда случится неизбежное, и либо дом Мартина, либо сарай (либо и то и другое сразу) сгорят дотла.

— Хочешь, я ему скажу, что тебя нет на месте? — спросила Шейла. — Клат вот только вернулся... Могу переключить на него.

На секунду Алан и вправду задумался над ее предложением, но потом тяжело вздохнул и покачал головой.

— Я поговорю с ним; Шейла. Спасибо. — Он взял трубку и прижал ее к уху плечом.

— Шеф Пэнгборн?

— Шериф Пэнгборн, да.

— Это Фаззи Мартин, со Второго шоссе. Похоже, у нас тут проблемы, шеф.

— Да? — Алан придвинул поближе к себе второй телефон. Это была прямая линия, соединявшая его с другими муниципальными службами в здании. Палец

прикоснулся к квадратной кнопке с цифрой «4». Чтобы связаться с Тревором Хартлендом, достаточно будет снять трубку и надавить кнопку. — Какие проблемы?

— Да утонуть мне в дерьме, если я знаю, шеф. Я бы назвал это Великим угоном, если б знал, чья это тачка. Но я не знаю. Никогда в жизни ее не видел. И все ж она выкатилась из моего собственного сарая. — Фаззи говорил с очень сильным, прямо-таки карикатурным мэнским акцентом, отчего даже самые простые слова вроде «сарая» звучали почти как приступы глупого смеха: *сарайа*.

Алан отодвинул внутренний телефон на обычное место. Бог хранит дураков и пьяниц — в этом он убедился за годы работы в полиции. Так что, похоже, сарай и дом на участке Мартина до сих пор стоят в целости и сохранности, несмотря на привычку Фаззи повсюду разбрасывать непогашенные окурки, когда он напьется. *Теперь надо только сидеть и слушать, как он излагает, что там приключилось*, подумал Алан. *А потом можно будет понять — или хотя бы попытаться понять, — случилось ли это на самом деле или только в мозгах у Фаззи... ну если от них еще что-то осталось.*

Он заметил, что его руки запустили в полет по стене еще одного воробья, и заставил их лечь на стол.

— Что за машина выкатилась из твоего сарая, Альберт? — терпеливо спросил Алан. Почти все в Касл-Роке (включая и самого Альберта) звали его Фаззи, и Алан, наверное, тоже станет так его называть, когда проживет в городе еще лет десять. Или, может быть, двадцать.

— Говорю же, никогда в жизни ее не видел. — В тоне Фаззи Мартина так ясно слышалось «вот же придурок», как если бы он произнес это вслух. — Я потому и звоню вам, шеф. Чья-то тачка, но явно не из моих.

В голове Алана наконец начала вырисовываться более-менее понятная картина. Когда Фаззи Мартин лишился: коров, детей и жены, у него отпала необхо-

димось зарабатывать деньги — земля досталась ему просто так, не считая налогов, когда он унаследовал ее от отца. Какие-то деньги, которые у него были, поступали из самых разных случайных источников. Алан подозревал — и почти в этом не сомневался, — что раз в два-три месяца к сену в сарае у Фаззи присоединяется и пара тюков марихуаны, и это была лишь одна из многих афер старого пьяницы. Алана уже не раз посещала мысль, что надо бы по-серьезному взяться за это дело и привлечь старика за хранение с целью продажи, но он сомневался, что Фаззи курил траву сам, и уж тем более — что Фаззи хватит ума заниматься ее продажей. Скорее всего время от времени ему просто отстегивали пару сотен долларов за то, что он предоставляет место для хранения. И даже в таком маленьком городке, как Касл-Рок, всегда есть дела поважнее, чем затевать облавы на пьяниц, хранящих травку.

Фаззи оказывал населению и другие складские услуги — вполне легальные. В его амбаре хранились машины отдыхающих, приезжавших на лето в Касл-Рок. Когда Алан только приехал в город, сарай Фаззи служил постоянной крытой автостоянкой. Там, где раньше ночевали и зимовали коровы, теперь содержалось до пятнадцати машин одновременно — в основном принадлежавших тем, у кого были летние дома в Роке. Фаззи снес все перегородки в бывшем хлеву, так что получился один большой гараж, где «летние» машины стояли всю осень и зиму в ожидании своих владельцев, бампер к бамперу, бок к боку; в полумраке, пропитанном сладким запахом сена, их яркие краски тускнели под соломенной пылью, непрерывно сыпавшейся с сеновала навёрху.

Однако с годами гаражный бизнес Фаззи пришел в упадок. Алан подозревал, что слухи о его небрежном обращении с непотушенными окурками разошлись по округе, и это решило дело. Никому не хотелось лишить-

ся машины из-за пожара в сарае, пусть даже это была старая развалюха, годная только на то, чтобы ездить на ней по делам в маленьком городке во время летнего отпуска. Когда Алан в последний раз навещался к Фаззи, в сарае стояло всего две машины: «тандерберд» 1959 года выпуска, принадлежавший Оззи Брэннигану — он мог бы считаться классикой, если бы не был настолько убит, — и универсал «форд-вуди» Тэда Бомонта.

Опять Тэд.

Похоже, сегодня все пути ведут к Тэду Бомонту.

Алан выпрямился в кресле, безотчетно пододвинув телефон поближе к себе.

— А ты уверен, что это был не старый «форд» Бомонта? — спросил он.

— Ясно дело, уверен. Это был никакой не «форд» и уж точно не «вуди». Это был черный «торонадо».

Что-то мелькнуло в сознании яркой вспышкой... но Алан не понял, что это было. Кто-то ему говорил что-то о черном «торонадо», и совсем недавно. Сейчас Алан не помнил, кто и когда... но обязательно вспомнит.

— Я был на кухне, хотел налить себе холодненького лимонаду, — продолжал Фаззи, — глянул в окно и увидел, как эта тачка вырывается из моего сарая. Первое, что я подумал: у меня такой не было. *Второе*, что я подумал: как она вообще там оказалась? Сарай закрыт на висячий замок, а единственный ключ — у меня на брелке.

— А разве у тех, кто оставляет тебе машины, нет запасных ключей?

— Нет, сэр! — Фаззи, похоже, искренне оскорбился.

— Номер ты, конечно же, не запомнил?

— Да нет, черт возьми, очень даже запомнил! — воскликнул Фаззи. — У меня ж тут бинокль на кухне! Отличный бинокль, прямо на подоконнике. Вы же знаете!

Алан, заходивший с инспекцией в сарай вместе с Тревором Хартлендом, никогда не бывал в кухне Фаззи

(и в ближайшее время не собирался, большое спасибо), однако сказал:

— А, да. Бинобль. Я как-то забыл.

— А вот я не забыл! — радостно проговорил Фаззи. — У вас есть карандаш?

— Конечно, Альберт.

— Шеф, а чего бы вам не называть меня просто Фаззи, как меня все называют?

Алан вздохнул.

— Хорошо, Фаззи. И кстати, раз уж зашел разговор, чего бы тебе не называть меня просто шериф?

— Как скажете. Так вы там записывать будете или нет?

— Уже готов.

— Во-первых, это был миссисипский номер, — объявил Фаззи победным тоном. — И что вы на *это* скажете, черт возьми?

Алан не знал, *что* на это сказать... но в голове промелькнула еще одна мысль. Еще одна вспышка, на этот раз — ярче прежних. «Торонадо». И Миссисипи. Что-то насчет Миссисипи. И еще город. Оксфорд? Это был Оксфорд? Как здешний, в Мэне, за два городка отсюда?

— Не знаю, — проговорил он и добавил, решив, что именно это Фаззи и хочет услышать: — Но звучит подозрительно.

— В самую точку! — хрипло воскликнул Фаззи, потом откашлялся и заговорил деловитым тоном: — Ладно. Миссисипский номер шестьдесят два двести восемьдесят четыре. Записал, шеф?

— Шестьдесят два двести восемьдесят четыре.

— Шестьдесят два двести восемьдесят четыре, ага. Уж можете, на хрен, не сомневаться. Подозрительно! Да уж! Так я и подумал! Едрить меня вместе с Иисусом, жующим бобы!

Алан представил Иисуса, уплетающего консервированные бобы прямо из банки, и ему пришлось на секунду закрыть микрофон рукой.

— Ну что, шеф? — спросил Фаззи. — Что вы намерены предпринять?

Я намерен закончить этот разговор и постараться при этом совсем не рехнуться, подумал Алан. *Это первое, что я намерен предпринять. А потом я попробую вспомнить, что говорил мне о...*

И тут он вспомнил. В голове словно включился холодный свет, по рукам побежали мурашки, а кожа на затылке натянулась, как на барабане.

Телефонный разговор с Тэдом. Вскоре после того, как тот психопат позвонил из квартиры Мириам Каули. В ту ночь, когда серия убийств уже началась.

Он буквально услышал, как Тэд говорил: *Вместе с матерью он переехал из Нью-Хэмпшира в Оксфорд, штат Миссисипи... он избавился от своего южного акцента.*

Что еще сказал Тэд, когда описывал Джорджа Старка по телефону?

И последнее: возможно, он водит черный «торонадо». Не знаю, какого года выпуска. Но точно из старых, у которых сплошная ржавчина под капотом. Черный. Номера могут быть из Миссисипи, хотя, возможно, он их поменял.

— Наверное, был слишком занят и не успел, — пробормотал Алан. По всему телу по-прежнему бежали мурашки.

— Что вы сказал, шеф?

— Ничего, Альберт. Разговариваю сам с собой.

— Мама всегда говорила, что это к деньгам. Может, и мне стоит попробовать.

Алан вдруг вспомнил, что Тэд добавил кое-что еще — одну последнюю деталь.

— Альберт...

— Называйте меня Фаззи, шеф. Мы же договорились.

— Фаззи, а у этой машины, которую ты видел, была наклейка на бампере? Может быть, ты заметил...

— Черт, шеф, а вам-то откуда известно? Что ли, в розыске тачка? — с любопытством спросил Фаззи.

— Это не твоя забота, Фаззи. Полиция сама разберется. Ты видел, что там написано?

— Конечно, видел, — сказал Фаззи Мартин. — «ПСИХОВАННЫЙ СУКИН СЫН», вот что там было написано. Хотите — верьте, хотите — нет.

Алан медленно положил трубку, уже веря, да, но уговаривая себя, что это еще ничего не доказывает, вообще ничего... может быть, кроме того, что Тэд Бомонт — псих ненормальный. И надо быть ненормальным, чтобы поверить, будто слова Фаззи могут служить доказательством, что происходит нечто... *сверхъестественное*, за неимением лучшего слова.

Потом он подумал об отпечатках пальцев и образцах голоса, о тысяче воробьев, бьющихся в окна Бергенфилдской окружной больницы, и его *бросило в дрожь*, которая не унималась почти минуту.

3

Алан Пэнгборн не был ни трусом, ни суеверным провинциалом, который, услышав воронье карканье, делает знак против дурного глаза, и не подпускает беременных женщин к свежему молоку из опасений, что оно скиснет. Он не был наивным простаком; он никогда не купился бы на заверения городских прохиндеев, пытающихся продать по дешевке знаменитые мосты; он не вчера родился. Он верил в логику и разумные объяснения. Поэтому он переждал приступ дрожи, а потом пододвинул к себе адресную картотеку и нашел номер телефона Тэда. С некоторым изумлением он обнаружил, что номер на карточке полностью совпадает с номером, который вертелся у него в голове. Похоже, «писательская знаменитость» из Касл-Рока надежно засела в его сознании — уж явно покрепче, чем представлялось ему самому.

В той машине наверняка был Тэд. Если отбросить весь сверхъестественный бред, какой еще может быть вариант? Он описал эту машину. Как там называлась та старая радиовикторина? «Назови и забирай».

Бергенфилдская окружная больница, по сути, была атакована воробьями.

Были еще и другие вопросы — слишком много вопросов.

Тэд и его семья находились под защитой полиции штата Мэн. Если бы им вздумалось махнуть сюда на выходные, ребята из полиции должны были позвонить Алану — и чтобы предупредить, и просто из вежливости. Плюс к тому полицейские наверняка попытались бы отговорить Тэда от этой поездки, поскольку в Ладлоу у них уже устоялся режим наблюдения. А если решение рвануть в Касл-Рок было принято спонтанно, из сиюминутной прихоти, то полицейские стали бы отговаривать Тэда еще настойчивее.

И было еще кое-что, чего Фаззи *не видел*, — а именно, автомобиль или автомобили сопровождения, которые должны были прибыть вместе с Бомонтами, если те все-таки решили ехать в Касл-Рок... а они *могли* ехать куда угодно; их-никто не держал под стражей.

Люди с опухолью головного мозга часто ведут себя странно.

Если «торонадо» принадлежал Тэду, и если Тэд забрал его из сарая Фаззи, и если он был один, из этого следовал вывод, весьма неприятный для Алана, потому что Тэд ему, в общем-то, нравился. Вывод такой: Тэд умышленно сбежал и от семьи, и от охраны.

Но в таком случае мне позвонили бы обязательно. Они должны были разослать ориентировку, и они должны были сообразить, что он мог поехать сюда.

Он набрал номер Бомонта. Трубку взяли на первом же гудке. Голос был незнакомым, но Алан сразу понял, что это был кто-то из правоохранительных органов.

— Алло, дом Бомонтов.

Настороженный голос. Голос, готовый обрушить кучу вопросов в первой же паузе между репликами, если звонящий окажется тем, кем нужно... или не тем, кем нужно.

Что случилось? — подумал Алан, и следом за первой мыслью пришла вторая: *Они мертвы. Кем бы ни был преступник, он убил всю семью так же быстро, легко и безжалостно, как он убил всех остальных. Полицейская охрана, дознание, отслеживающая аппаратура... все было впустую.*

Но когда он ответил, в его голосе не было и намека на эти мысли.

— Это Алан Пэнгборн, — твердо проговорил он. — Шериф округа Касл. Я звоню Тэду Бомонту. С кем я говорю?

После короткой паузы голос в трубке ответил:

— Это Стив Харрисон, шериф. Полиция штата Мэн. Я как раз собирался звонить вам. По-хорошему, должен был позвонить еще час назад, если не раньше. Но тут у нас... тут у нас все хреново. Могу я спросить, почему вы звоните?

Не задумываясь ни на секунду — если бы Алан задумался, он бы точно такого не сделал, — он солгал. Он солгал, даже не спрашивая себя почему. Он подумает об этом позже.

— Хотел проверить, как Тэд, — сказал он. — Прошло какое-то время, и мне хотелось узнать, как у них там дела. Как я понимаю, случилась какая-то неприятность.

— Еще *какая* неприятность, — мрачно ответил Харрисон. — Двое наших мертвы. Мы уверены, что это дело рук Бомонта.

Мы уверены, что это дело рук Бомонта.

Люди с опухолью головного мозга часто ведут себя странно. Причем странность их действий, похоже, прямо пропорциональна уровню интеллекта.

Ощущение *déjà vu* не просто закралось в голову, а захватило все тело, как армия завоевателей. Тэд, все всегда сходится к Тэду. Ну конечно. Интеллект у него на уровне, и человек он достаточно странный, и, по его собственному признанию, у него проявляются симптомы, предполагающие опухоль мозга.

Но дело в том, что у мальчика не было опухоли.

Если обследование не выявило никаких патологий, это значит, что их там нет.

Забудь об опухоли. Сейчас надо думать о воробьях — потому что воробьи снова летают.

— Что случилось? — спросил он у патрульного Харрисона.

— Он зарезал Тома Чаттертона и раскромсал Эддингса чуть ли не на куски! — заорал Харрисон, напугав Алана силой своей ярости. — Он забрал с собой свою семью, но я найду этого сукина сына!

— Что... как ему удалось уйти?

— У меня нет времени вдаваться в подробности, — сказал Харрисон. — Все очень погано, шериф. У него был красный с серым «шевроле-субурбан», хренов кит на колесах, но мы полагаем, что он избавился от него и пересел на другую машину. У него есть летний дом. Вы ведь знаете, где это, да?

— Да, — сказал Алан. Мысли вихрем неслись в голове. Он взглянул на часы на стене. Через минуту стрелки переключатся на три сорок. Время. Все упиралось во время. Он вдруг понял, что не спросил Фаззи Мартина, когда именно тот увидел, как из его сарая вырывается черный «торонадо». Тогда это казалось неважным. Но теперь все изменилось. — Когда вы его упустили, патрульный Харрисон?

Ему показалось, он почувствовал, как Харрисон разъярился на этот вопрос, но когда тот ответил, в его голосе не было ни злости, ни грубости, свойственной тем, кто пытается оправдать себя с пеной у рта:

— Около двенадцати тридцати. Если он менял машину, на это должно было уйти какое-то время, а потом он приехал к себе в Ладлоу...

— Где вы его потеряли? Как далеко от его дома?

— Шериф, я бы ответил на все вопросы, но у нас нет времени. Сейчас надо думать о том, что если он рванул к вам туда — вряд ли, конечно, но парень явно слетел с катушек, так что тут не угадаешь, — он еще не приехал, но скоро приедет. Со всем своим семейством. И было бы очень неплохо, если бы вы собрали своих ребят и встретили его на месте. Если он вдруг объявится, свяжитесь по рации с Генри Пейтоном из оксфордского полицейского управления, и мы пришлем подкрепление. *Ни при каких обстоятельствах не пытайтесь его задерживать самостоятельно.* Мы полагаем, что жену он увез насильно и держит в заложниках. Если она еще жива. И дети тоже.

— Да, ему наверняка пришлось увозить жену силой, если он убил полицейских при исполнении служебного долга, — отозвался Алан и вдруг поймал себя на мысли: *Ну конечно. А как же иначе? Ты уже все решил, и свое мнение ты не изменишь. Черт, парень, я понимаю... кровь твоих друзей еще даже не высохла... но ведь можно же было включить мозги и хоть немного подумать.*

Он хотел задать еще дюжину вопросов, и ответы на них, вероятно, вызвали бы еще четыре дюжины новых вопросов... но в одном Харрисон был прав. Времени нет.

Он на мгновение замялся. Ему очень хотелось спросить Харрисона о самом важном, задать самый главный вопрос: уверен ли он, что у Тэда *было* время добраться до дома, убить полицейских и увезти всю семью до того, как на место прибыло первое подкрепление? Но задать этот вопрос означало бы сыпануть соль на открытую рану, с которой сейчас пытается как-то справиться Харрисон, потому что вопрос прозвучал бы как

обвинение, суровое и непреложное: *Вы его упустили. Вы умудрились его упустить. У вас было задание, и вы ОБЛАЖАЛИСЬ.*

— Могу я на вас положиться, шериф? — Теперь в голосе Харрисона не было злости, только усталость и беспокойство, и сердце Алана дрогнуло.

— Да. Я немедленно установлю наблюдение за его домом.

— Отлично. И вы свяжетесь с оксфордским управлением?

— Безусловно. Генри Пейтон — мой друг.

— Бомонт опасен, шериф. Очень опасен. Если он вдруг появится, будьте крайне осторожны.

— Да.

— И держите меня в курсе. — Харрисон отключился, даже не попрощавшись.

4

Его разум — по крайней мере та его часть, которая занималась протоколами и инструкциями, — пробудилась и принялся задавать вопросы... или пытаться их задавать. Алан решил, что сейчас у него нет времени на протоколы и инструкции. В любой их форме. Сейчас нужно просто открыть и задействовать все возможные каналы. У него было чувство, что дело дошло до той точки, где некоторые из этих каналов вскоре начнут закрываться сами по себе.

По крайней мере собери хоть кого-то из своих людей.

Но Алан пока что был к этому не готов. Вот Норриса Риджуика он бы вызвал, но у того был выходной, и он уехал из города. Джон Лапуант все еще сидел на больничном с отравлением ядовитым сумахом. Сит Томас сейчас на дежурстве. Энди Клаттербак был на месте, но Клат — новичок, а тут нужны люди с опытом.

Так что придется пока действовать самому.

Ты спятил! — кричал внутренний голос, отвечающий за инструкции.

— Еще нет, но уже близко к тому, — сказал Алан вслух. Он нашел номер Альберта Мартина в справочнике и позвонил ему, чтобы задать вопрос, который надо было задать в самом начале.

5

— Фаззи, а в котором часу ты видел, как черный «торонадо» выехал из сарая? — спросил он, когда Мартин взял трубку, и про себя подумал: *Он не знает. Черт, я даже не очень уверен, что он еще не разучился определять время.*

Но Фаззи незамедлительно доказал, что о нем плохо думали.

— В три с хером, шеф. — Он помолчал и добавил: — Прошу прощения за мой французский.

— А ты позвонил только... — Алан заглянул в журнал, куда чисто автоматически записал звонок Фаззи. — В три двадцать восемь.

— Так надо ж было подумать, — ответил Фаззи. — Я всегда говорю: прежде чем прыгнуть, смотри, куда приземлишься, шеф. До того как звонить, я сперва заглянул в сарай, посмотреть, не учинил ли там этот, который взял тачку, каких безобразий.

Безобразий, со смешком подумал Алан. Не иначе, проверял, на месте ли тюк с травой на сеновале, да, Фаззи?

— И чего?

— Что — чего?

— Учинил безобразия?

— Да вроде нет.

— А что с замком?

— Открыт, — лаконично отозвался Фаззи.

— Сломан?

— Не-а. Просто висел на двери открытый.

— Ключом открыли, как думаешь?

— Не знаю, где бы он раздобыл ключ, этот дятел. Должно быть, отмычкой.

— Он был в машине один? — спросил Алан. — Ты не видел?

Фаззи задумался.

— Точно сказать не могу, — проговорил он наконец. — Я знаю, о чем вы думаете, шеф... если я сумел разобрать номер и наклейку на бампере с «сукиным сыном», то уж всяко должен был углядеть, сколько там было народу. Но солнце светило прямо в стекло, и это было, как я понимаю, не простое стекло. Вроде как затонированное. Мало что видно.

— Ясно, Фаззи. Спасибо. Мы разберемся.

— Ну, здесь его уже нет, — сказал Фаззи и добавил в приступе дедуктивного озарения: — Но *где-то* он должен быть.

— Очень верно подмечено, — согласился Алан, после чего распрощался с Фаззи, пообещав сообщить, «как оно все разрешится». Потом поднялся из-за стола и посмотрел на часы.

В три часа. Фаззи сказал: «В три с хером. Прошу прощения за мой французский».

Алан сомневался, что Тэд мог домчаться от Ладлоу до Касл-Рока меньше чем за три часа, да еще с коротким заездом домой — во время которого он мимоходом похитил жену и детей и зверски убил двоих полицейских. Возможно, если бы он ехал прямо из Ладлоу... но приехать в Ладлоу откуда-то еще, задержаться там на какое-то время, а потом добраться сюда к трем часам дня, вскрыть замок и укатить на черном «торонадо», который так кстати оказался в сарае у Фаззи Мартина? Никоим образом.

Но допустим, что полицейских у дома Бомонта убил *кто-то другой* и он же похитил семью Тэда? Кто-то, кому не надо было избавляться от полицейского сопрово-

ждения, менять машины и заезжать по дороге куда-то еще? Кто-то, кто просто запихнул в машину Лиз Бомонт и ее близнецов и сразу поехал в Касл-Рок? Алан подумал, что *они* бы успели добраться сюда к трем часам с хвостиком, когда их увидел Фаззи Мартин. Успели бы запросто, даже не запыхавшись.

Полиция — читай, патрульный Харрисон — по крайней мере на данный момент считает, что это был Тэд. Но Харрисон и его *compadres* не знают о «торонадо».

Миссисипский номер, сказал Фаззи.

Миссисипи — родной штат Джорджа Старка, согласно вымышленной биографии этого человека, придуманной Тэдом. Если Тэд шизанулся настолько, что вообразил себя Джорджем Старком, он вполне мог разжиться черным «торонадо», чтобы укрепить иллюзию, или фантазию, или что там еще... но чтобы получить миссисипские номера, ему надо было не просто приехать в Миссисипи, но и подтвердить, что у него есть там жилье.

Это бред. Он мог украсть миссисипские номера. Или купить старые на какой-нибудь барахолке. Фаззи ничего не сказал о том, каким они маркированы годом. Да и вряд ли бы он разглядел с такого расстояния, даже в бинокль.

Но эта машина была не Тэда. Не могла быть. Лиз знала бы об этом, правда?

Может, и нет. Если он совершенно свихнулся, то, может, и нет.

И ведь на двери висел замок. Как Тэд ухитрился проникнуть в сарай, не сломав замок? Он писатель и преподаватель, а не взломщик со стажем.

Дубликат ключа, подсказывал здравый смысл, но Алан сомневался. Если Фаззи и вправду время от времени прятал в сарае траву, то вряд ли бы он стал разбрасывать где попало ключи, несмотря на свою идиотскую привычку разбрасывать где попало непогашенные окурки.

И последний вопрос, самый главный: как получилось, что Фаззи никогда прежде не видел черный «торонадо», который все это время стоял у него в сарае? Как такое возможно?

А вот еще вариант, шепнул голос в глубинах сознания, когда Алан схватил шляпу и вышел из кабинета. Идея дурацкая, Алан. Ты будешь смеяться. Смеяться до колик. Но допустим, Тэд Бомонт чист перед законом. Допустим, монстр по имени Джордж Старк действительно существует... и элементы, составляющие его жизнь, элементы, созданные Тэдом, тоже возникают в реальности, когда они ему нужны. КОГДА они ему нужны, но не всегда там, ГДЕ нужно. Допустим, они возникают лишь в тех местах, которые связаны напрямую с его изначальным создателем. Поэтому Старку пришлось взять машину оттуда, где Тэд держит свою машину. Поэтому Старку пришлось начать с кладбища, где Тэд его символически похоронил. Как тебе такой вариант? Говорю же, обхохочешься.

Такой вариант Алану вовсе не нравился. И ему было совсем не смешно. Ни капельки не смешно. Такой вариант перечеркивал не просто все, во что Алан верил. Он перечеркивал и сам способ, которым Алана учили мыслить.

Он вдруг вспомнил, как Тэд однажды сказал: *Я не знаю, кто я, когда пишу*. Не прямо такими словами, но близко. *И что самое странное, до сих пор я никогда не задумывался об этом.*

— Ты был им, правда? — тихо проговорил Алан. — Ты был им, а он был тобой, и так вырос убийца.

Он невольно поежился, и Шейла Бригем, которая как раз оторвалась от пишущей машинки за диспетчерским столом, это заметила.

— Такая жарница, а тебя знобит, Алан. Ты не простудился? Как себя чувствуешь?

— Чувствую я себя странно, — честно ответил Алан. — Шейла, ты сиди на телефоне. Все, что по ме-

лочи, передавай Ситу Томасу. Если что-то серьезное — сразу мне. Где Клат?

— Я здесь! — донеслось из туалета.

— Я вернусь минут через сорок — сорок пять, — крикнул Алан. — Остаешься пока за главного!

— Ты куда, Алан? — Клат вышел из туалета, заправляя рубашку в штаны.

— На озеро, — неопределенно ответил Алан и вышел, прежде чем Клат или Шейла успели задать следующий вопрос... и прежде чем он сам успел задуматься о том, что делает. Уходить, не сообщив, куда и зачем, в такой ситуации — значит, не просто нарываться на неприятности. Это смерти подобно. Причем в прямом смысле слова.

Но то, о чем он сейчас думал,

(воробьи летают)

просто не может быть правдой. *Никак не может.* Должно быть какое-то более разумное объяснение.

Он все еще убеждал себя в этом, когда сел в полицейский патрульный автомобиль и поехал за город, навстречу самой убийственной неприятности за всю жизнь.

6

На шоссе номер 5, в полумиле от участка Фаззи Мартина, располагалась зона отдыха. Алан свернул туда, руководствуясь отчасти профессиональным чутьем, отчасти спонтанным порывом. Что касается чутья, тут все было просто: «торонадо» или не «торонадо», но они примчались сюда из Ладлоу не на ковре-самолете. Они приехали на машине. А значит, где-то поблизости должен быть брошенный автомобиль. Тот, за кем он охотился, бросил фургончик Гомера Гамиша на придорожной стоянке, когда перестал в нем нуждаться, а если преступник сделал так один раз, то, возможно, сделает снова.

На стоянке у зоны отдыха было всего три машины: пивной фургон, новенький «форд-эскаорт» и запыленный «вольво».

Когда Алан выбрался из машины, мужчина в зеленом рабочем комбинезоне вышел из мужского туалета и направился к кабине пивного фургона. Невысокий, темноволосый, узкоплечий. Уж никак не Джордж Старк.

— Офицер, — сказал он, отсалютовал Алану.

Алан кивнул в ответ и подошел к трем пожилым дамам, сидевшим за столиком для пикника и пившим кофе из термоса.

— Добрый день, офицер, — сказала одна из них. — Мы можем вам чем-то помочь?

Или мы сделали что-то не так? — спросил ее взгляд, в котором на миг промелькнула тревога.

— Я просто хотел спросить, не ваши ли это машины, «форд» и «вольво», — поинтересоваться Алан.

— «Форд» мой, — ответила вторая дама. — Мы все на нем и приехали. Про «вольво» я ничего не знаю. Это из-за техосмотра? Он опять просрочен? Мой сын должен следить за техосмотром, но он *такой* безалаберный! Ему уже сорок три, а мне до сих пор надо ему говорить каждый раз...

— С техосмотром все в порядке, мэм. — Алан изобразил лучезарную улыбку из серии «Полицейский — ваш лучший друг». — А вы, случайно, не видели, как подъехал этот «вольво»?

Дамы покачали головами.

— Может, вы видели кого-то, кто мог бы быть его владельцем?

— Нет, — ответила третья дама, сверкнув на Алана глазами, маленькими и блестящими, как у мыши. — Идете по следу, офицер?

— Прошу прощения, мэм?

— В смысле, гонитесь за преступником?

— А-а, — протянул Алан, и на мгновение его охватило острое чувство нереальности происходящего. И правда, что он здесь делает? Что он надеется здесь *найти*? — Нет, мэм. Просто мне нравятся «вольво». — Господи, это он очень умно сказал. Прямо-таки... блин... *блестяще*.

— Ага, — проговорила первая дама. — Мы никого не видели. Выпьете чашечку кофе, офицер? Думаю, здесь как раз на одну и осталось.

— Нет, спасибо, — отказался Алан. — Всего доброго, дамы.

— И вам того же, офицер, — отозвались они хором в почти безупречной трехголосой гармонии, отчего ощущение нереальности только усилилось.

Он вернулся к «вольво» и надавил на ручку дверцы со стороны водительского сиденья. Дверца открылась. Внутри было жарко и душно, как на чердаке. Похоже, какое-то время машина простояла на солнцепеке. Алан взглянул на заднее сиденье и увидел на полу какой-то пакетик размером чуть больше маленькой упаковки леденцов. Алан наклонился, протянул руку между передними креслами и поднял пакетик.

Это была упаковка детских влажных салфеток. У Алана возникло такое чувство, словно ему в желудок упал шар для боулинга.

Это еще ничего не значит, заявил голос здравого смысла и полицейского протокола. Во всяком случае, это не обязательно то, что ты думаешь. Ты ведь думаешь о малышах. Но, Алан, ради Бога, такие салфетки дают в любом придорожном лотке, когда ты покупаешь курицу-гриль.

И все же...

Алан сунул салфетки в карман рубашки и выбрался из машины. Он уже собирался захлопнуть дверцу, но решил заглянуть под приборный щиток. Для этого пришлось опуститься на колени.

В желудок обрушился еще один шар для боулинга. Алан издал сдавленный стон, словно ему со всей силы ударили под дых.

Из-под приборной панели свисали провода, их оголенные концы были слегка изогнуты. Алан знал, отчего так бывает. Кто-то сплел оголенные провода, замкнул их накоротко, чтобы запустить двигатель без ключа — и запустил, судя по виду машины. А когда этот кто-то приехал сюда, он разъединил провода, чтобы выключить двигатель.

Стало быть, это правда... по крайней мере какая-то часть. Какая именно — вот вопрос. У Алана возникло стойкое ощущение, что он приближается к краю опасного, убийственного обрыва. С каждым шагом все ближе и ближе.

Он вернулся к своей патрульной машине, сел за руль, завел двигатель и снял с подставки микрофон рации.

Что именно правда? — прошептал голос здравого смысла и полицейского протокола. Господи, этот голос сводил его с ума. *Что кто-то находится в доме Бомонтов на озере? Да — вполне может быть. Что кто-то по имени Джордж Старк выкатил черный «торонадо» из сараю Фаззи Мартина? Да ладно, Алан!*

Две мысли пришли ему в голову почти одновременно. Во-первых, если он свяжется с Генри Пейтоном из оксфордского управления, как просил Харрисон, возможно, он *никогда* не узнает, чем все закончилось. Лейклейн, улица, на которой стоял дом Бомонтов, заканчивалась тупиком. Полицейские штата скажут Алану не приближаться к дому в одиночку — ни при каких обстоятельствах, поскольку человека, который удерживает в заложниках Лиз и близнецов, подозревают как минимум в дюжине убийств. Ему велят перекрыть улицу и *ничего больше* не предпринимать, пока не прибудет целая армия полицейских, может быть, вертолет и, кто его знает, возможно, еще несколько эсминцев и истребителей.

Вторая мысль была о Старке.

Они не задумывались о Старке; они вообще про него не знали.

Но что, если Старк существует на самом деле?

В таком случае, как это виделось Алану, посылать на Лейк-лейн полицейских штата, не имеющих представления о том, с кем им придется столкнуться, было бы равносильно тому, чтобы отправить людей напрямик в мясорубку.

Он вернул микрофон на место. Он поедет туда — и поедет один. Возможно, это неправильное решение, даже наверняка неправильное, но именно так он и поступит. Он сможет жить с мыслью о собственном идиотизме; Бог свидетель, так уже было не раз. Но с чем он точно не сможет жить, так это с мыслью о том, что женщина и двое младенцев погибли только из-за того, что он вызвал подмогу по рации, прежде чем выяснил реальное положение дел.

Алан выехал со стоянки в зоне отдыха и рванул на Лейк-лейн.

Глава 24

ПРИШЕСТВИЕ ВОРОБЬЕВ

1

Тэд не решился ехать по скоростной магистрали (Старк приказал Лиз использовать этот путь, что сэкономило им полчаса времени), и ему пришлось выбирать между Льюистоном-Оберном и Оксфордом. Последний был намного больше... но там располагалось управление полиции штата.

Он выбрал Льюистон-Оберн.

Когда он остановился у светофора в Оберне и ждал зеленого, то и дело поглядывая в зеркало заднего вида — нет ли за ним полицейских машин, — его вновь поразила мысль, впервые пришедшая в голову на свалке

старых автомобилей, когда он разговаривал с Роули по телефону. Только теперь эта мысль уже не походила на щекотку; теперь она напоминала удар под дых.

Я — тот, кто знает. Тот, кому принадлежат ворообы. Я — провожатый.

Тут мы имеем дело с волшебством, подумал Тэд. А у всякого стоящего волшебника непременно должна быть волшебная палочка. Это известно всем. К счастью, я знаю, где ее взять. Где они продаются дюжинами.

Ближайший магазин канцтоваров располагался на Корт-стрит, куда Тэд и направился. Он был уверен, что в доме в Касл-Роке есть бероловские карандаши «Черный красавец», да и Старк наверняка привезет их с собой, но они ему не подойдут. Ему нужны карандаши, которых Старк никогда не касался, ни в качестве «соавтора» Тэда, ни в качестве самостоятельного, отдельного существа.

Тэд нашел место для парковки за полквартала от магазина, выключил зажигание старенького «фольксвагена» Роули (двигатель никак не хотел глохнуть и долго сопротивлялся, чихая и недовольно пыхтя) и выбрался из машины. Было приятно выйти наружу из прокуренного трубочным табаком салона и хоть чуть-чуть подышать свежим воздухом.

В магазине канцелярских товаров он купил коробку бероловских карандашей «Черный красавец».

Продавец разрешил ему воспользоваться точилкой на стене. Тэд заточил шесть карандашей и положил их в нагрудный карман, распределив ровным рядом. Остро заточенные грифели торчали наружу, как боеголовки маленьких смертоносных ракет.

Раз, два и абракадабра, подумал он. Представление начинается!

Он вернулся к машине Роули, забрался внутрь и пару секунд просто сидел в духоте, обливаясь потом и напевая вполголоса «Джона Уззли Хардинга». Он вспомнил

почти все слова. Поразительно, на что способен человеческий мозг под давлением обстоятельств.

Это может быть очень опасно, очень-очень опасно, подумал он и вдруг понял, что совсем не беспокоится о себе. В конце концов, это он притащил Джорджа Старка в реальный мир, а значит, ему за все и отвечать. Это не совсем справедливо; вряд ли Тэд создал Старка по злому умыслу. Он упорно не видел себя ни одним из этих печально известных докторов — ни доктором Джекилом, ни доктором Франкенштейном, — несмотря на то что могло произойти с его женой и детьми. Он засел за свою серию романов вовсе не для того, чтобы заработать кучу денег, и, уж конечно, не для того, чтобы создать монстра. Он лишь пытался нащупать тропинку, чтобы обойти завал, перегородивший ему дорогу. Он просто хотел найти способ написать еще одну хорошую книжку, потому что работа над такой книжкой приносит радость.

А вместо этого он подцепил какую-то сверхъестественную заразу. Но ведь существует немало болезней, которые поселяются в телах людей, ничем такой участи не заслуживших, — немало «веселых» недугов вроде церебрального паралича, мышечной дистрофии, эпилепсии, болезни Альцгеймера. И если в тебе поселилась болезнь, с ней надо как-то справляться. Как там называлась та старая радиовикторина? «Назови и забирай»?

Но это может быть очень опасно для Лиз и малышей, твердил голос здравого смысла, причем очень резонно.

Да. Операция на мозге тоже может быть очень опасной... но если там растет опухоль, то какие еще варианты?

Он будет подсматривать. Будет следить. Карандаши — это правильно. Возможно, ему это даже польстит. Но если он почувствует, что ты собираешься с ними сделать, если узнает о птичьей манке... если он догадается о

воробьях... черт, если он догадается даже о том, что есть нечто, о чем можно догадываться... тогда ты окажешься по уши в дерьме.

Но ведь может и получиться, шептала другая часть его разума. Черт возьми, ты сам заешь, что может.

Да. Он это знал. И поскольку в глубине души был уверен, что других вариантов нет, он завел двигатель старенького «фольксвагена» и поехал в Касл-Рок.

Через пятнадцать минут Оберн остался позади, и Тэд вновь оказался на сельской дороге, уводящей на запад, в Озерный край.

2

Последние сорок миль пути Старк без умолку говорил о «Стальной Машине», новой книге, над которой они с Тэдом будут работать в тесном и плодотворном сотрудничестве. Пока Лиз доставала ключ и отпирала летний дом, Старк помогал ей с малышами, при этом одна его рука всегда оставалась свободной и держалась поблизости от револьвера, заткнутого за пояс, чтобы у Лиз не возникло никаких неуместных мыслей. Лиз очень надеялась, что хотя бы на нескольких подъездных дорожках у домов на Лейк-лейн будут стоять машины, что на улице будут слышны голоса соседей или визг цепных пил, но все было тихо, если не считать сонного стрекота насекомых и рева двигателя «торонадо». Похоже, этому скуину сыну и вправду дьявольски везло.

Все время, пока они разгружали машину и заносили вещи в дом, Старк не умолкал ни на секунду. Он продолжал говорить, даже когда достал опасную бритву и перерезал все телефонные провода — все, кроме одного. И в его изложении книга обещала быть по-настоящему классной. Вот что самое страшное. Если судить по словам Старка, книга обещала быть очень хорошей. Не хуже «Пути Машины». Может быть, даже лучше.

— Мне надо в уборную, — сказала Лиз, оборвав его на полуслове.

— Хорошо. — Старк повернулся к ней. Как только они прибыли на место, он снял темные очки, и теперь Лиз приходилось отворачиваться от него. У нее не было сил смотреть в эти выпученные глаза в обрамлении гниющей плоти. — Пойдем вместе.

— Вообще-то я предпочитаю ходить в туалет в одиночестве. А ты разве нет?

— Да мне как-то без разницы, — заявил Старк с безмятежной веселостью в голосе. Он пребывал в приподнятом настроении с той минуты, как они свернули с шоссе на съезде у Гейтс-Фоллз — в легко узнаваемом настроении человека, уверенного, что теперь-то все будет отлично.

— А мне нет, — проговорила она с расстановкой, словно обращаясь к туповатому ребенку. Она почувствовала, как ее пальцы сгибаются сами собой, и очень живо представила, как набрасывается на него и выцарапывает эти выпученные глаза из рыхлых гниющих глазниц... А когда отважилась взглянуть на него, то поняла по его хитроватому, радостному выражению, что он знает, о чем она думала.

— Да я просто в дверях постою, — сказал он с притворной скромностью. — И буду пай-мальчиком. Даже не стану подглядывать.

Близнецы деловито ползали по ковру в гостиной. Они что-то весело лопотали и, судя по всему, были очень довольны, что опять оказались здесь, в этом доме, куда их до этого привозили всего один раз, на долгие зимние выходные.

— Их нельзя оставлять одних, — сказала Лиз. — Ванная здесь рядом со спальней. Если оставить их здесь, с ними точно что-нибудь случится.

— Нет проблем, Бет. — Он легко подхватил малышей по одному в каждую руку и взял их под мышку. Еще се-

годня утром Лиз была уверена, что если бы кто-нибудь, кроме нее и Тэда, попробовал проделать нечто подобное, Уильям и Уэнди вопили бы так, что чертям стало тошно. Но когда их взял Старк, они радостно захихикали, словно это была самая веселая игра на свете. — Отнесу их в спальню и буду следить за *ними*, а не за тобой. — Он повернулся к Лиз, и теперь его взгляд стал холодным. — Буду следить очень внимательно. Я не хочу, чтобы с ними что-то случилось, Бет. Они мне нравятся. Если с ними что-то случится, то уж точно не по *моей* вине.

Она пошла в ванную, а Старк встал в дверях, спиной к Лиз. Как и было обещано, он следил за близнецами, а не за ней. Она приподняла юбку, спустила трусики и села на унитаз, очень надеясь, что Старк — человек слова. Если он обернется и увидит, как она сидит на унитазе, она это переживет... Но если он увидит ножницы, спрятанные у нее в белье, *этого* она может и не пережить.

И как обычно, когда надо поторопиться, ее мочевого пузырь упорно отказывался спешить. *Ну, давай же, давай*, думала она со смесью страха и раздражения. *Ты чего медлишь?! Не такое уж там и сокровище, чтобы ревниво его хранить!*

Наконец-то. Какое облегчение.

— Но когда они пытаются выбраться из сарая, — говорил Старк, — Машина поджигает бензин, который они ночью залили в канаву вокруг сарая. Классно придумано, да? Прямо готовый сценарий для фильма, Бет... эти придурки-киношники *обожают* пожары.

Лиз воспользовалась туалетной бумагой и очень аккуратно натянула трусики. Поправляя одежду, она не сводила глаз со спины Старка, молясь всем богам, чтобы он не обернулся. Он не обернулся. Он был погружен в свою собственную историю.

— Уэстерман и Джек Рэнгли ныряют обратно внутрь, решив проехать сквозь пламя на тачке. Но Эллингтон паникует, и...

Он резко умолк и склонил голову набок. Потом обернулся к Лиз, которая как раз расправляла юбку.

— Выходи, — рывкнул он, и теперь в его голосе не было и намека на прежнее хорошее настроение. — Выходи, на хрен. Сейчас же.

— Что...

Он грубо схватил ее за руку и рывком выдернул в спальню. Потом прошел в ванную и открыл аптечку.

— У нас гости, а для Тэда еще рановато.

— Не понимаю...

— Звук мотора, — коротко объяснил Старк. — Мощный мотор. Может быть, полицейская тачка. Слышишь?

Старк захлопнул аптечку и открыл ящик справа от умывальника. Там он нашел рулон медицинского пластыря и быстро вскрыл упаковку.

Лиз ничего не слышала и так и сказала.

— Ничего, — отозвался он. — Зато я слышу за двоих. Руки назад.

— Что ты собираешься...

— Заткнись и заведи руки за спину!

Она сделала, как было велено, и ее запястья тут же оказались связанными. Старк перемотал их пластырем крест-накрест, тугими восьмерками.

— Мотор заглушили, — сказал он. — Где-то в четверти мили отсюда. Кто-то пытается проявить сообразительность.

Лиз показалось, что в самый последний миг она услышала шум мотора, но вот именно что *показалось*. Она точно знала, что не услышала бы вообще ничего, если бы не прислушивалась изо всех сил. Господи Боже, у него и вправду такой острый слух?

— Надо обрезать пластырь, — сказал Старк. — Прощу прощения за фамильярность, Бет. Но нет времени разводить политес.

И еще прежде чем Лиз поняла, что происходит, он запустил руку под пояс ее юбки и вытащил ножницы.

Все это заняло одну секунду, и он даже не уколол ее булавками.

Перед тем как обрезать пластырь, он на миг посмотрел ей в глаза. Похоже, он снова развеселился.

— Ты их видел, — глухо проговорила она. — Ты все-таки видел, как они выпирают.

— Ножницы? — Он рассмеялся. — Я их видел, да. Но не как они выпирают. Я их увидел в твоих *глазах*, милая Бетти. Еще в Ладлоу. В ту же секунду, как ты спустилась с лестницы.

Он опустил перед ней на колени, нелепо и угрожающе — как кавалер, делающий предложение. Потом поднял взгляд и сказал:

— Не вздумай пнуть меня или что-то еще, Бет. Я точно не знаю, но думаю, что это коп. И у меня нет времени с тобой тут барахтаться, как бы мне этого ни хотелось. Так что сиди тихо.

— Но дети...

— Я закрою все двери, — сказал Старк. — До ручек они не дотянутся, даже если встанут на ножки. Может, съедят пару катышков пыли под кроватью, но, думаю, это самое худшее, что с ними может случиться. Я скоро вернусь.

Теперь пластырь описывал тугие восьмерки вокруг ее лодыжек. Старк обрезал пластырь и поднялся.

— Будь пайнкой, Бет, — предупредил он. — И не растеряй все счастливые мысли. Ты за это заплатишься... Я о том позабочусь. Но сначала заставлю тебя смотреть, как расплачиваются *они*.

Он закрыл дверь в ванную, закрыл дверь в спальню и ушел. Исчез словно по волшебству.

Лиз подумала о «винчестере» 22-го калибра, спрятанном в сарае. Есть ли там патроны? Она была уверена, что да. Полкоробки длинных винтовочных патронов на верхней полке.

Она принялась вертеть запястьями туда-сюда. Старк намотал пластырь очень хитрым способом, и поначалу

Лиз сомневалась, что сумеет хотя бы ослабить путы, не говоря уже о том, чтобы освободить руки.

Но постепенно пластырь стал поддаваться, и она за-вертела запястьями еще быстрее.

Уильям подполз, положил ручки ей на ногу и вопро-сительно посмотрел на нее снизу вверх.

— Все будет хорошо, — сказала Лиз и улыбнулась ему.

Уилл улыбнулся в ответ и уполз искать сестренку. Лиз тряхнула головой, убирая с лица мокрую от пота прядь волос, и вновь принялась вертеть запястьями туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда.

3

Насколько мог судить Алан Пэнгборн, на Лейк-лейн было совершенно пустынно... по крайней мере до того места, куда он решился доехать — до шестой дорожки, уходящей с улицы во двор. Наверное, можно было про-ехать еще чуть вперед — на таком расстоянии шум его мотора все равно не слышали бы из дома Бомонтов, от которого его отделяло два холма, — но лучше перестра-ховаться. Алан подъехал к летнему коттеджу, принадле-жавшему семейству Уильямсов из Линна, штат Массачу-сетс, припарковался на ковре сухих иголок под старой сосной, выключил двигатель и выбрался из машины.

Он поднял взгляд и увидел воробьев.

Они сидели на крыше дома Уильямсов. Они сиде-ли на ветках деревьев, росших вокруг дома. На камнях на берегу озера. Они теснились на дощатом причале Уильямсов — покрывали его сплошным живым ковром, так что под ними не было видно досок. Сотни и сотни воробьев.

Они не издавали ни звука, а просто смотрели на Ала-на крошечными черными глазками.

— Господи, — прошептал он.

В высокой траве вокруг дома Уильямсов стрекотали сверчки, волны озера с тихим плеском бились о причал, сверху доносился гул самолета, летевшего на запад, в сторону Нью-Хэмпшира. В остальном же все было тихо. Ни единой лодки на озере, ни единого рева мотора.

Только птицы.

Все эти птицы.

Алан почувствовал, как все его существо наполняется звенящим, пронзительным страхом. Он не раз наблюдал стаи воробьев, весной или осенью, иногда сразу сотню и даже две сотни, но в жизни не видел *такого* количества воробьев.

Они явились за Тэдом... или за Старком?

Алан покосился на рацию в машине и подумал, что, может быть, все-таки стоит вызвать подкрепление. Слишком все странно, слишком непонятно и ненормально.

А если они взлетят все разом? Если он здесь и если у него и вправду такой острый слух, как утверждает Тэд, он их точно услышит. Непременно услышит.

Алан пошел вперед. Воробьи даже не шелохнулись... но прилетела еще одна стая и расселась на верхушках деревьев. Теперь воробьи были повсюду и смотрели на Алана сверху вниз, как суровый судья смотрит на убийцу на скамье подсудимых. Их не было лишь позади, на дороге. Лес, подступавший к Лейк-лейн, оставался еще не охваченным ими.

Алан решил идти через лес.

В голове промелькнула мрачная мысль, разве что самую малость недотянувшая до дурного предчувствия, что это может стать самой крупной ошибкой за всю его полицейскую службу.

Я просто разведую, что и как, подумал он. Если птицы не взлетят... а взлетать они, кажется, не собираются... со мной все будет в порядке. Я поднимаюсь на Лейк-лейн, перейду через улицу и проберусь к дому Бомонта

через лес. Если «торонадо» стоит у дома, я его увижу. Если я увижу машину, то, может, увижу его. И хотя бы пойму, с кем имею дело. Буду знать, кто это: Тэд или... кто-то другой.

Была еще одна мысль. Но Алан не решался на ней задерживаться, опасаясь спугнуть удачу. Если он увидит владельца черного «торонадо», возможно, у него получится уложить его с одного выстрела. Если будет возможность, он пристрелит ублюдка и покончит со всем прямо здесь и сейчас. В этом случае он, конечно, получит по шапке от полиции штата за неисполнение их особого распоряжения... но Лиз с малышами будут в безопасности, а на данный момент его больше ничто не волнует.

Во двор опустилась еще одна стая воробьев, опустилась совершенно бесшумно. Теперь они покрывали живым ковром почти всю заасфальтированную подъездную дорожку у дома Уильямсов. Один воробей приземлился буквально в пяти футах от ботинок Алана. Алан дернул ногой, сделав вид, что собирается его пнуть, и тут же пожалел об этом. Он почти ждал, что воробей испугается и взлетит, а вместе с ним — и вся эта гигантская стая.

Воробей чуть подпрыгнул. И все.

Еще один воробей опустился прямо на плечо Алана. Шериф не поверил своим глазам, но воробей и вправду сидел у него на плече. Алан попытался его смахнуть, но воробей перепрыгнул ему на руку. Он опустил клювик, словно собираясь клюнуть Алана в ладонь... но замер, так и не клюнув. С бешено колотящимся сердцем Алан медленно опустил руку. Воробей спрыгнул вниз, один раз взмахнул крылышками, уселся на дорожке вместе со своими собратьями и уставился на Алана блестящими, бессмысленными глазками.

Алан тяжело сглотнул. В горле раздался вполне различимый щелчок.

— Кто вы? — пробормотал он. — Мать вашу, кто вы?

Воробьи молча таращились на него. Теперь уже каждый клен, каждая сосна на этой стороне Лейк-лейн были буквально усыпаны воробьями. Где-то треснула ветка, не выдержавшая их общего веса.

У них полые кости, подумал Алан. Они почти ничего не весят. Это сколько же их должно быть, чтобы под ними сломалась ветка?!

Он не знал. И не хотел знать.

Алан расстегнул ремешок на кобуре служебного револьвера и пошел назад по подъездной дорожке Уильямсов, прочь от воробьев. Дорожка поднималась вверх по крутому склону, и к тому времени, когда Алан выбрался на Лейк-лейн, земляную проселочную дорогу с полоской травы, зеленевшей между следами от колес, его лицо блестело от пота, а рубашка прилипла к спине. Оглядевшись по сторонам, Алан увидел, что все воробьи остались в низине — они уже облепили его машину, сидели на багажнике, на капоте, на проблесковых маячках на крыше, — а здесь, наверху, их не было.

Как будто они не хотят подлетать слишком близко, подумал он. Пока не хотят. Как будто здесь у них база, место общего сбора.

Алан огляделся по сторонам из своего, как он надеялся, надежного укрытия за высоким кустом сумаха. На Лейк-лейн не было ни души — лишь воробьи, но они сосредоточились внизу, у коттеджа Уильямсов. Тишину нарушал только стрекот сверчков и писк нескольких комаров, подбиравшихся к лицу Алана.

Хорошо.

Алан перебежал через дорогу, как солдат на вражеской территории — втянув голову в плечи и низко пригнувшись, — перепрыгнул канаву, заросшую сорняками и заваленную камнями, и скрылся в лесу на той стороне. Теперь ему оставалось добраться до летнего дома Бомонтов как можно быстрее и незаметнее.

4

Восточный берег озера Касл представлял собой длинный холм с достаточно крутым склоном. Лейк-лейн проходила примерно посередине склона, и большинство домов располагалось настолько ниже дороги, что с того места, где сейчас находился Алан, ярдах в двадцати выше Лейк-лейн, ему были видны только коньки их крыш. А некоторые дома не видны вовсе. Но Алан видел дорогу и отходившие от нее подъездные дорожки, ведущие во дворы, так что если он не собьется со счета, все будет нормально.

Добравшись до пятой подъездной дорожки после дома Уильямсов, Алан остановился. Оглянувшись проверить, не следуют ли за ним воробьи. Мысль, конечно, бредовая, но в сложившейся ситуации — вполне закономерная. Не заметив ни одного воробья, он даже подумал, что, возможно, их и не было вовсе. Возможно, они ему просто привиделись. Перегруженный мозг может выкинуть и не такое.

Перестань, сказал он себе. Ничего тебе не привиделось. Они там были... они там есть и сейчас.

Алан посмотрел на дорожку, ведущую к дому Бомонтов, но с того места, где он стоял, не было видно вообще ничего. Пригнувшись, он стал спускаться, стараясь не шуметь. У него получалось вполне неплохо, и он уже мысленно поздравил себя и назвал молодцом, как вдруг Джордж Старк приставил револьвер к его левому уху и сказал:

— Только без резких движений, дружище. А то у кого-то мозги полетят прямо на правое плечо.

5

Очень медленно — медленно, медленно — Алан повернул голову.

И увидел *такое*, от чего почти пожалел о том, что не родился слепым.

— Да, на обложку «Джи-Кью» моя пачка, наверное, уже не годится? — спросил Старк, ухмыляясь. Его ухмылка обнажала больше зубов и десен (и черных дырок в тех местах, где раньше были зубы), чем это положено даже самой широкой улыбке. Лицо было испещрено язвами, а кожа как будто отслаивалась от лежащих под ней тканей и облезала кусками. Но это было еще не самое страшное — совсем не от этого у Алана скрутило живот от ужаса и отвращения. Что-то было не так с самой структурой лица этого человека. Оно не просто гнило и разлагалось, с ним происходила какая-то чудовищная мутация.

Тем не менее Алан сразу понял, *кто* этот человек с револьвером.

Волосы, тусклые и безжизненные, как старый парик, нахлобученный на голову соломенного чучела, были светлыми. Плечи — почти такими же широкими, как у футболиста в форме с защитными наплечниками. Хотя он не двигался, а стоял, в нем все равно ощущалась надменная легкая грация. Он смотрел на Алана без всякой злобы и, кажется, пребывал в замечательном настроении.

Это был человек, которого не существовало на самом деле, которого *не могло* существовать.

Мистер Джордж Старк, психованный сукин сын из Оксфорда, штат Миссисипи.

Значит, все это правда.

— Добро пожаловать на карнавал, старина, — мягко проговорил Старк. — Для такого здорового дядьки ты очень даже неплохо двигаешься. Я тебя чуть не пропьяпил вначале, а ведь я тебя искал. Пойдем в дом. Хочу познакомить тебя с малышкой. Только без фокусов. Одно неверное движение — и ты умрешь. И она тоже умрет, и ее славные детки. Мне терять нечего. Веришь?

Старк ухмыльнулся, растянув гниющие губы на жутком, совершенно неправильном лице. В траве все так же стрекотали сверчки. Где-то на озере пронзительно

вскрикнула гагара. Алан от души пожалел, что нельзя самому превратиться в гагару и улететь, потому что, глядя в выпученные глаза Старка, едва не выпадающие из глазниц, он видел в них, кроме смерти, только одно... вообще ничего. пустоту.

Он вдруг очень отчетливо осознал, что уже никогда не увидит жену и сынишек.

— Верю, — сказал он.

— Тогда бросай пистолет и пойдем.

Алан сделал, как было велено. Потом они спустились к Лейк-лейн. Алан шел впереди, Старк — сразу за ним. Они перешли через дорогу и продолжили спуск по подъездной дорожке, ведущей к дому Бомонтов. Дом стоял прямо у озера, на тяжелых деревянных сваях, почти как пляжный домик в Малибу. Пока что Алан не заметил поблизости ни одного воробья.

«Торонадо» стоял у входной двери: черный тарантул, блестящий на солнце. Он был похож на пулю. Алан безо всякого интереса скользнул взглядом по надписи на наклейке на бампере. Все его чувства как-то странно притупились, наполовину заглохли, словно это был сон, который уже совсем скоро закончится.

Не стоит так думать, предостерег он себя. Если будешь так думать, тогда ты точно покойник.

Это было почти смешно, потому что он и так уже покойник, верно? Вот он, весь из себя герой, подбирается к дому Бомонтов, намереваясь прокрасться через дорогу таким индейцем Тонто, осмотреться, понять, что к чему... а Старк просто ткнул револьвером ему в ухо и велел бросить оружие — и все, игра проиграна.

Я его не услышал; я даже его не почувял. Все говорят, я умею ходить бесшумно, но по сравнению с ним я вообще кривоногий калека.

— Нравится моя тачка? — спросил Старк.

— Думаю, прямо сейчас она нравится всем полицейским в Мэне, — сказал Алан. — Потому что все ее ищут.

Старк радостно расхохотался.

— И почему я тебе не верю? — Он ткнул Алана в спину стволом револьвера. — Заходи в дом, дружище. Подождем Тэда вместе. А когда он приедет, мы начнем наше представление.

Алан случайно взглянул на свободную руку Старка и заметил одну очень странную вещь: на ладони не было линий. Вообще ни одной.

6

— Алан! — воскликнула Лиз. — С вами все в порядке?

— Ну, если возможно такое, чтобы человек чувствовал себя полным кретином и при этом все у него было в порядке, то, наверное, да.

— Ты не мог этого не ожидать, — мягко проговорил Старк. Он указал на ножницы, которые вытащил из трусиков Лиз. Он положил их на тумбочку рядом с большой двуспальной кроватью, чтобы близнецы не могли до них дотянуться. — Разрежь пластырь у нее на ногах, офицер Алан. Насчет рук можно не беспокоиться. Похоже, она сама почти справилась. Или ты шеф Алан?

— Шериф Алан, — сказал Алан и подумал: *Он сам это знает. Он знает меня — Алана Пэнгборна, шерифа округа Касл, — потому что меня знает Тэд. Но даже когда он становится хозяином положения, он все равно не выдает всего, что знает. Он хитер, как лиса, повадившаяся в курятник.*

Уже во второй раз его охватила гнетущая уверенность в том, что его смерть близка. Он попробовал думать о воробьях, потому что они были единственным элементом этого кошмара, о котором Старк, кажется, ничего не знал. Но потом понял, что лучше не думать о них вообще. Старк слишком умен. Если Алан позволит себе хотя бы крошечную надежду, Старк все поймет по его глазам... и захочет узнать, что это значит.

Алан взял ножницы и разрезал пластырь на ногах Лиз, а она тем временем высвободила одну руку и принялась сдирать пластырь с запястий.

— Заставишь меня поплатиться? — со страхом спросила она у Старка и подняла руки вверх, словно красные отметины от пластыря у нее на запястьях могли его остановить.

— Нет, — сказал он, слегка улыбнувшись. — Разве можно винить человека за то, что естественно, милая моя Бет?

Она взглянула на него со страхом и отвращением, потом подхватила на руки близнецов и спросила, можно ли отнести их на кухню и дать им поесть. Они проспали почти всю дорогу до зоны отдыха, где Старк оставил утнанный у Кларков «вольво», а теперь разыгрались и развеселились.

— Конечно, можно, — ответил Старк. Похоже, он пребывал в радостном, оптимистическом настроении... но не выпускал из руки револьвер и непрерывно поглядывал то на Лиз, то на Алана. — Пойдемте на кухню все вместе. Мне надо потолковать с шерифом.

Они перебрались на кухню, и Лиз принялась готовить еду для близнецов. Пока она занималась готовкой, Алан присматривал за малышами. Такие славные детки — милые, словно парочка крольчат; глядя на них, Алан вспомнил то давнее время, когда они с Энни были гораздо моложе, и Тоби, теперь уже старшеклассник, лежал в пеленках, а Тодда не было и в проекте.

Близнецы весело ползали по полу туда-сюда, и время от времени Алану приходилось направлять их в другую сторону, прежде чем кто-то из них не опрокинет стул или не ударится головкой о кухонный стол.

Пока он присматривал за малышами, Старк завел с ним разговор.

— Ты думаешь, я собираюсь тебя убить, — сказал он. — И не нужно отрицать очевидное, шериф. Я все

вижу по твоим глазам, и этот взгляд мне хорошо знаком. Я мог бы солгать и сказать, что ничего такого я делать не собираюсь, но ты мне вряд ли поверишь. У тебя самого большой опыт в таких делах, разве нет?

— Да, наверное, — ответил Алан. — Только конкретно вот это дело, оно немного выходит за рамки... ну, скажем, нормального режима полицейской работы.

Старк запрокинул голову и громко расхохотался. Близнецы обернулись на звук и тоже рассмеялись. Взглянув на Лиз, Алан увидел у нее на лице ужас и ненависть. И еще кое-что, правда? Да. Алан подумал, что это ревность. Ему вдруг пришло в голову, что, возможно, Старк еще кое о чем не знает. Интересно, а понимает ли Старк, насколько опасной может быть для него эта женщина?

— Это ты верно подметил, — выдавил Старк сквозь смех, а потом вдруг стал серьезным. Он наклонился к Алану, и тот почувствовал запах гниющей плоти, похожий на запах протухшего сыра. — Но ведь вовсе *не обязательно*, чтобы все закончилось именно так, шериф. Шансы, что ты выйдешь отсюда живым, невелики, скажу честно. Но они есть. Мне нужно здесь кое-что сделать. Кое-что написать. Тэд мне поможет... так сказать, простимулирует творческий процесс. Думаю, мы с ним будем работать всю ночь, но к тому времени, когда солнце взойдет завтра утром, думается, я уже приведу в порядок свои дела.

— Он хочет, чтобы Тэд научил его, как писать самостоятельно, — сказала Лиз. — Он говорит, они будут писать книгу вместе.

— Не совсем так, — заметил Старк. Он взглянул на нее, и по безмятежной поверхности его благодушного настроения прошла легкая рябь раздражения. — И потом, знаешь ли, он мой должник. Может, он знал, как писать, и до моего появления, но это я научил *его* писать книги, которые людям захочется прочесть. Какой смысл писать, если тебя никто не читает?

— Нет... но ты все равно этого не поймешь, — говорила Лиз.

— Что мне от него нужно, — сказал Старк Алану, — так это что-то вроде переливания крови. Похоже, что-то во мне замкнуло... какая-то железа. Она перестала работать. *Временно* перестала. Думаю, Тэд знает, как привести ее в рабочее состояние. Должен знать, потому что он вроде как клонировал меня из себя, если ты понимаешь, о чем я. Наверное, можно сказать, что он создал большую часть моей структуры.

О нет, друг мой, подумал Алан. Все не так. Может быть, ты об этом не знаешь, но все не так. Вы сделали это вместе, вдвоем, потому что ты был всегда. И ты проявил поразительное упорство. Тэд пытался покончить с тобой еще до рождения, но не сумел довести дело до конца. Потом, одиннадцать лет спустя, за дело взялся доктор Притчард, и это сработало. Но лишь до поры до времени. В конце концов Тэд позвал тебя обратно. Он это сделал, не ведая, что творит... потому что не знал о ТЕ-БЕ. Притчард ему ничего не сказал. И ты пришел, верно? Ты призрак его мертвого брата... но еще и нечто большее. И вместе с тем нечто меньшее.

Алан перехватил Уэнди у камина, пока та не успела грохнуться в ящик с дровами.

Старк посмотрел на Уильяма и Уэнди, потом опять повернулся к Алану.

— Видишь ли, у нас с Тэдом в роду постоянно рождаются близнецы. И конечно, я сам появился после смерти той двойни, что могла бы стать старшими братьями или сестрами этих двух малышей. Назови это проявлением трансцендентального равновесия, если угодно.

— Я бы назвал это безумием, — сказал Алан.

Старк рассмеялся.

— На самом деле я тоже. Но это случилось. Слово стало плотью, скажем так. И не важно, как именно это случилось. Важно то, что я оказался здесь.

Ты ошибаешься, подумал Алан. Как именно это случилось, сейчас, вероятно, ВАЖНЕЕ ВСЕГО. Если не для тебя, то для нас... потому что это, возможно, единственное, что нас может спасти.

— И в какой-то момент я создал себя сам, — продолжал Старк. — Так что и неудивительно, что у меня есть какие-то сложности с сочинительством, верно? Когда ты создаешь сам себя... на это уходит немало энергии. Вы же не думаете, что такое случается каждый день?

— Не дай Бог, — сказала Лиз.

Это было либо прямое попадание, либо очень близко к тому. Старк резко обернулся к ней — стремительно, как атакующая змея, — и на этот раз раздражение не обошлось одной легкой рябью.

— Думаю, тебе лучше заткнуться, Бет, — тихо проговорил он. — Пока твои разговорчики не навлекли беду на того, кто еще не умеет говорить сам. Или сама.

Лиз уставилась в кастрюльку на плите.

Алану показалось, что она побледнела.

— Вы мне можете их покормить, Алан? — тихо спросила она. — Все готово.

Лиз взяла к себе на колени Уэнди, а Алан взял Уильяма.

Поразительно, как быстро вспоминаются забытые умения, подумал он, кормя с ложечки пухлого малыша. Сунул ложку в ротик, слегка наклонил, потом вытащил, быстро, но мягко провел ею по подбородку до нижней губы, подбирая капли пюре и слюнки, опять сунул в ротик и снова вытащил. Поначалу Уилл тянулся к ложке, явно ощущая себя достаточно взрослым и опытным, чтобы управиться с нею самостоятельно, — большое спасибо, я как-нибудь сам. Алан ласково противодействовал этим поползновениям, и вскоре малыш перестал хватать ложку и сосредоточился на еде.

— На самом деле тебя можно использовать, — сказал Старк, обращаясь к Алану. Он стоял, прислонившись к

разделочному столу, и лениво водил стволом своего револьвера вверх-вниз по стеганому жилету. Получавшийся звук напоминал хриплый шепот. — Тебе позвонили из полиции штата, велели приехать сюда и проверить, что здесь и как? Ты поэтому сюда примчался?

Алан прикинул все «за» и «против» и решил, что лучше не лгать, а сказать правду, поскольку ни капельки не сомневался в том, что у этого человека — если это вообще человек — есть весьма эффективный внутренний детектор лжи.

— Не совсем, — отозвался он и рассказал Старку о звонке Фаззи Мартина.

Старк слушал, кивая головой.

— Я так и *подумал*, что там в окне что-то мелькнуло, — сказал он со смешком. Похоже, к нему вернулось хорошее настроение. — Ну да! Сельские жители по-другому не могут. Повсюду суют свой любопытный нос, да, шериф Алан? Впрочем, жизнь у них скучная, так что оно и понятно. И что сделал *ты*, когда повесил трубку?

Алан рассказал ему все как было. Он и теперь не стал лгать, понимая, что Старк сам все знает — то, что Алан приехал сюда один, само по себе говорило о многом. Шериф рассудил, что Старк просто его проверяет. Хочет узнать, настолько ли он идиот, чтобы пытаться лгать.

Когда он закончил, Старк сказал:

— Что ж, это очень неплохо. Это значительно повышает твои шансы на то, чтобы дожить до завтра, шериф Алан. А теперь слушай меня, и я скажу, чем мы займемся, когда вы докормите малышей.

7

— Ты точно знаешь, что говорить? — еще раз спросил Старк. Они стояли у телефона в прихожей, у единственного работающего аппарата, оставшегося во всем доме.

— Да.

— И ты точно не будешь пытаться передать зашифрованное сообщение своему диспетчеру?

— Нет.

— Это хорошо, — сказал Старк. — Хорошо, потому что сейчас было бы очень *обидно* забыть о том, что ты уже взрослый дяденька и что взрослые дяденьки не играют в шпионов и сыщиков. А то кому-то наверняка будет больно.

— Может, ты перестанешь сыпать угрозами хоть ненадолго.

Ухмылка Старка сделалась еще шире и тошнотворнее. Он взял с собой Уильяма, чтобы быть уверенным в том, что Лиз будет вести себя хорошо, и теперь легонько пощекотал малыша под мышкой.

— У меня не получится, — сказал он. — Человек, идущий против своей природы, страдает запорами, шериф Алан.

Телефон стоял на столике у большого окна. Поднимая трубку, Алан взглянул на лесистый склон за подъездной дорожкой, нет ли там воробьев. Их там не было. Пока не было.

— Ты что там высматриваешь, старина?

— А? — Алан взглянул на Старка. Тот смотрел на него в упор из сочащихся гноем глазниц.

— Ты меня слышал. — Старк указал на дорожку и стоявший у дома «торонадо». — Бывает, люди выглядят в окно лишь потому, что вот есть окно, и в него надо выглянуть. Но ты смотрел так, словно ждал что-то увидеть. Вот мне и хочется знать, чего ты ждешь.

Алан почувствовал, как у него по спине пробежал холодок страха.

— Я жду Тэда, — услышал он собственный спокойный голос. — Как и ты, я жду Тэда. Он уже скоро должен приехать.

— Хорошо, если так. Ты же понимаешь, чем хорошо? — спросил Старк, приподнял Уильяма чуть повыше

и принялся медленно водить стволом револьвера вверх-вниз по пухленькому животику малыша, щекоча его. Уильям засмеялся и ласково погладил Старка по гниющей щеке, как бы говоря: перестань дразниться... но не прямо сейчас, потому что это весело.

— Я понимаю, — сказал Алан и тяжело сглотнул.

Старк приподнял ствол и пощекотал складочку под подбородком Уильяма. Малыш опять рассмеялся.

Если Лиз выглянет в коридор и увидит, что делает Старк, она сойдет с ума, спокойно подумал Алан.

— Ты уверен, что сказал мне все, шериф Алан? Ты ничего не пытаешься скрыть?

— Нет. Я ничего не пытаюсь скрыть.

Только воробьев в лесу вокруг дома Уильямсов.

— Ладно. Я тебе верю. По крайней мере пока что верю. А теперь займись делом.

Алан набрал номер офиса шерифа в полицейском управлении округа Касл. Старк придвинулся ближе — так близко, что Алана едва не стошнило от его гнилостного зловония — и внимательно слушал.

Шейла Бригем взяла трубку на первом гудке.

— Привет, Шейла. Это Алан. Я сейчас на озере. Пытался связаться по рации, но ты же знаешь, какая тут связь.

— Никакая, — сказала Шейла и рассмеялась.

Старк улыбнулся.

8

Когда Алан и Старк вышли из кухни и скрылись из виду, Лиз выдвинула ящик под разделочным столом и достала самый большой нож для мяса. Она быстро взглянула на дверь, зная, что Старк может в любую секунду высунуться из прихожей, чтобы проверить, что здесь происходит. Но пока что все шло нормально. Ей были слышны их голоса. Старк говорил, что Алан как-то не так выглядывает в окно.

Я должна это сделать, подумала Лиз. И придется все делать самой. Он следит за Аланом, как кот — за мышью, и даже если у меня получится сказать Тэду... так будет только хуже. Потому что у него есть доступ в сознание Тэда.

Держа Уэнди одной рукой, она скинула туфли и быстро прошла в гостиную босиком. Там был диван, стоявший напротив окна, чтобы на нем можно было сидеть и смотреть на озеро. Лиз засунула нож под диван... но не слишком глубоко. А так, чтобы, сидя, до него можно было легко дотянуться.

А если они усядутся на диван вдвоем с хитрым лисом Джорджем Старком, она все равно дотянется до него.

Может быть, я сумею заставить его это сделать, размышляла она, поспешно возвращаясь на кухню. Да, наверное, сумею. Его ко мне тянет. Это ужасно, да... но этим можно воспользоваться.

Она вошла в кухню, почти ожидая увидеть там Старка с его кошмарной, прогнившей усмешкой. Но в кухне не было никого, а из прихожей доносился голос Алана, говорившего по телефону. Лиз очень живо представилось, как Старк стоит рядом с ним и внимательно слушает разговор. Значит, *тут* все в порядке. Она подумала: *Если мне повезет, то к тому времени как Тэд сюда доберется, Джордж Старк будет мертв.*

Она не хотела, чтобы они встретились. Она сама толком не знала, почему ей так отчаянно не хотелось, чтобы это произошло, но по крайней мере одна из причин была вполне ясна и понятна: Лиз боялась, что их сотрудничество может оказаться результативным, но еще больше боялась того, что она, кажется, знала, каким будет его результат.

В конечном итоге лишь одна личность возобладает в двойственной природе Тэда Бомонта и Джорджа Старка. Лишь одно физическое существо уцелеет после такого раскола. Если Тэд сможет дать Старку необходимый

толчок и Старк начнет писать сам, станут ли заживать его раны и язвы?

Лиз полагала, что да. Она полагала, что Старк даже начнет потихонечку преображаться, принимая облик ее мужа.

И что потом? Долго ли ждать (при условии, что Старк оставит их всех в живых и уберется восвояси), пока первые язвы появятся на лице *Тэда*?

Лиз думала, что недолго. И она сильно сомневалась, что Старк проявит участие и постарается уберечь *Тэда* от разложения заживо, так что в конечном итоге он распадется на части и превратится в ничто, растеряв все счастливые мысли уже навсегда.

Лиз надела туфли и принялась убирать кухню после раннего ужина близнецов. *Ты — мерзавец*, думала она, вытирая разделочный стол и наполняя раковину горячей водой. *Это ТЫ — псевдоним, это ТЫ — захватчик, ТЫ, а не мой муж*. Она добавила в раковину немного жидкости для мытья посуды и пошла в гостиную — посмотреть, как там Уэнди. Малышка ползала по полу, возможно, в поисках братика. За стеклянными раздвижными дверями предвечернее солнце высвечивало золотую дорожку на голубой воде озера Касл.

Ты не отсюда, это не твой мир. Ты — чудовище. Гнусная тварь, оскорбление взгляда и разума.

Она взглянула на диван, под которым лежал большой острый нож. До него будет легко дотянуться.

Но я могу это исправить. И если Бог мне поможет, я это ИСПРАВЛЮ.

9

Запах Старка сделался уже совсем невыносимым — Алану казалось, что его сейчас вырвет, но он очень старался, чтобы в его голове этого не проявилось.

— Шейла, а Норрис Риджуик еще не вернулся?

Рядом с ним Старк снова принялся щекотать Уильяма револьвером 45-го калибра.

— Еще нет, Алан.

— Когда появится, передай ему, чтоб оставался за старшего. А пока пусть отдувается Клат.

— Но его смена...

— Да, я знаю. Его смена закончилась. Придется городу оплатить сверхурочные, и Китон с меня шкуру спустит за это, но ничего не поделаешь. Я застрял здесь с нерабочей рацией, на драндулете, который глохнет каждые три секунды. Я звоню из дома Бомонтов. Полицейские штата хотели, чтобы я все здесь проверил, но это уже перебор.

— М-да, невесело. С кем-нибудь надо связаться? С полицией штата?

Алан вопросительно взглянул на Старка, который, казалось, был целиком поглощен игрой с малышом, смеявшимся и вертевшимся у него на руках. Старк рассеянно кивнул.

— Да. Позвони в оксфордское управление. Думаю, я сейчас перехвачу что-нибудь в здешней закусочной, потом вернусь и проверю все еще раз. Это если мотор заведется. Если нет, тогда, может, придется ограбить кладовку Бомонтов. Кстати, сделал одно интересное наблюдение. Запишешь, чтобы не забыть?

Он скорее ощутил, чем увидел, как Старк напрягся. Ствол револьвера замер, уткнувшись в пупок Уильяма. Алан почувствовал, как у него по спине потекли струйки холодного пота.

— Конечно, Алан.

— Предполагается, что писатели — люди с воображением. Он мог бы придумать что-нибудь поинтереснее, чем прятать запасной ключ под дверной коврик.

Шейла Бригем рассмеялась.

— Ага, записала.

Ствол револьвера сдвинулся с места, и Уильям снова заулыбался. Алан слегка расслабился.

— Мне с кем из Оксфорда говорить? С Генри Пейтоном? — спросила Шейла.

— Да. А если его нет на месте, то с Дэнни Эймонсом.

— Поняла.

— Спасибо, Шейла. Это просто очередное дерьмо от полиции штата. Береги себя.

— Ты тоже, Алан.

Он медленно положил трубку и повернулся к Старку:

— Нормально?

— Вполне, — кивнул Старк. — Особенно мне понравилась эта деталь с ключом под ковриком. Маленький дополнительный штрих, который так оживляет рассказ.

— Что ж ты за сволочь такая, — сказал Алан. В сложившихся обстоятельствах сказать что-то подобное явно было не слишком мудро, и его самого удивила собственная злость.

Старк тоже его удивил. Он рассмеялся.

— Никто меня не любит, да, шериф Алан?

— Да, — сказал Алан.

— Ну ничего — я люблю себя за всех. В этом смысле я подлинный человек нового века. Самое главное, тут у нас все в порядке. Ну, мне так кажется. И все будет прекрасно. — Старк схватил телефонный провод и вырвал его из розетки.

— Да, наверное, — ответил Алан, хотя, честно сказать, сомневался. Намек был тонким — намного тоньше, чем представлял себе Старк, который, похоже, считал, что все копы к северу от Портленда являют собой сборище снулых кретинов. Дэн Эймонс из оксфордского управления скорее всего и не заметит ничего странного, если только кто-то из Ороно или Огасты не наскипидарит ему одно место. Но Генри Пейтон? Он сомневался, что Генри поверит, будто Алан по-быстрому глянул на дом предполагаемого убийцы Гомера Гамиша и спокойно пошел за куриными крылышками в местную забегаловку. Генри должен почуять неладное.

Глядя на то, как Старк щекочет малыша револьвером, Алан задумался, хочет он этого или нет, и с удивлением понял, что сам не знает.

— Что теперь? — спросил он Старка.

Старк сделал глубокий вдох и с явным удовольствием посмотрел на освещенный солнцем лес за окном.

— Пойдем спросим Бетти, не найдется ли в доме чего пожрать. Что-то я проголодался. Хорошо жить за городом, да, шериф Алан? Черт возьми!

— Ну пойдем. — Алан направился обратно в кухню, но Старк схватил его и удержал.

— Эта байда насчет глохнувшего мотора, — сказал он. — Она ведь ничего такого не значит, да?

— Нет, не значит, — ответил Алан. — Просто еще один... как ты это назвал? Дополнительный штрих для оживления рассказа. В этом году у нас у многих машин барахлят карбюраторы.

— Хорошо, если так, — проговорил Старк, пристально глядя на Алана мертвыми глазами. Гной, вытекавший из их внутренних уголков, был похож на густые крокодиловы слезы. — А то жаль будет сделать бо-бо кому-то из этих славных детишек лишь потому, что тебе взбрело в голову умничать. Тэд будет работать вполсилы, если узнает, что мне пришлось шлепнуть одного из его близнецов для того, чтобы ты не зарывался. — Он ухмыльнулся и ткнул стволом револьвера Уильяму под мышку. Тот захихикал и принялся извиваться. — Он такой милый и теплый. Прямо как котенок, да?

Алан тяжело сглотнул, в горле стоял даже не комок, а огромный сухой ком.

— Когда ты так делаешь, я жутко нервничаю.

— Вот и нервничай дальше, — улыбнулся Старк. — Рядом с такими, как я, вообще-то и полагается нервничать. Пойдем чего-нибудь перекусим, шериф Алан. И мне кажется, этот малец уже соскучился по сестричке.

Лиз подогрела Старку тарелку супа в микроволновке. Сначала она предложила ему замороженный готовый обед, но Старк покачал головой, улыбнулся, запустил руку в рот и выдернул зуб, который без всякого сопротивления выскочил из прогнившей десны.

Старк небрежно швырнул зуб в мусорную корзину. Лиз отвернулась. Ее губы были плотно сжаты, лицо застыло маской отвращения.

— Не волнуйся, — безмятежно проговорил он. — Скоро им станет лучше. Скоро *все* станет лучше. Папочка вот-вот придет.

Он еще не успел допить суп, когда минут через десять на «фольксвагене» Роули к дому подъехал Тэд.

Глава 25

СТАЛЬНАЯ МАШИНА

1

От шоссе номер 5 до летнего дома Бомонтов было около мили, но Тэд остановился, не проехав и десятой доли этого расстояния. Он смотрел и не верил своим глазам.

Повсюду были воробьи.

Каждая ветка, каждый валун, каждый участок открытого пространства — все усеяно воробьями. Это было похоже на бредовую галлюцинацию; словно целый кусок штата Мэн порос перьями. Дорога впереди просто исчезла. Исчезла в прямом смысле слова. Там, где она была раньше, теперь колыхалась безмолвная, плотная масса теснящихся воробьев. Деревья с обеих сторон бывшей дороги буквально гнулись под тяжестью птиц.

Где-то треснула ветка. Больше не раздавалось ни звука, кроме рева мотора «фольксвагена». Глушитель и в самом начале пути был полудохлым; а теперь, кажется, умер окончательно. Мотор трещал, и ревел, и время от времени издавал громкие хлопки, похожие на выстрелы.

лы. Его грохот уже давно должен был всполошить эту чудовищную стаю и поднять ее в воздух, но птицы не двигались с места.

Живой воробыный ковер начинался футах в десяти от того места, где Тэд остановил «фольксваген» и переключил упрямый рычаг на нейтральную передачу. Граница была такой четкой, словно ее провели по линейке.

Такой стаи птиц никто не видел уже много лет, подумал он. Наверное, с тех пор как истребили странствующих голубей в конце прошлого века... если вообще хоть когда-нибудь люди видели подобное. Это как в «Птицах» Дафны Дюморье.

Один воробей опустил на капот «фольксвагена» и, казалось, уставился прямо на Тэда. Во взгляде птицы Тэд ощутил пугающее, бесстрастное любопытство.

И как далеко они расселись? — подумал он. До самого дома? Если да, Джордж их видел... и за это придется дорого заплатить, если уже не заплачено. Но даже если они не добрались до дома, как мне добраться туда самому? Они не просто сидят на дороге; они И ЕСТЬ дорога.

Но он, конечно же, знал ответ. Если он собирается попасть домой, ему придется проехать по воробьям.

Нет, почти застонал внутренний голос. Нет, даже не думай. Воображение уже рисовало жуткие картины: хруст ломающихся тонких косточек, брызги крови, летящие из-под колес, мокрые комки перьев, прилипшие к шинам.

— Но мне надо проехать, — пробормотал он. — Мне надо проехать, и я проеду.

Его губы растянулись в дрожащей усмешке, лицо исказила гримаса яростной, полубезумной решимости. Сейчас он обрел жуткое сходство с Джорджем Старком. Он включил первую передачу и принялся вполголоса напевать «Джона Уэзли Хардинга». «Фольксваген» Роули запыхтел, едва не заглох, выдал три громких хлопка и покатился вперед.

Воробей слетел с капота, и у Тэда перехватило дыхание. Он ждал, что сейчас они все взмоют в небо, как это бывало в его видениях: огромная черная туча взвивается ввысь в сопровождении звуков, похожих на хлюпанье воды, выливающейся из перевернутой вверх дном бутылки.

Но вместо этого поверхность дороги перед носом «фольксвагена» зашевелилась и пришла в движение. Воробьи — по крайней мере некоторые из них — раступались, освобождая две узкие полосы...: точь-в-точь соответствующие ширине колес «фольксвагена».

— Господи, — прошептал Тэд.

А потом он оказался среди них. Из привычного мира, который Тэд всегда знал, он вдруг попал в чужой мир, населенный лишь этими стражами, охранявшими границу между страной живых и страной мертвых.

Вот где я сейчас, подумал он, медленно продвигаясь по двойной колее, которую для него освобождали птицы. *Я в стране живых мертвецов, и да поможет мне Бог.*

Проезд продолжал открываться. Перед машиной всегда было около двенадцати футов свободной дороги, и как только он проезжал это расстояние, впереди открывались следующие двенадцать футов. Днище «фольксвагена» проходило над птицами, теснившимися между двумя колеями, но, похоже, ничего страшного с ними не происходило; во всяком случае, в зеркале заднего вида Тэд не замечал ни одного мертвого воробья. Однако убедиться в этом было сложно, потому что воробьи мгновенно закрывали дорогу за ним, восстанавливая целостность плотного ковра из перьев.

Он чувствовал их запах — легкий, «рассыпчатый» запах, проникающий в грудь мелкой костяной мукой. Однажды, еще мальчишкой, он сунул лицо в мешок с сухим кроличьим пометом и глубоко вдохнул. Этот запах был похож на тот. Не противный, не грязный, но совершенно невыносимый. И совершенно чужой. Ему

вдруг стало тревожно от мысли, что эта гигантская масса птиц выбирает из воздуха весь кислород и что он задохнется, так и не добравшись до дома.

Теперь он стал различать легкое *чик-чирик*, доносившееся сверху, и представлял себе, как воробьи садятся на крышу «фольксвагена» и каким-то образом общаются друг с другом и направляют своих сородичей, подсказывая, когда надо убраться с дороги и открыть колею, а когда уже можно вернуться назад.

Он добрался до вершины первого холма и взглянул вниз, на долину, заполненную воробьями. Воробьи были повсюду, они заполняли собой весь пейзаж, превращая его в некий кошмарный птичий мир, недоступный человеческому воображению — и человеческому пониманию.

Тэд почувствовал, что теряет сознание, и со всей силы хлопнул себя по щеке. По сравнению с ревом мотора звук получился почти неслышным — *хлоп!* — но по поверхности моря из птиц прошла заметная рябь... рябь, похожая на дрожь.

Я не могу ехать дальше. Просто не могу.

Ты должен. Ты — тот, кто знает. Тот, кому принадлежат воробьи. Ты — провожатый.

И к тому же куда еще ехать? Он вспомнил, что говорил Роули: *Будь осторожен, Тадеус. Очень осторожен. Никто не может повелевать посланниками с того света. А даже если и может, то очень недолго.* Допустим, он попытается развернуться и поехать обратно к шоссе? Птицы открыли дорогу вперед... но Тэд сомневался, что они откроют дорогу назад. Почему-то он был уверен, что назад уже не повернуть. То есть попробовать можно, но последствия могут быть совершенно невыносимыми.

Тэд поехал вниз по склону... и воробьи освободили ему дорогу.

Остаток пути стерся из его памяти; как только поездка закончилась, все погрузилось в блаженное забытие.

Тэд помнил только, что всю дорогу твердил себе: *Это всего лишь ВОРОБЬИ... не тигры, не крокодилы, не пиранины... Это всего лишь ВОРОБЬИ!*

Да, всего лишь воробьи, но когда их так много, когда они повсюду — теснятся на каждой ветке, на каждом дереве, — рассудок отказывался это воспринимать. Рассудку становилось больно.

Примерно через полмили после холма Лейк-лейн сделала крутой поворот, и слева открылся вид на Школьный луг.. вот только Школьного луга не было. Весь Школьный луг почернел от воробьев.

Рассудку делалось больно.

Сколько же их? Сколько миллионов? Или все-таки миллиардов?

Еще одна ветка треснула и обломилась в лесу, издав звук, похожий на раскат грома вдали. Тэд проехал мимо дома Уильямсов, но теперь их коттедж был похож на живой холм, сложенный из воробьев. Тэд даже не заподозрил, что во дворе Уильямсов стояла машина Алана Пэнгборна; он видел лишь холмик из перьев.

Он проехал мимо дома Саддлеров. Мимо дома Массенбергов. Мимо дома Пейнов. Остальных он не знал или не мог вспомнить, как их зовут. А потом, за чetyреста ярдов до его собственного дома, воробьи резко закончились. Мир словно разделился надвое: вот тут еще сплошь воробьи, а на шесть дюймов дальше — ни одного. Как будто кто-то провел еще одну линию по линейке, ровно поперек дороги. Птицы расступились в стороны, открывая проезд, который теперь выходил на свободную дорогу.

Тэд выехал на открытый участок, резко затормозил, распахнул дверцу, нагнулся — и его вырвало прямо на дорогу. Он застонал и вытер рукой пот со лба. Впереди по обеим сторонам дороги виднелся самый обычный лес, слева между стволами деревьев проглядывали ярко-голубые отблески озера.

Тэд оглянулся и увидел у себя за спиной черный, безмолвный, застывший в ожидании мир.

Психопомпы, подумал он. И да поможет мне Бог, если что-то пойдет не так. Если Он вообще властен над этими птицами. Помоги, Боже, всем нам.

Он захлопнул дверцу и закрыл глаза.

Возьми себя в руки, Тэд. Ты прошел через все это не для того, чтобы теперь все испортить. Возьми себя в руки. Забудь о воробьях.

Как их забыть?! — взвыла еще одна часть сознания, растерянная, напуганная, балансирующая на грани безумия. — Я не могу их забыть! Не могу!

Но он сможет. И он забудет.

Воробьи ждали. Он тоже подождет. Надо просто дожидаться нужного времени. Он доверится собственной интуиции и поймет, когда это время настанет. Он сможет. Если не ради себя, то ради Лиз и близнецов.

Представь, что это история. Просто история, которую ты сочиняешь. И в этой истории нет никаких воробьев.

— Ладно, — пробормотал он. — Ладно, я постараюсь.

Он снова поехал вперед, напевая себе под нос «Джона Уэзли Хардинга».

2

Тэд заглушил двигатель «фольксвагена» — тот отключился, издав напоследок победный хлопок, — медленно выбрался из крошечной машины и потянулся. Джордж Старк, теперь державший на руках Уэнди, вышел на крыльцо навстречу Тэду.

Старк тоже потянулся.

Лиз, стоявшая рядом с Аланом, почувствовала, как крик рвется даже не из горла, а напрямую из головы. Больше всего на свете ей хотелось сейчас *не смотреть* на этих двоих мужчин, но она не могла отвести взгляд.

Как будто их было не двое. Как будто это один человек потягивался перед зеркалом.

Они были совсем не похожи — даже если не принимать во внимание быстрый распад тканей Старка. Тэд — худощавый и смуглый, Старк — широкоплечий и белокожий, несмотря на загар (то немногое, что от него еще оставалось). И все равно они были как зеркальное отражение друг друга. Сходство казалось особенно жутким как раз потому, что испуганный, протестующий взгляд не мог выделить ни одной схожей черты. Оно было скрыто глубоко между строк, но настолько реально, что буквально вопило о себе: те же движения ног, напряженные пальцы, впивающиеся в бедра, морщинки у глаз.

Они расслабились в одну и ту же секунду.

— Привет, Тэд, — сказал Старк чуть ли не робко.

— Привет, Джордж, — ровным голосом отозвался Тэд. — Как семья?

— Все в порядке, спасибо. Так ты согласен? Ты готов?

— Да.

У них за спиной, в направлении к шоссе № 5, треснула ветка. Взгляд Старка метнулся в ту сторону.

— Что это было?

— Ветка сломалась, — ответил Тэд. — Года четыре назад здесь был торнадо, Джордж. Он погубил много деревьев. Сухостой падает до сих пор. Ты сам знаешь.

Старк кивнул.

— Как сам, дружище?

— Нормально.

— А то вид у тебя неважный. — Взгляд Старка метался по лицу Тэда. Тэд чувствовал, что он пытается проникнуть внутрь, в его мысли.

— У тебя тоже видок не цветущий.

Старк рассмеялся, но это был невеселый смех.

— Да, пожалуй.

— Ты их не тронешь? — спросил Тэд. — Если я сделаю то, что ты хочешь, ты действительно ихпустишь?

— Да.

— Дай мне слово.

— Хорошо, — согласился Старк. — Даю слово. Слово южанина, а такими словами не разбрасываются.

Его фальшивый, почти карикатурный провинциальный акцент исчез без следа. Теперь он говорил с простым и пугающим достоинством. Двое мужчин смотрели друг на друга в свете предвечернего солнца, таком ярком и золотом, что он казался почти нереальным.

— Хорошо, — сказал Тэд, нарушив затянувшееся молчание, и подумал: *Он не знает. Он и вправду не знает. Воробы... они все еще скрыты от него. Эта тайна — моя.* — Хорошо. Договорились.

3

Пока Тэд со Старком стояли у двери, Лиз вдруг поняла, что ей представилась идеальная возможность рассказать Алану о ноже под диваном... но она ее упустила.

Или все-таки не упустила?

Она повернулась к Алану, но тут Тэд окликнул ее:

— Лиз?

Голос был резким. В нем прозвучала командная нотка, которую он применял в исключительно редких случаях, и все было так, словно он знал, что она собирается сделать... и не хотел, чтобы она это сделала. Конечно, этого быть не могло. Или могло? Лиз не знала. Она больше уже ничего не знала.

Она обернулась к Тэду и увидела, как Старк передает ему Уэнди. Тэд прижал малышку к себе. Уэнди обняла отца за шею точно так же, как раньше обнимала Старка.

Давай! — завопил внутренний голос. *Скажи ему! Крики, что надо бежать! Сейчас, пока близнецы у нас!*

Но Лиз понимала, что у Старка был револьвер и что от пули не убежишь. И она хорошо знала Тэда. Она никогда не сказала бы этого вслух, но ей вдруг пришло в голову, что он запросто мог бы запутаться в собственных ногах.

И вот Тэд оказался рядом, совсем рядом с ней, и Лиз уже не могла обманывать себя и притворяться, будто не понимает, что говорил его взгляд.

Не надо, Лиз. Это моя игра.

А потом он обнял ее свободной рукой, и вся семья замерла в неуклюжем, но жарком объятии.

— Лиз, — сказал Тэд, целуя ее холодные губы. — Прости меня, Лиз. Прости за все. Я не хотел, чтобы так получилось. Я не знал. Я думал, что это... безобидная шутка.

Она крепко прижала его к себе и принялась целовать, позволяя его губам согреть себя.

— Все хорошо, — прошептала она. — Все *будет* хорошо, да, Тэд?

— Да. — Он слегка отстранился, чтобы посмотреть ей в глаза. — Все будет хорошо.

Он поцеловал ее снова, а потом повернулся к Алану.

— Привет, Алан. — Он слегка улыбнулся. — Теперь вы поверили?

— Уже почти да. Сегодня я разговаривал с одним вашим старым знакомым. — Алан взглянул на Старка. — И с твоим тоже.

Старк приподнял брови — вернее, то, что от них осталось.

— Не думаю, что у нас с Тэдом есть общие друзья, шериф Алан.

— О, с этим парнем вы были знакомы достаточно близко, — сказал Алан. — На самом деле, однажды он вас убил.

— Вы о чем? — резко спросил Тэд.

— Я говорил с доктором Притчардом. Он очень хорошо помнит вас обоих. Видите ли, это была весьма

необычная операция. Когда вам удалили опухоль, это была никакая не опухоль. Это был *он*. — Алан кивнул на Старка.

— Вы о чем? — спросила Лиз, и ее голос дрогнул.

Алан пересказал им все, что узнал от Притчарда... умолчав только о том, как воробьи атаковали больницу. Он не стал говорить об этом, потому что Тэд ничего не сказал о воробьях... а по дороге сюда он должен был проезжать мимо дома Уильямсов. Это наводило на мысль о двух возможных вариантах: либо птиц уже не было, когда появился Тэд, либо Тэд не хотел, чтобы Старк о них знал.

Алан очень внимательно посмотрел на Тэда. *Что-то там у него в голове происходит. Есть какая-то мысль. Дай Бог, чтобы удачная.*

Когда Алан закончил, Лиз выглядела совершенно ошеломленной. Тэд кивал. Старк — от которого Алан ожидал самой бурной реакции из всех — воспринял все на удивление спокойно. Алан сумел разобрать лишь одно выражение на его распадающемся, подпорченном лице. Выражение человека, которого искренне позабыло то, что ему рассказали.

— Это многое объясняет, — сказал Тэд. — Спасибо, Алан.

— А мне оно ни черта не объясняет! — воскликнула Лиз так пронзительно, что близнецы захныкали.

Тэд посмотрел на Джорджа Старка.

— Ты — призрак, — сказал он. — Сверхъестественное существо. Получается, мы тут стоим и смотрим на призрака. Потрясающе, правда? Это не просто паранормальное явление; это, черт возьми, целая *эпопея*.

— Мне кажется, это не важно, — беззаботно проговорил Старк. — Расскажи им про Уильяма Берроуза, Тэд. Я хорошо помню эту историю. Конечно, я был внутри... но я слушал.

Лиз и Алан вопросительно посмотрели на Тэда.

— Ты знаешь, о чем он? — спросила Лиз.

— Конечно, знаю. У Айка и Майка, как водится, мысли сходятся.

Старк запрокинул голову и расхохотался. Близнецы прекратили хныкать и засмеялись вместе с ним.

— Отлично, дружище! Просто *отлично*!

— Я был... или, наверное, надо говорить «мы были»... на лекции Берроуза в тысяча девятьсот восемьдесят первом году. В Новой школе, в Нью-Йорке. После лекции, когда все задавали вопросы, какой-то парень спросил Берроуза, верит ли он в загробную жизнь. Берроуз ответил, что верит — мы все ею и живем.

— *Умный* дядька, — сказал Старк с улыбкой. — Стреляет паршиво, но умный — страшное дело. Теперь вам понятно? Понятно, почему это не важно?

Но это важно, подумал Алан, пристально глядя на Тэда. *Еще как важно. Об этом говорит лицо Тэда... и об этом же говорят воробьи, о которых ты ничего не знаешь.*

Алан подозревал, что знание Тэда было гораздо опаснее, чем тот себе представлял. Но возможно, это их единственный шанс. Он решил, что был прав, когда умолчал об окончании истории Притчарда... но все равно чувствовал себя как человек, стоящий на самом краю обрыва и пытающийся жонглировать горящими факелами, которых было как-то уж слишком много.

— Ладно, хватит болтать, — сказал Старк.

Тэд кивнул:

— Да, согласен. — Он посмотрел на Лиз и Алана. — Я не хочу, чтобы кто-то из вас попытался... ну... проявлять излишний героизм. Я сделаю то, что он хочет.

— Тэд! Нет! Не надо! — воскликнула Лиз.

— Тс-с. — Он приложил палец к ее губам. — Я уже все решил. Никаких фокусов, никаких спецэффектов. Его создали слова на бумаге, и только слова на бумаге избавят нас от него. — Он кивком указал на Старка. —

Думаешь, *он* точно знает, что все получится? Нет, он не знает. Он лишь надеется.

— Все верно, — сказал Старк. — *Надежда с нами даже в смертный час*^{*}.

Он рассмеялся. Это был совершенно безумный смех, и Алан понял, что Старк тоже жонглирует горящими факелами на краю обрыва.

Краем глаза Алан заметил какое-то внезапное движение. Он слегка повернул голову и увидел воробья, который опустился на перила террасы, идущей вдоль западной, сплошь стеклянной стены гостиной. К нему присоединился второй, потом — третий. Алан взглянул на Тэда и увидел, что тот тоже смотрит в том направлении. Он тоже заметил? Алан подумал, что да. Значит, он был прав. Тэд знал... но не хотел, чтобы узнал *Старк*.

— Сейчас мы с ним займемся писательством, немного поработаем, а потом распрощаемся, — сказал Тэд и перевел взгляд на распадающееся лицо Старка. — Мы ведь *так и поступим*, да, Джордж?

— Ты все правильно понимаешь.

— Скажи, пожалуйста, — обратился Тэд к Лиз, — ты что-то скрываешь? Ты что-то задумала? У тебя есть какой-то план?

Она в отчаянии смотрела в глаза мужа, даже не замечая, что Уильям и Уэнди держались за ручки и с восторгом таращились друг на друга, как давно потерявшиеся родственники, которые все-таки встретились.

Это же не всерьез, правда, Тэд? — вопрошали ее глаза. *Это просто такая хитрость, да? Хитрость, чтобы его обмануть, усыпить подозрения?*

Нет, отвечал взглядом Тэд. *Все всерьез. Я так хочу.*

И в его глазах было что-то еще. Ведь оно было, да? Что-то, спрятанное так глубоко, что, наверное, это могла разглядеть только Лиз?

^{*} А. Поуп. Опыт о человеке. Перевод В. Микушевича.

*Я с ним разберусь, солнышко. Я знаю как. Я смогу.
Ох, Тэд, я надеюсь, ты прав.*

— Там нож, под диваном, — медленно проговорила она, глядя ему в глаза. — Я взяла его на кухне, когда Алан и... и он... говорили по телефону в прихожей.

— *Господи, Лиз!* — закричал Алан так, что близнецы даже вздрогнули. На самом деле он был вовсе не настолько расстроен, как хотел показать. Он уже понял, что эта история так или иначе закончится, но это вовсе не значит, что им всем придется участвовать в ее завершении. Тэд должен сделать все сам. Он сотворил Старка; и ему же придется его уничтожить.

Лиз посмотрела на Старка и увидела, как он скалится все в той же мерзкой усмешке.

— Я знаю, что делаю, — сказал Тэд. — Честное слово, Алан. Лиз, достань нож и выкини его с террасы.

У меня тоже есть роль в этом спектакле, подумал Алан. Роль совсем маленькая, но вспомни, что вам говорили в школьном драмкружке. Нет маленьких ролей, есть маленькие актеры.

— Вы считаете, он нас отпустит? Просто возьмет и отпустит? — недоверчиво спросил Алан. — А сам ускачет в поля, радостно тряся хвостиком, как барашек Мэри? Да вы псих ненормальный!

— Конечно, я псих, — ответил Тэд и рассмеялся. Его смех был до жути похож на смех Старка — смех человека, танцующего на краю пропасти. — *Он же псих, а он появился у меня из головы, разве нет? Как какой-то дешевый демон из лба третьеразрядного Зевса. Но я знаю, как надо.* — Он повернулся и впервые за все это время посмотрел на Алана в упор. — *Я знаю, как надо,* — медленно и с нажимом повторил он. — Лиз, я жду.

Алан неодобрительно хмыкнул и повернулся к ним спиной, как бы отгородившись от всех.

Медленно, словно во сне, Лиз подошла к дивану, опустилась на колени и выудила нож.

— Осторожнее с этой штукой. — Голос Старка звучал очень встревоженно, очень серьезно. — Твои дети сказали бы тебе то же самое, если б умели говорить.

Она обернулась, убрала волосы с лица и увидела, что Старк держит на мушке Тэда с Уильямом.

— Я и так осторожно! — проговорила она напряженным, дрожащим голосом на грани слез. Она распахнула дверь стеклянной стены и вышла на террасу. На перилах сидело уже с полдюжины воробьев. Когда Лиз подошла, они раздвинулись в обе стороны, разделившись на две группки по три птицы в каждой, но не улетели.

Алан увидел, как Лиз на секунду замялась, задумчиво глядя на воробьев. Она держала нож двумя пальцами за рукоятку, и его острие указывало вниз, словно грузик отвеса. Алан взглянул на Тэда. Тот напряженно смотрел на жену. В последнюю очередь Алан взглянул на Старка.

Старк внимательно наблюдал за Лиз, но на его лице не отражалось ни удивления, ни подозрений, и внезапно в голове Алана Пэнгборна мелькнула безумная мысль: *Он их не видит! Он не помнит, что написал на стенах в квартирах, и сейчас он не видит воробьев! Он не знает, что они здесь!*

А потом он вдруг понял, что Старк смотрит прямо на него, смотрит пристально и настороженно.

— Ты чего на меня уставился? — спросил Старк.

— Хочу запомнить, как выглядит настоящий урод, — ответил Алан. — Может, когда-нибудь расскажу внукам.

— Если не будешь следить за своим долбаным языком, тебе уже не придется волноваться за внуков, — сказал Старк. — Вообще не придется. И прекращай на меня тарашиться. Это неблагоразумно.

Лиз швырнула нож через перила. И, услышав, как он приземлился в кустах в двадцати пяти футах внизу, расплакалась.

4

— Пойдемте наверх, — сказал Старк. — Там, наверху, кабинет Тэда. Как я понимаю, тебе нужна пишущая машинка, да, дружище?

— В этот раз нет, — ответил Тэд. — А то ты не знаешь!

Растрескавшиеся губы Старка растянулись в еле заметной улыбке.

— А я должен знать?

Тэд указал на карандаши в своем нагрудном кармане.

— Вот чем я пользуюсь, когда хочу выйти на связь с Алексисом Машиной и Джеком Рэнгли.

Старк выглядел до смешного польщенным.

— Да, все верно. Наверное, я просто подумал, что в этот раз ты захочешь сделать по-другому.

— Никаких «по-другому», Джордж.

— У меня тоже есть, — сказал Старк. — Три коробки. Шериф Алан, не в службу, а в дружбу, сгоняй к моей тачке и притащи их сюда. Они в бардачке. А мы тут приглядим за малышами. — Он посмотрел на Тэда, рассмеялся своим безумным смехом и покачал головой. — Ах ты, старый пес!

— Все правильно, Джордж, — отозвался Тэд. — Я старый пес. Да и ты тоже. А старых псов новым фокусам не научишь.

— А ты, я смотрю, бьешь копытом, дружище. Что бы ты ни говорил, но тебе самому *не терпится* начать. Я по глазам вижу. Ты этого *хочешь*.

— Да, — просто ответил Тэд, и Алан подумал, что он не соврал.

— Алексис Машина, — сказал Старк. Его желтые глаза загорелись.

— Все верно, — ответил Тэд. Его глаза тоже горели. — «Режь его, а я посмотрю».

— Точно! — воскликнул Старк и рассмеялся. — «Хочу увидеть, как льется кровь. Не заставляй меня повторять дважды».

Теперь они оба расхохотались.

Лиз перевела взгляд с Тэда на Старка, потом опять посмотрела на мужа и вдруг побледнела, потому что уже не могла их различить.

Внезапно край пропасти стал еще ближе.

5

Алан пошел за карандашами. Он сунулся в машину лишь на мгновение, но ему показалось, что он пробыл там целую вечность, и страшно обрадовался, когда выбрался обратно. В салоне стоял непонятный противный запах, от которого Алану стало дурно. Как будто он заглянул на чердак, где кто-то разлил бутылку хлороформа.

Если это запах снов, подумал Алан, *лучше спать без сновидений.*

Держа в руках три коробки с бероловскими карандашами, он на миг задержался у черной машины и посмотрел на подъездную дорожку.

Воробьи прилетели.

Дорожка исчезла под ковром из птиц. И они все прибывали и прибывали. Лес, подступавший к участку, тоже наполнился воробьями. Они прилетали, садились и смотрели на Алана. Ужасающе безмолвная масса птиц, живая загадка.

Они пришли за тобой, Джордж, подумал он и зашагал к дому, но на полпути резко остановился, потому что в голове мелькнула уже совсем скверная мысль.

Или они пришли за нами?

Алан обернулся и долго смотрел на птиц, но они не открыли ему свою тайну, и он вошел в дом.

6

— Все наверх, — скомандовал Старк. — Шериф Алан, ты идешь первым. Заходишь в гостевую спальню, видишь там стеклянный шкафчик с фотографиями, стеклянными пресс-папье и всякими безделушками.

Нажимаешь на левую сторону шкафчика, он провернется на центральной оси. И откроет проход в кабинет Тэда.

Алан взглянул на Тэда, и тот кивнул.

— Черт, а ты хорошо знаешь дом, — сказал Алан. — Для человека, который здесь никогда не бывал.

— Но я здесь бывал, — мрачно ответил Старк. — И не раз. В моих снах.

7

Через две минуты они все собрались перед удивительной дверью в маленький кабинет Тэда. Стекланный шкафчик был повернут боком, открывая два прохода в комнату, отделенную от гостевой спальни толщиной шкафа. Там не было окон; Тэд однажды сказал Лиз, что если прорубить в кабинете окно на озеро, то никакой работы не будет — он напишет два слова, а потом два часа станет таращиться в это чертово окно на проплывающие мимо лодки.

Лампа с гибкой ножкой и яркой галогеновой лампочкой отбрасывала круг белого света на письменный стол, за которым бок о бок стояли офисное кресло и складной походный стул. На столе в круге белого света лежали два чистых блокнота, а на каждом блокноте — по остро заточенному бероловскому карандашу «Черный красавец». Электрическая пишущая машинка, которой Тэд иногда пользовался здесь, была выдернута из розетки и задвинута в угол.

Тэд сам принес складной стул из кладовки в прихожей, и в кабинете теперь ощущалась раздвоенность, которая одновременно пугала Лиз и производила весьма неприятное, отталкивающее впечатление. В каком-то смысле это была еще одна вариация зеркального отражения, которое она наблюдала, когда Тэд приехал сюда. Два стула там, где всегда был один; два набора

письменных принадлежностей, где должен быть только один. Пишущий инструмент, который ассоциировался у Лиз с

(лучшим)

нормальным «я» Тэда, отключен и отодвинут в сторону. А когда они уселись за стол, Старк — в кресло Тэда, а Тэд — на складной стул, ощущение дезориентации стало настолько сильным, что Лиз чуть не сделалось дурно.

У обоих на коленях сидело по близнецу.

— Сколько у нас есть времени, пока кто-нибудь не заподозрит неладное и не решит проверить это место? — спросил Тэд Алана, стоявшего у двери рядом с Лиз. — Скажите честно и как можно точнее. И верьте мне, когда я говорю, что это наш единственный шанс.

— Тэд, *посмотри* на него! — в отчаянии выкрикнула Лиз. — Ты разве не видишь, что с ним происходит? Он хочет, чтобы ты не просто помог ему написать книгу! Он хочет забрать твою *жизнь*! Неужели ты *не видишь*?!

— Тс-с, — сказал он. — Я знаю, чего он хочет. Думаю, с самого начала знал. Это единственный способ. Я знаю, что делаю. Так сколько, Алан?

Алан задумался. Он сказал Шейле, что заедет поесть, а потом снова вернется на озеро, и звонил он недавно, так что она забеспокоится еще не скоро. Если бы Норрис Риджуик был на месте, возможно, дело пошло бы быстрее.

— Может, пока жена не позвонит и не спросит, где я, — сказал он. — Может, больше. Она не вчера стала женой полицейского. Ей не привыкать к долгим часам ожидания и одиноким ночам. — Ему не нравилось то, что он сейчас говорил. В эту игру надо было играть совершенно не так; на самом деле в эту игру надо было играть прямо противоположно.

Но взгляд Тэда заставил его говорить именно так. Старк, казалось, вообще не слушал; он взял каменное пресс-папье, лежавшее поверх стопки неровно сложен-

ных листов старой рукописи в углу стола, и принялся вертеть его в руках.

— Думаю, как минимум часа четыре, — сказал Алан, а потом неохотно добавил: — Или даже вся ночь. Я оставил за главного Энди Клаттербака, а Клат уж точно не Юный Всезнайка. Если кто и поднимет всех на уши, так это, возможно, тот парень, Харрисон, от которого вы оторвались... или один мой знакомый из оксфордского полицейского управления. Его зовут Генри Пейтон.

Тэд посмотрел на Старка:

— Нам столько хватит?

Глаза Старка, блестящие самоцветы в разрушенной оправе лица, казались отрешенными, затуманенными. Перевязанная рука рассеянно играла с пресс-папье. Он положил его на место и улыбнулся Тэду.

— А ты как думаешь? Ты знаешь столько же, сколько я сам.

Тэд задумался. *Мы оба знаем, о чем говорим, но я сомневаюсь, что кто-то из нас сможет выразить это словами. На самом деле мы здесь занимаемся не писательством. Писательство — это лишь ритуал. Речь идет о передаче некоей эстафетной палочки. Об обмене силой. Или, вернее, о выкупе: жизнь Лиз и близнецов в обмен на... что? На что именно?*

Хотя он, конечно же, знал. Было бы странно не знать, ведь он не так уж давно размышлял об этом. Старк хотел получить его *глаз* — нет, не просто хотел получить, а настоятельно требовал. Этот странный третий глаз в глубине его мозга, способный смотреть только внутрь.

Он снова почувствовал тот шевелящийся зуд под кожей и поборол его усилием воли. *Не надо подсматривать, Джордж. Так нечестно. У тебя есть оружие, а у меня — только стая маленьких птичек. Так что не надо подглядывать.*

— Я думаю, хватит, — сказал он. — Мы ведь узнаем, когда это произойдет?

— Да.

— Это как на качелях. Один конец поднимается вверх... а другой опускается вниз.

— Тэд, что ты скрываешь? Что ты скрываешь от меня?

На мгновение в комнате воцарилась напряженная, словно наэлектризованная тишина, и кабинет вдруг сделался слишком тесным для заряда эмоций, переполнивших все пространство.

— Я мог бы задать тебе тот же вопрос, — наконец отозвался Тэд.

— Я ничего не скрываю, — медленно проговорил Старк. — Все мои карты открыты. Скажи мне, Тэд. — Его холодная гниющая рука обхватила запястье Тэда с неумолимой силой стального наручника. — *Что ты скрываешь?*

Тэд заставил себя посмотреть Старку в глаза. Теперь шевелящийся под кожей зуд был повсюду, но его средоточие находилось в ране на руке.

— Так ты хочешь сделать эту книгу или нет? — спросил он.

В первый раз Лиз увидела, как Старк изменился в лице. Изменилось не выражение лица, а что-то *внутри*. Внезапно в нем проявилась какая-то неуверенность. И еще страх? Может быть. А может быть, и нет. Но даже если и нет, он все равно был где-то рядом и ждал своего часа.

— Тэд, я приехал сюда не затем, чтобы сопли жевать.

— Значит, соображай *сам*, — сказал Тэд.

Лиз слышала, как кто-то судорожно вздохнул, и только потом поняла, что это она сама.

Старк быстро взглянул на нее и повернулся обратно к Тэду.

— Не шути со мной, Тэд, — тихо произнес он. — Со мной шутки плохи, дружище.

Тэд рассмеялся. Это был холодный, отчаянный смех... но не без нотки веселья. В этом смехе звучало веселье, и Лиз услышала в нем Джорджа Старка, точно так же, как видела Тэда Бомонта в глазах Старка, когда тот играл с близнецами.

— А почему бы и нет, Джордж? Я знаю, что мне терять. Тут мои карты тоже открыты. Так ты хочешь книгу писать или будем болтать?

Старк надолго задумался, мрачно глядя на Тэда, потом сказал:

— Ладно, хрен с ним. Приступаем к работе.

Тэд улыбнулся:

— Почему бы и нет?

— Вы с копом свободны, — сказал Старк Лиз. — Теперь остаются одни мальчишки. И занимаются делом.

— Я возьму малышей, — услышала Лиз свой собственный голос, а Старк рассмеялся.

— Очень смешно, Бет. Ха-ха. Дети — моя страховка. Как защита от записи на дискете, да, Тэд?

— Но... — начала было Лиз.

— Все в порядке, — перебил ее Тэд. — С ними все будет в порядке. Джордж за ними присмотрит, пока я буду работать. Он им нравится. Ты заметила?

— Конечно, заметила, — тихо проговорила она с ненавистью в голосе.

— Только не забывай, что они здесь, у нас, — сказал Старк Алану. — Имей это в виду, шериф Алан. И ничего не выдумывай. Если попробуешь что-то такое затеять, здесь будет покруче Джонстауна. Нас всех вынесут вперед ногам. Тебе понятно?

— Понятно, — сказал Алан.

— И закройте дверь, когда будете уходить. — Старк повернулся к Тэду. — Пора.

— Да. — Тэд взял карандаш. Потом повернулся к Алану и Лиз, и с лица Тэда Бомонта на них взглянули глаза Джорджа Старка. — Все, выметайтесь.

8

На середине лестницы Лиз остановилась. Алан едва не налетел на нее. Она смотрела на улицу через стеклянную стену гостиной.

Мир переполнился птицами. Они покрывали собой всю террасу; склон, ведущий к озеру, почернел от воробьев; небо над озером потемнело, сплошь затянутое воробьями, и новые стаи все прибывали и прибывали к летнему дому Бомонтов с запада.

— О Боже, — выдохнула Лиз.

Алан схватил ее за руку.

— Тише. А то он услышит.

— Но что...

По-прежнему крепко держа ее за руку, Алан помог ей спуститься по лестнице. Когда они оказались в кухне, он рассказал Лиз окончание истории, которую услышал от доктора Притчарда сегодня днем, тысячу лет назад.

— И что это значит? — прошептала она. Ее лицо было даже не бледным, а серым. — Алан, мне страшно.

Он обнял ее за плечи, осознавая, какой ужас должна испытывать Лиз, если даже он, мужчина, напуган до полусмерти.

— Не знаю, — сказал он. — Но знаю, что они здесь потому, что их позвал либо Тэд, либо Старк. Я почти уверен, что Тэд. Потому что он должен был видеть их по дороге сюда. Он их видел, но ничего не сказал.

— Алан, он уже не тот, что прежде.

— Я знаю.

— Что-то в нем любит Старка. Любит его... черноту.

— Я знаю.

Они подошли к окну у столика с телефоном в прихожей и выглянули наружу. Воробьи покрывали всю подъездную дорожку, и лес, и небольшое пространство вокруг сарая, где так и лежал «винчестер» 22-го калибра. «Фольксваген» Роули полностью скрылся под ними.

Однако на черном «торонадо» Старка не было ни одного воробья. И вокруг машины оставалось немного пустого пространства, словно ее очертили невидимым кругом и подвергли карантину.

Один воробей с глухим стуком ударился о стекло. Лиз тихонечко вскрикнула. Остальные птицы беспокойно зашевелились — словно волна прокатилась по склону холма, — а потом снова затихли.

— Даже если их позвал Тэд, — сказала Лиз, — он может и не использовать их против Старка. В нем есть что-то безумное, Алан. И *всегда было*. Он... ему это нравится.

Алан ничего не ответил, хотя тоже об этом знал. Он это чувствовал.

— Это как дурной сон, — сказала она. — Мне бы хотелось проснуться. И чтобы все стало как прежде. Не так, как было до Клоусона; а так, как было до *Старка*.

Алан кивнул.

Она повернулась к нему:

— И что теперь делать?

— Теперь самое сложное, — ответил он. — Ждать.

9

Казалось, этот вечер вообще никогда не закончится. Небо медленно чернело, истекая светом, пока солнце садилось за горы на западной стороне озера, протянувшиеся до самого Нью-Хэмпшира, где они сливались с Президентским хребтом.

Последние стайки воробьев подлетели к дому и присоединились к общей стае. Алан и Лиз чувствовали их над головой, на крыше — целый курган из воробьев, — но молчали. И ждали.

Когда они перемещались по комнате, их головы сами собой поворачивались, словно антенны радаров, ловящие сигнал. Они прислушивались к тому, что происходит

в кабинете, но оттуда не доносилось ни звука, и это было страшнее всего. Лиз не слышала даже лепета и бормотания близнецов. Она надеялась, что они заснули, но никак не могла заглушить внутренний голос, который упрямо твердил, что Старк убил их обоих — и Тэда тоже.

Бесшумно.

Своей острой бритвой.

Она убеждала себя, что если бы что-то такое случилось, воробьи сразу узнали бы и наверняка что-то сделали. Это слегка помогало, но именно что слегка. Воробьи были огромным, сводящим с ума неизвестным, окружившим дом. Бог знает, что они сделают... и когда.

Сумерки постепенно сгущались, сдаваясь ночной темноте.

Алан вдруг резко проговорил:

— Если это затянется, они поменяются местами, да? Тэд заболеет... а Старк начнет выздоравливать.

Лиз так испугалась, что едва не уронила чашку с кофе, которую держала в руке.

— Да. Думаю, да.

Где-то на озере закричала гагара — это был одинокий, исполненный боли крик. Алан подумал о двух парах близнецов наверху: одни, наверное, спали, а другие сошлись в некоей страшной битве в слившейся воедино тусклой мгле их общего воображения.

Птицы снаружи лишь наблюдали и ждали в сгущавшихся сумерках.

Качели качаются, подумал Алан. *Сторона Тэда поднимается вверх, сторона Старка опускается вниз*. Там наверху, за дверью, открывающей два прохода, начались перемены.

Скоро все кончится, подумала Лиз. *Так или иначе*.

И тут же, словно причиной тому была эта самая мысль, она услышала, как снаружи поднялся ветер —

странный, шелестящий ветер. Но поверхность озера оставалась ровной и гладкой, как стекло.

Лиз поднялась, широко распахнула глаза и схватилась руками за горло, глядя на улицу сквозь стеклянную стену. *Алан*, попыталась позвать она, но голос пропал. Впрочем, это теперь уже не имело смысла.

Сверху донесся странный и жуткий свистящий звук, будто кто-то дунул в неисправную флейту. Старк резко выкрикнул:

— Тэд? Что ты делаешь? *Что ты делаешь?*

Послышался короткий хлопок, похожий на выстрел из игрушечного пистолета с пистонами. Секундой позже расплакалась Уэнди.

А снаружи, в сгушавшемся сумраке, миллионы воробьев били крыльями, готовясь взлететь.

Глава 26

ВОРОБЬИ ЛЕТАЮТ

1

Когда Лиз закрыла за собой дверь, оставив мужчин одних, Тэд открыл свой блокнот и секунду просто смотрел на чистую страницу. Потом взял один из заточенных бероловских карандашей.

— Я начну с торта, — сказал он Старку.

— Да. — На лице Старка отразилось что-то похожее на нетерпеливое рвение. — Это правильно.

Тэд поднес карандаш к чистой странице. Это мгновение — перед началом первой фразы — всегда самое лучшее. Как будто ты приступаешь к хирургической операции, в конце которой пациент почти всегда умирает, но ты все равно оперируешь. Потому что не можешь иначе. Потому что ты создан для этого. Только для этого.

Просто помни, подумал он. Помни, что ты делаешь.

Но какая-то часть его существа — та часть, которая и вправду хотела написать «Стальную Машину», — запротестовала.

Тэд склонился над блокнотом и принялся заполнять пустое пространство.

СТАЛЬНАЯ МАШИНА

Джордж Старк

Глава 1. Свадьба

Алексис Машина был человеком неприхотливым и редко когда привередничал, а чтобы привередничать в такой ситуации, как сейчас, — так это вообще небывалое дело. И тем не менее ему в голову пришла мысль: Из всех людей на Земле — сколько их там? пять миллиардов? — я единственный, кто в данный момент стоит внутри движущегося свадебного торта с полуавтоматическим «хеклером и кошом 223» в руках.

Никогда еще он не оказывался в таком тесном пространстве. Воздух испортился почти сразу, впрочем, он все равно бы не смог сделать глубокий вдох. Глазурь на «троянском торте» была настоящей, но под ней не было ничего, кроме тонкого слоя гипсокартона. Если сделаешь глубокий вдох, то жених и невеста, стоявшие на верхушке торта, могут и опрокинуться. Глазурь наверняка треснет, и...

Он писал почти сорок минут, набирая скорость по мере продвижения, его мозг постепенно наполнялся картинками и звуками свадебного банкета, который закончится с таким грохотом.

Наконец он отложил карандаш. Который совсем затупился.

— Дай сигарету, — сказал он.

Старк приподнял брови.

— Да, — сказал Тэд.

На столе лежала пачка «Пэлл-Мэлл». Старк вытряхнул одну сигарету, и Тэд ее взял. После стольких лет перерыва ощущение на губах было странным... сигарета казалась какой-то уж слишком большой. Но это было приятное ощущение. *Правильное.*

Старк чиркнул спичкой и поднес ее Тэду. Тот прикурил и глубоко затянулся. Дым беспощадно ударил в легкие — именно так, как надо. У Тэда сразу же закружилась голова, но ему это даже понравилось.

Теперь мне надо выпить, подумал он. Это первое, что я сделаю, когда все закончится. Если останусь в живых и не свалюсь с ног.

— Я думал, ты бросил, — сказал Старк.

Тэд кивнул:

— Я тоже так думал. Ну что сказать, Джордж? Я ошибался. — Он опять глубоко затянулся и выпустил дым из ноздрей. Потом пододвинул свой блокнот Старку. — Твоя очередь.

Старк склонился над блокнотом и прочитал последний абзац, написанный Тэдом; читать все ему было не нужно. Они оба знали, как развивался сюжет.

В доме Джек Рэнгли и Тони Уэстерман сидели на кухне, а Роллик уже должен был быть наверху. Все трое были вооружены полуавтоматическими штурмовыми винтовками «штайр» — вполне приличным оружием американского производства, — так что если кто-то из телохранителей, замаскированных под гостей, вдруг окажется слишком проворным, они поднимут такой огненный шквал, которого с лихвой хватит, чтобы прикрыть их отступление. Только дайте мне выйти из этого торта, — подумал Машина. — Больше я ни о чем не прошу.

Старк тоже закурил «Пэлл-Мэлл», взял один из своих карандашей, открыл свой блокнот... и вдруг замер. Он посмотрел на Тэда, и это был искренний взгляд.

— Мне страшно, дружище.

Тэда накрыло волной сочувствия — несмотря на все, что он знал о Старке. *Тебе страшно*, подумал он. *Конечно, страшно. Не боятся только совсем новички — те, кто лишь начинает. Проходят годы, и слова на бумаге не становятся темнее... но белое пространство уж точно становится все белее. Тебе страшно? Ну да. Надо быть совсем сумасшедшим, чтобы не бояться.*

— Понимаю, — сказал он. — Но ты знаешь, в чем суть. Единственный способ что-нибудь сделать — это взять и сделать.

Старк кивнул и склонился над своим блокнотом. Он еще дважды перечитал последний написанный Тэдом абзац... а потом начал писать.

Слова складывались в голове Тэда болезненно медленно.

Машина... никогда... не задумывался о том...

Долгая пауза, а потом — на одном дыхании:

...как себя чувствуют астматики, но если бы его спросили теперь...

Еще одна пауза, чуть короче.

...он бы вспомнил заказ Скоретти.

Старк перечитал, что написал, и взглянул на Тэда, словно не верил своим глазам.

Тэд кивнул:

— Очень неплохо, Джордж.

Он потрогал пальцем уголок рта, где вдруг ужалило болью, и нащупал свежую язву, открывшуюся на коже. Посмотрел на Старка и увидел, что точно такая же язва исчезла из уголка его рта.

Это происходит. Происходит на самом деле.

— Давай, Джордж, — сказал он. — Задай жару.

Но Старк уже снова склонился над своим блокнотом, и теперь он писал гораздо быстрее.

2

Старк писал почти полчаса. Наконец он вздохнул и с довольным видом отложил карандаш.

— Как хорошо, — тихо и торжествующе проговорил он. — Лучшее и не бывает.

Тэд взял блокнот и принялся читать, но в отличие от Старка он читал все. То, что он искал, начало появляться на третьей странице из девяти исписанных Старком.

Машина услышал какой-то скрежет и весь напрягся, его руки еще крепче стиснули «хеклера и воробья», но потом до него дошло, что происходит. Гости — человек двести, — собравшиеся за длинными столами под полосатым сине-желтым навесом, отодвигали складные воробьи по дощатому настилу, сделанному для того, чтобы уберечь лужайку от женских туфель на высоких воробьях. Гости устроили воробьиному торту оvation стоя.

Он не знает, подумал Тэд. Он вновь и вновь пишет слово «воробьи» и даже не подозревает об этом.

Он слышал, как воробьи шебуршатся на крыше, а близнецы, перед тем как заснуть, несколько раз поглядывали наверх, и он знал, что они тоже это заметили.

А Джордж нет.

Для Джорджа никаких воробьев не существовало.

Тэд вернулся к чтению. Слово встречалось все чаще и чаще, а в последнем абзаце уже начала проглядывать и целая фраза.

Позже Машина узнал, что воробьи летали, и единственными из тех, кто еще слушался его приказов и оставался его верными воробьями, были Джек Рэнгли и Лестер Роллик. Все остальные воробьи, с которыми он летал десять лет, теперь снюхались с его врагами. Воробьи. И они полетели еще до того, как Машина успел крикнуть в свою рацию.

— Ну как? — спросил Старк, когда Тэд отложил блокнот. — Как тебе?

— Очень неплохо, — ответил Тэд. — Но ты и сам это знал, разве нет?

— Знал... но хотел услышать это от тебя, дружище.

— Да и выглядишь ты лучше.

И это была правда. Пока Джордж пребывал в яростном, жестоком мире Алексиса Машины, он стал исцеляться.

Язвы исчезали. Растрескавшаяся гниющая кожа вновь начала розоветь; края новой кожи срастались, закрывая заживающие язвы, а кое-где уже закрыли их полностью. Вновь показались брови, которые раньше скрывало месиво гниющей плоти. Струйки гноя, пропитавшие воротник рубашки Старка отвратительной мокрой желтизной, уже высыхали.

Тэд притронулся к язве, начавшей раскрываться на его левом виске, потом рассмотрел свои пальцы. Они были влажными. Он опять поднял руку и потрогал свой лоб. Кожа была гладкой. Маленький белый шрам, память об операции, которую он перенес в том году, когда началась его настоящая жизнь, исчез.

Один конец качелей поднимается вверх, а другой должен опуститься вниз. Просто еще один закон природы, мой мальчик. Просто еще один закон природы.

Интересно, снаружи уже стемнело? Тэд думал, что да — уже стемнело или вот-вот стемнеет. Он взглянул на часы, но это не помогло. Они остановились на без четверти пять. Впрочем, время не имеет значения. То, что он собирался сделать, надо делать уже совсем скоро.

Старк затушил сигарету в переполненной пепельнице.

— Хочешь продолжить или сделаем перерыв?

— А почему бы тебе не продолжить? — спросил Тэд. — Думаю, ты сумеешь.

— Да, — сказал Старк. На Тэда он не смотрел. Он не видел ничего, кроме слов, слов и слов. Он провел рукой по своим светлым волосам, к которым уже возвращался их прежний блеск. — Я тоже думаю, что сумею. На самом деле я это *знаю*.

Старк снова начал писать. Он на миг поднял взгляд, когда Тэд встал и пошел за точилкой, но потом снова уткнулся в блокнот. Тэд заточил карандаш так, что стержень стал острым, как иголка. Возвращаясь к столу, он достал из кармана птичий манок, который дал ему Роули. Зажав манок в кулаке, Тэд уселся за стол и уставился на свой блокнот.

Вот оно; время пришло. Он знал это так же доподлинно и так же точно, как знал на ощупь свое собственное лицо. Вопрос только в том, хватит ли ему духу исполнить задуманное.

В глубине души он не хотел делать этого; он все еще рвался писать книгу. Но он с удивлением понял, что это желание уже не настолько сильно, как в самом начале, когда Лиз с Аланом вышли из кабинета, и он думал, что знает почему. Происходило разделение. Что-то вроде бесстыдной пародии на рождение. Это была уже не его

книга. Алексис Машина перешел к тому, кому он принадлежал изначально.

По-прежнему крепко сжимая в левой руке птичий манок, Тэд склонился над своим блокнотом.

Я — провожатый, — написал он.

Неугомонное шебуршение птиц наверху вдруг затихло.

Я — тот, кто знает, — написал он.

Весь мир как будто застыл, прислушиваясь.

Я — тот, кому принадлежат воробьи.

Он остановился и взглянул на своих спящих детей.

Еще три слова, подумал он. Всего три слова.

И он понял, что хочет написать их больше, чем все слова, написанные им за всю жизнь.

Он хотел сочинять истории... но больше этих историй, больше чудесных картинок, которые ему иногда показывал третий глаз, он хотел быть свободным.

Еще три слова.

Он поднес левую руку ко рту и зажал в губах птичий манок, как сигару.

Не смотри на меня, Джордж. Не смотри на меня сейчас, не выглядывай из того мира, который ты создаешь. Не сейчас. Боже милостивый, не дай ему выглянуть в реальный мир.

На чистой странице своего блокнота он написал слово «ПСИХОПОМПЫ» — твердой рукой, заглавными буквами. Обвел его в кружок. Потом прочертил стрелку вниз, а под ней написал: «ВОРОБЬИ ЛЕТАЮТ».

Снаружи поднялся ветер — только это был не ветер, а шелест миллионов перьев. И он же зазвучал в голове Тэда. Внезапно его третий глаз широко распахнулся, так широко, как никогда прежде, и Тэд увидел Бергенфилд, штат Нью-Джерси, — пустые дома, пустынные улицы и бледное весеннее небо. Он увидел воробьев, повсюду. Их было много, чудовищно много. Мир, в котором он вырос, превратился в огромный вольтер для птиц.

Только это был не Бергенфилд.

Это был Эндсвиль.

Старк прекратил писать. Его глаза распахнулись во внезапной, запоздалой тревоге.

Тэд сделал глубокий вдох и дунул. Птичий манок, который дал ему Роули Делессепс, издал странный пронзительный свист.

— Тэд? Что ты делаешь? *Что ты делаешь?*

Старк попытался вырвать у Тэда манок. Но прежде чем он успел к нему прикоснуться, раздался громкий хлопок, и манок раскололся во рту у Тэда, поранив ему губы. Этот звук разбудил близнецов. Уэнди расплакалась.

Шелест крыльев снаружи превратился в рев.

Воробы летели.

3

Услышав плач Уэнди, Лиз бросилась к лестнице. Алан на мгновение замешкался у окна, замороженный тем, что происходило на улице. Земля, деревья, озеро, небо — все исчезло за плотной живой завесой из воробьев. Они взлетели все разом и затмили собой все окно, сверху донизу.

Когда первые птицы принялись биться в армированное стекло, Алан очнулся.

— *Лиз!* — закричал он. — Лиз, *ложись!*

Но она не собиралась ложиться; ее ребенок плакал, и она не могла думать ни о чем другом.

Алан бросился к ней, развив почти сверхъестественную скорость — у него тоже был свой маленький секрет, — и сбил ее с ног как раз в ту секунду, когда вся стеклянная стена взорвалась осколками под весом двадцати тысяч воробьев. За ними последовало еще двадцать тысяч, и еще двадцать тысяч, и еще. В мгновение ока воробы заполнили всю гостиную. Они были везде.

Алан навалился на Лиз сверху и, закрывая собой, за-тащил под диван. Мир наполнился пронзительным чириканьем воробьев. Отовсюду доносился звон бьющихся окон, всех окон в доме. Дом дрожал под ударами крошечных террористов-смертников. Алан выглянул из-под дивана и не увидел ничего, кроме колышущейся черно-коричневой стены.

Детекторы дыма начали включаться под натиском птиц. Где-то раздался чудовищный грохот — взорвался экран телевизора. Картины со звоном падали со стен. Из кухни донесся металлический лязг — это обрушились все кастрюли, висевшие на стене у плиты.

Но Алан все равно слышал, как плачут малыши, а Лиз кричит:

— Отпусти! Там мои дети! Отпусти! НАДО ЗАБРАТЬ ДЕТЕЙ!

Она ухитрилась выползти из-под него, высунулась из-под дивана, и в ту же секунду вся верхняя половина ее тела сплошь покрылась воробьями. Они путались у нее в волосах и бешено бились, пытаясь высвободиться. Она яростно отмахивалась от них. Алан схватил ее и за-тащил обратно. Сквозь взвихренную массу птиц, заполнивших все пространство, он сумел разглядеть широкую черную цепь воробьев, летящих над лестницей вверх, к кабинету.

4

Старк бросился на Тэда, когда первые птицы начали биться в потайную дверь в кабинет. Тэд слышал за стеной приглушенный грохот падающих пресс-папье и звон бьющегося стекла. Близнецы вопили во весь голос. Их крики сливались с исступленным чириканьем воробьев, создавая какую-то жуткую адскую гармонию.

— Прекрати! — заорал Старк. *— Прекрати, Тэд! Не знаю, какого дьявола ты затеял, но прекрати!*

Он попытался достать пистолет, но Тэд вонзил карандаш, который держал в руке, Старку в горло.

Кровь брызнула фонтаном. Старк повернулся к нему, давясь кровью и царапая пальцами горло. Карандаш дернулся вверх-вниз, когда Старк попытался сглотнуть. Потом он схватил карандаш и выдернул из раны.

— Что ты делаешь? — прохрипел он. — Что это?

Теперь он тоже слышал птиц; он не знал, что это такое, но он их слышал. Он уставился на закрытую дверь, и Тэд впервые увидел в его глазах подлинный ужас.

— Я пишу концовку, Джордж, — сказал он тихим голосом, которого не услышали ни Лиз, ни Алан. — Я пишу концовку в реальном мире.

— Хорошо, — сказал Старк. — Значит, напишем ее для нас всех.

Он повернулся к близнецам с окровавленным карандашом в одной руке и револьвером в другой.

5

На краю дивана лежал сложенный шерстяной плед. Алан потянулся за ним и тут же почувствовал, как в руку вонзилась дюжина раскаленных иголок.

— Черт! — крикнул он, отдернув руку.

Лиз все еще пыталась выбраться из-под него. Жуткий стрекочущий рев, казалось, заполнил собой всю Вселенную, и Алан уже не слышал близнецов... но Лиз Бомонт слышала. Она дергалась и извивалась, пытаясь сбросить с себя Алана. Он схватил ее левой рукой за ворот и услышал треск рвущейся ткани.

— *Подожди!* — заорал он, но это было бесполезно. Что бы он ни говорил, ее ничто не остановит, пока там наверху кричат ее дети. Энни вела бы себя точно так же. Алан снова высунул правую руку, на этот раз не обращая внимания на колющие ее клювы, и сдернул плед. Упав с дивана, тот развернулся. Из спальни донесся

оглушительный грохот упавшей мебели — возможно, это был комод. Совершенно растерянный и перегруженный впечатлениями разум Алана попытался представить, сколько нужно воробьев, чтобы опрокинуть комод, и не смог.

Сколько нужно воробьев, чтобы ввинтить лампочку? — мелькнула безумная мысль. *Три воробья, чтобы держать лампочку, и три миллиарда, чтобы вертеть дом!* Он издал сумасшедший смешок, а потом большая круглая люстра, висевшая под потолком, взорвалась, как бомба. Лиз закричала и на мгновение замерла, и Алану удалось набросить ей на голову плед. Потом он сам нырнул под него, но даже там они были не одни — с полдюжины воробьев оказались под пледом вместе с ними. Алан почувствовал, как крылья бьются рядом с его щекой, ощутил укол боли в левом виске и хлопнул себя по голове через плед. Воробей свалился ему на плечо и скатился на пол.

Алан рывком подтянул Лиз к себе и закричал ей на ухо:

— Сейчас мы *пойдем*! Мы *пойдем*, Лиз! Под пледом! Если ты попытаешься бежать, я тебя вырублю! Кивни, если ты поняла!

Она попыталась вырваться. Плед натянулся. Воробьи тут же принялись садиться на него сверху, подпрыгивать, как на батуте, и снова взлетать. Алан притянул Лиз обратно к себе, схватил за плечо и встряхнул. Встряхнул со всей силы.

— *Кивни, если ты поняла, черт возьми!*

Он почувствовал, как ее волосы щекотно скользнули по его щеке, когда она кивнула. Они выползли из-под дивана. Алан крепко держал Лиз за плечи, опасаясь, что она рванется бежать. Они начали медленно продвигаться к лестнице сквозь кишашую птицами комнату, сквозь взвихренные тучи кричащих воробьев. Под этим пледом они напоминали танцующую лошадку, как ее изобра-

жают ряженные на сельской ярмарке: Майк — голова, Айк — задние ноги.

Гостиная в доме Бомонтов была просторной, с высоким скошенным потолком, но сейчас в ней как будто вообще не осталось воздуха. Они шли сквозь подвижную, плотную, вязкую атмосферу из птиц.

Трешала и ломалась мебель. Птицы бились о потолок, стены, электроприборы. Весь мир грохотал и чирикал, весь мир пропах птицами.

Наконец они добрались до лестницы и начали медленно подниматься, по-прежнему прячась под пледом, уже усыпанным перьями и покрытым птичьим пометом. И как только они ступили на лестницу, в кабинете раздался выстрел.

Теперь Алан снова слышал близнецов. Они вопили во весь голос.

6

Когда Старк нацелил револьвер на Уильяма, Тэд повалился на стол и схватил пресс-папье, которое раньше вертел в руках Старк. Это был тяжелый кусок серо-черного сланца, ровный и плоский с одной стороны. За миг до того, как Старк выстрелил, Тэд со всей силы обрушил камень ему на запястье, сломав кость и отклонив ствол револьвера вниз. Грохот выстрела в маленькой комнате был оглушительным. Пуля вошла в пол буквально в дюйме от левой ножки Уильяма, щепки посыпались на его голубой спальный комбинезончик. Близнецы пронзительно завопили, и, сцепившись со Старком, Тэд успел увидеть, как они обнялись в спонтанном порыве защитить друг друга.

Гензель и Гретель, подумал он, а потом Старк вонзил карандаш ему в плечо.

Тэд заорал от боли и оттолкнул Старка. Тот споткнулся о стоявшую в углу пишущую машинку и ударился

спиной о стену. Он попытался переложить револьвер в правую руку... и уронил его.

Теперь грохот птиц, бившихся в дверь, напоминал непрестанные громовые раскаты, и дверь начала медленно поворачиваться, открывая проход. Воробей со сломанным крылом протиснулся в щель, упал и забился на полу.

Старк запустил руку в задний карман... и достал бритву. Он открыл ее зубами. Его глаза горели безумным огнем над стальным лезвием.

— Ты *этого* хочешь, дружище? — спросил он, и Тэд увидел, что его лицо вновь покрывается гниющей порчей. Разложение обрушилось мгновенно и сразу, как груз кирпичей, выпавшихся из кузова самосвала. — Правда хочешь? Ну ладно. Считай, что уже получил.

7

На середине лестницы Лиз и Алану пришлось остановиться. Они наткнулись на шелестящую, висевшую в воздухе стену птиц, сквозь которую было никак не пробиться. Воздух звенел и дрожал от бьющихся крыльев. Лиз закричала от страха и ярости.

Птицы не нападали на них; они просто мешали пройти. Казалось, что воробьи со всего света слетелись сюда, на второй этаж дома Бомонтов в Касл-Роке.

— *Вниз!* — крикнул Алан. — *Попробуем проползти под ними!*

Они упали на колени. Поначалу им еще удавалось продвигаться вперед, хотя это было не слишком приятно — приходилось ползти по хрустящему, кровавому ковру из воробьев толщиной дюймов восемнадцать, не меньше. Потом они снова наткнулись на живую стену. Выглянув из-под краешка пледа, Алан увидел невообразимую, не поддающуюся описанию картину. Смятые,

раздавленные воробьи покрывали ступеньки. Прямо на их бездыханных телах толпились — в несколько слов — еще живые, но уже обреченные птицы. А чуть выше, примерно в трех футах над лестницей, проходило что-то вроде забитого до отказа, самоубийственного коридора воздушного движения, воробьи рвались вперед, сшибались друг с другом и падали вниз. Одни поднимались и снова летели, другие корчились в месиве своих искалеченных сородичей со сломанными лапками или крыльями. Алан вспомнил, что воробьи не могут зависать в воздухе.

Наверху, с той стороны кошмарной живой стены, раздался крик.

Лиз схватила Алана и притянула.

— *Мы можем что-нибудь сделать?* — закричала она. — *Мы можем что-нибудь сделать?*

Он не ответил. Потому что ответ был нерадостным. Они не могли ничего.

8

Старк надвигался на Тэда, держа бритву в правой руке. Тэд отступал к медленно поворачивающейся двери, не отрывая глаз от лезвия. Он схватил со стола еще один карандаш.

— Это тебе не поможет, дружище, — сказал Старк. — Уже не поможет.

Он быстро глянул на дверь. Она открылась достаточно широко, и в проем ринулись воробьи, целая река воробьев... и эта река текла прямо на Джорджа Старка.

И уже через секунду его лицо исказилось от ужаса... и понимания.

— *Нет!* — закричал он и принялся отмахиваться от них бритвой Алексиса Машины. — *Нет, я не пойду! Я туда не вернусь! Вы меня не заставите!*

Он разрубил одного воробья точно напополам; тот упал на пол двумя бьющимися комочками. Старк рубил и кромсал воздух вокруг себя.

И Тэд вдруг понял,
(я туда не вернусь)
что здесь происходит.

Психопомпы, конечно, пришли проводить Джорджа Старка. Проводить его обратно в Эндсвилль; назад в страну мертвых.

Тэд уронил карандаш и бросился к близнецам. Все пространство наполнилось воробьями. Дверь открылась почти до конца; река разлилась, превратившись в неудержимый поток.

Воробьи садились на широкие плечи Старка. Садились ему на руки, на голову. Воробьи бились о его грудь, сначала — дюжинами, потом — сотнями. Он вертелся из стороны в сторону в облаке летящих перьев и бьющих клювов, стараясь отразить их убийственный натиск.

Они облепили всю бритву; зловещий блеск лезвия утонул в массе перьев.

Тэд взглянул на близнецов. Они перестали плакать. Они смотрели на кипящий, переполненный птицами воздух с одинаковым выражением изумления и восторга. Они держали ладошки вверх, словно проверяя, не идет ли дождь. Воробьи сидели на их растопыренных пальчиках... но не клевали.

Но Старка клевали. Еще как клевали.

Кровь извергалась из сотни ранок у него на лице. Одного голубого глаза уже не было. Воробей уселся на воротник его рубашки и вонзил клювик в дырку на горле, которую Тэд пробил карандашом. Воробей клюнул три раза — быстрое *тык-тык-тык*, словно из пулемета, — а потом Старк схватил его и смял, как фигурку живого origami.

Тэд припал к полу, склонившись над близнецами. Теперь птицы садились и на него тоже. Они не клевали; просто сидели.

И наблюдали.

Старк исчез. Превратился в живую, корчащуюся статую из птиц. Кровь сочилась сквозь теснящиеся крылья и перья. Снизу донесся скрипучий треск расколовшегося дерева.

Они пробились в кухню, подумал Тэд. У него мелькнула мысль о подведенных к плите газовых трубах, но она показалась далекой и совершенно неважной.

Теперь ему стали слышны какие-то вязкие, влажные шлепки — хлюпанье плоти, сдираемой с костей Джорджа Старка.

— Они пришли за тобой, Джордж, — услышал он свой собственный шепот. — Они пришли за тобой. И теперь помоги тебе Бог.

9

Алан снова почувствовал над головой свободное пространство и посмотрел наружу сквозь отверстия в плеле. Ему на щеку упал птичий помет. Алан вытер его рукой. Над лестницей было еще немало птиц, но все-таки уже значительно меньше. Большинство из тех, кто остался в живых, явно добрались туда, куда так стремились.

— Пойдем, — сказал он Лиз, и они снова двинулись вверх по лестнице, по чудовищному ковру из птичьих трупов. Они как раз выбрались на площадку на втором этаже, когда услышали крик Тэда:

— Так забирайте его! Забирайте! ЗАБИРАЙТЕ ОБРАТНО В АД, ГДЕ ЕМУ САМОЕ МЕСТО!

И шум крыльев стал ураганом.

10

Старк предпринял последнюю судорожную попытку освободиться. Бежать было некуда, скрыться негде, но он все равно попытался. Такова была его натура.

Покрывавшая его масса воробьев сдвинулась вместе с ним; гигантские, распухшие руки, облепленные перьями, крыльями и головами птиц, поднялись и ударили по туловищу, поднялись еще раз и скрестились на груди. Птицы, раненные и мертвые, посыпались на пол, и на мгновение Тэду открылась картина, которая будет преследовать его всю оставшуюся жизнь.

Воробьи пожирали Джорджа Старка заживо. Глаз больше не было; остались лишь темные пустые глазницы. Нос превратился в окровавленный лоскут. Кожа на лбу и почти все волосы были ободраны, и обнажилась поверхность черепа, покрытая мутной слизью. Воротник рубашки все еще болтался на шее, но сама рубашка исчезла. Ребра торчали из кожи белыми буграми. Птицы вспороли ему живот. Воробьи, сидевшие у него на ступнях, выжидающе смотрели вверх и дрались за его кишки, выпадавшие наружу рваными влажными клочьями.

И Тэд увидел кое-что еще.

Воробьи пытались поднять Старка. Они пытались его поднять... и очень скоро, когда они в достаточной мере уменьшат вес его тела, у них это получится.

— *Так забирайте его!* — закричал Тэд. — *Забирайте!*
ЗАБИРАЙТЕ ОБРАТНО В АД, ГДЕ ЕМУ САМОЕ МЕСТО!

Вопли Старка умолкли, когда его горло распалось под ударами сотен бешено бьющих клювов. Воробьи набились ему под мышки, и на мгновение его ноги приподнялись над кровавым ковром.

Старк поднял руки — то, что еще от них оставалось — и яростно ударил себя по бокам, сокрушив дю-

жину воробьев... но их место мгновенно заняли дюжины и дюжины других.

Треск ломающегося дерева справа от Тэда вдруг сделался громче. Взглянув в ту сторону, Тэд увидел, что восточная стена кабинета рвется, как папиросная бумага. Тысячи желтых клювов тут же пробились сквозь щели. Тэд схватил близнецов и закрыл их собой, выгнувшись над ними дугой. Наверное, в первый раз в жизни у него получилось такое стремительное и изящное движение.

Стена с грохотом рухнула внутрь, подняв облако пыли и щепок. Тэд закрыл глаза и еще крепче прижал к себе близнецов.

Больше он ничего не видел.

11

Но Алан Пэнгборн видел. И Лиз тоже видела.

Они высунулись из-под пледа, сбросив его на плечи, когда облако птиц над ними и вокруг них распалось на части. Лиз пробралась в гостевую спальню и приблизилась к открытой двери в кабинет. Алан двинулся следом.

Он заглянул в кабинет и поначалу не смог разглядеть ничего, кроме расплывчатой коричнево-черной тучи беснующихся воробьев. Но потом различил силуэт — кошмарный, раздувшийся силуэт. Это был Старк. Птицы покрывали его целиком, они пожирали его заживо, и все-таки он был еще жив.

Воробьи все прибывали и прибывали. Алан подумал, что их пронзительный писк сведет его с ума. А потом он увидел, что они делают.

— *Алан!* — крикнула Лиз. — *Алан, они его поднимают!*

Существо, некогда бывшее Джорджем Старком, — существо, теперь лишь отдаленно похожее на челове-

ка, — поднялось в воздух на подушке из воробьев. Оно двинулось через комнату, чуть не упало, потом вновь неуверенно поднялось. Оно приближалось к огромной дыре с рваными краями, зиявшей в восточной стене.

В дыру лился поток новых птиц; те, что еще оставались в гостевой спальне, ринулись в кабинет.

Плоть осыпалась с дергавшегося скелета Старка кошмарным дождем.

Тело выплыло наружу через дыру в стене. Вокруг него летали воробьи и на лету выдирали остатки волос.

Алан с Лиз пробрались в кабинет по ковру из мертвых птиц. Тэд медленно поднялся на ноги, держа в каждой руке по вопящему близнецу. Лиз подбежала, забрала у него детей и принялась ощупывать их, проверяя, нет ли ран.

— Все хорошо, — сказал Тэд. — Думаю, с ними все хорошо.

Алан подошел к рваной дыре в стене. Выглянув наружу, он увидел сцену из какой-то недоброй сказки. Небо почернело от птиц, но в одном месте чернота была *еще гуще*, словно кто-то пробил отверстие в ткани реальности.

Отверстие, имевшее очевидное сходство с корчащейся человеческой фигурой.

Птицы поднимали Старка все выше, выше и выше. Достигнув верхушек деревьев, они на мгновение как будто застыли в воздухе. Алану показалось, что он слышал пронзительный, нечеловеческий крик, вырвавшийся из самого центра этого черного облака. Потом воробьи снова пришли в движение. Это было похоже на фильм, запущенный в обратную сторону. Черные потоки воробьев вырывались наружу из разбитых окон; воробьи поднимались с подъездной дорожки, с деревьев, с изогнутой крыши «фольксвагена» Роули.

И все они устремлялись к той черной дыре.

Пятно черноты в форме человеческой фигуры снова сдвинулось... поднялось над деревьями... в темное небо... и там скрылось из виду.

Лиз сидела в углу, держа близнецов на коленях. Она укачивала малышей, успокаивала — хотя они больше не плакали. Они радостно таращились на ее измученное, залитое слезами лицо. Уэнди ласково погладила мать по щеке, словно пыталась утешить. Уильям поднял ручку, выхватил перышко из волос Лиз и принялся сосредоточенно его рассматривать.

— Его больше нет, — хрипло проговорил Тэд. Он подошел к Алану и встал рядом с ним у пролома в стене.

— Да, — отозвался Алан. Он вдруг расплакался, и сам не понял, как это случилось.

Тэд попытался приобнять его за плечи, но Алан отстранился. Мертвые тела воробьев захрустели у него под ногами.

— Сейчас все пройдет, — сказал он.

Тэд снова выглянул в темноту за рваной дырой в стене. Оттуда вылетел воробей и уселся ему на плечо.

— Спасибо, — сказал ему Тэд. — Спаси...

Воробей клюнул его, клюнул внезапно и сильно — под глазом осталась кровотокающая ранка.

Потом воробей улетел и присоединился к своим сородичам.

— Почему он так сделал? — изумленно спросила Лиз. — Почему?

Тэд не ответил, хотя, кажется, знал ответ. И Роули Делессепс тоже знал. То, что сейчас произошло, было волшебством... но не как в сказке. Возможно, этим последним воробьем управляла некая сила, считавшая, что Тэду надо об этом напомнить. Обязательно напомнить.

Будь осторожен, Тадеус, — никто не может повелевать посланниками с того света. А даже если и может, то очень недолго. И за это всегда надо платить.

Какую цену придется заплатить мне? — совершенно спокойно подумал он. А потом: И когда будет предъявлен счет?

Но это вопрос для другого раза, для другого дня. И вот еще что: может быть, этот счет *уже оплачен?*

Может быть, он уже расплатился за все?

— Он мертв? — спросила Лиз... почти умоляюще.

— Да, — отозвался Тэд. — Он мертв, Лиз. Бог троицу любит. История Джорджа Старка закончилась. Пойдемте, ребята... пойдете отсюда.

Так они и поступили.

ЭПИЛОГ

В тот день Генри не поцеловал Мэри Лу, однако и не ушел, не сказав ни единого слова, как вполне мог бы сделать. Он остался, он терпел ее ярость и ждал, когда та утихнет и превратится в замкнутое молчание, столь хорошо ему знакомое. Он давно уяснил, что она не делилась своими печалью и даже их не обсуждала. Это были ее печали. Свои лучшие танцы Мэри Лу всегда танцевала одна.

Наконец они прошли через поле и еще раз взглянули на игровой домик, где три года назад умерла Эвелин. Это было не ахти какое прощание, но лучше они все равно не смогли бы. Генри чувствовал, что и так тоже неплохо.

Он положил маленьких бумажных балеринок Эвелин в высокую траву у разрушенной веранды, зная, что скоро их унесет ветер. А потом они с Мэри Лу в последний раз вместе покинули старое место. Это было нехорошо, но нормально. Вполне нормально. Генри был не из тех, кто верит в счастливые развязки. И только поэтому был так спокоен.

Тадеус Бомонт. Стремительные танцоры

Сны человека — его настоящие сны, а не галлюцинации в сновидениях, которые приходят или не приходят по собственной прихоти, — кончаются в разное время. Сон Тэда Бомонта о Джордже Старке закончился в четверть десятого, в тот самый вечер, когда психомомпы унесли его темную половину в неизвестную даль, в место, которое было ему определено. Сон закончился вместе с черным «торонадо», с этим тарантулом, в котором они с Джорджем всегда подъезжали к летнему дому в повторяющемся кошмаре Тэда.

Лиз с близнецами стояла на самом верху, где подъездная дорожка сливалась с Лейк-лейн. Тэд с Аланом стояли у черной машины Старка, только теперь машина была не черной, а серой от птичьего помета.

Алану не хотелось смотреть на дом, но он не мог оторвать от него глаз. Дом превратился в руины. Восточная сторона — где находился кабинет — приняла на себя главный удар, но дом был разрушен практически весь. Повсюду зияли огромные дыры. Перила свисали с террасы над озером, словно шаткая деревянная лестница. Дом окружали громадные кучи мертвых птиц. Они громоздились на крыше; они забили все водостоки. Вошла луна. Ее свет отражался в рассыпанных осколках стекла, и все как будто искрилось звенящим серебром. Те же самые серебристые блики мерцали в остеклевенных глазах мертвых воробьев.

— Вы точно не возражаете? — спросил Тэд.

Алан кивнул.

— Я спрашиваю, потому что это уничтожит все улики.

Алан резко рассмеялся.

— А кто-то *поверил бы* в то, что они подтверждают?

— Наверное, нет. — Тэд помолчал и добавил: — Знаете, было время, когда мне казалось, что вы вроде как даже неплохо ко мне относитесь. А теперь я этого больше не чувствую. Вообще. И мне непонятно... Вы считаете, что это я виноват... в том, что случилось?

— Да мне по хрену, если честно, — сказал Алан. — Все закончилось. И больше меня ничего не волнует, мистер Бомонт. Вообще *ничего*. В данный конкретный момент.

Он увидел, что Тэда больно задела его слова, и сделал усилие над собой.

— Послушайте, Тэд. Это было уже чересчур. Слишком много всего и сразу. Я только что видел, как стая

воробьев унесла человека в небо. Не надо сейчас меня трогать, ладно?

Тэд кивнул:

— Я понимаю.

Нет, ты не понимаешь, подумал Алан. Ты не понимаешь, кто ты такой, и вряд ли когда-то поймешь. Твоя жена, может быть, и поймет... хотя не факт, что у вас с ней будет все хорошо после того, что случилось... и что она захочет понять или отважится любить тебя снова. Возможно, только твои дети... когда-нибудь потом... но не ты, Тэд. Стоять рядом с тобой — все равно что стоять рядом с пещерой, откуда вылезло некое кошмарное чудовище. Чудовища больше нет, но все равно как-то не хочется приближаться к тому месту, откуда оно появилось. Потому что там могут быть и другие. Вряд ли, конечно, они там есть. Умом-то ты все понимаешь, но чувства все равно протестуют, правда? О Боже. И даже если пещера опустела уже навсегда, все равно остаются сны. И воспоминания. Например, о Гомере Гамише, забитом насмерть собственным протезом. Из-за тебя, Тэд. Все это — из-за тебя.

Это было несправедливо, и Алан сам это знал. Тэд не просил, чтобы у него был близнец; он не со зла уничтожил своего брата в материнской утробе («Речь не о Каине, поднявшем руку на брата Авеля», — сказал доктор Притчард); он не знал, какое чудовище дожидается своего часа, когда начал писать под именем Джорджа Старка.

И все-таки они были братьями-близнецами.

И Алан никогда не забудет, как Тэд и Старк вместе смеялись.

Этот страшный, безумный смех и их взгляд.

И Лиз тоже вряд ли забудет.

Поднялся легкий ветерок и донес до Алана противный запах сжиженного газа.

— Давайте сожжем его, — резко проговорил он. — Сожжем все к чертовой матери. Мне плевать, кто потом что подумает. Ветра нет; пожарные приедут раньше, чем огонь успеет распространиться. А если сгорит чуть-чуть леса вокруг, то тем лучше.

— Я этим займусь, — сказал Тэд. — А вы идите к Лиз. Помогите ей с близнеца...

— Мы вместе этим займемся, — перебил его Алан. — Дайте мне ваши носки.

— Что?

— Что слышали. Мне нужны ваши носки.

Алан открыл дверцу «торонадо» и заглянул внутрь. Да, механическая коробка передач, как он и предполагал. Истинный мачо вроде Джорджа Старка никогда не опустится до автоматической коробки; это для женатых мечтателей типа Тэда Бомонта.

Оставив дверцу открытой, он приподнял правую ногу и снял ботинок и носок. Глядя на него, Тэд тоже принялся разуваться. Алан надел ботинок на босу ногу, потом поднял левую ногу и повторил весь процесс. Он не хотел становиться босой ногой в месиво из мертвых птиц, даже на долю секунды.

Потом он связал два носка вместе, забрал у Тэда его носки и привязал их к своим. Обошел «торонадо» (мертвые воробьи хрустели у него под ногами, как сухие газеты) и открыл лючок бензобака. Свинтил крышку, запытал в горловину импровизированный фитиль, подождал пару секунд, а когда вытащил наружу, носки уже пропитались бензином. Алан перевернул фитиль и сунул в бак сухой кончик, а мокрый оставил свисать на заляпанном птичьим пометом боку машины. Обернувшись к Тэду, который уже подошел и встал рядом, Алан пошарил в карманах и вытащил книжечку бумажных спичек. Такие спички обычно дают в киосках в придачу к сигаретам. Алан не помнил, откуда они у него, но на обложке была напечатана реклама для филателистов.

Марка с изображением птицы.

— Подожгите носки, когда машина покатится, — сказал Алан. — Но ни секундой раньше, понятно?

— Да.

— Она рванет. Дом загорится. Потом взорвутся баллоны с газом. Когда подоспеют пожарные, все будет выглядеть так, будто ваш друг не справился с управлением, врезался в дом, и машина взорвалась. По крайней мере я очень на это надеюсь.

— Хорошо.

Алан обошел машину и встал у водительской двери.

— Что там у вас? — нервно окликнула их Лиз. — Вы еще долго? А то дети мерзнут!

— Еще минутку! — крикнул ей Тэд.

Алан сунулся в зловонный салон и снял машину с ручного тормоза.

— Подождите, пока не покатится, — бросил он через плечо.

— Да.

Алан выжал сцепление и передвинул рычаг в нейтральное положение.

«Торонадо» тут же покатился вперед.

Алан отскочил от машины, и на мгновение ему показалось, что Тэд не сумел поджечь фитиль... а потом тот полыхнул яркой полосой пламени на черном боку.

«Торонадо» медленно проехал последние пятнадцать футов дорожки, подпрыгнул на низком асфальтовом бордюре и устало заехал на заднее крыльцо. Он ударился о стену дома и остановился. В оранжевом свете от горящего фитиля Алан хорошо различал, что написано на наклейке на бампере: «ПСИХОВАННЫЙ СУКИН СЫН».

— Уже нет, — пробормотал он.

— Что?

— Да так, ничего. Уходим. Сейчас рванет.

Они отступили на десять шагов, и тут «торонадо» превратился в огненный шар. Пламя взметнулось вверх

по развороченной восточной стороне дома, и пролом в стене кабинета стал похож на вытарщенный черный глаз.

— Пойдемте, — сказал Алан. — Теперь, когда мы все сделали, надо скорее добраться до моей машины и вызывать пожарных. Мы же не хотим, чтобы все люди на озере лишились собственности.

Но Тэд задержался еще на мгновение, и Алан — вместе с ним. Под кедровой обшивкой было только сухое дерево, так что дом загорелся быстро. Пламя ворвалось в дыру, где был кабинет Тэда, и у них на глазах тяга горячего воздуха, созданная огнем, подхватила листы бумаги и вынесла их наружу и вверх. В ярком свете пламени Алан разглядел, что они были исписаны от руки. Листы сморщивались, воспламенялись, обгорали, чернели и уносились ввысь, в ночное небо над горящим домом, словно взвихренная стая черных птиц.

Алан подумал, что когда они поднимутся еще выше, куда уже не доходит тяга, их подхватят нормальные ветры. Подхватят и унесут прочь, далеко-далеко. Может быть, даже на край света.

Вот и хорошо, подумал он и пошел, склонив голову, вверх по дорожке к Лиз и малышам.

У него за спиной Тэд Бомонт медленно поднял руки и закрыл ладонями лицо.

И стоял так еще долго.

3 ноября 1987 г. — 16 марта 1989 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Имя «Алексис Машина» придумал не я. Те, кто читал «Мертвый город» Шейна Стивенса, узнают имя вымышленного главаря гангстеров из этой книги. Имя настолько хорошо подходит для Джорджа Старка и его собственного вымышленного главаря гангстеров, что я просто не мог его не позаимствовать... но, помимо прочего, это еще и дань уважения мистеру Стивенсу, автору «Крысиной стаи», «На основании невменяемости» и «Хора недовольных». Все эти три книги, где так называемые «преступные умыслы» и состояние безысходного психоза переплетаются и создают свою собственную замкнутую систему зла в чистом виде, входят в число лучших романов о темной стороне американской мечты. По-своему они не менее великолепны, чем «Мактиг» Фрэнка Норриса или «Сестра Керри» Теодора Драйзера. Я их безоговорочно рекомендую к прочтению... но лишь читателям с крепким желудком и еще более крепкими нервами.

С.К.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
--------	---

Часть первая ФАРШ ИЗ ДУРАКОВ

Глава 1. ЧТО ПОДУМАЮТ ЛЮДИ	19
Глава 2. ИСПОГАНЕННЫЙ ДОМ	40
Глава 3. КЛАДБИЩЕНСКИЙ БЛЮЗ	49
Глава 4. СМЕРТЬ В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДКЕ	61
Глава 5. 96529Q	75
Глава 6. СМЕРТЬ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ	82
Глава 7. ПО ДОЛГУ СЛУЖБЫ	93
Глава 8. ПЭНГБОРН С НЕОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ	112
Глава 9. ВТОРЖЕНИЕ ВЫПОЛЗНЯ	132
Глава 10. В ТОТ ЖЕ ВЕЧЕР, ЧУТЬ ПОЗЖЕ	147
Глава 11. ЭНДСВИЛЬ	158
Глава 12. СЕСТРЕНКА	162
Глава 13. В ПАНИКЕ	172
Глава 14. ФАРШ ИЗ ДУРАКОВ	204

Часть вторая СТАРК КОМАНДУЕТ ПАРАДОМ

Глава 15. В СТАРКА НИКТО НЕ ВЕРИТ	224
Глава 16. ЗВОНКИ ДЖОРДЖА СТАРКА	245
Глава 17. УЭНДИ ПАДАЕТ	288
Глава 18. АВТОМАТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО	297

ТЕМНАЯ ПОЛОВИНА	543
------------------------	------------

Глава 19. СТАРК КОЕ-ЧТО ПОКУПАЕТ	323
Глава 20. ВСЕ СРОКИ ВЫШЛИ	338
Глава 21. СТАРК ДИКТУЕТ УСЛОВИЯ	380

Часть третья
ПРИШЕСТВИЕ ПСИХОПОМПОВ

Глава 22. ТЭД В БЕГАХ	410
Глава 23. ДВА ЗВОНКА ШЕРИФУ ПЭНГБОРНУ	429
Глава 24. ПРИШЕСТВИЕ ВОРОБЬЕВ	461
Глава 25. СТАЛЬНАЯ МАШИНА	489
Глава 26. ВОРОБЬИ ЛЕТАЮТ	513
Эпилог	535
Послесловие	541

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен

ТЕМНАЯ ПОЛОВИНА

Роман

Ответственный редактор А. Батурина
Редакторы К. Егорова, С. Тихоненко
Художественный редактор Е. Фрей
Технический редактор Г. Этманова
Компьютерная верстка О. Шувалова
Корректор А. Мартынова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 - книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2019 г. Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. 1, 7 этаж.

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Басня Аста» деген ООО

129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, 1 жай, 7-қабат.

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:

ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасындағы дистрибутор

және өнім бойынша арыз-талаштарды қарындаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

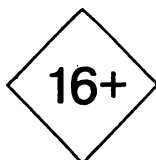
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

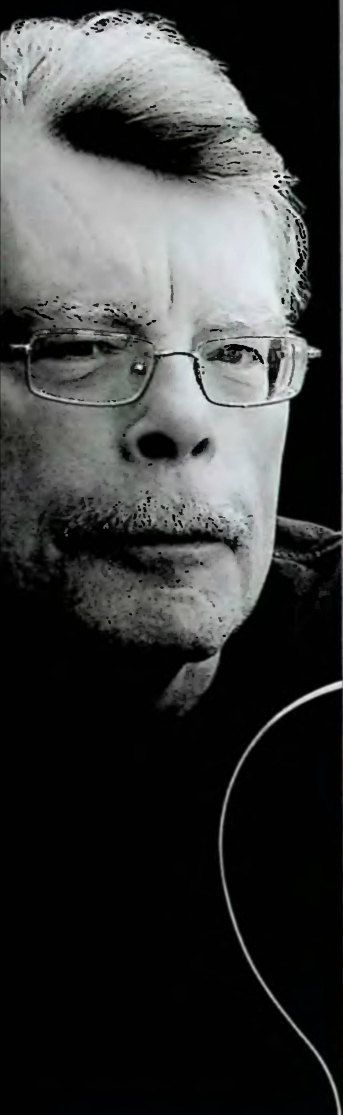
Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 13.02.2019. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56.
С.: Король на все времена. Тираж 2000 экз. Заказ № 2025.
С.: Темная башня. Доп. тираж 2000 экз. Заказ № 2024.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»,
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени. Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Известный писатель Тэд Бомонт выпустил несколько книг под псевдонимом Джордж Старк. А затем — «похоронил» свой псевдоним: на местном кладбище даже появилась могила Старка. Но случилось так, что Старк воскрес, и жизнь Тэда Бомонта превратилась в нескончаемый кошмар...

Читайте мистический роман Стивена Кинга «Темная половина» без сокращений!

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-113951-3

9 785171 139513

